ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ И ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА В СССР
СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ КРИТИКИ
АГРЕССИЯ ЦИНСКОГО КИТАЯ В XVII—XVIII ВЕКАХ
ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1919 ГОДА
ИСТОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ ОБ ОСВ
АФГАНЦЫ ДАЮТ ОТПОР КОЛОНИЗАТОРАМ
ЛЕГЕНДЫ И АРХЕОЛОГИЯ

3

МОСКВА · 1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 3 МАРТ 1979

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. И. Куликов — Место и роль освоения целинных земель в увеличении производства зерна в СССР 3
А. М. Филитов — Современная буржуазная историография советской внешней политики 17
Р. П. Иванова (Киев) — Украинско-польские революционные связи конца 50-х — начала 60-х годов XIX века 32
Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев — Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография 43
Л. Н. Нежинский — Революция 1919 г. в Венгрии 56
Р. Г. Тумковский — Советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений 70
А. Д. Колпаков — Ирландия после гражданской войны 87

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

С. И. Помазанов — СССР и создание тяжелой индустрии в странах социалистического содружества 102

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Н. А. Халфин — Вторая англо-афганская война (1878—1880 гг.) . . 117

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

Л. П. Дойникова — В Комиссии по связи с высшей школой 131
М. Я. Ралко — Заседание Бюро Отделения истории АН СССР . . . 133
Х. А. Гакаев (Грозный), **Х. Х. Рамазанов** (Махачкала) — Всероссийская конференция по историографии истории народов Дона и Северного Кавказа 134

Обзоры

В. И. Буганов — Русские документы конца XV—XVIII вв. в хранилищах Парижа 137

Рецензии

Член-корреспондент АН СССР **Ю. А. Поляков, А. И. Разгон** — «Общественность и проблемы войны и мира» 142
В. К. Попов — С. С. Хромов, В. Л. Калашников, Н. И. Шишов. Интернационализм и патриотизм: история и современность 146
В. И. Старцев (Ленинград) — Г. А. Цыпкин, Р. Г. Цыпкина. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья 149
Г. Л. Соболев — Е. А. Дудзинская. Международные научные связи советских историков 151
А. Д. Степанский — Л. Н. Цамутали. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века 153
А. Г. Кузьмин — Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов. *Этногенез латышей (по данным краниологии)* 156
Б. С. Попков (Петрозаводск) — И. В. Михутина. Советско-польские отношения. 1931—1935 160
А. В. Игнатьев, Г. З. Иоффе — К. Э. Кирова. Западная Европа. 1917-й. Февральская революция в России и кризис буржуазных методов управления народными массами в Англии, Франции, Италии 162
Ю. С. Оганисьян — Р. Иванов. Черные пасынки Америки . . . 164
А. О. Чубарьян — «Современные буржуазные теории международных отношений (критический анализ)» 166

Новые книги 169
Статьи в советских периодических изданиях 172

Хроникальные заметки 176

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. Н. Чистозвонов — Коллоквиум историков СССР и ГДР 180
Л. Е. Семенова — Конференция советских и румынских историков 181
А. С. Кан — Встреча скандинавистов социалистических стран . . . 182

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

А. В. Исаенко (Орджоникидзе) — Английский пуританизм XVI—*начала* XVII в. в *освещении англо-американской* буржуазной историографии 184

Рецензии

Т. Л. Лабутина — П. Кларк и П. Слэк. Английские города в переходный период 1500—1700 гг. 193

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 195
Рецензии на советские издания 197
Коротко о книгах 198

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

С. Ф. Корнеева — «Рабочий путь» о фабзавкомах Петрограда . . . 203
В. В. Бартошевич (Ленинград) — Существовала ли ополченская медаль 1812 года? 207
Д. И. Будаев (Смоленск) — Смоленская губернская выставка . . . 210
Л. С. Ильинская — Дедал, Минос и Кокал 215

Сведения об авторах 220
Резюме статей на английском языке 221

Издательство «Правда». «Вопросы истории», 1970 г.

СТАТЬИ

МЕСТО И РОЛЬ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ В УВЕЛИЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА В СССР

В. И. Куликов

Массовое освоение целинных и залежных земель, со времени развертывания которого весной 1979 г. исполняется 25 лет, стало выдающимся свершением нашей эпохи, символом беззаветного служения Родине, наглядным проявлением высоких нравственных качеств широчайших масс трудящихся. Характеризуя целинную эпопею, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил: «На целине миллионы советских людей продолжали делать опыт революции, умножали в новых исторических условиях ее завоевания, творили живой опыт победоносного строительства развитого социализма» [1]. Освоение целинных и залежных земель имело огромное народнохозяйственное и социально-политическое значение в жизни советского общества, дало мощный толчок дальнейшему развитию производительных сил восточных районов страны. В степи были проложены тысячекилометровые ленты шоссейных дорог, линии электропередачи, построены элеваторы, крупные промышленные предприятия, возникли сотни совхозных поселков городского типа, появились десятки новых городов. Поднятая целина превратилась в богатейшую житницу, стала одним из основных поставщиков товарного зерна в стране.

Обеспечение роста зернового производства Коммунистическая партия всегда считала и считает одной из главных задач социалистического сельского хозяйства. Решение ее зависит прежде всего от того, насколько эффективно используется важнейшее средство производства в сельском хозяйстве — земля. Всемерное повышение урожайности — основной путь увеличения производства зерна. В то же время одним из крупных резервов решения зерновой проблемы является расширение посевов за счет внедрения более совершенной структуры севооборотов и дополнительного освоения пахотопригодных земельных фондов. Часть новых земель может быть использована только на базе их коренного улучшения путем мелиорации, и на современном этапе этот путь освоения земельного запаса стал в СССР магистральным. Однако, как показал опыт социалистического строительства, при наличии общественного производства многие целинные и залежные земли за сравнительно короткий срок могут быть вовлечены в сельскохозяйственную обработку и без специального предварительного улучшения, связанного с крупными капиталовложениями. Наиболее ярким примером этого стало массовое освоение целинных и залежных земель в середине 50-х — начале 60-х годов, охарактеризованное в приветствии ЦК КПСС и Советского

[1] Л. И. Брежнев. Целина. М. 1978, стр. 5.

правительства в связи с 20-летием целинной эпопеи как «выдающийся трудовой подвиг, как олицетворение единых действий всех советских народов» [2].

Широкое и многоплановое освещение исторического опыта партии и народа по массовому освоению целинных и залежных земель, стратегии и тактики борьбы за хлеб, глубокое обобщение практики партийной работы, направленной на решение задач, как хозяйственных, так и идейных, нравственных, социальных, дано в трудах Л. И. Брежнева, одного из руководителей борьбы за освоение целины. Имеется значительная литература об освоении целинных и залежных земель. В ней показано, прежде всего на примере отдельных районов, областей и республик страны, как создавалась материально-техническая база на целинных землях, решались кадровая проблема и многие другие вопросы [3]. Однако все еще не получил в полном объеме специальной разработки на общесоюзном материале вопрос о месте и роли целинных земель в увеличении производства зерна. В настоящей статье предпринимается попытка показать основные направления его решения с учетом работы, проделанной до массового освоения целины и после его осуществления.

★

В силу эксплуататорской сущности капиталистического строя, хищнического отношения к земле правящих классов использование земельных фондов России в канун Великой Октябрьской социалистической революции характеризовалось разительными контрастами: с одной стороны, в погоне за прибылью шел процесс хищнического использования части земли, разрушения ее плодородия, с другой — миллионы гектаров пустовали. О более чем 40% земель, прежде всего расположенных на окраинах страны, царское правительство даже не имело каких-либо сведений [4].

Реальный, научно обоснованный путь освоения пустующих земель был намечен В. И. Лениным, проявлявшим уже в дореволюционное время огромный интерес к проблеме использования земельных богатств страны в интересах развития ее производительных сил. По его оценке, этот земельный фонд мог при определенных условиях обеспечить «экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь» [5]. Однако основная масса крестьян России страдала тогда от безземелья, влачила полуголодное существование. Лишь с победой Великого Октября были созданы необходимые социально-экономические и политические условия для успешной реализации выдвинутой Лениным задачи освоения целинных земель [6].

Таким образом, «обилие свободных земель» Советское государство получило как тяжелое наследие политики царизма, в результате которой многие районы страны были слабо заселены и недостаточно экономически развиты. Вместе с тем в годы первой мировой войны, а затем гражданской войны и интервенции многие ранее обрабатываемые поля запустели, большие площади пашни превратились в перелоги и залежи. Посевная площадь резко сократилась. Если в 1913 г. она составляла

---

[2] «Великий подвиг партии и народа». Материалы торжественного заседания в Алма-Ате, посвященного 20-летию освоения целинных и залежных земель. М. 1974, стр. 8.

[3] Подробнее об этом см.: М. Л. Богденко. Проблемы массового освоения целинных и залежных земель в советской литературе. «История СССР», 1974, № 4; В. И. Куликов. Исторический опыт освоения целинных земель. М. 1978.

[4] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 69.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 405.

[6] Подробнее об этом см.: В. И. Куликов. В. И. Ленин об освоении целинных земель. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 3.

(в границах СССР до сентября 1939 г.) 105 млн. га, а в 1920 г.— 92,2 млн. га, то в 1922 г.— только 77,7 млн. гектаров [7].

В условиях первых трудных лет существования Страны Советов, когда ощущалась острая нехватка продовольствия, вопрос об увеличении производства зерна, восстановлении, а затем и расширении посевных площадей приобрел особую актуальность. Естественно, усилия направлялись прежде всего на вовлечение в обработку земель, которые еще в недалеком прошлом активно использовались. Одновременно с этим стали приниматься меры и по освоению целины. Большое значение имели утверждение социалистических форм и методов землепользования, проведение землеустроительных работ, организация переселенческого движения на социалистических принципах, развертывание планомерного вовлечения в оборот новых земель, исходя из единого плана развития народного хозяйства страны.

Более благоприятные условия для расширения работ по освоению целины складывались по мере завершения восстановления народного хозяйства, при переходе к индустриализации и вступлении в полосу социалистического преобразования сельского хозяйства. К 1927 г. довоенный уровень посевных площадей был не только восстановлен, но и превышен на 7,4 млн. гектаров [8]. С провозглашением XV съездом партии курса на коллективизацию внимание к решению этой задачи усилилось. Однако и в 1927 г. земельные органы все еще не имели полного представления о количестве и качестве свободных земель, их пригодности для освоения: 53,9% земельного запаса страны включались ими в категорию земель неизвестного назначения [9].

Важной вехой в вовлечении в хозяйственный оборот целинных земель стало развертывание с апреля 1928 г. сети новых зерновых совхозов. Перед ними была поставлена задача дать стране товарного хлеба до 100 млн. пудов [10]. Для сравнения отметим, что в 1927 г. по всей стране было заготовлено зерновых 617 млн. пудов. В 1928 г. посевная площадь под зерновыми все еще составляла 90,1%, валовая продукция зерна — около 80%, а товарная его часть — 56% довоенного уровня [11]. В этих условиях создание на целинных землях 228 новых зерновых совхозов явилось крупным шагом вперед в освоении земельного запаса. За пять лет они освоили более 4,5 млн. га новых земель и дали в 1932 г. государству свыше 1,2 млн. т. зерна [12]. Одновременно с этим большую работу по вовлечению в оборот неосвоенных земель развернули ранее существовавшие зерновые и широкая сеть животноводческих совхозов.

Крупный вклад в повышение эффективности использования земельного фонда внесла коллективизация деревни. В 1928/29 г. посевы зерновых в стране по сравнению с 1913 г. составили 98,2%, а в 1930 г. площадь под зерновыми впервые превысила дореволюционный уровень [13].

Социалистическое преобразование сельского хозяйства привело к тому, что темпы вовлечения земель в оборот увеличились примерно в 3 раза. Прирост посевных площадей имел место во всех сельскохозяйственных зонах страны. В конце 1932 г. он составил в южных райо-

---

[7] «СССР за 15 лет». Статистические материалы по народному хозяйству. М. 1932, стр. 135; «Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М.-Л. 1932, стр. 121.

[8] «СССР за 15 лет», стр. 135; «Народное хозяйство СССР», стр. 121.

[9] М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958, стр. 40—41.

[10] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 111.

[11] Там же, стр. 78, 124.

[12] М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг., стр. 175.

[13] «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет». Ч. 1. М. 1935, стр. 28; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4, стр. 409.

нах 54,3%, восточных — 16,2%, северных и центральных — 21,1%, в Средней Азии и Закавказье — 8,4% к общему приросту посевных площадей страны. К 1933 г. посевная площадь по сравнению с уровнем 1927/28 г. увеличилась на 21 млн. гектаров [14]. На первый план выдвинулись вопросы улучшения обработки земли, повышения урожайности.

Однако не была снята с повестки дня и задача дальнейшего расширения посевных площадей под зерновые за счет освоения новых земель (прежде всего в потребляющей полосе, Сибири и на Дальнем Востоке). Поэтому и в годы второй пятилетки продолжался рост посевных площадей. В 1938 г. по отношению к 1913 г. они составили 130,4%, а посевы зерновых — 108,5% [15]. Освоение новых земель во второй пятилетке сопровождалось распространением базы товарного зерна с Украины на Север и Восток. В 1938 г. по сравнению с 1933 г. посевные площади зерновых в Казахстане выросли на 25% [16]. В третьей пятилетке широким фронтом были развернуты работы, направленные на дальнейшее увеличение посевов зерновых в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской, Челябинской областях и шести областях Казахской ССР [17]. Возросло внимание к освоению новых земель в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. За 1933—1940 гг. рост посевных площадей всех культур составил в целом по стране 27%, по Уралу — 51,1%, Западной Сибири — 96%, Восточной Сибири — 144%, Казахстану — 63%, а производство зерна на востоке страны увеличилось на 39%. Были созданы новые крупные районы возделывания пшеницы, ликвидировано такое наследие прошлого, как деление районов на производящие и потребляющие [18].

Таким образом, уже с первых лет Советской власти партия придавала большое значение освоению целинных и залежных земель. Однако на начальных этапах развития Советского государства решение этой задачи проходило постепенно, набирая темпы в процессе социалистического строительства, в ходе расширения материально-технических возможностей страны, становления и укрепления колхозного строя, создания сети совхозов. «К 1940 году посевная площадь страны выросла по сравнению с 1913 годом на 32,4 миллиона гектаров,— отметил Л. И. Брежнев.— Следующий этап освоения земельного запаса СССР открылся в середине 50-х годов. Именно тогда насущная потребность получать хлеб на целине соединилась с реальной возможностью выполнить эту историческую задачу» [19].

Война с фашистской Германией нанесла тяжелый урон зерновому хозяйству СССР. В послевоенные годы внимание партии и государства было направлено прежде всего на восстановление посевных площадей. В заготовках 1952 г. удельный вес пшеницы составил уже 61% против 43% в 1940 г., в 1953 г. ее посевные площади увеличились на 8,1 млн. га по сравнению с довоенным уровнем [20]. В то же время в 1953 г. посевы и пары в совхозах занимали лишь 38% общего размера сельскохозяйственных угодий, остальная площадь использовалась под сенокосы

---

[14] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 5, стр. 68; Я. А. Яковлев. Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М. 1935, стр. 197, 229—230.

[15] «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет». М. 1939, стр. 110.

[16] Там же, стр. 100—101.

[17] «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Т. 2. М. 1967, стр. 749—752.

[18] «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.». М. 1963, стр. 23.

[19] Л. И. Брежнев. Целина, стр. 28.

[20] «Девятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Бюллетень № 7. М. 1952, стр. 9, 57; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 6, стр. 407.

и пастбища, нередко к тому же малопродуктивные [21]. Более того, к середине 50-х годов выявилось «несоответствие между существующим уровнем развития зернового хозяйства и возрастающими потребностями страны в хлебе» [22]. Средняя урожайность зерновых не превышала 9 ц с гектара. В 1953 г. было заготовлено 31,1 млн. т зерна, а расход на продовольственное снабжение населения и другие государственные нужды составил 32,4 млн. тонн. Пришлось частично использовать государственные резервы [23].

Стране нужен был хлеб. Ощущалась острейшая нехватка пшеницы. Дать ее могла только целина, где имелись условия для выращивания ее высших (твердых и сильных) сортов. «В тех условиях партия,— отмечает Л. И. Брежнев,— не снижая внимания к повышению урожайности в старых районах земледелия, выдвинула на первый план задачу значительного и быстрого расширения посевных площадей. А оно было возможно только за счет восточных целинных земель» [24]. В ходе ее решения февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС предусмотрел увеличение посевов зерновых в 1954—1955 гг. за счет освоения залежных и целинных земель не менее чем на 13 млн. га, чтобы получить с них 1,1—1,2 млрд. пуд. зерна, в том числе 800—900 млн. пуд. товарного [25]. Учитывалось, что по 14 областям РСФСР и 3 областям Казахской ССР, несмотря на большую работу по освоению неиспользуемых земель, проведенную за годы Советской власти, все еще имелось до 40 млн. га перелогов, залежных и целинных земель, суходольных сенокосов и пастбищ [26].

Успешное проведение полевых работ в 1954 г. позволило выдвинуть новую, еще более ответственную задачу — расширить освоение целины, чтобы в 1956 г. иметь дополнительно 30 млн. га посевов зерновых. Январский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС, признав, что «наиболее доступным и быстрым по освоению источником увеличения производства зерна являются целинные и залежные земли», одобрил курс на расширение в 1956 г. посевов на этих землях не менее чем до 28—30 млн. гектаров [27]. В решениях партии за 1954—1955 гг. была дана хорошо продуманная, научно обоснованная программа организации работ по массовому освоению целины. Программа эта базировалась на ленинских идеях и принципах, опиралась на весь накопленный за годы Советской власти опыт реализации этой задачи. Партия ориентировала на широкую организацию новых совхозов, определяла роль колхозов, указывала конкретные сроки освоения целинных земель, объем предстоящих работ. Обстановка требовала овладеть целиной не путем длительной осады, а стремительным броском, героическим штурмом, чтобы уже за первый сезон дать солидную прибавку в крайне напряженный зерновой баланс страны. «Эта программа была нелегкой. Осуществлять ее также приходилось не по частям, а всю сразу» [28],— отмечает Л. И. Брежнев.

Путь первопроходцев-целинников был труден. Зачастую он начинался с палаток в заснеженной степи. Формировались коллективы, вы-

---

[21] «Всесоюзное совещание работников совхозов, созванное ЦК КПСС и Советом Министров СССР». Материалы совещания. М. 1954, стр. 12.

[22] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 6, стр. 436.

[23] Л. И. Брежнев. Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана. Изд. 2-е. М. 1974, стр. 357.

[24] Л. И. Брежнев. Целина, стр. 30.

[25] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 6, стр. 438.

[26] Н. И. Анисимов. Великий подвиг партии и народа. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 3, стр. 16.

[27] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 7, стр. 17—18, 19.

[28] Л. И. Брежнев. Целина, стр. 51.

являлись новые системы агротехники и машин, преодолевалось упорное сопротивление природной стихии. Однако целинники выстояли. Уже первые месяцы массового освоения целины дали положительные результаты. Весной 1954 г. на целинных и залежных землях было засеяно пшеницей и просом 3,6 млн. га против 2,3 млн. га, предусмотренных планом. К августу совхозы и колхозы распахали 14,1 млн. га целины и залежей. План посева зерновых на вновь освоенных землях колхозы выполнили на 156%, совхозы — на 176% [29]. Значительно увеличилось производство зерна. В 1954 г. по сравнению с 1953 г. его было собрано в районах Сибири в 2 раза, Алтайском крае — в 4 раза, в Казахской ССР — на 35% больше. Это дало возможность перевыполнить государственные планы заготовок и закупок. Казахстан впервые в своей истории засыпал в закрома Родины почти 250 млн. пуд. зерна — на 150 млн. пуд. больше, чем в самые благоприятные до этого годы [30].

Всего в стране было вспахано 19 млн. га целинных и залежных земель при плановом задании 13 млн. гектаров. Колхозы и совхозы посеяли озимых культур под урожай 1955 г. на 1,2 млн. га больше, чем под урожай 1954 года [31]. Освоение целинных и залежных земель успешно продолжалось и в следующие годы. За 1954—1960 гг. было распахано 41 836 тыс. га, в том числе 25 484 тыс.— в Казахской ССР, 11 098 тыс.— в районах Сибири и Дальнего Востока, 2925 тыс.— в Уральском районе, 2329 тыс.— в Поволжье [32].

О масштабах проделанной работы можно судить уже по тому, что посевная площадь новых совхозов, созданных в стране в ходе массового освоения целины, равнялась площади Англии, Дании и Бельгии, вместе взятых, а целина, распаханная колхозами и совхозами за 1954—1960 гг.— территории Италии, Австрии и Голландии, вместе взятых [33]. На районы освоения целинных и залежных земель уже в 1958 г. приходилось 80,7 млн. га (41,3%) из 195,6 млн. га посевных площадей страны. При этом в целинных районах было размещено 65,3% общих посевов пшеницы [34]. К 1960 г. в совхозах Казахстана площади под зерновыми культурами по сравнению с 1953 г. увеличились в 9 раз, а производство товарного зерна — в 19 раз [35].

Развертывание на целине зернового производства сопровождалось преодолением многих трудностей, требовало большой организаторской работы партии, крупных материальных затрат государства, героических усилий всего советского народа. За короткий срок в слабообжитых районах надо было создать современную материально-техническую базу [36]. Ученым, специалистам, труженикам города и деревни потребовалось время, чтобы выявить, какие сельскохозяйственные машины необходимы для работы на целинных землях, наладить их серийное производство, выработать агротехнику обработки миллионов гектаров распаханной целины. Формирование кадров работников массовых профессий, которые владели бы опытом местных передовиков, также требовало времени. Трудности усугублялись сильными засухами 1955 и 1957 годов. В результате всего этого средняя урожайность в целинных совхозах за

---

[29] «Правда», 8.XI.1954; «Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства». Сборник документов (1953—1958). М. 1958, стр. 319—320.

[30] См. Л. И. Брежнев. Целина, стр. 49.

[31] Там же, стр. 16; «Правда», 21.I.1955.

[32] «Вестник статистики», 1974, № 3, стр. 94.

[33] В. Семенов. Целинные совхозы — крупный источник социалистического накопления. «Финансы СССР», 1962, № 2, стр. 26.

[34] П. И. Анисимов. Освоение целинных земель — крупный резерв увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. «Коммунист», 1959, № 18, стр. 10.

[35] «Казахстанская правда», 11.III.1960.

[36] Подробнее об этом см.: В. И. Куликов. Целина — земля трудового подвига. М. 1976.

1954—1960 гг. составила лишь 7,9 ц с гектара [37]. Однако и при таких показателях целинные и залежные земли позволили резко увеличить производство зерна в основных районах их освоения. По данным ЦСУ СССР, производство зерна в среднем за год составило в 1949—1953 гг.— 22 697 тыс., в 1954—1958 гг.— 45 176 тыс., в 1959—1963 гг.— 51 601 тыс. тонн. Наибольший его рост имел место в Казахской ССР: за указанные годы здесь соответственно было произведено зерна 3942 тыс., 13 740 тыс. и 15 767 тыс. т, при этом самое большое количество зерна было получено в 1956 г. (23 794 тыс. т) и 1958 г. (21 967 тыс. т) [38].

Рост зернового производства дал возможность значительно увеличить заготовки зерна как в целинных районах, так и в целом по стране. Если в предшествующие массовому освоению целины годы считалось большим достижением, когда по стране заготовлялось 2—2,2 млрд. пуд. зерна, то в 1956 г. в закрома государства (без зачетов и замены другими продуктами) было засыпано более 3,3 млрд. пудов. Созданные в целинных районах РСФСР новые совхозы в 1956 г. продали государству хлеба почти столько же, сколько в 1953 г. все совхозы РСФСР [39]. Валовой сбор зерна в целинных районах составил в 1958 г. 41% валового сбора зерна по стране, а объем государственных заготовок — 58% [40]. За 1950—1953 гг. среднегодовое производство зерна в Казахстане составляло 251 млн., а заготовки — 112 млн. пудов. В результате освоения целины среднегодовое производство зерна в республике достигло за 1956—1959 гг. 1148 млн., заготовки — 724 млн. пудов [41]. В районах РСФСР, где были освоены большие площади целинных и залежных земель, за 1954—1960 гг. в среднем за год закупалось государством по 900 млн. пуд. зерна, в то время как за 1947—1953 гг.— по 412 млн. пудов [42].

В районах массового освоения целинных и залежных земель среднегодовые закупки хлеба увеличились в 1956—1960 гг. на 2 млрд. пуд., или в 2,4 раза, и эти районы стали давать свыше 40% всех закупок хлеба по стране. Одновременно произошли значительные изменения в соотношении колхозного и совхозного секторов в заготовках хлеба. В 1953 г. от совхозов поступило 12% общих государственных закупок хлеба, в 1956 г.— 28%, в 1960 г.— 43%. Созданные в Казахстане 324 новых совхоза в 1960 г. сдали зерна государству в 2 раза больше, чем закупалось его в этой республике до освоения целины [43].

Таким образом, в течение нескольких лет в восточных районах страны был создан новый крупный зерновой цех. Целинные хозяйства характеризовались высокой товарностью: в 1955 г.— 50,3%, в 1958 г.— 71,9%, в то время как в совхозах страны в целом она равнялась 45,9%, а в колхозах — 28,8% [44]. По данным ЦСУ СССР, в зоне освоения целинных и залежных земель за 1954—1960 гг. было получено по сравнению со среднегодовым уровнем заготовок здесь в 1949—1953 гг. дополнительно товарного хлеба более 6300 млн. пуд., из них в районах РСФСР —3,2 млрд. пуд., в Казахской ССР —3,1 млрд. пудов [45].

---

[37] В. Семенов. Указ. соч., стр. 26.

[38] «Вестник статистики», 1974, № 3, стр. 95.

[39] «Правда», 17.I.1957; «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.». М. 1957, стр. 342.

[40] Н. И. Анисимов. Освоение целинных земель — крупный резерв увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, стр. 10.

[41] «Казахстанская правда», 11.III.1960.

[42] «Правда», 5.XI.1960.

[43] В. Семенов. Указ. соч., стр. 26—27.

[44] Там же.

[45] «Народное хозяйство СССР в 1960 г.». Статистический ежегодник. М. 1961, стр. 442—443.

Хотя производство зерна было связано с большими затратами на организацию целинных совхозов, полученное в них зерно не превышало стоимости его в старых совхозах. За 1954—1960 гг. государство израсходовало на создание новых совхозов 1,7 млрд. руб., но уже за указанные годы были не только покрыты эти расходы, но и получено 1,1 млрд. руб. чистого дохода. В то же время производимое в новых совхозах зерно было дешевле и закупаемого в колхозах: фактически затраты на освоение новых земель колхозами брало на себя государство, а закупочная цена на зерно в колхозах была почти в 1,5 раза выше, чем в совхозах [46]. В результате высокой товарности хлеба, получаемого в целинных районах, в государственный бюджет за 1954—1960 гг. поступило 7,6 млрд. руб., чистый доход составил 3,2 млрд. рублей [47]. Таким образом, массовое освоение целинных и залежных земель в восточных районах страны стало не только крупнейшей, но и экономически весьма выгодной акцией. Итоги первых лет массового освоения целины были высоко оценены XX и XXI съездами КПСС; XXII съезд партии признал, что «выдающуюся роль в увеличении производства зерна и развитии всего сельского хозяйства сыграло освоение целинных и залежных земель» [48].

Массовое освоение целины стало важнейшим звеном претворения в жизнь ленинских идей о вовлечении в хозяйственный оборот огромного фонда земель, которые могли быть использованы в сельском хозяйстве без их предварительного коренного улучшения. В ходе массового освоения целины запас этот в основе своей был исчерпан. «Освоение целинных земель,— отмечалось в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с 20-летием развертывания целинной эпопеи,— явилось воплощением в жизнь ленинских идей об использовании огромных земельных богатств страны в интересах развития ее производительных сил, еще одним убедительным подтверждением преимуществ социалистического строя» [49].

С середины 60-х годов в развитии сельского хозяйства страны в целом и целинных районов в частности начался новый этап. Партия наметила крупномасштабные задачи, направленные на обеспечение роста всего народного хозяйства. Конкретные пути их решения составили научно обоснованную, комплексную программу. «Нынешняя аграрная политика нашей партии... берет свое начало с мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС,— подчеркивает Л. И. Брежнев.— Она научно отражает новые условия и потребности социалистического общества. Современная аграрная политика есть ленинская стратегия и тактика партии в области сельского хозяйства в условиях развитого социализма» [50]. Осуществляемый под руководством партии курс ориентировал на дальнейшее экономическое, материально-техническое и организационно-политическое укрепление колхозов и совхозов, выдвигал на первый план всестороннюю интенсификацию производства на основе органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Усилилось внимание к упрочению экономической основы сельского хозяйства. Подводилась прочная база под зерновое производство.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, направляя усилия тружеников сельского хозяйства на улучшение землепользования, повышение

---

[46] В. Семенов. Указ. соч., стр. 27—28.

[47] Там же, стр. 28.

[48] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 7, стр. 106, 409; т. 8, стр. 182.

[49] «Великий подвиг партии и народа», стр. 7.

[50] Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1978 года.— Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 4 июля 1978 года. М. 1978, стр. 4.

культуры земледелия, подчеркнул, что задача всемерного развития зернового производства сохраняет неизменное значение. Особо отметив, что массовое освоение целинных земель имело большое значение в увеличении производства зерна, Пленум нацелил на еще более полное использование всех резервов освоенной целины и повышение ее вклада в обеспечение страны продуктами сельского хозяйства, и в первую очередь зерном [51]. Определяя задачи ведущих зерновых районов страны, Л. И. Брежнев специально подчеркнул: «Полнее должны развернуть свои производственные возможности и такие новые хлебные районы, как Казахстан и Урал, где много освоено целинных и залежных земель» [52].

Решение проблемы увеличения производства зерна имело и свою специфику. XXIII съезд КПСС отметил, что на предшествующих этапах задача «решалась преимущественно за счет расширения посевных площадей», что в какой-то мере колхозы и совхозы и дальше будут расширять посевы зерновых, однако решающим условием ускорения темпов роста сельского хозяйства вообще и в особенности производства зерна является всемерное повышение урожайности [53]. Объясняется это тем, что площади, не требующие предварительных капитальных затрат для развертывания работ по их освоению, уже вовлечены в хозяйственный оборот, и «мы теперь не располагаем свободными землями, чтобы в больших масштабах расширять посевные площади» [54].

Исходя из выдвинутых мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС задач, в целинных районах были осуществлены действенные меры, направленные на повышение урожаев зерновых и других культур. Среди них первоочередное внимание уделялось использованию освоенной целины на основе достижений науки, введению правильных севооборотов, внедрению лучших сортов зерновых и других культур, эффективному использованию минеральных и органических удобрений, созданию полезащитных насаждений. «Одной из важнейших государственных задач в системе мер, принимаемых партией и правительством для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в стране», была признана борьба с засухой и ветровой эрозией почв [55].

При реализации мер по преодолению в целинных районах ветровой эрозии была разработана и внедрена отличающаяся в корне от агротехнических приемов старых земледельческих районов страны почвозащитная система земледелия. Основой ее стала безотвальная обработка почвы с оставлением стерни. В соответствии с этой системой в 1977 г. в стране проводились посевы специальными сеялками уже на площади в 29 млн. гектаров [56]. Особенно широкое распространение этот агроприем получил в Казахстане и на Алтае. Опыт показал, что плоскорезный метод пахоты дает даже в засушливые годы зачастую в 2—3 раза более высокий урожай, чем при отвальной вспашке. Так, в 1961—1965 гг., до внедрения безотвальной системы земледелия, в Алтайском крае собирали по 7 ц зерна на круг, а в 1971—1974 гг. в результате ее широкого применения — по 13,5 ц, в Целиноградской области соответственно 6,1 и 11,7, в Кокчетавской —6 и 12,7 центнера. В 1976 г. четыре района Кокчетавской области с площади 600 тыс. га получили по 20 и более центнеров колосовых с гектара. В 1977 г. в отдельных

---

[51] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24—26 марта 1965 г.». Стенографический отчет. М. 1965, стр. 12—13, 23, 25, 34.

[52] Там же, стр. 12—13.

[53] «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет». Т. I. М. 1966, стр. 66.

[54] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3. М. 1972, стр. 67.

[55] «Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.)». М. 1975, стр. 168.

[56] «Двадцать целинных лет». Алма-Ата. 1974, стр. 140; «Правда», 4.V.1977.

районах Северо-Казахстанской области было собрано по 19—20 центнеров [57].

Применение почвозащитной системы стало основой роста зернового хозяйства Западной Сибири и Северного Казахстана более высокими темпами, чем по стране в целом. Эта система является подлинно творческим подходом к развитию полеводства, образцом «содружества науки и практики, реального учета местных условий» [58]. Использование почвозащитной системы земледелия раскрывает широкие перспективы для увеличения производства зерна. Выступая на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана в Алма-Ате в сентябре 1976 г., Л. И. Брежнев напомнил, что для хозяйств Казахстана со временем могут и должны стать нормой урожаи в 20 ц зерновых с гектара [59]. В первые годы массового освоения целины трудно было даже представить, что можно будет на практике решать эту задачу.

Важное значение для увеличения производства зерна на современном этапе имеет культура земледелия. До середины 60-х годов в этом плане практически очень мало делалось, хотя такая задача и ставилась [60]. Решая ее, труженики сельского хозяйства Казахстана обеспечили к 1977 г. введение экономически обоснованных, правильных севооборотов более чем на 96% и полное их освоение более чем на 50% пашни [61]. Была разработана схема сортообновления сельскохозяйственных культур, и целинные районы перешли почти полностью на посев семенами новых сортов или на сочетание в севообороте сортов, дающих более высокий урожай. В 1959 г. в Казахстане сортовые посевы составляли 56,2%, в 1965 г.— 70% посевных площадей, а в 1977 г. сильные и твердые пшеницы занимали здесь 94% ярового клина [62].

За 1965—1978 гг. в целинных районах было проведено практически полное перевооружение материально-технической базы, обслуживающей зерновое производство, в частности внедрены новые, более производительные и менее металлоемкие тракторы, комбайны и другие машины и механизмы. За годы девятой пятилетки Казахстан получил тракторов на 20%, комбайнов — в 1,2 раза и грузовых автомобилей — почти в 2 раза больше. За 1965—1975 гг. основные фонды сельского хозяйства республики увеличились более чем вдвое [63]. В 1978 г. энерговооруженность работника сельского хозяйства на казахстанской целине составила около 50 л. с.— почти в 2 раза больше, чем в среднем по республике, и почти втрое больше, чем по стране [64]. Благодаря техническому перевооружению колхозов и совхозов сократились сроки сельскохозяйственных работ, уменьшились потери при уборке урожая и еще более поднялась роль целинных районов в дальнейшем увеличении производства зерна. Была внедрена перевозка с помощью автопоездов из двух и более прицепов, дающая возможность за один раз доставлять до 80 т грузов, комбитрейнерная система транспортировки зерна, которая в 1976 г. позволила в Казахстане повысить производительность автомобилей в 3,5 раза и снизить себестоимость перевозок на 25—27% [65].

---

[57] «Правда», 31.III.1976; 17.V и 23.XII.1977.

[58] Л. И. Брежнев. Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Т. 2. М. 1975, стр. 91.

[59] См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 6. М. 1978, стр. 96.

[60] См. «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24—26 марта 1965 г.», стр. 8.

[61] «1.197.000.000. Казахстанский миллиард-76» (далее — «Казахстанский миллиард-76»). Алма-Ата. 1977, стр. 55.

[62] «Правда», 12.VI.1978; С. С. Вишневский. Аграрная политика КПСС и социальные преобразования советской деревни в условиях развитого социализма. «Вопросы истории КПСС», 1975, № 3, стр. 25; «Казахстанский миллиард-73». Алма-Ата. 1974, стр. 55, 56.

[63] «Казахстанский миллиард-76», стр. 14, 52.

[64] «Правда», 24.III.1978.

[65] «Казахстанский миллиард-76», стр. 73, 191, 193.

За восьмую и девятую пятилетки на целинных землях были реконструированы действующие и построены новые зерносушилки, осуществлены электрификация и механизация основных процессов на зерновых токах и элеваторах. После 1965 г. в Оренбургской области складские емкости хлебопекарных и хлебоперерабатывающих предприятий увеличились более чем на 1 млн. т, составив в 1978 г. 4053 тыс. тонн [66]. В Казахстане за девятую пятилетку введены в строй элеваторы на 2347 тыс. т, то есть в 2,3 раза больше, чем за восьмую пятилетку. Всего же со времени развертывания массового освоения целины здесь построено 130 элеваторов почти на 7 млн. т зерна, более 500 заготовительных и перерабатывающих предприятий [67].

Значительно возросли темпы концентрации производства, его специализация. В Казахстане в девятой пятилетке из занятых производством зерна совхозов 43% были специализированными и давали около 70% валового сбора зерна республики. Затраты на производство 1 т зерна были в них ниже на 30—35%, себестоимость — на 10—15%, а рентабельность их была выше на 15—20% [68]. Практика показала, что специализация и концентрация производства ныне стали «настоятельным требованием жизни, одной из решающих основ нашего движения вперед» [69].

Индустриализация сельского хозяйства, внедрение в него достижений науки и передового опыта, укрепление материально-технической базы, экономических основ — эти и другие меры способствовали значительному повышению роли целинных районов в производстве и заготовках зерна. В целинных районах РСФСР сбор зерна за 20 лет (1954—1974 гг.) увеличился в 2,5 раза, в Казахстане — в 6,2 раза. За эти годы в целинных районах получено 1148 млн. т зерна, в том числе более 500 млн. т — с целинных земель [70]. Одновременно увеличились и заготовки зерна (в среднем за год) с 32,8 млн. т в 1949—1953 гг. до 68,7 млн. т в 1969—1973 гг., в том числе в основных районах освоения целинных и залежных земель соответственно 22,7 млн. т и 34,2 млн. тонн [71].

В девятой пятилетке хлеборобы Казахстана в среднем за год засыпали в закрома государства по 750 млн. пуд. зерна. В 1972 и 1973 гг. республика достигла миллиардных рубежей, а в 1976 г. сдала рекордное количество зерна — 1197 млн. пудов. В том же году в ряде случаев за сутки обмолачивались зерновые с 700—750 тыс. га и на заготовительные пункты поступало за пятидневку от 100 до 142 млн. пуд. зерна [72]. За девятую пятилетку казахстанские хлеборобы произвели 108 млн. т зерна (на 5 млн. т больше, чем за годы восьмой пятилетки), в государственные закрома поступили 61,3 млн. т., среднегодовая продажа составила почти 12,3 млн. т хлеба [73]. За 1965—1977 гг. в целинных районах Казахстана значительно возросло производство пшеницы, увеличились заготовки риса в 5,6 раза, зерна кукурузы — в 6 раз, картофеля — в 9 раз. В Оренбургской области за эти 12 лет валовое производство зерна возросло в 1,6 раза, а его закупки — в 1,7 раза [74]. «Целина стала надежным зерновым цехом страны» [75],— писали в приветствии XXV съезду КПСС ветераны освоения целинных земель.

---

[66] «Сельская жизнь», 24.VIII.1978.
[67] «Правда», 19.VIII.1978.
[68] «Казахстанский миллиард-76», стр. 76, 77.
[69] Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР, стр. 33.
[70] «Сельская жизнь», 17.III.1974.
[71] Там же.
[72] «Казахстанский миллиард-76», стр. 11, 54, 72.
[73] «Приветствия и трудовые рапорты XXV съезду КПСС». Т. 1. М. 1976. стр. 37.
[74] «Правда», 26.VII.1978; «Сельская жизнь», 16 и 25.VII.1978.
[75] «Приветствия и трудовые рапорты XXV съезду КПСС». Т. 2. М. 1976, стр. 169.

Развитие зернового производства на целинных землях стало действенным стимулом роста животноводческой продукции. Продажа государству скота и птицы в шести северных областях Казахстана увеличилась в 1975 г. по сравнению с 1953 г. в 5,7 раза, шерсти — более чем в 3 раза, молока — в 5,6 раза, яиц — в 34 раза. Эти области Казахстана дают около 60% говядины, получаемой в республике [76].

Целинные районы стали краем могучей индустрии, передового сельскохозяйственного производства. Здесь выросли благоустроенные поселки с электричеством, газом, водопроводом, создана разветвленная сеть производственных зданий, построены школы, больницы, дома культуры и другие культурно-бытовые сооружения.

Ныне труженики сельского хозяйства целинных районов, как и весь советский народ, прилагают все усилия к реализации принятой XXV съездом КПСС социально-экономической программы и задач, поставленных в соответствии с этой программой июльским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС. Пленум определил главные направления дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, еще раз подтвердил, что курс партии в области аграрной политики, претворяемый с марта 1965 г., остается неизменным. Достигнутые со времени мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС результаты, накопленный опыт, как это наглядно видно на примере целинных районов страны, убедительно свидетельствуют о жизненности, научной обоснованности осуществляемых под руководством партии мер в области сельского хозяйства. Пленум наметил направления, пути и средства еще более действенной их реализации. Всестороннее динамичное развитие и значительное повышение эффективности производства, надежное снабжение страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем выдвинуты партией в качестве главной задачи в борьбе за новый подъем деревни.

Решая эту задачу, работники сельского хозяйства целинных районов обеспечили дальнейший рост зернового производства. В 1978 г. зерновое поле Казахстана составило 19,5 млн. га, хлебная нива Оренбурга — 5 млн. га [77], на десятках миллионов гектаров были выращены зерновые на Алтае, в Сибири, Поволжье и других районах ранее освоенной целины. Многими целинными хозяйствами в 1978 г. были успешно выполнены повышенные обязательства по производству зерна. Борьба за высокий урожай получила подлинно всенародный размах. В Алтайском крае на уборке зерновых было занято более 14 тыс. жаток, 25 тыс. зерновых комбайнов, 41 тыс. автомобилей, тысячи тракторов с прицепными тележками. В Оренбургской области бесперебойно работали почти 40 тыс. комбайнов и жаток, 1260 уборочно-транспортных комплексов, созданных по примеру ингатовцев. На целине Казахстана действовало более 10 тыс. таких комплексов. Многие механизаторы в 1,5—2 раза перевыполняли задания, намолачивая по 700 и более центнеров за смену. В Оренбургской области ежедневно поступало на элеваторы более 100 тыс. т зерна [78].

Всенародные усилия принесли новую трудовую победу. И это закономерный итог последовательной реализации выработанного и осуществляемого партией на современном этапе курса аграрной политики. «В достигнутых результатах как бы суммируется нынешняя политика партии в деревне,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— в них зримо видишь роль и отдачу каждого ее звена — мелиорации, химизации, механизации, специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного и агропромышленного кооперирования» [79]. Развитие целинных

[76] «Правда», 24.III.1978.

[77] «Сельская жизнь», 11.VIII.1978.

[78] «Правда», 2.IX.1978; «Сельская жизнь», 31.VIII и 2.IX.1978.

[79] «Идеи XXV съезда КПСС — в делах партии, всего народа». Материалы совещания партийно-хозяйственного актива Казахстана. Алма-Ата, 3 сентября 1976 года. М. 1976, стр. 13—14.

районов, постоянное возрастание их роли в увеличении производства продуктов сельского хозяйства — наглядное проявление общих тенденций, имеющих место в деревне в условиях развитого социализма.

Накопленный партией и советским народом богатый опыт увеличения производства сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерна, путем вовлечения в оборот целинных и залежных земель имеет большое значение не только для тех районов, где проходило массовое их освоение. Решение в современных условиях вопроса о более глубоком научно и экономически обоснованном развитии производительных сил страны помогает выработать принципиально новый подход к освоению земель, поскольку труд первопроходцев с каждым годом ставит на службу Родине огромные природные богатства, дает новую жизнь районам Сибири, Севера, Средней Азии и Дальнего Востока. В современных условиях быстрого роста индустриализации сельского хозяйства, развития науки и техники, укрепления материально-технической базы народного хозяйства в целом становится возможным расширение освоения новых земель путем их коренного улучшения. В этой связи меняется самое понятие «целина». Целина в наши дни — это тайга Сибири, пустыни Средней Азии. Новые земли будут вспаханы и пущены в сельскохозяйственный оборот в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали [80]. Все эти земли требуют, как правило, применения различных методов мелиорации.

Связывая с ней будущее сельского хозяйства, партия выдвинула мелиорацию на одно из центральных мест в создании устойчивого сельскохозяйственного производства. На основе вовлечения в оборот новых земель путем мелиорации за период с середины 60-х годов выросли крупные рисоводческие базы в Средней Азии, на Дальнем Востоке. За девятую пятилетку введено в эксплуатацию в хлопководческих районах страны 650 тыс. га орошаемых земель [81]. Здесь построены десятки высокомеханизированных целинных хлопководческих совхозов. Характерной чертой современного этапа стало значительное расширение мелиорированных земель для производства сильных и твердых пшениц, ржи, гречихи, проса, кукурузы.

О масштабах освоения новых земель путем мелиорации наглядно свидетельствует уже тот факт, что за 1966—1975 гг. было орошено и осушено около 15 млн. га земель — более 50% их наличия [82]. С 1964 по 1975 г. орошаемая площадь зерновых увеличилась на 41%, а производство зерна с мелиорируемых земель — в 2,6 раза, производство риса — в 4 раза (урожай его достиг почти 39 ц с га) [83]. Труженики ряда колхозов и совхозов Украины, Молдавии, Краснодарского края, Казахстана, республик Средней Азии в годы десятой пятилетки собирали на поливе по 50 и более центнеров пшеницы с гектара [84]. В десятой пятилетке уже не только передовые хозяйства, но и целые районы, даже области получают на орошаемых землях высокие урожаи зерновых культур.

Мелиорированные земли составляют в общей площади пахотных угодий около 8%, дают же они примерно 25% валовой продукции земледелия колхозов и государственных хозяйств [85]. Валовая продукция земледелия с мелиорируемых земель за девятую пятилетку увеличилась в 1,4 раза, при этом доля прироста продукции растениеводства превысила

---

[80] См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4, стр. 457.
[81] «Приветствия и трудовые рапорты XXV съезду КПСС». Т. 2, стр. 35.
[82] «Экономическая газета», 1976, № 22, стр. 2.
[83] «Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе». Т. 1. М. 1975, стр. 301.
[84] «Сельская жизнь», 28.V.1976.
[85] «Экономическая газета», 1976, № 22, стр. 1.

60%, а валового сбора зерна — 31%. Весь прирост зерна кукурузы в стране за годы девятой пятилетки получен на орошаемых землях [86]. Таким образом, освоение новых земель путем мелиорации вносит существенный вклад в увеличение производства зерна в стране. Мелиорация позволяет вовлечь в оборот ранее не используемые площади, преобразить пустовавшие до этого поля, превратить безжизненные земельные массивы в цветущие районы с высокоразвитым сельскохозяйственным производством.

Главным направлением увеличения производства зерна в современных условиях является всемерное повышение урожайности, рост интенсификации сельскохозяйственного производства. Однако расширение посевных площадей и теперь имеет практическое значение. В нашей стране неуклонно растет численность населения. Для нужд промышленности, транспорта и других несельскохозяйственных целей ежегодно занимается свыше 1 млн. га земли (в том числе около 500 тыс. га сельскохозяйственных угодий, включая более 100 тыс. га пашни). Часть пашни занимают полезащитные лесные полосы, расширяются посевы плодово-ягодных культур. Некоторые площади выпадают из оборота из-за их эрозированности [87]. Все это вызывает некоторое сокращение площади пашни на душу населения. В преодолении этой тенденции действенным средством является освоение новых земель.

Вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель — неотъемлемая часть аграрной политики партии и государства на протяжении всех лет Советской власти. Оно направлено на увеличение производства продуктов сельского хозяйства, в том числе зерна. В результате более полного и производительного использования земельных богатств, включая целинные земли, площадь сельскохозяйственных угодий в стране расширена за годы Советской власти более чем на 240 млн. га, в том числе на 70 млн. га — обрабатываемой пашни [88]. По сравнению с 1913 г. посевная площадь в нашей стране (в современных ее границах) увеличилась в 1975 г. (во всех категориях хозяйств) на 99,5 млн. га и составила 217,7 млн. гектаров [89]. Распашка новых земель, расширение посевов внесли весомый вклад в зерновой баланс. Вовлеченные в хозяйственный оборот в ходе массового освоения целины 42 млн. га новых земель дали за первые 20 лет около 31 млрд. пуд. зерна и много другой сельскохозяйственной продукции. Эти земли поставляют ныне 27% получаемого в стране зерна [90]. В восьмой и девятой пятилетках в целинных районах страны производилось более 50% союзных закупок зерна, преимущественно пшеницы твердых и сильных сортов (по Казахстану, например, она составляет в среднем 84,2%, а в отдельные годы — до 90—92%) [91].

«Богатырской оказалась древняя степь,— пишет Л. И. Брежнев в своих воспоминаниях.— Преображенная трудом человека, она придала устойчивость всему нашему сельскому хозяйству, обеспечила гарантию получения зерна в необходимых размерах» [92]. Советский народ успешно решил поставленную партией задачу. В этом и состоит прежде всего значение опыта освоения целинных и залежных земель. Это же служит одним из наиболее убедительных свидетельств дальновидности ленинской аграрной политики, ее научности и обоснованности.

---

[86] «Приветствия и трудовые рапорты XXV съезду КПСС». Т. 2, стр. 36.

[87] «Актуальные проблемы экономики социалистического сельского хозяйства». М. 1972, стр. 158.

[88] Там же, стр. 152.

[89] «Страна Советов за 50 лет». Статистический сборник материалов. М. 1967, стр. 128; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.». М. 1976, стр. 347.

[90] См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4, стр. 442.

[91] «Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе», стр. 292.

[92] Л. И. Брежнев. Целина, стр. 78.

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А. М. Филитов

Для буржуазной историографии последнего десятилетия, в особенности по проблемам международных отношений и внешней политики СССР, характерны сложные процессы, в которых взаимодействуют такие антагонистические явления, как переход от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, с одной стороны, и кампания против разрядки, осуществляемая наиболее реакционными силами империализма, смыкающимися с пекинскими гегемонистами,— с другой. Отсюда весьма неоднозначные и противоречивые изменения в подходе буржуазных историков к оценке реалий советской внешней политики. Различные приемы фальсификации ее истории играют свою роль в системе идеологического «прикрытия» агрессивной политики империалистических кругов. Это, в свою очередь, диктует необходимость глубокого и тщательного анализа буржуазной историографии внешней политики СССР. В настоящей статье основное внимание сосредоточено на наиболее репрезентативных, нашедших международный отклик на Западе образцах исторической продукции последнего десятилетия.

★

Среди антиисторических концепций советской внешней политики, неуклонно обесценивающихся в процессе разрядки и растущего авторитета Советского Союза как силы, выступающей за мир, международную безопасность и сотрудничество, пожалуй, наиболее упал курс концепции «экспорта революции» как основной цели советской внешней политики, концепции, выраженной в заявлениях о «руке Москвы», о советской «подрывной деятельности» как главном средстве «проталкивания» революции за пределы Советской страны. Связанные с отходом от этой примитивной схемы высказывания стали довольно частым явлением на страницах буржуазной прессы. Так, ведущий орган «остфоршунга» ФРГ признает, что «вопрос о механизме советской дипломатии непосредственно после захвата власти в октябре 1917 года до сих пор ни разу не исследовался на Западе с точки зрения реальных фактов» [1].

Лишь в книге американского автора А. Сенна [2], по мнению ее западногерманского рецензента, предпринимается «впервые» попытка «сопоставить реальные факты и окруженный легендами феномен ранней советской дипломатии» [3]. Поистине уничтожающее свидетельство

[1] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1976, Bd. 24, Hf. 1, S. 92.
[2] A. E. Senn. Diplomacy and Revolution. The Soviet Mission to Switzerland, 1918. L. 1974.
[3] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, Bd. 24, Hf. 1, S. 92.

о бедности выдается буржуазной историографии: за 60 лет один «легенды», никакого изучения фактов! Первое же соприкосновение с фактами в упомянутой книге — и характерный вывод рецензента: «Отсутствуют какие-либо доказательства либо даже намеки на то, что советское дипломатическое представительство занималось разработкой каких-либо планов переворота для каких-либо конкретных стран»[4]. А ведь именно об этом писала все время реакционная историография, распространяя сообщения о «советском вмешательстве». Интересная деталь: в книге Сенна в отношении «подрывной деятельности» советских дипломатов употреблена формулировка «мало (?) доказательств»[5], хотя таковых вообще нет. Очевидно, в буржуазной историографии действует неписаный закон: допустимы колебания в масштабах фальсификаций, но полное их отсутствие в той или иной работе — это все-таки «табу». Ограниченность пересмотра старых одиозных штампов в современной буржуазной историографии ясна уже из этого примера (заметим, что книга Сенна — одна из самых далеко идущих в этом направлении и ее немецкий рецензент как бы оказывает определенную помощь читателю, чтобы он понял это). Чаще же рецензия публикуется для того, чтобы «спасти» слабую в исследовательском плане книгу, если в ней есть «полезное» (то есть антисоветское) содержание.

К числу таких «безнадежных» относится и вышедшая недавно в США работа Х. Роджерса о международных отношениях в прибалтийском регионе в межвоенный период[6]. Вот что пишет о ней весьма консервативный английский журнал: «Не использовано ни одного материала на русском языке, и вообще трактовка русского аспекта темы представляется неполноценной, побуждая задать вопрос о критериях, которыми автор пользуется для того, чтобы доказать что-то в истории. Выглядит, к примеру, странным, что В. И. Ленин цитируется по работе русского эмигранта, написанной к тому же на французском языке». Сведения о «подрывной деятельности» советских дипломатов, почерпнутые от «одного американского дипломата» и из «одной немецкой газеты», отмечает рецензент, «не очень-то убедительное доказательство»[7]. Критика, казалось бы, уничтожающая, но обращена она лишь к методам «доказательства» антисоветских тезисов, автора упрекают за «неумелость» и «несолидность», не более того. Такая «критика» лишь стимулирует попытки более «глубокой» фальсификации.

На роль «знатока марксизма-ленинизма» претендует западногерманский историк Э. Нольте, ныне действующий в западноберлинском «свободном университете». Особым достоинством своей объемистой книги «Германия и «холодная война» он считает то, что в ней больше ссылок на классиков научного социализма, чем в какой-либо другой немарксистской работе[8]. И этот «знаток» приписывает Ленину идею, будто «судьба мировой революции будет решена в ходе межгосударственной войны». Но поскольку даже подверженному антикоммунистической пропаганде читателю ныне не может не быть знаком термин «мирное сосуществование», связанный с именем основателя Советского государства, Нольте отсылает читателя к сноске в конце своей книги, где сообщается, что Ленин, говоря о сосуществовании, «имел в виду лишь «сожительство» народов уже после того, как они станут коммунистическими»[9]. Между тем Ленин говорил именно о «сожительстве с капиталистическими странами»[10]. Еще в сентябре 1919 г., в разгар

[4] Ibid.
[5] A. E. Senn. Op. cit., p. 127.
[6] H. I. Rodgers. Search for Security: a Study in Baltic Diplomacy, 1920—1934. Hamden (Conn.). 1975.
[7] «International Affairs», L., Vol. 53, № 1, January 1977, p. 139.
[8] E. Nolte. Deutschland und der kalte Krieg. München — Zürich. 1974, S. 27.
[9] Ibid., S. 123, 639.
[10] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 133.

антисоветской интервенции, он писал американским рабочим о периоде, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства», причем рассматривал как реальную возможность их сотрудничество, имея, в частности, в виду возможность «привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран» [11].

Свои отношения со странами, принадлежащими к иной общественной системе, Советское государство всегда строило, исходя из того, что сосуществование — это не только сохранение мира, отсутствие войн, это также и сотрудничество в политической, экономической, научно-технической и культурной областях. Несмотря на это, историки типа английского советолога Х. Сетон-Уотсона, упорно твердят, будто целью внешней политики СССР является «распространение советской системы на каждую страну мира в качестве предпосылки развития человечества к социализму и коммунизму», что СССР «находится в постоянном состоянии войны со всеми государствами, которые не подчиняются его воле», что «понятие мирного сосуществования... равнозначно понятию «холодной войны» [12].

Этому закоснелому в своем антикоммунизме советологу можно лишь порекомендовать обратиться к небезынтересной работе по истории англо-советских отношений 20-х годов, опубликованной недавно одним из его коллег. Там при всех оговорках и недомолвках вполне определенно констатируется, что не советская политика, а политика английского правительства «была далека от того, чтобы создать твердую базу для отношений на основах взаимности», что в своих расчетах британские политики исходили из того, что «изоляция России заставит ее стать похожей на другие европейские страны», то есть приведет к реставрации в ней капитализма [13]. Таким образом, налицо здесь явное стремление Англии «подчинить своей воле» Советское государство, распространить на него «свою систему». А это, безусловно, явное нарушение принципа мирного сосуществования крупнейшей державой капиталистического мира!

Подлинную причину нападок на принцип мирного сосуществования раскрыл французский буржуазный историк-международник Ж. Лалуа, автор статьи на эту тему в энциклопедии «Коммунизм и демократическое общество» — этой библии современного антикоммунизма. Лалуа призывает «преодолеть двусмысленность «мирного сосуществования» и создать «институты, базирующиеся на стабильном балансе между естественным разнообразием и моральным единством». Расшифровывая эту нарочито туманную фразу, американский советолог А. Мейер предлагает более краткую формулу: международный порядок «национальный по форме, капиталистический по содержанию» [14]. Вот почему западные пропагандисты воюют против принципа мирного сосуществования: они — за устранение иной социальной системы, за монопольное существование своей, капиталистической.

Нельзя недооценивать масштабов деятельности идеологических противников разрядки, размах их наскоков на политику и теорию мирного сосуществования. Десять лет назад английский международник Б. Томас, отмечая, что глупо было бы считать «советские доктрины войны и мира» первопричиной напряженности в отношениях между

---

[11] В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 197.

[12] «Die Welt von heute». «Propyläen-Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte». Bd. 10/1. Frankfurt a/Main — B. (West) — Wien. 1976, S. 217—218.

[13] G. Gorodetsky. The Precarious Truce. Anglo-Soviet Relations 1924—1927. Cambridge (Mass.). 1977, pp. 260—261.

[14] A. G. Meyer. Two Worlds: Communism and Western Society. «Slavic Review», Vol. 36, № 3, September 1977, p. 484; см. также «Marxism, Communism and Western Society: Comparative Encyclopedia». Vol. 2. N. Y. 1972, p. 26.

Востоком и Западом, добавлял: «Впрочем, работы, написанные на тему «советского генерального плана» популяризаторами «коммунистической угрозы», ныне почти перестали появляться» [15]. Полностью соглашаясь с первой частью его высказывания, трудно принять вторую. Версии о «советском генеральном плане» «подрыва» и «завоевания» всего мира по-прежнему существуют, но в несколько измененном виде. В конце 40-х годов, когда дело шло к победе революции в Китае, буржуазные авторы писали о «китайской стратегии» СССР, суть которой они сконденсировали в звонкой фразе: «Для Советов дорога на Париж идет через Пекин», что должно было означать, что Советский Союз, установив свое «господство» в Китае (так трактовалось образование КНР) [16], затем обрушится на Западную Европу. Для пущей убедительности эту фразу объявляли даже «высказыванием Ленина». Двумя десятилетиями позже бывший сотрудник госдепартамента США, ставший историком, Л. Галле заметил по этому поводу: «Нет оснований считать, что он (Ленин.— *А. Ф.*) когда-либо говорил это» [17].

В конце 50-х — начале 60-х годов была изобретена другая формула советской стратегии «окружения Запада». Ее суть передает заглавие изданной тогда в ФРГ книги К. Мюллера «Через Калькутту на Париж?» [18]. Наконец, в декабре 1976 г. участники годичного собрания Американской исторической ассоциации были информированы одним из бывших высокопоставленных деятелей госдепартамента, ныне тоже историком, Ю. Ростоу об открытии нового советского «генерального плана»: «Начиная с пятидесятых годов Советы избрали в качестве основного средства завоевания Западной Европы ближневосточную стратегию. Захватив господствующие позиции в Средиземном море, Северной Африке и на Ближнем Востоке, Советы предполагали взять в тиски Европу, даже не вторгаясь в нее» [19].

Не будем гадать, какой географический пункт используют в дальнейшем буржуазные «исследователи» в соответствующих построениях советской внешней политики. Пожалуй, наиболее универсальным образом разрешил проблему западногерманский историк, близкий к правым кругам ХДС/ХСС, К.-Г. Руффман. Советское государство, возвестил он, «явно продолжает внешнюю политику свергнутого им царского режима, осуществляя, как и прежде, свой экспансионистский натиск по тем же четырем ударным направлениям русской внешней политики — на юг, запад, северо-запад и восток, которые были характерны для русской истории со второй половины XVI века» [20].

Здесь налицо возвращение к старой концепции «преемственности» внешней политики царской России и Советского Союза. Эта концепция давно раскритикована марксистской историографией [21]. От нее отмежевываются порой и представители «модернистского» крыла западной историографии. Так, редактор и издатель трехтомного труда по истории советской внешней политики, завершенного недавно в ФРГ, Д. Гейер, декларируя намерение «не оставаться на том уровне, который предопределялся подчеркнутым антикоммунизмом 50-х годов», отмечает неправомерность применения «глобальных общих дефини-

---

[15] «Journal of Contemporary History», L., Vol. 3, № 1, 1967, p. 197.

[16] А. И. Мартынов. Американская историография международных отношений на Тихом океане после второй мировой войны. «Проблемы международных отношений и идеологическая борьба». М. 1976, стр. 104—105.

[17] L. Halle. Cold War as History. L. 1967, p. 233.

[18] K. Müller. Über Kalkutta nach Paris? Strategie und Aktivität des Ostblocks in den Entwicklungsländer. Hannover. 1964.

[19] «Commentary», N. Y., Vol. 63, № 4, April 1977, p. 37.

[20] K.-H. Ruffman. Grundlagen und Grundzügen der sowjetischen Aussenpolitik. «Aktuelle Probleme sowjetischer Politik». Mainz. 1969, S. 23.

[21] См., например, Б. И. Марушкин. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М. 1969, стр. 119—130.

ций... для российской (то есть дореволюционной.— *А. Ф.*) и советской политики» и призывает своих коллег отказаться, в частности, от утверждения о «традиционном стремлении Москвы к мировому господству». Однако в конкретном описании советской политики в той же работе мы встречаем такие тезисы, как «советское стремление поставить ногу на Средиземное море», выдержанное-де «в традициях царской России» [22]. То, что как бы отвергается в общей форме, возвращается к читателю в виде частного псевдофакта. Такое противоречие можно объяснить либо невозможностью «совладать» со строптивым автором [23], либо расчетом: в нынешних условиях антисоветское содержание легче «протолкнуть» в упаковке из показного анти-антикоммунизма [24].

Порой механизм теории «преемственности» используется как бы в «обратном направлении»: признается трезвость и реализм советских внешнеполитических акций, гибкость в методах их осуществления — и все это трактуется как следование «традициям старой дипломатии», которая таким образом оказывается начисто лишенной своего классового содержания и предстает в нарочито идеализированном виде. Буквально ностальгией по «старому доброму времени» проникнута книга Б. Елавич (США), объединяющая описание и царской и советской внешней политики [25].

«Ренессанс» теории «преемственности» порой приобретает прямотаки гротескные формы. В томе по истории Европы, написанном солидным западногерманским буржуазным историком К.-Д. Брахером, есть такой пассаж: «Наряду с агитацией или вместо агитации за мировую революцию... вновь осуществлялась старая русская внешняя политика, невзирая на социальные и идеологические различия». В качестве единственного «подкрепления» указанного тезиса приводится «довод», что «Советский Союз получил признание со стороны Германии в 1922 г. (Рапалло), а двумя годами позже — и со стороны других западных стран, кроме Швейцарии и США, которые отказывали СССР в признании вплоть до войны 1939 года» [26]. Не говоря уже о грубых ошибках (дипломатические отношения с США были, как известно, установлены в ноябре 1933 г., а со Швейцарией — в марте 1946 г.), поражает уровень силлогизма: царская Россия имела дипломатические отношения, положим, с Германией, Советская Россия тоже — значит, никаких изменений в политике не произошло!

Попытки приписать СССР некий «генеральный план» экспансии либо изобрести какой-то «двигатель агрессии», присущий якобы советскому строю, слишком явно обнаруживают свою ненаучность. В условиях движения к разрядке буржуазные идеологи все охотнее брали на вооружение внешне «сбалансированный» подход, рекламировали «от-

---

[22] «Sowjetunion. Aussenpolitik 1917—1955». Köln — Wien. 1972, S. 6, 346, 513.

[23] Имеется в виду П. Ланге — ученик известного своей крайней реакционностью советолога Г. фон Рауха, воззрения которого в том же томе подвергаются критике со стороны издателя-редактора. Остается, однако, вопрос, почему все-таки написание весьма ответственного раздела о советской политике в Европе после второй мировой войны было поручено именно Ланге. Что касается оценки проблемы советской политики на Ближнем Востоке и Средиземноморье, то более трезвые авторы на Западе (например, американский эксперт по ближневосточным делам О. Смолански) считают «непостижимой» привязанность своих коллег к идее, будто эта политика является «по существу продолжением исторического натиска на юг, характерного для имперских правительств России» («Slavic Review», Vol. 33, № 2, June 1974, p. 371).

[24] «Скандальные карьеры Маккарти и Никсона, а также боль Вьетнама оживили анти-антикоммунизм... Анти-антикоммунизм сейчас в моде»,— сокрушенно констатирует обозреватель американского журнала «News Week» (March 20, 1978).

[25] B. Elavich, St.-Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814—1974. Bloomington — L. 1974.

[26] K.-D. Bracher. Die Krise Europas 1917—1975. «Propyläen Geschichte Europas». Bd. 6. Frankfurt a/M.— B. (West) — Wien. 1976, S. 155.

ход от черно-белых схем» и т. д. Ярким примером такой тактической перестройки в трактовке советской внешней политики явилась вышедшая еще в 1968 г. (переиздана в 1975 г.) монография одного из ведущих деятелей гарвардского «Русского центра» в США, А. Улама [27]. Книга эта стала едва ли не самым распространенным на Западе академическим трудом по истории внешней политики СССР, однако реакция на нее оказалась там смешанной. Рецензент ведущего органа американских советологов, сочтя необходимым похвалить Улама за намерение продемонстрировать «объективность», заметил тут же, что «его метод — в значительной степени интуитивный», а «его обращение с фактами заставляет предположить, что он считает беспристрастность чем-то недостижимым, а то и вовсе чем-то, что необходимо отбросить» [28]. Другими словами, «объективность» — в декларациях, субъективизм и пристрастность — на практике.

В известной степени логично, что основой концепции Улама является противоречие, которое он пытается перенести на предмет исследования. Уже название работы — «Экспансия и сосуществование» — призвано создать у читателя образ «двуликости», «противоречивости» советской внешней политики. Идея эта буквально пронизывает всю книгу. Первые недели после победы Октябрьской революции являли собой, по Уламу, «парадоксальную картину: с одной стороны, ясное понимание того, что мир и признание со стороны других государств являются необходимым условием для выживания большевистского режима; с другой — не упускается ни одного случая, чтобы оскорбить внешний мир и вызвать раздражение с его стороны» [29]. И в более близких к современности событиях он усматривает «две явно противоречивые политики: одна — политика воинственного коммунистического экспансионизма, нацеленного на ослабление позиций Запада или вытеснение его из Берлина, с Ближнего Востока, из Африки и даже Латинской Америки, другая же — политика упорных поисков урегулирования — и даже чего-то большего — с Соединенными Штатами» [30].

Нетрудно заметить, что Улам пытается здесь подменить одно понятие другим: выдать за «противоречивость» реальную неодномерность, многоплановость советской внешней политики, объективно обусловленную, в частности, тем обстоятельством, что Советской России с самого ее возникновения противостоял отнюдь не какой-то монолитный «внешний мир», а совокупность самых различных сил. Был мир трудящихся, по отношению к нему велась политика солидарности, пролетарского интернационализма, и ответом с его стороны было отнюдь не «раздражение», а интернационалистская помощь. «Как только международная буржуазия замахивается на нас,— отмечал Ленин,— ее руку схватывают ее собственные рабочие» [31]. Но и по отношению к классовому противнику — международной буржуазии — основоположник советской внешней политики не допускал однозначного подхода. «Нам не безразлично,— писал он,— имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму» [32]. Он прямо указывал, что мы рассчитываем на «мир-

---

[27] A. Ulam. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917—1967. N. Y.— Washington. 1968. Некоторые аспекты концепции Улама получили критическое освещение в советской историографии (см. А. О. Чубарьян. Мирное сосуществование: теория и практика. М. 1976, стр. 21—26).

[28] Ch. Gati. History, Social Science and the Study of Soviet Foreign Policy. «Slavic Review», Vol. 31, № 4, December 1970, p. 686.

[29] A. Ulam. Op. cit., p. 55.

[30] Ibid., p. 606.

[31] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 329.

[32] В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 70.

ные чувства не только рабочих и крестьян,.. но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств» [33].

Среди историков Запада еще сравнительно недавно бытовала версия, согласно которой большевики своей «пропагандой», «раздражавшей» власть имущих, чуть ли не сами навлекли на себя их «гнев». Не назови, например, они В. Вильсона или Д. Ллойд Джорджа империалистами, не было бы и интервенции [34]. Улам, правда, далек от столь наивной интерпретации. Он признает, что мотивом интервенции были отнюдь не «обиды», нанесенные лидерам Запада, и тем более не опасения советской «агрессивности», а страх перед «примером советского коммунизма» [35]. Он отмечает также, что советская пропаганда (обоснованность которой он, таким образом, сам косвенно признает) действительно помогла повлиять на общественное мнение на Западе в плане обуздания тогдашних «бешеных» [36]. Так практически была претворена в жизнь ленинская программа «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира» [37].

Спасти свою концепцию Улам пытается с помощью трех приемов. Первый из них — это чисто субъективистский тезис о «чудесном стечении счастливых случайностей, которыми воспользовались большевики» [38]. Тезис этот не нуждается в комментарии: апелляция к «чуду» лежит за пределами науки, даже буржуазной. Второй — это своеобразная «морализирующая критика». Да, замечает Улам, советские руководители готовы были установить нормальные отношения с капиталистическими странами и даже предоставить определенные льготы тем или иным их представителям, но эта была-де политика «подкупа» [39]. Третий прием — это использование для компрометации советской внешней политики фигуры и деятельности Троцкого. Нельзя не согласиться с ироническими высказываниями Улама насчет «веры Троцкого в... политику жестов», насчет того, как он «пытался запугать иностранные правительства своей пропагандой, сводившейся к ругательствам» [40], но встает вопрос: насколько эта линия отражала линию партии? Улам, судя по всему, хорошо знаком с «архивом Троцкого» (в своем сочинении он приводит многословные выдержки из его материалов). Тем более показателен вывод, к которому приходит этот автор после всяческих оговорок: «Троцкий, Бухарин и Зиновьев скорее представляли собой спекулянтов от революции с порочной склонностью к грандиозным и фантастическим картинам революционных конвульсий», их политический крах был крахом «изолированных личностей и маленьких группок» [41].

Попытка отождествить линию оппозиционеров с линией партии не единственная форма использования их концепций для искажения советской внешней политики. Порой взгляды Троцкого противопоставляются советологами линии партии, но опять-таки в совершенно невероятном ракурсе. В ряде работ, вышедших в последнее время в США и других капиталистических странах и претендующих на принадлежность к «новейшим изысканиям», дело стало представляться таким образом, будто Троцкий вовсе не был авантюристом и фразером, а тоже стоял за «социализм в одной стране», но только без практиковавшейся-де его противниками «изоляции», а в «сотрудничестве» с капитали-

[33] В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 287.
[34] J. M. Thompson. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton. 1967, p. 219.
[35] A. Ulam. Op. cit., p. 98.
[36] Ibid., p. 103.
[37] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 16.
[38] A. Ulam. Op. cit., p. 64.
[39] Ibid., p. 103.
[40] Ibid., p. 55.
[41] Ibid., pp. 186, 160.

стическими странами. Таким образом, дается понять, что окончательное поражение и разгром троцкистских и прочих оппозиционеров несли с собой переход в политике СССР к замкнутости, враждебности к внешнему миру и опять-таки к «экспансионизму» [42]. Подобные идеи — это не что иное, как надругательство над истиной. Троцкисты, так же как и бухаринцы, фактически отрицали возможность построения социалистического общества в нашей стране в условиях мирного сосуществования с капиталистическим окружением, и, как указывается в новейшей работе ведущих советских историков-международников, «разгромив оппозицию всех видов, партия тем самым отстояла не только идею построения социализма в СССР, но и принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами» [43].

Тезис о «переориентации» советской политики в направлении замкнутости, «автаркии» его сторонники пытаются подкрепить фактом действительно имевшего место с начала 30-х годов резкого падения уровня торгово-экономических связей СССР с западными странами. Однако эта попытка находит возражение даже со стороны отдельных советологов. Сотрудник Колумбийского университета (США) М. Доуэн отмечает, что вовсе не Советский Союз, а западные страны под влиянием мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов встали на путь свертывания экономических связей вообще, а с СССР — в особенности, установив в торговле с ним дискриминационный режим. «С советской же стороны,— пишет он,— не было намерения ограничить торговлю ни в период первой пятилетки, ни после ее завершения» [44].

Утверждения буржуазных авторов о противоречивости советской внешней политики (будь то в историко-хронологическом или в концептуальном плане) антинаучны. Во внешней политике СССР слиты воедино стратегия разоблачения империалистической политики агрессии и отпора ей и сотрудничества со странами противоположной общественной системы. И эта слитность — свидетельство не «противоречивости» советской внешней политики, а, напротив, ее гибкости и эффективности, последовательности и нерушимой преемственности ее ленинского курса. В первые годы существования Советской страны, при еще небольших ее потенциальных возможностях, результатом этой политики был крах интервенции и установление первого периода мирного сосуществования, хотя еще неполного и непрочного. Ныне результатом той же политики явился поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Возросшая мощь социализма все более сильно влияет на мировое развитие, в том числе и на образ мыслей и действий правящих кругов Запада. Как отмечает акад. Е. М. Жуков, «последовательный курс на углубление разрядки международной напряженности, на полное претворение в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания, на прекращение гонки вооружений, на заключение соглашения между СССР и США об ограничении и сокращении стратегических вооружений, как и многие другие акции, свидетельствующие об искреннем стремлении Страны Советов к установлению взаимовыгодного сотрудничества между государствами на основе принципа мирного сосуществования,— все это в совокупности создает возможность оказывать известное положительное воздействие и на политику государств, принадлежащих к другой, противоположной социально-экономической системе» [45].

---

[42] R. B. Day. Leon Trotski and the Politics of Economic Isolation. Cambridge (Mass.). 1973; K.-D. Bracher. Op. cit., S. 154.

[43] «Ленинские традиции внешней политики Советского Союза». М. 1977, стр. 109.

[44] M. Dohan. The Economic Origins of Soviet Autarky 1927/28—1934. «Slavic Review», Vol. 35. № 4, December 1976, pp. 631, 635.

[45] Е. М. Жуков. Внешняя политика Советского Союза как фактор мира. «Общественные науки», 1977, № 4, стр. 23.

Выдвижение на передний план концепции о «противоречивости» советской внешней политики явилось своеобразной реакцией буржуазной историографии на осознание необходимости перехода от «эры конфронтации к эре переговоров». Старая концепция о «неизменной» агрессивности СССР была призвана «обосновать» отказ от переговоров с советской стороной. В условиях, когда такие переговоры стали необходимостью, эта концепция оказалась дисфункциональной. Поскольку, однако, западная сторона пытается навязать ведение этих переговоров «с позиции силы», постольку бужуазные авторы проводят мысль, будто советское «поведение» может быть и «твердым» и «мягким», а «регулятором»-де должна быть политика Запада по принципу: чем сильнее на Советы «нажать», тем больше они «размягчатся».

Когда в начале 70-х годов перед Западом стоял выбор — продолжение «холодной войны» или переход к разрядке, Улам выступил с книгой по истории советско-американских отношений после второй мировой войны. Каковы же уроки, которые, по его мнению, должны быть извлечены из истории этих отношений? Побольше бы давления, даже просто «блефа» в отношении русских — и можно было бы «отбросить» социализм [46]. Сегодня такого рода проповедь «балансирования на грани» встречает оппонентов в самих Соединенных Штатах. Американский буржуазный историк Р. Леверинг, исследовавший роль идеологического аппарата, средств информации и советологических дисциплин в обработке американского общественного мнения по актуальным внешнеполитическим вопросам [47], приходит к выводу, что роль эта сводилась к пропаганде антинаучных концепций как о Советском Союзе и вообще о зарубежном мире, так и о «моральном превосходстве» США, что, в свою очередь, использовалось для обоснования их претензий на «мировое руководство» и на «право» «навязывать свои идеи... потерянному и страдающему человечеству» [48]. Апология интервенционизма под маской «морализма» — такое серьезное обвинение предъявляет автор тем, кто участвовал в «промывании мозгов» американцев в годы «холодной войны», и неудивительно, что тот же Улам почувствовал себя задетым и откликнулся уже на первую книгу Леверинга разносной рецензией [49].

Очевидная практическая бесплодность политики и идеологии «силового давления» на СССР вызвала к жизни ряд других трактовок, которые, оставаясь в рамках концепции «противоречивости советской внешней политики», пытались использовать для ее подтверждения иные разновидности «модернистской» методики.

Это стремление продемонстрировано во втором томе упоминавшегося выше труда западногерманских международников Э. Шульцем — автором раздела о советской политике в германских делах и вопросах европейской безопасности [50]. Он подвергает справедливой критике концепцию переговоров с СССР «с позиции силы», констатируя, что предпринимавшиеся такими твердолобыми деятелями «холодной войны», как К. Аденауэр, попытки вызвать изменения в советской внешней политике методами шантажа и угроз не могли не потерпеть провал [51].

---

[46] A. Ulam. The Rivals. America and Russia since World War II. N. Y. 1971, pp. 119, 123, 137, 147—148.

[47] R. B. Levering. American Opinion and the Russian Alliance, 1939—1945. Chapel Hill. 1976; ejusd. The Public and American Foreign Policy, 1918—1978. N. Y. 1978.

[48] R. B. Levering. The Public and American Foreign Policy, pp. 95, 156.

[49] «Slavic Review», Vol. 36, № 2, June 1977, pp. 306—307.

[50] В первом томе этого издания, охватывающем события до 1955 г., соответствующий комплекс проблем освещался Б. Мейснером, чей закоснелый антикоммунизм нашел отражение, в частности, в том, что он попросту воспроизвел, порой даже текстуально, содержание своей книги, опубликованной еще в 1953 году.

[51] «Sowjetunion. Aussenpolitik 1955—1973». Köln — Wien. 1976, S. 252.

Однако с этими трезвыми оценками соседствует крайне субъективистская характеристика целей и эффективности советских внешнеполитических акций. Схема Шульца, включающая в себя «конструирование» «списка теоретически мыслимых (?) целей» советской внешней политики, «шкалу их вероятности» и т. д., дает богатый простор воображению, порождаемому антисоветскими стереотипами. Можно скорее удивляться тому, что автор наметил всего 14, а не больше, таких «мыслимых» целей, да еще к тому же признал, что «некоторые» из них «взаимно исключают друг друга». Последнее обстоятельство должно было бы навести Шульца на мысль, что его «мыслимые цели», мягко выражаясь, не совсем верно передают действительные характеристики изучаемого им предмета, однако вывод делается совсем иной. «Советский Союз не достиг,— утверждает этот западногерманский историк,— ни одной из названных возможных целей» [52]. И здесь противоречивость собственных точек зрения на советскую внешнюю политику переносится на нее самоё! В самом деле, по Шульцу, о «неуспешности» советской политики свидетельствует такое, к примеру, его суждение: «Социалистическая система в ГДР в значительной степени консолидировалась внутри и вовне и, как представляется, обнаруживает относительно благоприятные шансы на развитие в будущем, однако, с другой стороны, ФРГ сумела выйти из грозившей ей изоляции в своем союзе и начать политику разрядки» [53].

В чем же состояли, по мнению Шульца, «недостигнутые» цели советской политики? В подрыве социалистической системы в ГДР? Как будто и сам он на этом не настаивает. В том, чтобы ФРГ продолжала реваншистско-милитаристский курс и ни в коем случае не присоединялась к политике разрядки? Но Шульц верно замечает, что не кто иной, как прежние руководители ФРГ (К. Аденауэр, а также его последователи Л. Эрхард и К.-Г. Кизингер), пытались присвоить ФРГ «право вето на политику разрядки», и лишь изменение этого курса, выразившееся, в частности, в подписании Московского договора 1970 г., «спасло чуть ли не в последний момент Федеративную республику от опасности попасть в политически потусторонний мир» [54]. Что касается Советского Союза, то, как отмечалось на учредительном собрании Советского института по развитию связей с общественностью ФРГ 4 февраля 1970 г., «Советский Союз никогда не ставил себе целью исключить Федеративную Республику Германии из общеевропейского сотрудничества. Напротив, с советской стороны неоднократно указывалось, что ФРГ могла бы и должна была бы внести свой вклад в разрядку напряженности и установление добрососедских отношений между европейскими государствами» [55]. Говоря о перспективах советско-западногерманских связей, Л. И. Брежнев подчеркивал: «К нашим отношениям с Федеративной Республикой Германии мы в Советском Союзе подходим с позиции мира, доброй воли и стремления к развитию взаимовыгодного сотрудничества. Мы убеждены, что такое сотрудничество принесет большую пользу не только народам обеих наших стран, но и Европе в целом, делу ее безопасности» [56].

Надуманной является и проскальзывающая у Шульца идейка, будто процветание мирового социалистического содружества, равно как и отдельных социалистических стран, предполагает какую-то «изоля-

---

[52] Ibid., S. 238.
[53] Ibid.
[54] Ibid., S. 292.
[55] В. М. Хвостов. Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений. Избранные труды. М. 1976, стр. 16.
[56] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 132.

цию» или «дискриминацию» стран противоположной общественной системы. Поиски «противоречий» советской внешней политики и здесь оказываются делом совершенно бесплодным.

★

Еще в начале 60-х годов на Западе возникла довольно громко заявившая о себе школа историков, получившая название «ревизионистской» [57]. Начав с пересмотра господствовавшей в буржуазной историографии догмы о виновниках «холодной войны» (а заключалась эта догма в простой сентенции: Советский Союз — зачинщик и инициатор, Запад же — сторона реагирующая, «жертва»), эти историки пришли к нелицеприятным выводам относительно политики мирового империализма вообще и американского в особенности. В этом своеобразном разоблачении империалистической политики, хотя и не всегда последовательном и все еще далеком от подлинно научной ее трактовки, и состоит их заслуга. В то же время их труды зачастую несут на себе груз глубоко неверных представлений о советской внешней политике, весьма активно используемых и популяризируемых буржуазной пропагандой [58].

В конце 40-х — начале 50-х годов западная историография уже пережила волну «ревизионизма». Тогда «ревизионистами» называли ультраправых авторов маккартистского толка, которые довели до крайности тезис о «советской угрозе» заявлениями, что «экспансионизму» Советов способствовала, мол, «нерешительность» и «слабость» Запада в «сдерживании красного потока» [59]. Некоторые из нынешних «ревизионистов», по сути, просто «перевернули» эту формулу: агрессивной, экспансионистской силой, признают они, был Запад, а Советский Союз проявлял «слабость», чрезмерную готовность договориться с Западом во что бы то ни стало — вплоть до согласия пойти на «раздел» мира. «На конференции в Ялте,— пишут ультралевые авторы,— Рузвельт и Черчилль оказались вынужденными провести границу прекращения огня через Среднюю Германию. Эта военная граница была признана и как демаркационная линия политических сфер влияния. Пойдя на это соглашение, советское руководство поставило интересы своей национальной безопасности выше принципа пролетарского интернационализма» [60]. По их логике, интернационализм советской политики заключался бы, очевидно, в том, чтобы либо вступить в войну с союзниками по антигитлеровской коалиции и «нести революцию в Западную Европу на штыках», либо отказаться от заключения всяких соглашений со странами противоположной общественной системы, даже таких, на которые последние вынуждены были идти и которые открывали благоприятные перспективы для сил мира, демократии и социализма. Как тут не вспомнить слова Ленина, обращенные к «левым коммунистам»: «Социалистическая республика среди империалистских дер-

---

[57] Подробнее о ней см. О. Л. Степанова. Историки-«ревизионисты» о внешней политике США. «Вопросы истории», 1973, № 3.

[58] Эта двойственность в концепциях «ревизионистских» историков США раскрыта в труде Института США и Канады АН СССР «США: политическая мысль и история» (М. 1976, стр. 273—283 и др.). Сбалансированный подход к взглядам этой школы демонстрирует историк ГДР Р. Хорн (R. Horn. Die «New Left History» in den USA über den kalten Krieg. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1977, Hf. 7). Порой взгляды, близкие к «ревизионистским», высказывают авторы, не принадлежащие к течению «новых левых» (с которыми обычно ассоциируется «новый ревизионизм»), а отражающие представления определенных кругов социал-демократии. Такова, например, историческая часть работы западногерманских авторов: W. Möller, F. Vilmar. Sozialistische Friedenspolitik für Europa. Hamburg, 1972.

[59] Подробнее об этом направлении см. Б. И. Марушкин. Указ. соч., стр. 359—361.

[60] U. Schmidt, T. Fischer. Der erzwungene Kapitalismus. B. (West) 1972, S. 80.

жав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну» [61].

Крайности, как известно, сходятся. Это относится и к «ревизионизму» — ультраправому и ультралевому. Утверждения одного из корифеев «нового ревизионизма», Г. Колко, о «русском консерватизме», «нежелании американцев, англичан и русских (?) дать демократии в Европе развиваться своим путем» [62] обнаруживают близость к рассуждениям крайне правого американского историка Л. Фишера, который в своей последней, изданной уже посмертно книге договорился до того, что якобы Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. В. Сталин составили «консервативный заговор», что программа антигитлеровской коалиции была программой «мирного сосуществования сверхдержав» и это-де отразилось в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций [63].

Упущения «новых ревизионистов» представляют собой великолепную мишень для их критиков из академического «истэблишмента», которые, надо сказать, прекрасно этим пользуются для того, чтобы скомпрометировать и те тезисы «ревизионистов», которые задевают интересы империалистической политики. В США недавно вышла книга Ч. Ми «Встреча в Потсдаме» — типично «ревизионистская» работа со всеми свойственными этой школе противоречиями. С одной стороны, автор бичует политику США за то, что они начали в Потсдаме «атомную дипломатию». С другой — пытается поставить на одну доску и американскую и советскую позиции, заявляя, будто не только Г. Трумэн, но и глава Советского правительства, мол, равным образом «никогда не мыслили» Потсдамское соглашение как основу для подлинного сотрудничества, а видели в ней лишь набор «красиво звучащих сентиментальных фраз, которые можно использовать для взаимных обвинений в будущем конфликте» [64]. Касаясь этой последней идеи, рецензент английского консервативного журнала пишет с иронией: «Подобно заявлениям г-на Ми насчет применения атомной бомбы (то есть его критики в адрес «атомной дипломатии» США.— *А. Ф.*), это, может быть, и верно. В данном случае он, однако, приводит еще меньше доказательств в защиту своего тезиса. Более того, даже самый легковерный читатель не может не выразить своего удивления по поводу того, каким образом при отсутствии чего-либо даже близкого к подлинным документам автор может быть так категоричен насчет того, что там «мыслил»... русский премьер» [65]. Логика рецензента предельно ясна: если историк столь уязвим в одном случае (оценка «мыслей» советского лидера), то можно ли ему доверять в другом — то есть в критике западной политики?

Разумеется, все сказанное выше не означает какого-то «приговора» «ревизионистской» школе и тем более ее «отлучения» от науки. Следует, видимо, иметь в виду, во-первых, что никто из ее представителей не является специалистом по истории СССР и его внешней политики и соответствующие представления формировались у них под влиянием господствующих в странах капитализма концепций, особенно псевдолевого, троцкистского пошиба (И. Дейчер, Г. Маркузе). Во-вторых, и это, пожалуй, главное: наиболее серьезные представители «ревизионизма» порой находят в себе силы пересматривать в сторону объективности взгляды, сформировавшиеся под влиянием антисовет-

---

[61] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 402.

[62] G. Kolko. The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943—1945. L.— N. Y. 1968, p. 450.

[63] L. Fischer. The Road to Yalta: Soviet Foreign Relations, 1941—1945. N. Y. 1972, pp. 1, 2, 193.

[64] Ch. L. Mee. Meeting at Potsdam. N. Y. 1975, pp. 267—268.

[65] «International Affairs», Vol. 53, № 2, April 1977, p. 289.

ских стереотипов. Так, Г. Колко, отдавший значительную, а если верить некоторым аналитикам его творчества, самую большую среди «ревизионистов» дань концепции «сверхдержав»[66], в более поздней работе, написанной в соавторстве с Дж. Колко, при оценке союзнических решений, определивших основы мирного порядка в Европе после второй мировой войны, ставит акценты уже несколько по-иному. Если ранее он практически не усматривал разницы в подходе Советского Союза и западных держав к послевоенным проблемам, сводя таковой к формуле «сверхдержавной опеки» над Европой, то в новой книге, анализируя политику Востока и Запада в германских делах, он признает, что «советская стратегия в Восточной Германии была гораздо ближе к тому, чего желал немецкий народ и что было согласовано между союзниками, чем любая программа в западных зонах»[67]. Это уже определенный отход от антинаучной теории о «сговоре сверхдержав», отражение позитивного развития того течения исторической мысли на Западе, которое получило в общем-то не совсем точное наименование «ревизионистского».

Однако имеется и другая тенденция, которая выражается в попытках подвести некую теоретическую и даже псевдомарксистскую базу под левацкие концепции о советской внешней политике. Такую неблаговидную роль взяла на себя, в частности, группа авторов ФРГ, Италии, Великобритании и США, опубликовавших недавно «методологический» опус под названием «Социально-экономические предпосылки советской внешней политики»[68] с претенциозной заявкой чуть ли не «первого применения методов марксистской науки к анализу советского общества». На деле же вместо такого анализа книга наполнена клеветой на советскую политику, сочетающей в себе практически все тезисы антикоммунистов. Тезис о «реинтеграции Советского Союза в международную систему, где господствует капитализм», соседствует здесь с тезисом о «кондоминиуме двух сверхдержав»; тезис о том, что советская политика «консервативна, направлена на сохранение статус-кво» — с тезисом о «советской территориальной экспансии»[69].

«Сбалансированный», «объективный» характер этого опуса, оказывается, состоит в том, что в нем наряду с «недостатками» советской внешней политики признаются, мол, и некоторые ее «положительные черты». Возможно, такого рода «сбалансированный» подход и позволит поймать на удочку кое-кого из обывателей на Западе, остающихся в плену стереотипов о «советской угрозе». Однако с точки зрения познавательной подобные выверты трудно охарактеризовать иначе, как откровенную эклектику: лежащая в ее основе аргументация распадается при сколько-нибудь внимательном анализе. Так, если признается «определенная прогрессивная функция Советского Союза в деле защиты революционных изменений в развивающихся странах»[70], то, логически рассуждая, это выбивает почву из-под тезисов о «кондоминиуме» сверхдержав, о «консервативном» характере советской внешней политики, о «советской экспансии».

Советский Союз в развивающихся странах, как и повсюду, находится «на стороне сил, отстаивающих дело национальной независимости, социального прогресса и демократии. Он относится к ним, как к своим друзьям по борьбе... не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не до-

---

[66] «History and Theory», Middletown, Vol. XII, № 1, 1973, p. 149.

[67] J. and G. Kolko. The Limits of Power. The World and the United States Foreign Policy, 1945—1954. N. Y. 1972, p. 149.

[68] «Sozioökonomische Bedingungen der sowjetischen Aussenpolitik». Frankfurt a/M.— N. Y. 1975.

[69] Ibid., S. 9, 11, 30.

[70] Ibid., S. 11.

могается военных баз»[71]. В свете этого особенно двусмысленно выглядит позиция авторов упомянутого опуса: с одной стороны, они вроде бы признают законность и прогрессивность поддержки Советским Союзом национально-освободительного движения, а с другой — пытаются приклеить этой политике ярлык «экспансионизма», хотя попутно и признают, что в советском обществе нет «внутренних, толкающих к экспансии проблем и конфликтов»[72]. Дело доходит даже до создания семантически ущербных словообразований типа «оборонительная экспансия», которые пускают в ход для характеристики советской внешней политики.

Когда упомянутые авторы пытаются снять с себя клеймо антисоветчиков с помощью того аргумента, что они, мол, признают и известные заслуги советской внешней политики, то они напрасно претендуют здесь на монополию или приоритет. Ныне, в обстановке невиданного роста авторитета внешней политики СССР, пожалуй, трудно найти такого автора (даже самого реакционного), который позволил бы себе ее стопроцентное охаивание. Даже крайне правый фальсификатор Нольте считает необходимым выразить «одобрение» Советскому Союзу за то, что он оказался единственной державой мира, бросившей вызов гегемонистской политике США и спасшей мир от превращения в «пакс американа», что, как дипломатично замечает он, «было бы не самой желательной формой его единства»[73]. В этой связи не лишено определенной иронии и то обстоятельство, что, по утверждению новоявленных «марксистов», «Советский Союз, как представляется, сделал стратегический выбор в пользу США и стремится помочь им укрепить их ослабленное положение по отношению к империалистическим конкурентам, реставрировать американскую руководящую роль в капиталистическом «лагере»[74].

Здесь нам вновь приходится сталкиваться с тем, что крайности в буржуазной историографии сходятся. Улам видит основную цель советской внешней политики в «подрыве» позиций США в мире[75], здесь утверждается нечто вроде бы диаметрально противоположное, но, по сути дела, в том и другом случаях перед нами все тот же тезис о «советском вмешательстве», о «руке Москвы». Между тем ясно, что советской политике одинаково чужда и идея вмешательства ради «экспорта революции», и идея вмешательства ради «поддержки» гегемонистских устремлений той или иной империалистической державы. Еще в 1920 г. в директивном письме Наркоминдела РСФСР подчеркивалось: «Наш общий принцип есть — стараться добиваться соглашения со всеми, и в частности, организовывать товарообмен со всякой страной, с какой предоставляется для этого возможность, но политически не становиться на ту или иную сторону в конфликтах, раздирающих империалистический мир»[76].

Разумеется, пока существует капитализм, сохранятся и межимпериалистические противоречия, основным способом разрешения которых будет метод «по силе». По меньшей мере странно возлагать ответственность за это на советскую внешнюю политику. Если уж говорить об ответственности Советского Союза, то ее надо анализировать в рамках той системы, в которой эта ответственность возложена на него историей: в системе содружества социалистических государств, в рамках отношений Советского государства со своими союзниками — странами со-

---

[71] «Правда», 23.VI.1978.
[72] «Sozioökonomische Bedingungen der sowjetischen Aussenpolitik», S. 30.
[73] E. Nolte. Op. cit., S. 606.
[74] «Sozioökonomische Bedingungen der sowjetischen Aussenpolitik», S. 46.
[75] A. Ulam. The Rivals, p. 391.
[76] Цит. по: В. Петров, В. Белов, А. Каренин. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М. 1974, стр. 53.

циализма. Подлинно демократический характер этих отношений, свободный от гегемонизма и «права сильного», в последнее время находит определенное понимание и со стороны буржуазных авторов. В трудах солидных западных экономистов все более скептическое отношение, а то и критику встречают широко распространявшиеся в годы «холодной войны» утверждения о «невыгодности» экономического сотрудничества с СССР для европейских социалистических стран, о «привилегированном положении Советского Союза в системе ценообразования СЭВ» и т. д.[77]. История развития взаимоотношений между социалистическими странами показала, что «интеграция в экономической области со сверхдержавой — Советским Союзом не обязательно должна выливаться в ущерб для более слабого партнера, а напротив, при определенных политических условиях может способствовать развитию отношения подлинного партнерства»[78],— отмечается в серьезном исследовании, выпущенном в ФРГ по проблеме взаимоотношений между «Общим рынком» и странами социализма. Таким образом, когда практические соображения, например, необходимость в более или менее объективной информации о деловом партнере, перевешивают соображения чисто пропагандистского характера, буржуазные авторы оказываются вполне способными к формулированию достаточно трезвых, хотя и не совсем последовательных выводов о советской политике. Это и есть отражение той тенденции, которую гениально предвидел Ленин: «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»[79].

Рассмотренный в статье «срез» с массива современной буржуазной историографии советской внешней политики показывает, что крепнущей тенденции к менее предвзятому подходу, отражающей позиции трезво мыслящих представителей буржуазного лагеря, противостоит довольно активная деятельность врагов разрядки. Последние широко используют как старые, так и «новые» приемы фальсификации, включающие в себя нападки на теоретические основы внешней политики социализма, на принципы мирного сосуществования и социалистического интернационализма; попытки гальванизировать «теорию преемственности», а также троцкистские идеи; проповедь «силового нажима» на СССР в сочетании с напускным «моралистом»; стремление использовать постулаты антинаучной концепции «сверхдержав». Но при всей их активности совершенно очевидна слабость, противоречивость и эклектичность аргументации представителей этого «противотечения», что является еще одним наглядным свидетельством идейной и научной нищеты советологической историографии.

---

[77] F. D. Holzman. Foreign Trade under Central Planning. Cambridge (Mass.), 1974, pp. 292—293, 301—303; E. Hewett. Foreign Trade Prices in the Concil for Mutual Economic Assistance. L. 1974, p. 180.

[78] «Die Ostbeziehungen der europäischen Gemeinschaft». München — Wien. 1977, s. 138. Трезвые оценки пробивают себе дорогу и в характеристике взаимовыгодного сотрудничества СССР с развивающимися странами. Показателен в этом отношении сборник «Economic Relations between Socialist Countries and Third World» (L. 1977), в котором представлены статьи ряда авторов из капиталистических и развивающихся стран, работающих в английских университетах. Особый интерес представляют в этом плане статьи Д. Найяра, Р. Чоудхури, Р. Мабро.

[79] В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 304—305.

УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ КОНЦА 50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Р. П. Иванова

XIX век богат событиями, помогающими раскрыть процесс единения освободительных сил народов нашей страны в борьбе за социальное и политическое освобождение. Процесс этот был сложным, глубоко затрагивал определенные слои разных классов, наталкивался на серьезные внутренние препятствия, такие, как политическая незрелость широких общественных слоев, националистические предрассудки [1]. Но он был порожден общностью социально-экономических процессов, происходивших в многонациональном государстве, и общественно-политических задач, стоявших перед участниками освободительного движения в борьбе против общего врага — царизма.

В советской литературе есть исследования указанной проблемы, посвященные как деятельности тех или иных общественно-политических организаций или отдельных деятелей, так и революционным связям народов России и Польши в целом [2]. Изданы сборники документов и мемуары [3], позволяющие проследить процесс объединения освободительных сил народов нашей страны, в частности западного ее региона, в середине прошлого века. Особого внимания заслуживает изучение данного вопроса применительно к 60-м годам XIX в., когда путь, начатый декабристами, привел к созданию революционного союза народов — высшего проявления их интернационализма в допролетарский период [4]. Это достижение нельзя понять, не исследуя, в частности, польско-украинские революционные связи конца 50-х — начала 60-х годов XIX века.

---

[1] «Очерки революционных связей народов России и Польши 1815—1917». М. 1976, стр. 5.

[2] Из работ последних лет см.: М. В. Нечкина. Подвиг Чернышевского. «Коммунист», 1978, № 2; Г. И. Марахов. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев. 1967; В. А. Дьяков. Тарас Шевченко и его польские друзья. М. 1966; И. Е. Баренбаум. Мемуары Н. И. Баллина и общественное движение в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М. 1970; Г. Я. Сергієнко. Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ. 1971; «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917», П. С. Ткаченко. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х годов XIX в. М. 1978; Э. С. Шабліовський. М. Г. Чернишевський, Т. Г. Шевченко. Київ. 1978; P. Lossowski i Z. Mlynarski. Rosjanie, bialorusini i ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wroclaw. 1963; J. Tabiś. Polacy na uniwersytecie kijowskim. 1834—1863. Kraków. 1974.

[3] «Показания и записки Оскара Авейде». М. 1961; «Русско-польские революционные связи». Тт. I—II. М. 1963; «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.». Киев. 1963; «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.». Киев. 1964; «Подпольная пресса 1861—1864 гг.». Вроцлав — Москва. 1970; «Н. И. Утин о «Земле и воле» и уроках революционного движения 60-х годов». «Литературное наследство». М. 1977.

[4] И. С. Миллер. Исследования по истории польской общественной мысли конца XVIII—XIX веков и русско-польских революционных связей 60-х годов XIX в. Автореф. докт. дисс. М. 1965, стр. 18.

В 60-е годы [5] на повестку дня в России выдвигается ряд важных вопросов, связанных с освобождением крестьян от крепостной зависимости и наделением их землей. Выступления революционеров-демократов в защиту крестьян, подъем национально-освободительных движений и особенно «польское брожение» [6] ставят Россию в авангард революционной борьбы в Европе. «В России движение развивается быстрее, чем во всей остальной Европе»,— пишет К. Маркс Ф. Энгельсу 13 декабря 1859 года [7]. Во времена польского восстания 1863 г. фактически был сделан первый шаг к объединению и координации действий освободительных сил русского, польского и украинского народов. Другой особенностью их взаимосвязей в 60-е годы XIX в. было усиленное внимание к социальной основе политического единения. Там, где существовало глубокое понимание необходимости социальных перемен, достигался больший успех в борьбе

Идеи федерально-демократического союза разделяли в то время деятели почти всех революционно-демократических направлений, начиная от А. И. Герцена и кончая членами первой «Земли и воли» [8]. Наиболее страстным проповедником их был А. И. Герцен. «Я от всей души желаю не разрыва славянского мира, а его свободной федерализации» [9],— пишет он в 1859 году. Герцен считал, что Польше и Украине лучше оставаться в союзе с Россией при условии, если это будет демократически обновленная Россия, которая разрешит все свои социальные и политические проблемы. Россия представлялась Герцену федеративным союзом народов, и вместе с Н. П. Огаревым он разрабатывает государственно-правовую систему будущей федерации [10]. Похожие взгляды на единение славянских народов высказывал и М. А. Бакунин. Правда, его федералистические идеи были более абстрактны (они не учитывали социальных задач освободительной борьбы), а иногда и противоречивы. Хотя он призывал к объединению славянских народов в борьбе против «врагов нашей общей свободы», его проекты создания славянской федерации отмечены крайней утопичностью [11].

Идеи федеративно-демократического устройства России нашли отражение в русской прокламационной литературе, начиная с прокламаций «К молодому поколению» и «Великорус» и кончая изданиями «Земли и воли» [12]. В 1868 г. член центра «Земли и воли» Н. И. Утин писал в женевском журнале «Народное дело»: «Мы должны помнить, что единственный союз, допускаемый нами, это социально-федеративный, т. е. федеративная связь народностей, устроившихся на социалистических началах» [13]. В то же время один из представителей либерально-буржуазного направления украинского общественного движения, Н. И. Костомаров, поднимая вопрос о единении славянских народов в статье «Украйна», помещенной Герценом в «Колоколе», допускал, что

---

[5] Под термином «шестидесятые годы» здесь понимается период от середины 50-х до середины 60-х годов XIX в. (см. «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль начала XX в.». Л. 1969, стр. 43).

[6] В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 29.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 425.

[8] Н. Г. Чернышевский не разделял идеи славянской федерации, выдвинутой в Кирилло-Мефодиевском обществе Н. И. Костомаровым, считал ее вредной для русского и других славянских народов (см. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. III. М.—Л. 1930, стр. 528—529).

[9] А. И. Герцен. Сочинения в 30-ти тт. Т. XIV. М. 1958, стр. 35.

[10] А. И. Герцен. Соч. Т. X. Птгр. 1919, стр. 300—301; «Литературное наследство». Т. 61. М. 1953, стр. 496.

[11] Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Т. 3. Птгр. М. 1920, стр. 49, 67.

[12] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах» (Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России»). Журнал «Русская историческая библиотека», № 2 (без даты), стр. 8, 44—45, 68 и др.

[13] «Н. И. Утин о «Земле и воле» и уроках революционного движения 60-х годов», стр. 380.

федерация славян может быть создана под скипетром царя, но «когда этот государь сделается государем свободных народов» [14].

Выдающийся деятель польского революционного движения 60-х годов XIX в. С. Сераковский в записке «Вопрос польский» [15] изложил федерально-демократическую программу польских революционеров. Он горячо отстаивал демократическое, свободное будущее не только Польши, но народов России, Украины, Литвы, Белоруссии, которое представлялось ему в виде свободной федерации, где существует выборность органов управления. В первую очередь, по мнению Сераковского, необходимы освобождение крестьян, ликвидация всех видов эксплуатации и гнета разных социальных слоев и личностей. Центральной идеей его записки является призыв к дружбе народов России и Польши, поиск решения будущего устройства также народов Украины, Белоруссии и Литвы [16]. Однако в этом произведении Сераковского отразилась и классовая, националистическая ограниченность, присущая тогдашнему шляхетскому движению. Прежде всего это проявилось в том, что он считал польскими не только земли Западного края, но и все приобретения духовной культуры проживавших там народов. Вместе с тем, приписывая польской интеллигенции роль носителя одних только прогрессивных устремлений, Сераковский выступал против «раздувания ненависти между сословиями», то есть классовой борьбы между крестьянами и помещиками в канун восстания 1863 года. Подобные взгляды отразились также и в польской прокламационной литературе, распространяемой в то время среди украинских крестьян [17].

Федерально-демократические взгляды шестидесятников стали теоретической основой практической деятельности тайных организаций, кружков, групп. Участники освободительного движения, принадлежавшие к его революционно-демократическому течению, делают попытки наладить единство действий в освободительной борьбе. Раньше других к этой цели стали стремиться участники Харьковско-Киевского тайного общества (1856—1860 гг.). Об этом свидетельствует переписка Я. Н. Бекмана, одного из его основателей и руководителей, с С. С. Рымаренко — активным участником общественного движения петербургской студенческой молодежи 60-х годов прошлого века. Цель этой переписки — «соединение университетов», как объяснял Бекман на следствии, «в единстве их целей и направления ко благу общества» [18]. Другой член этого общества, П. С. Ефименко, ездивший из Харькова в Москву, имел задание «убедить студентов Московского университета составить подобное же литературное общество» [19], то есть создать тайную организацию по примеру харьковской. Он налаживает связи со студентами Московского университета Долговым, Шкляревским, Загайным, со студентом Петербургского университета Г. Сорокиным, обменивается с ними нелегальной литературой, переписывает ее, пересылает в Харьков. Студент Московского университета Свириденко по договоренности с Ефименко, брался доставлять в Харьков нелегальную литературу [20]. Об этой стороне деятельности общества сообщает и дру-

[14] Герцен назвал ее «прекрасной статьей об Украине» (см. А. И. Герцен. Собрание соч. в 30-ти тт. Т. XIV, стр. 458).

[15] «Русско-польские революционные связи». Т. I. М. 1963, стр. 230—240.

[16] А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М. 1963, стр. 61.

[17] В. Міяківський. Революційні відозви. Київ. 1920; Р. П. Іванова. Прокламації революційної демократії 60-х рр. XIX ст. «Український історичний журнал». 1976, № 7, стр. 88—89.

[18] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1862, д. 26, ч. 7/2, лл. 77—78.

[19] Там же, л. 92.

[20] Там же, лл. 94—96об. Это не дает основания для выводов о перерастании данного общества в общероссийский центр революционного движения, а также о продолжении его деятельности после арестов 1860 г. до 1862 г. (см. Р. А. Таубин. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество. «Революционная ситуация в России в 1859—1862 гг.». М. 1963, стр. 409, 412).

гой его участник — М. Ф. Левченко: «Между университетами должны были поддерживаться постоянные сношения передачею всего того, что делается в каждом из них»[21]. Таким образом, по его мнению, соединились бы усилия, направленные к общей цели.

Члены Харьковско-Киевского общества приложили немало усилий для налаживания контактов с польским молодежным движением на Украине, в частности в Киеве[22]. Известно, что с конца 50-х годов XIX в. значительно активизируется польское национально-освободительное движение на территории, ранее, до разделов, принадлежавшей Речи Посполитой. Основной движущей силой его была шляхта. Классовый состав и определил ту непоследовательность, которая характеризовала решение социальных и политических задач участниками этого движения на Украине, где его руководители ратовали за утопическое единение крестьян и шляхты без нарушения прав собственности последней[23].

Польские студенты в Киевском университете в это время объединялись в нелегальные кружки — гмины по принципу землячества, которые имели свои кассы, библиотеки и т. п.[24]. На базе гмин в марте 1857 г. создается тайная польская студенческая организация «Союз тройницкий» (это название объяснялось тем, что в состав союза вошли гмины трех губерний Правобережной Украины — Киевской, Волынской, Подольской)[25]. В те же годы активно действует другая тайная польская организация в Киеве — Товарищество учебной помощи польскому народу (ТУППН),— которая занималась созданием тайных польских школ для детей чиншевой шляхты и украинских крестьян, а также политической агитацией среди населения[26]. Это общество, руководимое выдающимся деятелем польского освободительного движения на Украине И. Коперницким, стало в 1860—1862 годах боевым центром подготовки польского восстания на Правобережье.

Участники Харьковско-Киевской тайной организации, возглавляемой Бекманом, М. Д. Муравским и другими, понимали, что польское движение направлено прежде всего против самодержавия. Поэтому в первые же месяцы своей деятельности в Киеве они попытались найти общий язык с польскими студентами. Ф. О. Ястребов впервые обратил внимание на эту сторону деятельности Харьковско-Киевского общества, хотя считал, что сблизиться с поляками его членам не удалось[27]. Однако выводы его не были документально подтверждены. Р. А. Таубин

---

[21] ЦГАОР СССР, ф. 109, д. 26, ч. (2), л. 129 об.

[22] В 1858/59 уч. г. в Киевском университете из 964 студентов было 507 (59%) поляков, причем более 87% из них было шляхетского происхождения (J. Tabiś. Op. cit., str. 34).

[23] «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.», стр. 11; K. Dunin-Wąsowicz. Ukraina i ukraińcy w powstaniu styczniowym. Warszawa. 1963, str. 4.

[24] M. Dubiecki. Młodzież polska w uniwersytecie kijowskim przed r. 1863. Kijów. 1909, str. 68—69; J. Tabiś. Op. cit., str. 9.

[25] «Показания и записки Оскара Авейде», стр. 133, 277—278; J. Tabiś. Op. cit., str. 91. Исходя из документальных данных, этот исследователь обоснованно не соглашается с авторами предисловия к изданию «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.» В. Д. Королюком и Г. И. Мараховым, отрицающими существование «Союза тройницкого». Показания О. Авейде, а также мемуарные записки еще одного польского деятеля 60-х годов XIX в. В. Кощица свидетельствуют о существовании этой организации. В частности, последний сообщает, что в переговорах между польским Центральным Национальным комитетом (ЦНК) и «Землей и волей» участвовали три представителя «Союза тройницкого» из Киева — Ф. Клюковский, О. и Б. (см. «Wspomnienia z powstania województwa Mińskiego w roku 1863 przez W. Koszczica». «Polska w walce». T. II. Kraków. 1875, str. 197).

[26] «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 88—93, 302—303.

[27] Ф. О. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Киев. 1960, стр. 247—248.

попытался опровергнуть вывод Ястребова о несостоявшемся сближении, но также не привел достаточных аргументов, хотя и заявил, что факт сотрудничества упомянутых организаций установлен им «неопровержимо» [28]. Таубин называл имена ряда якобы польских студентов, которые входили в состав Харьковско-Киевского общества. Но оказывается, что из 15 указанных им студентов — 9 украинцев, 1 немец [29]. Другие же упомянутые им участники польских кружков не входили в состав Харьковско-Киевского общества [30].

Попытка членов Харьковско-Киевского тайного общества соединить свои усилия с участниками польского освободительного движения в Киеве была первым после восстания декабристов нелегким шагом к объединению сил. В одном из писем (отобранном позже жандармами) Муравского М. Ф. Левченко от 24 марта 1859 г. сообщалось: «Собрания наши начались, затевается снова сближение с поляками, не знаю, что выйдет» [31]. Слово «снова» дает право предположить, что подобная попытка уже была, но почему-то не удалась. Участники тайного общества В. О. Португалов, М. Д. Муравский, М. Ф. Левченко, Л. М. Зеленский в своих показаниях на следствии одинаково характеризуют свои отношения с польскими студентами. Муравский, разъясняя приведенную фразу из письма о собраниях, сказал, что она касается харьковских и киевских студентов, «желавших сблизиться со студентами-поляками и уничтожить в последних ненависть и отчужденность от русских, которая так заметна в Киевском университете» [32]. Зеленский по этому поводу заявил: «Сначала общее желание было сблизиться с польскими товарищами, но это не имело успеха» [33].

Собрания, о которых идет речь в письме, как рассказывал на следствии Португалов, проводились по воскресеньям. На них приглашались наиболее авторитетные из польских студентов; устраивались совместные чтения и обсуждения газет и журналов; «старались убеждать их, что главное назначение студента заниматься своим делом и сколь можно более воспользоваться пребыванием в университете, дабы впоследствии соответствовать своему положению в обществе» [34]. Можно предполагать, что, подчеркивая благонамеренность собраний, Португалов, как лицо подследственное, пытался таким образом уменьшить в глазах жандармов значение деятельности раскрытого ими тайного общества и вину своих товарищей. В действительности на таких собраниях не могла не идти речь о вопросах, волновавших молодежь,— о самодержавии, о необходимости демократических перемен в стране, об общей борьбе. Однако преодолеть в короткий срок (деятельность общества в Киеве продолжалась чуть больше года) корпоративную замк-

---

[28] Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 400.

[29] Среди «польских» студентов — известные деятели воскресных школ и Киевской громады украинцы: К. Шейковский — автор первого южнорусского словаря, А. Свидницкий — основоположник украинского социального романа, Андрей и Константин Бутовичи, Ю. Сенниковский, В. Андрузский, немец И. Визель («Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 45).

[30] Трудно согласиться и с декларативным заявлением Таубина: «Некоторые из поляков на прощальном ужине в честь П. В. Павлова 14 декабря 1859 г. представляли значительную (!) группу своих товарищей, стоявшую на платформе тесного сотрудничества в освободительном движении против царизма русских, поляков, украинцев, евреев и других (!) народов России» (Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 408). Неясно, какими данными располагал автор относительно деятельности поляка Л. Вараксевича, но что касается украинцев — В. Андрузского, К. Бутовича и других членов Киевской громады, то такой политической зрелости у них не было ни в 60-е, ни в 70-е годы XIX века.

[31] ЦГАОР СССР, ф. 109, д. 26, ч. 7 (1), л. 51.

[32] Там же, л. 134об.

[33] Там же, д. 26, ч. I, литера А, ч. 3, л. 300об.

[34] Там же, д. 26, ч. 7(2), л. 109.

нутость польских кружков оказалось очень трудно. Муравский на следствии подтвердил, что задуманное ими «сближение не удалось и собрания уже не существуют» [35].

Все это свидетельствует о том, что наладить сотрудничество с поляками — участниками освободительного движения в Киеве было непросто. Консервативно-шляхетская замкнутость студенческих польских кружков была очень сильна. Неудивительно поэтому, что в период наиболее активной деятельности в Киеве Харьковско-Киевского общества и многочисленных польских нелегальных кружков во главе с такими крупными организациями, как «Союз тройницкий» и ТУППН, в воскресных школах города в 1860 г. приняло участие всего пять поляков [36]. Эти три организации, существовавшие одновременно, не только не объединили своих усилий, а, возможно, даже и не подозревали о существовании друг друга.

И все же передовые представители польского освободительного движения того времени, принадлежавшие к революционно-демократическому его течению, понимали необходимость единения с украинским общественным движением. Уже через год, в 1862 г., среди украинских крестьян распространяются польские прокламации на украинском языке, в которых содержался призыв поддержать польское восстание на Украине [37]. Эти прокламации, идеализируя положение украинского народа на территории шляхетской Речи Посполитой, все его социальные невзгоды относили на счет плохих царей, подчеркивали тяжелый гнет самодержавия и призывали помочь полякам в их борьбе, однако советовали не выступать самостоятельно, а ждать, когда польские повстанцы подадут сигнал. Таким образом, прокламациям также была присуща идея польского мессианизма. Кроме того, в них не было ясности в отношении социальных, аграрных, а также национальных вопросов. Будущее Украины мыслилось только в составе польской державы («Крикнем всі в одні слова: нехай Польска буде знову, бо як станем поляками, будем рівні і з панами») [38].

Следующим шагом в поисках путей к объединению польского и украинского демократического освободительного движения явилось установление связи польских тайных организаций с революционно-демократическими представителями Киевской громады А. А. Красовским и В. С. Синегубом накануне восстания 1863 г. на Украине. Киевская громада являлась самой многочисленной и социально разнородной из буржуазно-националистических организаций этого рода, объединявших украинскую интеллигенцию. В 60-е годы в ней образовалось влиятельное левое течение. Попытка Синегуба наладить помощь польским повстанцам — одно из наиболее значительных в то время проявлений дружественных симпатий и взаимопомощи двух народов [39]. Из следственного дела Синегуба и братьев Потоцких видно, что их кружок был связан с польскими гминами в Киеве. Л. Потоцкий и Синегуб «откровенно высказывали свое намерение присоединиться к польским мятежникам», для чего Синегуб советовал своему товарищу В. Пилипенко «ехать в Киев к двум братьям Пясецким, которые от польской гмины снабдят его фальшивыми паспортами и средствами для присоединения

---

[35] Там же, л. 134об.

[36] «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 44—45.

[37] Первое польское воззвание к украинскому народу было составлено во времена Крымской войны и так называемой Киевской казаччины студентом Киевского университета Ю. Розенталем, позже польским поэтом и прозаиком. Оно было написано по-польски и призывало украинских крестьян восстать против царя и господ, но только по призыву поляков — «людей светлых» (В. Міяківський. Указ. соч., стор. 31—32). Указ. соч.

[38] ЦГАОР СССР, ф. 109, дд. 374—375. Подробнее об этом см.: Р. П. Іванова.

[39] А. З. Барабой. Попытка украинских революционеров организовать помощь польскому восстанию 1863 г. «Вопросы истории», 1957, № 1.

к инсургентам, потому что они, как сами говорили Синегубу, этим занимаются»[40]. Из показаний В. С. Синегуба известно также, что некоторые другие члены Киевской громады пытались помочь повстанцам, в частности Касьяненко «бунтовал» крестьян с. Корнеевки и хотел создать из сельской молодежи громаду, подобную той, какую организовал Синегуб в с. Пилипчи. Киевская громада собирала деньги (было собрано 800 руб.), «предназначенные на покупку оружия и других военных потребностей». В агитационной деятельности члены киевской организации использовали прокламационную литературу — русскую, польскую, украинскую[41].

Позже брат В. Синегуба С. Синегуб в своих воспоминаниях писал о П. Чубинском, из кружка которого вышла прокламация «Всем добрым людям», распространявшаяся в поместье Трепова и призывавшая всех восстать против царя и помещиков[42]. О симпатиях П. Чубинского (известного либерально-буржуазного деятеля 70-х годов XIX в.) к борьбе польского народа за возрождение своего государства свидетельствует его активное участие в студенческом движении в Петербургском университете в 60-е годы XIX в., где он выступал как сторонник польских патриотических манифестаций и объединения усилий русских и польских студенческих организаций[43]. Будучи сосланным в Архангельск, он не изменил своих убеждений: «плотно примкнул» к кружку польских ссыльных, в частности сдружился с участником польского освободительного движения Павловским[44].

Тесно был связан с польскими организациями и один из известных деятелей общественного движения на Украине в начале 60-х годов XIX в., подполковник гусарского полка А. А. Красовский. Он знал о существовании польского Центрального комитета[45]. В канун своего ареста летом 1862 г. Красовский перепрятывал масонские регалии (масонство являлось одной из форм польского освободительного движения в первой половине XIX в). В марте 1863 г. в Одессе была раскрыта тайная польская организация. Один из ее участников, С. Голуб, обвинялся в попытке достать заграничные паспорта «для отправления некоторых членов общества за границу, пойманных в Киеве, в том числе полковника (подполковника.— *Р. И.*) Красовского». О наличии у Красовского симпатий к польскому освободительному движению говорят и присутствие его на панихиде по И. Лелевелю в католическом костеле в Киеве, и тот факт, что при аресте у Красовского были найдены портрет Лелевеля с его краткой биографией, заявление об этом деятеле как выдающемся ученом, текст польского патриотического гимна и др.[46].

По свидетельству Синегуба, Красовский связывал вопрос освобождения Украины с борьбой польского и русского народов: «В будущем

---

[40] ЦГАОР СССР, ф. 109, д. 23, ч. 171, л. 23об.

[41] Там же, лл. 25—26, 29об — 31.

[42] «Былое», 1906, № 8, стр. 43.

[43] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М. 1958, стр. 156, 158; Т. Г. Снытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи». М. 1962, стр. 215.

[44] ЦГАОР СССР, ф. 109, д. 230, ч. 1, лл. 149об—152. В ссылке Чубинский был секретарем статистического комитета и на одном из заседаний предложил принять в него ссыльного поляка. «А когда прокурор спросил, хорошо ли принимать в члены состоящих под надзором, то он ответил: ссылка под надзор не может быть ни для кого бесчестием».

[45] «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.», стр. 135. За распространение среди солдат Житомирского полка революционной прокламации А. А. Красовский был арестован летом 1862 г. и приговорен военно-полевым судом к расстрелу, который заменили каторжными работами на рудниках в Нерчинске. В 1868 г. он бежал с каторги. Потеряв по дороге карту и важные документы, свидетельствующие его личность, Красовский застрелился.

[46] Там же, стр. 53, 79.

мы ожидали совершенного единства с поляками и с демократической республикой русской, которую высказала в брошюре «Молодая Россия», которую мне дал Красовский»,— рассказывает Синегуб. Желая привлечь на свою сторону В. Пилипенко, В. Синегуб ему «представлял живописные картины будущего, как некогда представлял мне Красовский», подговаривал его «наущать молодежь с. Пилипчи на присоединение к полякам, в каких словах я его подговаривал, не помню, а мысль была та, о которой мне высказал Красовский»[47]. По-видимому, это и была мысль о «совершенном единстве с поляками и с демократической республикой русской». Но, выступая за единство с польским освободительным движением, сочувствуя ему и поддерживая его, Красовский отмечал шляхетско-националистические его тенденции и требовал четкости в политической программе (социальная сторона вопроса в его работах не нашла освещения, хотя в его агитационной деятельности среди крестьян Каневского уезда и солдат Житомирского полка она проявилась самым определенным образом).

В этом плане Красовский разделял взгляды демократической части Киевской громады, членом которой был и которая заявила о своем отношении к польскому восстанию в рукописном журнале «Самостайное слово»: «Наше наилучшее желание было и будет общеславянская братская федерация, в которой бы всякий народ имел право, самостоятельное управление»[48]. В одной из программных статей указанного журнала («О взгляде польского общественного товарищества на Украину»), обращаясь к «прогрессивной части польского товарищества», авторы заявляют о своей солидарности с польскими деятелями относительно братства народов, однако осуждают шляхетскую замкнутость, претензии поляков на Правобережье Украины, так как это, по их мнению, принесет вред не только украинскому народу, но и ослабит его уважение к полякам. Статья призывала поляков признать за украинским народом право на самоопределение, ибо «только в таком случае могут родиться дружественные отношения» между двумя народами[49]. С этими положениями перекликаются строчки из стихотворения Красовского «Первое слово ляхам»[50], помещенного в том же номере журнала. В нем высказывается сожаление по поводу того, что федерация, о которой говорят, лишь провозглашается на словах, но словами «не обновить мир». Красовский считает, что для установления тесного сотрудничества с польской стороной необходимы уважение к украинскому народу как равноправному славянскому народу со своим языком, обычаями, верованиями, целостность украинской территории, а не разделение ее по Днепру, как того требовали шляхетские патриоты.

Всю свою дальнейшую жизнь, даже в условиях нерчинской каторги, Красовский оставался верным другом польского народа, боровшегося за свое национальное освобождение. После его смерти жандармы изъяли на его квартире больше 30 польских стихотворений (к ним были сделаны переводы). Лейтмотив этой повстанческой поэзии — призыв к вооруженной борьбе против царизма[51]. В поэме «Сон каторжного», написанной Красовским на рудниках, звучат его вера в народ,

---

[47] Там же, стр. 79—81.

[48] ЦГВИА, ф. 801, оп. 80/21, д. 48, л. 526.

[49] Там же.

[50] В письме жене от 7 декабря 1861 г. Красовский сообщает: «Две мои думки и одна песня были помещены в «Самостайном слове» (рукописном журнале украинском, издаваемом при здешнем университете) и прочитаны публично с большим одобрением, что поощрило меня и на дальнейшее». В архиве Красовского в ЦГВИА есть копии трех номеров указанного журнала. В них напечатаны два стихотворения под одной подписью — Данило Лыхый (ЦГВИА, ф. 801, оп. 80/21, д. 48, л. 529). Исходя из приведенного в письме факта, автором этих стихотворений можно считать именно Красовского.

[51] ЦГАОР СССР, ф. 109, д. 230, ч. 42, лл. 82—89.

ненависть к самодержавию, призыв к его свержению [52]. И здесь он также высказывает сочувствие борьбе польского народа и тяжелой судьбе его сосланных сыновей. В последние месяцы жизни, готовясь к побегу и подводя итог своей деятельности, Красовский написал «Духовное завещание», сделав под ним подпись: «Русский подполковник и каторжный, ныне свободный поляк Андрей Красовский» [53].

В январе — феврале 1864 г. произошла еще одна попытка наладить единство действий польского и украинского освободительных движений. Речь идет о переговорах между Львовской громадой и Р. Траугуттом, одним из последних руководителей восстания 1863 года. По соглашению между ними украинцы должны были помочь полякам в их борьбе, а за это получить возможность войти в состав будущей свободной Польши на правах федерации на самой широкой демократической основе. Известно, что сам Траугутт считал возврат Польши к границам 1772 г. неосуществимым, а освобождение Левобережной Украины — делом будущего [54]. Это дает основание полагать, что опыт борьбы показал польским революционным деятелям необходимость более реально оценивать действительность и территориальные претензии шляхты. Однако время было уже упущено, восстание себя исчерпало, вовлечь в него украинский народ не удалось. Этому уже не могли помочь ни более радикальная социальная программа новых воззваний («Золотых грамот»), ни отказ части шляхетских революционеров от границ 1772 года.

«Слить все отдельные революционные общества и кружки в одно целое, связанное для дружного, общего действия всюду в одинаковом единодушном смысле» [55] намеревалась и самая крупная революционно-демократическая организация в России 60-х годов XIX в. «Земля и воля». Члены ее энергично отстаивали дело освобождения других народов России, в том числе Украины и Литвы. «Мы всегда готовы работать вместе с украинцами и литовцами для свержения императорского ярма» [56],— писал позже Н. И. Утин. Поэтому землевольцы и выдвинули во время переговоров с руководителями польского восстания условия, «необходимые для возможности общего действия, именно: полное признание за всеми народностями — не только Украины, но и Литвы — независимо и самостоятельно располагать своею судьбою, устройством своего политического и социального быта. Общность действий обусловливалась обоюдным искренним соблюдением такой гарантии и строгим энергическим ограждением Украины и Литвы от всякого вмешательства с какой бы то ни было стороны» [57]. Утин отмечает, что это условие польский ЦНК вполне принимал. Так, данный вопрос был впервые практически поставлен русскими демократами в ходе освободительного движения народов этого региона нашей страны. Впрочем, на практике польские революционеры не смогли это осуществить. Известно, что по договору, заключенному между ЦНК и «Землей и волей» (пункт третий), руководители будущего польского восстания основные надежды возлагали лишь на собственные силы: «Организация Центрального Комитета на

---

[52] «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.», стр. 398—402.

[53] «Красный архив», 1929, т. 37, стр. 236. Сам Красовский следующим образом объяснял эту подпись: царь «сохранил мне из всего, что имел я у себя русского, чисто польскую фамилию».

[54] S. Kieniewicz. Rewolucyjny sojusz polsko-rosyjski w dobie powstania styczniowego. «Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX wieku». Wrocław. 1972, str. 119.

[55] «Н. И. Утин о «Земле и воле» и уроках революционного движения 60-х годов», стр. 375.

[56] Там же, стр. 380.

[57] Там же, стр. 377.

Украине будет действовать на всей территории по эту сторону Днепра» [58] (то есть на Правобережье.— *Р. И.*). Ни о каких связях с украинским движением в договоре речи не было. ЦНК и его организация должны были обращаться к представителям «Земли и воли» лишь через посредничество «уполномоченного члена Русинского провинциального комитета» (то есть польской организации — Провинциального комитета на Руси в Киеве.— *Р. И.*).

Понимая, какую роль могла сыграть поддержка, оказанная украинцами борьбе поляков против самодержавия, руководители «Земли и воли» стремились связаться с деятелями и организациями украинского общественного движения. Почва для оказания такой помощи была к тому времени подготовлена (деятельность Красовского и его единомышленников, а также события в Черниговском полку). Как докладывал командующий первой армией А. Н. Лидерс военному министру во время арестов польских студентов, участвовавших в патриотических манифестациях, штабс-капитаны В. И. Гросмани, И. Г. Жуков, поручики А. А. Шустерс, В. Л. Говорецкий, подпоручик Р. И. Метелицын и другие высказывали сочувствие участникам этих беспорядков в Киеве. Охраняя арестованных студентов, военнослужащие сблизились с ними настолько, что студенты 1 декабря 1862 г. устроили вечер «единомыслия»; 9 декабря офицеры полка (31 человек) организовали ответный вечер в честь польских студентов. Обеспокоенное начальство охарактеризовало эту акцию как «вечера гласного заявления сочувствия польским возмутителям» [59].

В конце 1862 г. руководители «Земли и воли» после переговоров с ЦНК посылают в Киев одного из своих активных членов, бывшего штабс-капитана Черниговского полка И. Г. Жукова, чтобы установить более определенную связь с малороссийским движением. Он вспоминал впоследствии, что один из руководителей «Земли и воли», А. А. Слепцов, поручил ему привезти «в Петербург для переговоров кого-либо из партии украинофилов, боровшихся, как мне было известно, во главе со студентом Антоновичем с поляками за посягательство прерогативы устроения среди местного населения благоденствия, с чем противники-украинофилы не соглашались... Слепцов вручил мне деньги, и я привез из Киева Рыльского (известный деятель Киевской громады.— *Р. И.*), которого поместил в своей квартире» [60]. Однако либерально-буржуазные деятели решительно выступали против поддержки польского восстания на Украине. Попытки землевольцев наладить отношения с украинским либерально-буржуазным движением, которые они предприняли в 1862 г., не удались ни в Киеве, ни в Полтаве, где действовала так называемая Полтавская громада [61].

Успеха землевольцам удалось достичь лишь в революционно-демократической среде Харькова. Там существовали студенческие, профессорские кружки, Харьковская громада, «Клуб честных и благородных людей» во главе с Н. И. Баллиным, организатором незадолго до этого разогнанного в Екатеринославе «Клуба пикквиков» [62]. Представителям «Земли и воли» — А. А. Слепцову из Петербурга и А. Козлову из Москвы — удалось привлечь Баллина к сотрудничеству с «Землей и волей».

---

[58] «Русско-польские революционные связи». Т. I, стр. 562.

[59] «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 263.

[60] И. Г. Жуков. Воспоминания. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 552. Правда, он относит приезд Рыльского к более раннему времени — к лету 1862 года.

[61] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки АН УССР, ф. 752, д. 3, л. 29об.

[62] И. Е. Баренбаум. Указ. соч., стр. 312—315.

Другой эпизод деятельности «Земли и воли» на Украине связан с именем И. А. Андрущенко, члена московского отделения этой организации. В начале 60-х годов XIX в. он служил землемером при Черниговской межевой палате, а с лета 1863 г. был переведен в г. Васильков, под Киев. На следствии он рассказал, как землевольцы стремились через него привлечь участников общественного движения в Киеве для поддержки польского восстания. Андрущенко сообщает, что руководитель московского отделения «Земли и воли» Ю. М. Мосолов рассказывал ему, что комитет их организации хотел соединиться с малороссийской партией, но это не встретило поддержки, так как многие молодые люди, проживавшие в Киеве, на которых он рассчитывал, отказались от пропаганды [63].

Андрущенко имел широкий круг знакомых. Он поддерживал тесные контакты с ведущими деятелями Черниговской громады: баснописцем Л. И. Глибовым, врачом С. Д. Носом (с ним вместе он жил на одной квартире и обменивался нелегальной литературой), находился в дружественных отношениях с бывшим членом Харьковско-Киевского общества А. А. Тыщинским, учителем гимназии И. П. Дорошенко [64] и др. Андрущенко помещает свои статьи в «Черниговском листке», издаваемом Глибовым, ходит, как и его черниговские друзья, в украинской народной одежде, пишет статьи в «Основу» [65], первый украинский общественно-политический и литературный ежемесячный журнал либерально-буржуазного направления, выходивший в Петербурге. В разгар польского восстания в Литве и Белоруссии землевольцы пересылают на Украину через Андрущенко большое количество нелегальной литературы: «Что нужно народу» (110 экз.), «Долго давили вас, братцы» (30 экз.), «Колокол» (214 экз.), «Под суд» (31 экз.), «Льется польская кровь» и др.[66]. Андрущенко сближается с подпоручиком А. Белозерским, передает ему некоторые нелегальные прокламации, рассказывает о польском восстании и настолько его увлекает, что Белозерский и сам начинает распространять переданную ему литературу, говорить «о польских делах» [67].

Однако и эта попытка землевольцев организовать на Украине помощь польским повстанцам не дала ожидаемых результатов. Все это наглядно свидетельствует о трудностях перехода от теоретических положений к практическим действиям по налаживанию более тесного сотрудничества и собиранию сил в борьбе за общие цели.

В 60-х годах XIX в. были сделаны первые шаги к осуществлению идеи взаимопомощи революционно-демократических сил России, Польши и Украины. Об этом говорят попытки членов Харьковско-Киевского общества достигнуть единства с польскими студентами в Киеве, обращение участников польского освободительного движения к украинскому населению с революционными воззваниями, установление контактов и стремление украинских революционно-демократических деятелей помочь польским повстанцам 1863 г., действия землевольцев на Украине. Связи демократических представителей трех братских народов в дальнейшем крепли и развивались в их совместной борьбе против царизма, за социальное и национальное освобождение.

---

[63] «Русско-польские революционные связи». Т. II, стр. 131—132.

[64] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах», стр. 122—130.

[65] М. Сиваченко, О. Деко. Леонід Глібов. Київ. 1965, стор. 5, 30—39, 45, 58—62.

[66] «Русско-польские революционные связи». Т. II, стр. 129; «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах», стр. 81.

[67] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах», стр. 127. «Русско-польские революционные связи». Т. II, стр. 129.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦИНСКОГО КИТАЯ И РОССИИ С ДЖУНГАРСКИМ ХАНСТВОМ В XVII—XVIII вв. И КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев

В потоке великодержавно-шовинистической антисоветской пропаганды, захлестнувшем в последние годы страницы китайских периодических изданий, брошюр и книг на исторические темы, значительное место отводится истории международных отношений в Центральной Азии в XVII—XVIII веках. При этом, с одной стороны, всячески идеализируется политика Цинской империи (1644—1911 гг.), а с другой — очерняется освободительная борьба неханьских народов, ставших жертвой маньчжуро-китайских завоевателей [1]. В этой связи немалое внимание уделяется отношениям цинского Китая с государством западных монголов, или ойратов,— Джунгарским ханством (1635—1758 гг.), которое играло важную роль в политической жизни Центральной и Восточной Азии.

Советские исследователи уже отмечали интерес китайских историков к судьбам Джунгарского ханства [2]. Однако, поскольку этот вопрос в определенных политических целях продолжает муссироваться в печати КНР, а заодно извращается и политика России в отношении ойратского государства [3], представляется необходимым вернуться к нему специально, использовав некоторые малоизвестные источники и другие материалы. Повышенный интерес к судьбам Джунгарского ханства объясняется попытками нынешнего руководства КНР, в соответствии с его великодержавно-гегемонистскими замыслами, представить сферу военно-политического влияния Цинской империи максимально широкой, простирающейся якобы далеко за пределы Джунгарии, Восточного Туркестана

---

[1] Гу Юнь. Неравноправные договоры в новой истории Китая. Пекин. 1973; Ши Юй-синь. Отповедь клеветникам. «Лиши яньцзю» («Изучение истории»), 1974, № 1; Цин У-пин. Оправдание старых царей и саморазоблачение новых. «Гуанмин жибао», 8.IV.1976; Тун Синь, Ши Бин. Расширение внешней экспансии России при Петре I. «Лиши яньцзю», 1977, № 1; Ли Шао-мин. Не скрыть преступлений старых царей, совершивших агрессию против нашего Тибета. Там же.

[2] Б. П. Гуревич. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. «Вопросы истории», 1974, № 9; В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1; В. А. Моисеев. К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства. «Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады шестой научной конференции». Т. I. М. 1975; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М. 1976.

[3] Лян Сяо. О борьбе Канси в защиту единства государства, против агрессии царской России. «Вестник Пекинского университета», 1975, № 1; Ян Жо-вэй и Чжан Ли-гунь. Об усмирении императором Канси мятежа Галдана. «Вестник Ляонинского университета», 1976, № 2; Кабинет по изучению древней истории Монголии при Университете Внутренней Монголии. Ложью истории не извратить. «Лиши яньцзю», 1976, № 2; Цин Сы. Усмирение цинским правительством джунгарских племен и борьба по отпору агрессии царской России. Там же; Си Да. Первые агрессивные акты царской России в западных районах Китая. «Лиши яньцзю», 1976, № 3; «Китайско-русский Илийский договор». Пекин. 1978.

и Монголии, которые в свое время были силою оружия захвачены маньчжуро-китайскими завоевателями. Фальсифицируя с этой целью историю ойратского государства, его политический статус и взаимоотношения с цинским Китаем и Россией, китайские историки вступают зачастую в противоречия со своими прежними оценками, а главное — с фактами, содержащимися как в русских, так и в китайских источниках, а также в литературе. Они опровергают ныне положения и ряда советских исторических исследований, правомерность которых раньше не вызывала у них сомнений.

Именно в искажении истории взаимоотношений Китая и России с Джунгарским ханством особенно ярко обнаруживается стремление великоханьских шовинистов превратить историческую науку КНР в орудие грубых манипуляций с общеизвестными фактами. Это необходимо пекинскому руководству для того, чтобы не только «обосновать» свои абсурдные территориальные притязания, но и оправдать великодержавный курс в отношении национальных меньшинств своей страны, бросив заодно тень на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза.

Важным исходным «аргументом» в вопросе об истории русско-китайского территориального разграничения в Центральной Азии для руководства КНР служит, как это видно из официального «Документа МИД КНР» от 8 октября 1969 г., попытка представить Джунгарское ханство органической частью Китая и, следовательно, сделать Цинскую империю его «правонаследницей» [4]. Китайские авторы силятся доказать, что ойраты якобы издавна являлись одной из «народностей великого Китая», а в период династий Мин (1368—1644 гг.) и Цин (1644—1911 гг.) такого рода связи будто бы еще более укрепились и расширились. «Подлинные факты истории,— утверждается, например, в статье сотрудников кабинета по изучению древней истории Монголии при Университете Внутренней Монголии,— свидетельствуют, что джунгары (то есть ойраты.— *Авт.*)... с древности имели кровные связи с китайской территорией и являлись составной частью Китая... Джунгары никогда не объединялись в независимое государство» [5]. Такого рода утверждения далеки от исторической истины.

Связанные общими историческими судьбами со всем монгольским народом, ойратские племена (торгоуты, дэрбэты, хошоуты и хойты) уже в конце XIV в. начали играть значительную, а затем преобладающую роль в Монголии, существовавшей в то время совершенно независимо от Китая [6]. В середине XV в., в период правления Эсен-хана, ойратские феодалы встали в центре нового объединения монгольских племен. Правители Минской династии так же, как и сменившей ее династии Цин, не были заинтересованы в развитии торгового обмена с монголами и всячески ограничивали доступ последних во внутренние провинции Китая, что и явилось одной из главных причин обострения китайско-ойратских отношений. Чтобы предотвратить вторжение монголов, и в том числе ойратов, правители Минской империи, с одной стороны, организуют военные походы в глубь Монголии, а с другой — создают густую сеть оборонительных сооружений вдоль Великой китайской стены [7]. Оценивая в общем монголо-китайские отношения в период Минской династии, авторы коллективного труда монгольских и советских историков пишут: «Они (монгольские феодалы.— *Авт.*) в течение ряда десятилетий вели нескончаемые войны, вторгаясь в китайские пределы. Со своей стороны, Минская династия,.. пытаясь обессилить их и подчи-

---

[4] «Жэньминь жибао», 9.X.1969.

[5] «Лиши яньцзю», 1976, № 2, стр. 102.

[6] «История Монгольской Народной Республики». М. 1967, стр. 156—162.

[7] Н. П. Свистунова. Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин. «Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970, стр. 182—183.

нить Монголию, неоднократно вторгалась своими вооруженными силами в пределы Монголии» [8].

Хотя в силу традиционных великоханьских представлений связи ойратов с Минской империей рассматривались китайским двором как отношения «вассала» с «сюзереном», это далеко не соответствовало фактическому положению дел. О силе и мощи государства Эсен-хана свидетельствует, например, такой факт: в ходе одной из китайско-ойратских войн, в 1449—1450 гг., армия минского императора Чжу Цзи-чэня была разбита, а сам он попал в плен [9].

Со второй половины XV в. начинается движение ойратов в западном и северо-западном направлении — в сторону Восточного Туркестана и Средней Азии. Ойратские феодалы пытались овладеть районом Хами, расположенным на торговых путях, связывавших тогда Китай с Западом. Положение на границах ойратских кочевий с Минской империей оставалось весьма напряженным. Эти факты свидетельствуют о растущей внешнеполитической активности западномонгольских княжеств. Такая обстановка существовала до начала 30-х годов XVII в., когда усилилась экспансионистская политика маньчжурского военно-феодального государства Цзинь, складывавшегося к востоку от Монголии, в Южной Маньчжурии.

Угроза со стороны маньчжурских завоевателей явилась одной из причин, побуждавших влиятельного ойратского правителя Хара-Хула и его сына Хотохоцин-Батура, которые кочевали в верховьях р. Или, начать борьбу за консолидацию под своей властью всех ойратских владений. Это и привело в 1635 г. к созданию Джунгарского ханства — типичного феодального государства [10]. Занятость маньчжуров покорением Китая дала Хотохоцин-Батуру (получившему от Далай-ламы титул Эрдэни-Батур-хунтайджи [11]) возможность уделить серьезное внимание внутренним делам ханства. Поэтому в годы его правления в ойратских кочевьях началось развитие земледелия и ремесленного производства, появились первые очаги оседлости [12]. Хунтайджи, будучи вполне независимым и суверенным правителем, например, в письме к царю Михаилу Федоровичу в феврале 1644 г. писал: «Оба мы над своими государствами государи» [13].

Факты, связанные с созданием и укреплением Джунгарского ханства, либо замалчиваются китайскими историками, либо объявляются «бесстыдной ложью советских ревизионистов» [14]. Замалчивается и то, что на всем протяжении существования Джунгарского ханства цинский Китай вел с ним ожесточенные и кровопролитные войны. «Широкие народные массы джунгар,— утверждается, например, на страницах журнала «Лиши яньцзю»,— горячо любили свое отечество, аристократическая верхушка джунгар также стремилась быть под властью центрального правительства Цинской династии» [15].

Рост могущества Джунгарского ханства, правитель которого Галдан-Бошокту-хан (1671—1697 гг.) пытался объединить в одно государ-

---

[8] «История Монгольской Народной Республики», стр. 147.

[9] Д. Д. Покотилов. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам). СПБ. 1893, стр. 64—65, 68, 70, 76; «Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн». Под ред. Шан Юэ. М. 1959, стр. 415—416 (пер. с кит. яз.).

[10] И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М. 1964, стр. 151.

[11] «Эрдэни» (монг.)—«драгоценность»; «хунтайджи», «контайша»—титул потомственного монгольского князя.

[12] Ш. Б. Чимитдоржиев. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М. 1978, стр. 54.

[13] «Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1636—1654». Сборник документов. М. 1974, стр. 235.

[14] Ши Юй-синь. Указ. соч., стр. 118.

[15] «Лиши яньцзю», 1976, № 2. стр. 105.

ство западных и восточных монголов (халхасцев), вызывал тревогу в правящих кругах Цинской империи. Это отмечал русский посол Н. Г. Спафарий, когда он, возвращаясь из Пекина в 1678 г., писал, что маньчжуры все более опасаются «монголов, которые живут за стеною (Великая китайская стена.— *Авт.*), также и калмыков (ойратов.— *Авт.*), ибо завидуют им, оттого что народ малый, а такое великое царство обовладели» [16]. Главное внимание Галдан-Бошокту-хана было тогда направлено в сторону Северной Монголии (Халха) и Китая, но в то же время он проводил весьма активную внешнюю политику на западных рубежах Джунгарского ханства.

События в Северной Монголии, где вспыхнула междоусобная борьба халхасских феодалов, привели к началу 90-х годов XVII в. к столкновению Галдан-Бошокту-хана с цинским Китаем. Эта борьба, которая велась сначала с переменным успехом, закончилась гибелью Галдана и включением большей части Монголии в состав Цинской империи. Однако и в дальнейшем (при других правителях Джунгарского ханства — Цэван-Рабдане (1698—1727 гг.) и Галдан-Цэрене (1727—1745 гг.) ойрато-цинские войны почти не прекращались, что было вызвано, с одной стороны, стремлением джунгар установить контроль над всей Монголией, а с другой — намерением маньчжуро-китайских завоевателей окончательно подчинить себе северо-западные районы Центральной Азии и двинуться в направлении Казахстана и Средней Азии.

Территория Джунгарского ханства, ставшего в начале и середине XVIII в. сильным кочевым государством, включала собственно Джунгарию и Западную Монголию. Помимо этого, ойратские феодалы контролировали большую часть Восточного Туркестана и стремились, хотя безуспешно, проникнуть в сопредельные районы Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири, играя важную роль в политической жизни не только Центральной, но и Восточной Азии. Один из русских архивных источников начала XVIII в. содержит следующую характеристику Джунгарской державы: «В нынешнее время перед всеми народами между Индиею, Китаями, Сибирью, Россиею и Персиею сильнее стал он (джунгарский хан Галдан-Цэрен.— *Авт.*) и ружья и порох имеет довольно и делают сами, к тому же и хлеб заводят» [17]. Хан, являвшийся главным владельцем обширных пастбищ, многочисленных стад и большого количества феодально зависимых крестьян, располагал довольно сильным аппаратом принуждения. По сведениям капитана Ивана Унковского, побывавшего в качестве русского посланника у Цэван-Рабдана в 1722—1724 гг., его войско состояло примерно из 60 тыс. человек, а во время походов оно доходило до 100 тысяч [18]. «Он зенгорский (ойратский.— *Авт.*) владелец,— писал в сенат вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин в мае 1744 г.,— войска своего имеет довольное число, к тому ж он абсолютный владелец и все его подданные во всяком послушании у него состоят и что он делать захочет, то оные без всякого прекословия исполняют» [19].

Свидетельством мощи Джунгарского ханства были его войны с Цинской империей в 1715—1726 и 1729—1733 годах. Не сумев дипломатическим путем принудить Цэван-Рабдана признать себя «вассалом Китая», цинский император Канси начал подготовку к вторжению в ойратские кочевья. Правители Джунгарского ханства, со своей стороны, стремились вернуть утраченные ими при Галдан-Бошокту-хане позиции. Тибет и Кукунор стали тогда главным театром джунгаро-цинских стол-

[16] Н. Г. Спафарий-Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев. 1960, стр. 419.
[17] ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий сенат, оп. 113, д. 743, л. 250.
[18] «Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы». «Записки императорского Русского географического общества». Т. X, вып. 2. 1887, стр. 194.
[19] ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент сената, оп. 113, д. 1584, л. 51.

кновений. Борьба закончилась включением Кукунора и Тибета в состав Цинской империи, и маньчжуро-китайские войска вышли на юго-восточные границы Джунгарского ханства. 13 июня 1723 г. русский дипломатический агент Л. Ланг, возвратившийся в Селенгинск из Пекина, доносил в Коллегию иностранных дел, что Цэван-Рабдан склонен «на великодушных кондициях в мир вступить», но только в том случае, если новый маньчжурский император Юнчжэн (1723—1735 гг.) не будет стремиться к тому, чтобы «его китайским вассалом учинить». В качестве условия установления с Цинской империей «мирного соседства» Цэван-Рабдан выдвигал требование об отводе маньчжуро-китайских войск от границ ойратского государства [20]. Затянувшаяся война была разорительна для обеих сторон. Огромная и дорогостоящая для цинского Китая армия так и не смогла добиться решающего перевеса над ойратами и прорваться к жизненным центрам Джунгарского ханства. Поэтому Юнчжэн был в конце концов вынужден принять предложения Цэван-Рабдана, и между сторонами было заключено перемирие [21].

Русский посол граф С. Л. Владиславич-Рагузинский, ведший в 1725—1728 гг. переговоры с правительством Цинской империи по вопросам торговых взаимоотношений и русско-китайского территориального разграничения, в сентябре 1727 г. в своем донесении властям в Сибири писал, что «вся сила китайская не могла их (ойратов.— *Авт.*) притеснить и мир еще между ими китайцами и контайшею (хунтайджи.— *Авт.*) не состоялся, понеже китайцы завоеванного не отдают, а контайша без того не миритца и так смотрят друг на друга через хребты и караулы без войны» [22]. После смерти Цэван-Рабдана и вступления на престол Галдан-Цэрена положение не изменилось. Цинская империя готовилась к новому столкновению с Джунгарским ханством. 31 декабря 1728 г. Ланг сообщал в Петербург: «В Китае великое, а особливо подле границ российских, военное приуготовление чинится и всяк чает, что богдыхан, понеже ни отец ево ни он чрез многие годы контайшу подвергнуть себе не мог, ныне то всею силою предвоспрянуть намерен» [23]. Обращаясь позже к феодалам Северной Монголии и некоторым другим монгольским владельцам, Галдан-Цэрен писал: «Вы являетесь потомком Чингис-хана и должны быть заинтересованы в восстановлении прежних порядков в Халхе, Куку-норе. Маньчжурский богдо-хан стремится поставить меня в свое подчинение, подобно Халхе, Куку-нору, разделив нашу территорию на хощуны и сомоны и присвоив титулы. Поэтому мы ведем борьбу. Я борюсь и за то, чтобы Халха, Куку-нор обрели свою прежнюю независимость» [24].

Первое крупное сражение между войсками Галдан-Цэрена и маньчжуро-китайской 20-тысячной армией произошло летом 1731 г. у Кобдо, где последняя была разгромлена. 23 августа того же года войска Галдан-Цэрена двинулись далее на восток, в глубь Монголии, но в 1732 г. на р. Орхон, у монастыря Эрдени-цзу, они потерпели поражение и начали отступать с большими потерями. Официозный цинский историк прошлого века Хэ Цю-тао писал об этом сражении: «Трупами были завалены долины и ущелья. На протяжении нескольких десятков ли (ли = 0,5 км.— *Авт.*) речные воды были окрашены человеческой кровью» [25].

Тем не менее тяжелое финансовое положение Цинской империи и неспокойная обстановка в Монголии побудили Юнчжэна вступить в

---

[20] Там же, д. 56, л. 48.
[21] «Посольство к зюнгорскому хун-тайджи...», стр. 193.
[22] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 11, л. 157.
[23] Там же, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 1, л. 1, л. 1 об.
[24] Цит. по: Ш. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—I половина и середина XVIII в.). Улан-Удэ. 1974, стр. 64.
[25] Хэ Цю-тао. Описание Северного района. Пекин. 1877, цз. 4, л. 11а.

мирные переговоры с Галдан-Цэреном. Переговоры открылись в начале 1734 г. и носили острый характер, так как основным являлся вопрос о границе, о принадлежности Монгольского Алтая и захваченных в свое время маньчжуро-китайскими войсками районов Восточного Туркестана [26]. Первый этап переговоров закончился в 1737 г., то есть уже после смерти Юнчжэна и вступления на императорский престол Цяньлуна (1736—1796 гг.). Завершились они лишь в начале 1740 г. соглашением, по которому Монгольский Алтай признавался границей между Цинской империей и Джунгарским ханством. Потеряв часть своей исконной территории в Западной Монголии, ойраты все же добились возвращения Джунгарскому ханству одного из районов Восточного Туркестана (часть Турфанского оазиса) и ряда других уступок (в вопросах торговли, передвижения паломников в Тибет и из Тибета) [27].

Ход джунгаро-цинских переговоров как в период правления Цэван-Рабдана, так и Галдан-Цэрена свидетельствует о том, что представители Джунгарского ханства выступали в качестве представителей суверенного и независимого государства. Французский миссионер-иезуит А. Гобиль в беседе с Лангом отмечал, что джунгарский посол, который вел переговоры с цинскими сановниками, «весьма гордо поступал, и что он никогда здешним министрам такой чести не показывал, когда они к нему приходили, чтобы их встретить или б проводить, также и никогда перед ними с места своего не вставал» [28]. Принимая во внимание тот факт, что в Китае дипломатическому церемониалу всегда придавалось весьма большое значение, можно заключить, насколько высоко оценивали маньчжурские сановники роль ойратской державы. Следствием джунгаро-цинских переговоров 1734—1740 гг. явилось не только урегулирование противоречий между сторонами, но и признание маньчжурским двором де-факто и де-юре независимости и суверенности Джунгарского ханства.

Таким образом, даже с точки зрения тогдашних международных норм, когда независимость государства представлялась в форме независимости его монарха, обладавшего верховной властью в своей стране и самостоятельного в своих внешних сношениях [29], джунгарские ханы являлись суверенными правителями, с чем вынуждены были считаться и цинский Китай и Россия, не говоря уже о других государствах Центральной и Восточной Азии. Поэтому не выдерживает критики утверждение Ши Юй-синя и других историков КНР, что признание Джунгарского ханства независимым от Китая суверенным государством является «несусветным вздором» [30].

Решительно отрицая факт существования Джунгарского ханства как суверенного государства, современные китайские историки вместе с тем стремятся всячески очернить борьбу ойратов против экспансии Цинской империи. Эта борьба объявляется «реакционной» и «антипатриотической», несмотря на то, что ее вел народ, выступавший в защиту своей независимости, против угрозы, нависшей над всеми монголами. Одновременно китайские историки стремятся извратить политику России в джунгарском вопросе. Вопреки известным фактам, они пишут о

---

[26] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 7, л. 88об; Ци Юнь-ши и Шоу Ян. Сводка основных данных о вассалах августейшей династии. Ханьчжоу. 1884, цз. 11, л. 36б.

[27] Хэ Цю-тао. Указ. соч., цз. 4, л. 11б; И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957, стр. 82; его же. История Джунгарского ханства, стр. 377; Ш. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба,.. стр. 68. В перечисленных выше работах приводятся различные даты подписания мирного соглашения между Джунгарским ханством и цинским Китаем (1738, 1739 и 1740 гг.). Мы придерживаемся последней.

[28] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 5, л. 46об.

[29] Д. Б. Левин. История международного права. М. 1962, стр. 43.

[30] Ши Юй-синь. Указ. соч., стр. 120.

«вмешательстве» русского правительства в цинско-ойратские отношения. Знаменательным в этой связи было прежде всего появление в начале 1975 г. на страницах «Вестника Пекинского университета» упомянутой выше статьи Лян Сяо, в которой он объявлял Галдана-Бошоктухана «национальным предателем», упрекал его в «тайном сговоре с царской Россией» и пр.[31]. Зловещую роль в джунгаро-цинских отношениях во второй половине XVII в. отводит Русскому государству и Цин Сы. Так, в статье, опубликованной на страницах «Лиши яньцзю», он пишет даже о «непосредственном участии России в мятеже Галдана», о существовании русско-ойратского «военного союза» и т. п.[32].

Характерно также в этой связи следующее утверждение сотрудников кабинета по изучению древней истории Монголии при Университете Внутренней Монголии, которые, подытоживая военные успехи маньчжуро-китайских войск в борьбе с Галданом, пишут: «Император Канси, решительно отстаивавший единство Цинской империи, быстро усмирил мятеж Галдана, нанеся тяжелый удар по агрессивным замыслам царской России» [33]. Эти и другие подобные высказывания китайских историков извращают характер русско-ойратских отношений в XVII веке.

Как известно, в процессе освоения Южной Сибири, продвигаясь вдоль Оби и Иртыша, а также в предгорья Алтая, русские люди уже в первых десятилетиях XVII в. входят в соприкосновение с ойратами, которые, в свою очередь, начинают проникать в верховья Иртыша и Оби, кочевать в районе оз. Зайсан и среднего течения Иртыша. Осаждаемые многочисленными противниками, ойраты стали искать защиты и покровительства у России, территориальная близость с которой открывала для них перспективу свободного доступа на столь необходимые им рынки Сибири. Еще в 1607—1608 гг. некоторые ойратские тайши (Изеней, Далай-Богатырь и др.) направили в Тару, Томск и даже в Москву посольства с просьбой принять их в русское подданство, обещая выплачивать ясак скотом. За это они просили их «от недругов оберегать» и позволить кочевать по Иртышу. Особую заинтересованность ойратские посланники проявили в расширении хозяйственных связей с Русским государством [34]. Этим было официально положено начало русско-ойратской торговле.

7 февраля 1608 г. ойратские послы, прибывшие в Москву, были приняты царем Василием Шуйским. От имени своих правителей они просили о принятии населения подвластных им улусов в российское подданство, о защите «от недругов» и о постройке с этой целью русского города на р. Оми. Послы просили также разрешения ойратам кочевать по Иртышу, Оми, Камышлову и передали ряд других пожеланий. Послам было сообщено, что Русское государство принимает их тайшей под свое покровительство, обещая защиту от их воинственных соседей (прежде всего государства Алтынханов) [35]. Однако достигнутая договоренность не была тогда реализована. Несмотря на это, торгово-экономические отношения между Русским государством и ойратами складывались с тех пор весьма благоприятно для обеих сторон. Ойраты поставляли в Тобольск, Тару и Тюмень скот, лошадей, войлок, овчины и шерсть, получая взамен от русских купцов одежду, ткани, металлические изделия и

---

[31] Лян Сяо. Указ. соч.

[32] Цин Сы. Указ. соч., стр. 114—115.

[33] «Лиши яньцзю», 1976, № 2, стр. 108.

[34] «Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1607—1636». Сборник документов. М. 1959, стр. 24—28.

[35] Там же. Государство Алтынханов, населенное родственными ойратам племенами, было основано в последнем десятилетии XVI в. на территории северо-западной Монголии. За короткий срок его феодальные правители подчинили себе население Тувы и Минусинской котловины (тувинские и кыргызские племена).

прочие товары. Нередко русские купцы и сами стали появляться в ойратских кочевьях. Русское правительство в самой категорической форме требовало от местных властей, чтобы они избегали насилия над ойратами. Так, в грамоте тюменскому воеводе Ф. С. Коркодилову от 15 октября 1616 г. запрещалось без разрешения из Тобольска посылать против ойратов служилых людей, за ослушание приказа ему угрожали «великой опалой» и даже «казнью» [36].

В конце 1617 г. в Тобольске опять появились послы от тайши Далая-Богатыря с просьбой о подданстве. 14 апреля следующего года царь Михаил Федорович в своей жалованной грамоте дал согласие принять Далая-Богатыря «под нашу царского величества высокую руку» [37]. Затем в конце 1619 г. в Москву с такой же просьбой прибывает посольство тайши Хара-Хулы (отца будущего основателя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи), которому также была выдана жалованная грамота о согласии на его вступление в подданство России [38].

Создание Джунгарского ханства привело к изменению международной обстановки в Центральной Азии. Россия внимательно следила за политикой Батура-хунтайджи, обширные владения которого граничили с российскими землями и лежали на пути в Китай. Опасаясь набегов отдельных групп ойратов на сибирские границы, русские власти способствовали укреплению положения хана как главы государства, хотя в то же время были не прочь мирными средствами превратить ойратских князей в своих подданных. Заинтересованный в упрочении своей власти, Батур-хунтайджи и сам выражал желание пойти на установление добрососедских отношений с русской администрацией Сибири [39]. Характерными в этом смысле были переговоры тобольского сына боярского Тамилы Петрова с Батуром-хунтайджи в 1636 г., в ходе которых правитель Джунгарского ханства пошел на ряд уступок русским властям в расчете на получение помощи от России [40]. Он и в дальнейшем неоднократно обращался к русской стороне с просьбами о присылке необходимых ему мастеровых людей, домашних животных, вооружения, наконец, денежных сумм в качестве «государева жалования» [41]. Эти просьбы в большинстве случаев удовлетворялись. Миссия Петрова, как и последующие русские посольства в ойратские кочевья, доставила Батуру-хунтайджи в виде «царского жалования» довольно значительные по своей ценности подарки от царя Михаила Федоровича [42].

Торговые связи России с Джунгарским ханством становились все более устойчивыми и оживленными. Ойратское население не могло уже обходиться без русских товаров, а русские власти и население Сибири были все более заинтересованы в пригоне скота и привозе скотоводческих продуктов из ойратских кочевий. Не случайно в одном из документов того времени джунгарские послы в следующих словах отмечали эту заинтересованность: «А от нашего от Богатыря-контайши и от иных наших тайш государю и прибыль есть: присылает в города с коньми и коровами и со всяким скотом, и ваши города сибирские от нашего калмыцкого скота наполняются и кормятца, и с мяхкими товары приезжали и со всяким торгом. И в том от нас государю прибыль» [43].

Русско-ойратские отношения в период правления Батура-хунтайджи развивались как вполне добрососедские. Противоречия, возни-

---

[36] Там же, стр. 43—44.
[37] Там же, стр. 75—76.
[38] Там же, стр. 92—93.
[39] И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 168, 183.
[40] «Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1636—1654», стр. 65.
[41] Там же, стр. 172, 269—270, 367.
[42] Там же, стр. 64, 203—204.
[43] ЦГАДА, ф. Мунгальские дела, д. 1, л. 56.

кавшие в связи с вопросом о подданстве населения Западной и Южной Сибири и сбором с него ясака, разрешались чаще всего по линии фактического признания обеими сторонами двоеданства и двоеподданства отдельных этнических групп, живших в порубежных районах Сибири.

С 1673 г. (то есть когда на джунгарском престоле уже находился Галдан-Бошокту-хан) заметно оживились политико-дипломатические связи между Россией и Джунгарским ханством. Заинтересованное в ликвидации напряженного положения в пограничной полосе, русское правительство предпринимало меры к тому, чтобы не допускать возникновения недоразумений по вине его местных властей. Правители Джунгарского ханства со своей стороны выражали готовность устранить причины, мешавшие сохранению добрососедских отношений с Россией. Так, они обещали не препятствовать и даже содействовать проходу русских купцов в Китай через ойратские кочевья. Одно из посольств Галдан-Бошокту-хана, прибывшее в 1678 г. в сопровождении большого торгового каравана в Тобольск, вручило русским властям грамоту своего правителя, в которой он выражал надежду на то, «чтоб пограничной соседственный союз содержать и задоров на границе б не было» [44]. Несмотря на то, что отдельные группы ойратов все же проникали самовольно в российские пределы, разоряя поселения служилых людей и крестьян, курс на развитие мирных, добрососедских отношений с Россией оставался основным в политике Галдан-Бошокту-хана.

Укрепление позиций маньчжурско-китайских завоевателей в Северной Монголии и расширение экспансии Цинской империи в северо-западной части Центральной Азии привели к тому, что перед правителями Джунгарского ханства все более остро вставал вопрос не только о судьбах его владений, но и о безопасности исконных ойратских кочевий в Джунгарии и Западной Монголии. Это побуждало ойратских феодалов обратиться за помощью к России (посольство во главе с Мэргэн Хошуги в 1685 г.). Джунгарские феодалы, предвидя неизбежный конфликт с Цинской империей из-за Халхи, не только стремились обезопасить северные границы Джунгарского ханства, но и рассчитывали получить поддержку со стороны русских властей [45].

Русское же правительство, не располагая тогда достаточно крупными военными силами в Сибири и будучи традиционно заинтересованным в добрососедских, прежде всего торгово-экономических, связях с Китаем, занимало в вопросе джунгаро-цинских отношений осторожную позицию. Несмотря на то, что сам Галдан-Бошокту-хан широко распространял слухи о совместных якобы русско-ойратских приготовлениях к военным действиям в Северной Монголии против некоторых проманьчжурски настроенных халхаских феодалов [46], дело обстояло иначе. Надежды Галдана на получение какой-либо воснной помощи из России окончательно рассеялись уже в 1692 г., когда нерчинский воевода Ф. И. Скрипицин официально уведомил хунтайджи о невозможности оказания ему такой помощи [47]. Эти факты общеизвестны. Знаменательно, что и упомянутый выше китайский историк Хэ Цю-тао, занимавшийся, в частности, изучением джунгаро-цинских отношений, писал,

---

[44] Там же, ф. 196, оп. 1, д. 1542, л. 323об.

[45] Ш. Б. Чимитдоржиев. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв., стр. 114.

[46] «Русско-китайские отношения в XVII веке». Материалы и документы. Т. 2. М. 1972, стр. 307, 360. Такого рода слухи в интерпретации некоторых современных китайских историков превращены в «факты», которые якобы свидетельствуют о том, что «русский царь приказал ойратам начать военные действия», прислал им свои «военные отряды», выступившие совместно с Галдан-Бошокту-ханом (Цин Сы. Указ. соч., стр. 114).

[47] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПБ. 1834, стр. 85.

что «в действительности русские вовсе не имели намерений помогать» Галдан-Бошокту-хану [48].

Столь же грубым извращением подверглись под пером некоторых современных китайских историков русско-ойратские отношения первой половины XVIII века. Причем в данном случае эти историки вступают в противоречие со своими же собственными утверждениями. Они, с одной стороны, продолжают обвинять наследников Галдана-Бошокту-хана — Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрена, а также возглавившего в 1756 г. освободительную борьбу ойратов князя Амурсану в «сговоре» с русским правительством. Так, Цин Сы пишет: «Цинская династия длительное время вела ожесточенную борьбу с силами раскола. Предводители джунгарской аристократии — Галдан, Цэван-Рабдан, Амурсана... являлись представителями раскольнических сил. Поддерживаемые царской Россией, они устраивали мятежи в пограничных районах и разрушали единство государства» [49]. Это же говорится и о хунтайджи Галдан-Цэрене [50]. А с другой стороны, на страницах журнала «Лиши яньцзю» сообщается о «захватнических» намерениях русского правительства в отношении территории собственно Джунгарии, к которой «агрессоры России» уже в первой половине XVIII в. «протянули свои дьявольские когти» [51].

Такого рода рассуждения используются для того, чтобы замаскировать разбойный и захватнический характер действий правителей Цинской империи, поставивших перед собой задачу уничтожить Джунгарское ханство. Эту цель маньчжуро-китайские завоеватели попытались осуществить еще в 20-х — 30-х годах XVIII в. в ходе своих войн с Джунгарским ханством. Наряду с военным давлением на ойратов они дипломатическим путем пытались склонить к совместным действиям против них правительство России, обещая за помощь «уступить» часть территории ханства, как заявляли цинские послы в Петербурге в 1731 году [52]. Однако русское правительство отказалось от подобной сделки. «Зенгорский владелец контайша,— писали в Пекин министры императрицы Анны Иоанновны,— со своей стороны к империи и к подданным ея и. в. живет спокойно и никакой причины, чтоб на него неприятельски наступать не подал и без таких явных причин ея и. в. по своему монаршему великодушию... неприятельски нападать велеть не соизволит» [53].

Русско-ойратская торговля в то время развивалась беспрепятственно. Прибывавшие из Джунгарского ханства купцы следовали со своими караванами к Ямышевскому озеру, в Семипалатинскую крепость и в города Южной Сибири, где русские власти оказывали им покровительство. «Предлагается,— отмечалось в одном из циркуляров Сибирского приказа в 1731 г. по поводу торговых караванов ойратских и халхасских владельцев,— с них пошлин не имать и им никакой тесноты и изгони не чинить и поминков с них не имать и воеводам и головам таможенным их беречь и всякую ласку и споможение к ним чинить» [54]. Зачастую ойратские купцы приезжали на Ирбитскую и некоторые другие ярмарки. Объем русско-ойратской торговли в городах Сибири неуклонно возрастал [55].

---

[48] Хэ Цю-тао. Указ. соч., цз. 4, л. 5об.
[49] Цин Сы. Указ. соч., стр. 110.
[50] Там же, стр. 111.
[51] «Лиши яньцзю», 1976, № 2, стр. 106.
[52] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 1, лл. 206, 210об.
[53] Там же, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 1, л. 12.
[54] Там же, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 1, л. 319.
[55] Г. Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. «Чтения в обществе истории и древностей Российских». Кн. 2. 1868, стр. 44—45; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 380—381.

Установив еще в 1740 г. контроль над восточными районами Джунгарского ханства, маньчжуро-китайские завоеватели пытались с помощью торгово-экономической блокады добиться ослабления ойратского государства, чтобы принудить в конце концов его правителей к покорности. Прибывший в начале 1745 г. в пределы России бухарец А. Бахмуратов «показывал» тогда же в сибирской канцелярии: «А хотя с китайским государством у него (Галдан-Цэрена.— *Авт.*) и в примирении и торги между собой производят только несилно, понеже китайцы их зенгорцов торговать допускают в пограничные районы крайние свои городы и то не во множестве, а внутрь китайского государства их зенгорцов не впускают» [56]. Эти ограничения в торговом обмене создавали определенные трудности прежде всего для той части населения Джунгарского ханства, которая все еще ориентировалась на рынки Китая.

Между тем отношения Джунгарского ханства с Цинской империей продолжали оставаться напряженными. Обе стороны предъявляли претензии друг к другу, сопровождая это бряцанием оружия на границе [57]. После смерти Галдан-Цэрена в 1745 г. и последовавших затем междоусобиц в Джунгарском ханстве оно начало приходить в упадок. Пользуясь этим и временным переходом на сторону Цинов боровшегося за власть Амурсаны, маньчжурский император Цяньлун вводит в ойратские кочевья в 1755 г. свои войска, и они приступают к поголовному истреблению местного населения. Ойратов беспощадно вырезали, невзирая на пол и возраст, что вызвало паническое бегство людей на север, в пределы России. «Ныне ведаете,— писал командующий Колывано-Кузнецкой укрепленной линией на Алтае Ф. И. Дегаррига, обращаясь к алтайскому зайсану Демчею Анжике в первых числах января 1757 г.,— что оное владение (Джунгарское ханство.— *Авт.*)... в конец раззорено, а оставших и в камнях рыющих всех изыскивают, дабы ни одного жива не оставить» [58].

30 августа 1757 г. последовал указ Цяньлуна о новом походе на запад маньчжуро-китайских войск, которым предстояло «раз и навсегда» решить джунгарский вопрос. Речь шла о том, чтобы уничтожить всякие следы существования ойратского государства и его населения. «Так как два императорских правительства [в прошлом] не завершили того, что было необходимо [сделать],— отмечалось в этом указе,— то именно теперь можно воспользоваться счастливым случаем. Однако [если] и сейчас мы упустим момент, то последующие поколения в Поднебесной будут упрекать нас в оставленной [им] в наследство скверне» [59]. Результатом новых карательных мер маньчжуро-китайских войск явилось почти полное истребление населения Джунгарии. Здесь, как доносили в Петербург сибирские власти, «осталось тысяч до трех кибиток» [60]. По данным одного из цинских чиновников, в то время было уничтожено свыше 1 млн. ойратов [61]. Позже китайский историк прошлого века Вэй Юань писал: «В Джунгарии насчитывалось несколько сот тысяч семей... четыре десятых умерли тогда от оспы, две десятых бежали в Казахстан и в Россию, три десятых было уничтожено великой армией» [62]. Эта «победа», как резюмировали не так давно китайские историки в коллективном труде «История Китая», была одержана благодаря

[56] ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент сената, оп. 113, д. 383, л. 690.

[57] Там же, д. 108, лл. 905—906; АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 4, л. 39об.

[58] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 6, л. 20.

[59] «Хроника Дацинской династии годов правления императора Гаоцзуна». Токио. 1937, цз. 543, л. 14б.

[60] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 7, л. 125.

[61] Чунь Юнь. Описание виденного и слышанного в Западном крае. Б/м. 1777, цз. 5, л. 6а.

[62] Вэй Юань. Записки о священных войнах. Б/м. 1898, цз. 4, л. 9а.

тому, что «цинские войска применили политику массового истребления населения Джунгарии» [63].

Само цинское правительство позже писало в российский сенат о завершении своей борьбы с ойратами: «Всякого подвластного княжества обязанность есть каждому правящего их государства мановению без прикословно повиноваться. Не мирное ж, не спокойное и не покорное, есть уже равное, соседственное государство. Следовательно таковые владения подвластными называть можно ли?.. Прежде Джунгарское ханство соотносилось к нам как государство только соседственное, но после, когда владельцы их... стали поступать надменно и необузданно, тогда наш великий государь (Цяньлун.— *Авт.*) успокоил волнения... и земли их... присоединил к своим владениям» [64]. Ойратское государство было вместе со всем населением буквально стерто с лица земли маньчжуро-китайскими завоевателями. Сегодня китайские историки тщатся представить это как «внутреннее дело Китая» [65].

Трагедию Джунгарского ханства и его населения Цин Сы излагает на страницах журнала «Лиши яньцзю» с эпическим спокойствием: «В 1757 г. цинское правительство двинуло войска на мятежников(!). В то же время среди джунгар вспыхнула эпидемия оспы, люди умирали один за другим. Цинские войска продвигались вперед, не снижая темпа. Мятежники (!) были разгромлены, а Амурсана бежал в царскую Россию» [66]. Здесь замалчиваются те жестокости, которыми сопровождалось завоевание Джунгарии маньчжуро-китайскими войсками и массовое бегство ее населения в Сибирь. При этом Цин Сы выдвигает не выдерживающую никакой критики версию о якобы имевшей место тогда же «бешеной агрессии царской России» против Цинской империи, имея в виду именно Джунгарское ханство [67].

Правительство и общественные круги России с тревогой следили за кровавыми событиями, происходившими в соседней Джунгарии. «Такой имел конец,— резюмировали «Санкт-Петербургские ведомости»,— славный в Великой Татарии... зенгорский многочисленный народ, возмогший напред сего всей китайской силе сопротивляться» [68].

Хлынувший из Джунгарии в пределы России поток ойратских беженцев поставил русское правительство в сложное положение. Бросившиеся в погоню за беженцами маньчжуро-китайские каратели пытались перекрыть им все пути отступления. Выходившие к русским крепостям люди сообщали, что «китайское войско... следующих сюда... зенгорцев... побивает, тракт оным пересекли и не пропускают» [69]. На русских укрепленных линиях в Казахстане и Южной Сибири начался прием ойратских беженцев в подданство России [70]. Отряды маньчжуро-китайских захватчиков сплошь и рядом подходили к самым стенам русских укреплений на Иртыше и в Южной Сибири, требуя выдачи беженцев.

При всей относительной слабости своих вооруженных сил в этих районах и опасности прямой военной конфронтации с цинским Китаем русское правительство заняло твердую позицию. Когда летом 1756 г. у Колыванского завода стали появляться маньчжуро-китайские отряды, Коллегия иностранных дел дала указание селенгинскому коменданту бригадиру В. Ф. Якоби «учинить на границе протестацию» цинским властям с «объявлением», что эти войска «во противность соседственной

---

[63] «История Китая». Т. 2. Пекин. 1956, стр. 153.
[64] АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 44, лл. 42об.—43.
[65] Ш и Ю й-с и н ь. Указ. соч., стр. 127.
[66] Ц и н С ы. Указ. соч., стр. 118.
[67] Там же, стр. 118.
[68] «Санкт-Петербургские ведомости», 14.XII.1761.
[69] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 2, л. 47.
[70] Б. П. Г у р е в и ч. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России. «История СССР», 1973, № 2, стр. 103—104.

дружбы, вступая внутрь российских селений, военною рукою и наглым образом требовали с угрозами выдачи принятых в российское подданство зенгорцев, кои напред сего ни в чьем подданстве не были, а состояли сами собою и под особливым владельцев своих правлением» [71].

В соответствии с полученными инструкциями Якоби сделал пограничному начальству Цинской империи представление, потребовав, чтобы маньчжурским командирам «накрепко подтверждено было впредь ни под каким видом в российские границы с войсками не вступать» [72].

Однако цинские каратели продолжали выходить к Усть-Каменогорской, Семипалатинской и другим русским крепостям. Опьяненные победой над ойратами, маньчжурские сановники и в Пекине держались в общении с русскими людьми заносчиво и высокомерно. Находившийся там осенью 1757 г. курьер В. Ф. Братищев сообщал, что после получения из России очередного ответа по поводу ойратских беженцев Цяньлун «весьма озлобился... и пришед в жестокую запальчивость», угрожал «многочисленную армию к российским границам послать и сильною рукою из внутреннего владения принятых в подданство (России.— *Авт.*) зенгорцев доставить» [73]. 2 октября 1757 г. последовал указ сената в Коллегию иностранных дел для последующей передачи русским властям в Сибири и Казахстане, в котором предписывалось ни в коем случае не только не допускать «до раззорения» ойратских и других беженцев маньчжуро-китайскими войсками, но и вообще не дать цинским войскам подойти «в близость к крепостям», а «в случае ежели появятся и дерзновенные и наглые нападения чинить будут, то... поступать военною рукой с крайней силою» [74]. Последовавшие вскоре военные приготовления России (увеличение численности войск, расположенных на Оренбургской, Сибирской и других линиях, мобилизация сил казахского населения и другие мероприятия) [75] охладили пыл воинственно настроенных правителей Цинской империи. К тому же их внимание все более переключалось на завоевание Восточного Туркестана.

Цинские власти не прекратили, однако, политику угроз в отношении России. Все это свидетельствует о том, что Цинская империя выступала в Центральной Азии во второй половине XVIII в. как агрессивная сила. Что же касается военно-оборонительных мероприятий русского правительства в Казахстане и Южной Сибири, то они не только спасли от полного физического уничтожения ойратских беженцев, но и вынудили маньчжуро-китайских завоевателей остановиться на северных рубежах Джунгарии и Западной Монголии.

Итак, в работах китайских историков обнаруживается стремление нынешних великоханьских шовинистов поставить историческую науку на службу своим гегемонистским устремлениям. Однако никакие лженаучные версии, в том числе извращение истории взаимоотношений Джунгарского ханства с Россией и цинским Китаем, не могут замаскировать авантюристический курс политики маоистов, опасность которой становится все более очевидной для народов Азии, о чем свидетельствует агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам.

---

[71] Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань. 1882, стр. 266—267.

[72] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 2, л. 159.

[73] Там же, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 6, л. 40; Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 276.

[74] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/I, д. 4, л. 614об.

[75] ЦГАДА, ф. 248; 1-й департамент сената, оп. 113, д. 1526, лл. 1—2; АВПР, ф. Киргиз-Кайсацкие дела, оп. 122/I, д. 1, лл. 1—2; д. 3, лл. 4—4об.; ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/I, д. 3, лл. 22об.— 23; И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1898, стр. 63—66.

РЕВОЛЮЦИЯ 1919 г. В ВЕНГРИИ

Л. Н. Нежинский

Героическая борьба Венгерской Советской республики 1919 г., возникшей в результате пролетарской революции 21 марта 1919 г.,— выдающееся событие в истории венгерского и мирового революционного движения. Не случайно эта тема на протяжении ряда лет привлекает внимание венгерских [1] и советских [2] историков.

Социалистическая революция 1919 г. в Венгрии явилась результатом бурного подъема революционного движения в стране, вызванного крайним обострением всех социальных противоречий венгерского общества, а также мощным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. До первой мировой войны Венгрия, бывшая частью Австро-Венгерской монархии, представляла собой узел национальных и социальных противоречий, выдвигавших перед страной необходимость решения ряда насущных задач — завоевания национальной независимости; уничтожения монархии и установления демократической республики; ликвидации помещичьего землевладения и наделения крестьян землей; решения национального вопроса в многонациональной Венгрии, где невенгерские национальности угнетались венгерскими господствующими классами. Трудящиеся Венгрии неоднократно поднимались на борьбу против господствующего режима. Однако революционное движение было слабо организованным и терпело неудачи из-за отсутствия зрелого авангарда — подлинно марксистской революционной рабочей партии. В своей значительной массе руководство действовавшей в стране Венгерской социал-демократической партии стояло на оппортунистических, реформистских позициях.

Неисчислимые страдания принесла трудящимся массам мировая война 1914—1918 гг., в которой Венгрия принимала участие на стороне австро-германского империалистического блока. В ходе военных действий Венгрия потеряла убитыми, ранеными и взятыми в плен около 10% населения. Резко сократилось производство всех отраслей промышленности. Катастрофически упала урожайность основных сельскохозяйственных культур. Над страной нависла зловещая тень голода и экономической разрухи. Коррупция и взяточничество проникли во все

---

[1] Д. Немеш. Историческое значение Венгерской Советской республики. Будапешт. 1960; его же. Великий Октябрь и революционная борьба в Венгрии. «Новая и новейшая история», 1977, № 5; Э. Липтаи. Венгерская Советская республика. М. 1970; Л. Рети. Ленин и венгерское рабочее движение. М. 1972; Hevesi G. Szocialis termelés. A Magyar Tanácsköztársaság ipárpolitikaja. Budapest. 1959; Szemere V. Az agrarkérdes 1918—1919-ben. Budapest. 1963; Sarlos B. A Tanácsköztarsaság jogrendszerének kialakulasa. Budapest. 1969; Hajdu T. A Magyarországi Tanácsköztársaság. Budapest. 1969.

[2] М. Ф. Лебов. Венгерская Советская республика 1919 года. М. 1959; В. Л. Исраэлян. 133 героических дня. М. 1959; Л. Н. Нежинский. Венгерская Советская республика в 1919 году. М. 1969; М. В. Троян. Угорська комуна 1919 р. Львів. 1970; И. М. Гранчак, М. Ф. Лебович. Бела Кун — выдающийся деятель венгерского и международного революционного движения. М. 1975.

поры государственного механизма. Заводчики, фабриканты, банкиры, крупные спекулянты неслыханно обогащались за счет военных поставок и связанных с ними всякого рода махинаций. Война до предела обострила все внутренние противоречия венгерского общества, подведя страну к революционному кризису.

Могучим толчком к развертыванию революционного движения в Венгрии послужила Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Опыт российского пролетариата наглядно показал венгерским трудящимся путь решения назревших проблем — только революция могла покончить с ненавистной войной, сбросить ярмо помещичье-капиталистической эксплуатации, дать возможность трудящимся самим решать свою судьбу. Под влиянием Великого Октября революционное движение в Венгрии стало развиваться в нарастающем темпе. Этому способствовала также активизация левого крыла социал-демократической партии и открыто выступавших против войны «революционных социалистов», оформившихся в 1917 г. в самостоятельную группу [3].

В начале 1918 г. по примеру пролетариата России венгерские трудящиеся стали создавать Советы рабочих депутатов. Ширились политические выступления рабочих, нарастала забастовочная борьба шахтеров, металлистов, требовавших отставки правительства, прекращения войны, введения 8-часового рабочего дня, улучшения материального положения. Антивоенные настроения охватили значительную часть австро-венгерской армии. В воинских подразделениях вспыхивали бунты, росло дезертирство. 1 февраля 1918 г. в Которе началось восстание моряков австро-венгерского флота, жестоко подавленное будущим фашистским диктатором Венгрии М. Хорти [4]. Росту революционных настроений в армии и среди демократических сил страны способствовали возвращавшиеся из Советской России венгерские военнопленные. Многие из них принимали участие в борьбе за Советскую власть и, вернувшись на родину, стали активными пропагандистами идей Октября [5].

В октябре — ноябре 1918 г. под воздействием военных поражений на фронтах и под ударами революционного и национально-освободительного движения народов рухнула реакционная австро-венгерская монархия Габсбургов. В ночь с 30 на 31 октября руководимые левыми социал-демократами и «революционными социалистами» рабочие подняли вооруженное восстание в Будапеште, в ходе которого было свергнуто реакционное правительство, возглавляемое ставленником венского двора графом Я. Хадиком. Несмотря на то, что главной движущей силой революции 1918 г. в Венгрии был рабочий класс, за которым пошли крестьянство и демократически настроенная мелкобуржуазная часть городского населения, плоды революции достались в основном буржуазии. Причиной этого была недостаточная организованность рабочих, отсутствие у них авангарда — подлинно революционной партии, способной вести массы вплоть до победы пролетариата. После переворота 31 октября 1918 г. у власти оказалось правительство, составленное из представителей двух буржуазных партий: партии независимости и радикалов. Возглавил правительство граф М. Карольи. В правительство вошли также два правых социал-демократа — Э. Гарами и Ж. Кунфи [6].

Одновременно в Венгрии легально существовали Советы депутатов трудящихся, число которых постепенно возрастало. Они состояли в ос-

---

[3] См. подробнее Д. Немеш. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционных сил в Венгрии. 1918—1919 гг. М. 1957.

[4] «A Magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai» (далее — MMTVD) 5. köt. Budapest. 1956, 54—96. old.

[5] Подробнее об этом см. А. Йожа, Д. Милеи. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М. 1977.

[6] См. «История венгерского революционного рабочего движения». Т. I. М. 1970, стр. 172—187.

новном из рабочих, солдат и трудящихся крестьян, выступавших за ликвидацию помещичье-капиталистического гнета и социальной несправедливости. Однако в силу недостаточного пока еще революционного опыта в ряде Советов к руководству пришли реформисты из социал-демократической партии, которые стремились направить борьбу в русло соглашательства с правящими кругами [7].

В результате революции 1918 г. было покончено с многовековым гнетом Габсбургов и Венгрия обрела государственную независимость. Это было победой прогрессивных сил Венгрии, важным завоеванием венгерского народа. В то же время социально-экономическое положение трудящихся почти не изменилось. Как показали последующие события, пришедшее к власти коалиционное правительство не собиралось затрагивать основ существовавшего строя. Оно обещало наделить землей безземельное крестьянство, но это обещание так и осталось на бумаге. Помещичье землевладение, на долю которого приходилось более половины всей обрабатываемой земли, по-прежнему душило деревню. В то же время власти силой оружия подавляли попытки крестьян приступить к разделу помещичьей земли. Так же жестоко правительство расправлялось с рабочими отдельных предприятий, стремившимися изгнать хозяев-эксплуататоров и установить свой контроль над производством. Старый чиновничий аппарат продолжал сохраняться. Обещанные выборы в Учредительное собрание откладывались.

Хотя Карольи был сторонником сближения с Антантой, коалиционное правительство оказалось неспособным вывести страну из состояния войны и добиться справедливого мира. Антанта открыто нарушала заключенное 13 ноября 1918 г. в Белграде перемирие с Венгрией, постепенно оккупируя отдельные части ее территории. В стране с каждым днем усиливались вызванные войной голод и экономическая разруха, от которых в первую очередь страдали трудовые слои народа. Доведенное до отчаяния население устраивало «голодные бунты». Постепенно трудящиеся все больше убеждались в неспособности и нежелании пришедшей к власти буржуазии осуществить какие-либо преобразования, направленные на улучшение положения трудовых масс, среди которых стало расти движение за отстранение буржуазии от власти.

Особый размах и целенаправленность это движение получило после 24 ноября 1918 года. В тот день произошло событие, имевшее историческое значение для венгерского революционного движения,— в Будапеште была образована Коммунистическая партия Венгрии (КПВ). Она была создана на основе слияния трех левых течений венгерского рабочего дзижения. Это были: 1) левые социал-демократы, стоявшие за разрыв с оппортунизмом, создание компартии, социалистическую революцию; их возглавляли Л. Рудаш, Б. Санто, Б. Ваго и др.; 2) коммунисты из находившихся в России венгерских военнопленных, значительная часть которых к этому времени вернулась на родину, в их числе Б. Кун, Э. Пор, Ф. Янчик и др.; 3) «революционные социалисты», открыто выступавшие за социалистическую революцию в Венгрии; во главе их стояли О. Корвин, И. Шаллаи, Д. Хевеши и др. Руководителем компартии стал Б. Кун [8].

С созданием компартии революционное движение Венгрии обрело ту направляющую силу, которая могла повести трудовые массы на решительную борьбу с господствовавшими классами. Это был переломный пункт в истории венгерского народа [9]. КПВ взяла курс на свер-

---

[7] Подробнее см. Hajdu T. Tanácsok Magyarországon 1918—1919. Budapest. 1958, 26—72. old.

[8] «История венгерского революционного рабочего движения», Т. I, стр. 186—187.

[9] Я. Кадар. Во главе народа, во имя его интересов. «Коммунист», 1978, № 17, стр. 85.

жение буржуазно-помещичьего господства и установление власти пролетариата. Коммунисты развернули активную деятельность по привлечению на свою сторону самых широких слоев народа, в первую очередь рабочих и трудящихся крестьян. В своей деятельности компартия умело сочетала повседневные требования рабочих, демобилизованных солдат и деревенской бедноты с лозунгами борьбы за социалистическую революцию. Разоблачая псевдодемократическую сущность коалиционного правительства, КПВ призывала массы к ниспровержению существующего строя, установлению диктатуры пролетариата и созданию социалистического государства. Путь к этому коммунисты видели в превращении Советов в органы подлинного народовластия. Внешнеполитическому курсу правительства Каролыи, ориентировавшегося на Антанту, компартия противопоставила требование союза с Советской Россией.

Кипучая деятельность коммунистов не замедлила сказаться. Рабочие, солдаты, молодежь, прогрессивные элементы интеллигенции присоединялись к компартии, заявляли о своей готовности бороться за победу подлинно демократической власти. КПВ увеличивалась численно, росла тяга к ней со стороны рядовых социал-демократов, требовавших от своего руководства единства действий с коммунистами. На сторону компартии перешли молодежная организация социал-демократов, а также некоторые профсоюзы. Учитывая, что после революции 1918 г. позиции венгерской буржуазии продолжали оставаться весьма шаткими, а силы революции в лице все более организованно выступавшего рабочего класса и поднимавшегося на борьбу крестьянства неуклонно росли, компартия взяла курс на мирное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Однако такое положение продолжалось недолго.

Оправившись от первых потрясений, буржуазия и клерикально-помещичья реакция встали на путь спешной мобилизации своих сил и перешли в наступление против компартии, демократических элементов, сил революции. Начались репрессии. 21 февраля 1919 г. правительство с полного согласия его социал-демократических членов арестовало и бросило в тюрьму большинство руководства КПВ, а также четырех руководителей прокоммунистически настроенного Союза рабочей молодежи. Власти закрыли редакцию центрального органа партии — газеты «Vörös Ujság» [10]. В это время большую роль сыграл нелегальный резервный партийный центр, предусмотрительно созданный на случай ареста членов ЦК. Ни репрессии, ни тюрьмы не сломили боевого духа коммунистов. Влияние компартии в народе продолжало расти. Конец февраля — начало марта 1919 г. отмечены новыми выступлениями рабочих и крестьян, требовавших улучшения жизненных условий, а также освобождения из тюрем коммунистов [11].

Несмотря на репрессии, ширилось движение крестьян за захват помещичьих земель. В начале марта батраки и малоземельные крестьяне овладели возле г. Капошвара землями одного из крупнейших земельных магнатов Венгрии, Эстергази, и других помещиков. Помещичьи земли стали захватываться в комитатах Шомодь, Хайду, Бихар, Фейер, Хевеш и других. В городах усиливалось стачечное движение рабочих. 18 марта забастовали рабочие крупнейшего индустриального района столицы — Чепеля, требовавшие освободить из тюрем коммунистов и установить власть рабочих. В тот же день по всей стране состоялись многочисленные демонстрации в честь 48-й годовщины провозглашения Парижской Коммуны. Большинство из них проходило под лозунгом немедленного установления диктатуры пролетариата. 20 марта забастовали рабочие-печатники, вследствие чего перестало выходить большин-

[10] MMTVD, 5. k"t. 559—594. old.
[11] Ibid. 594—691. old.

ство газет. В ходе рабочих и крестьянских выступлений многие Советы рабочих и солдатских депутатов высвобождались из-под реформистского влияния правосоциалистических элементов [12].

Началось разрушение старого государственного аппарата. В первой половине марта трудящиеся нескольких областей Венгрии изгнали управляющих комитатами правительственных комиссаров и установили там свою власть в лице Советов депутатов трудящихся, а там, где не было Советов, создали «директориумы» — временные революционные органы власти. В правящих кругах царили паника и растерянность, показателем чего явился самороспуск буржуазной радикальной партии и кризис других буржузных партий. Полностью дискредитировавшая себя в глазах народных масс власть буржуазии доживала последние дни. В стране назрел революционный кризис [13].

Обстановка, сложившаяся в Венгрии, вызвала большое беспокойство правящих кругов стран Антанты. Они поспешили предупредить дальнейшее развитие революции посредством оккупации страны. Глава военной миссии Антанты в Будапеште Викс вручил 20 марта 1919 г. венгерскому правительству ноту, в которой державы-победительницы требовали вывести венгерские войска со значительной части территории страны [14]. Принятие этого ультиматума грозило оккупацией ряда венгерских районов войсками Антанты и ее сателлитов. Аннексионистские притязания Антанты были с возмущением встречены населением страны. Стоявшее у власти буржуазное правительство Д. Беринкеи (временным президентом Венгрии с 11 января 1919 г. был Карольи) не взяло в этих условиях на себя смелость ни принять их, ни отклонить и ушло в отставку [15]. В то же время, пытаясь не допустить утверждения в стране «большевизма», венгерская буржуазия обратилась к правым социал-демократам, предложив их лидерам создать новое правительство. Однако социал-демократическое руководство, сознавая слабость своего влияния в массах, не решилось единолично взять власть в свои руки и направило к заключенным с февраля в тюрьму руководителям компартии делегацию для переговоров о совместных действиях социал-демократической и коммунистической партий.

21 марта 1919 г. между руководством коммунистов и социал-демократов было заключено соглашение о немедленном объединении коммунистической и социал-демократической партий в единую Социалистическую партию Венгрии, которая от имени пролетариата берет государственную власть в свои руки. В тот же день заседание Будапештского Совета рабочих депутатов с большим энтузиазмом приветствовало достигнутое соглашение. Отряды вооруженных рабочих быстро заняли основные опорные пункты столицы и, разоружив остатки полиции и войск, выступавших за прежнее правительство, установили полный контроль над Будапештом [16]. 21 марта было создано новое правительство — Революционный правительственный совет. Фактическим руководителем его стал Б. Кун, занявший пост наркома по иностранным делам. Правительственный совет объявил о полном идейно-политическом единстве с правительством Советской России. В первом же его программном документе говорилось о необходимости военного союза со страной Октября [17]. В последующие дни рабочий класс Венгрии взял в свои руки власть и в провинции. Государственная власть повсеместно перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

---

[12] Ibid. 626—654. old.
[13] Ibid. 668—685. old.
[14] Ibid. 677—679. old.
[15] Ibid. 679—681. old.
[16] Ibid. 685—691. old.
[17] Ibid. 6. köt. I rész. Budapest. 1959. 3—5. old.

В Венгрии победила пролетарская революция — победила без кровопролития, мирным путем. Это стало возможным вследствие поддержки социалистической революции самыми широкими кругами венгерского народа, в том числе и армией. Деморализованный и открыто признавший свою неспособность управлять государством буржуазно-помещичий лагерь оказался в изоляции. В этих условиях буржуазия и помещики не имели достаточно сил, чтобы оказать вооруженное сопротивление [18]. Важным фактором, обеспечившим мирную победу революции в Венгрии, явилась благоприятная международная обстановка. Героическое сопротивление интервенции Антанты со стороны Советской России, а также революционное движение в странах Центральной Европы лишили империалистов возможности вооруженной силой помешать установлению диктатуры пролетариата в Венгрии.

Победа социалистической революции в Венгрии имела большое значение не только для дальнейшего общественного развития самой Венгрии, но и для всего международного революционного движения. Установление диктатуры пролетариата в одной из стран Центральной Европы рассматривалось прогрессивными силами как новое проявление животворности марксистско-ленинской теории. Революция в Венгрии опрокидывала постулаты буржуазных теоретиков и оппортунистов, отрицавших международное значение установления Советской власти в России и объяснявших победу социалистической революции там только «специфически русскими условиями». Эту сторону пролетарской революции в Венгрии специально подчеркнул В. И. Ленин в своем выступлении при закрытии VIII съезда РКП(б): «Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии,.. если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания» [19].

Говоря о больших трудностях, встающих перед венгерской революцией, Ленин в то же время отмечал: «Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса... Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата» [20]. Ленин обратил также особое внимание на приход венгерских Советов к власти без кровопролития, подчеркнув большую притягательную силу этого фактора для трудящихся тех стран, где социалистическая революция еще стоит на повестке дня. Отмечая исключительно трудные условия, в которых трудящиеся России осуществили пролетарскую революцию, он указывал, что «в том государстве, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления», как в России, «задачи Советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты... Другие страны приходят другим путем,.. приходят к тому же — к Советской власти. Вот почему пример Венгрии будет иметь решающее значение» [21].

---

[18] Hajdu T. A Magyarországi Tanácsköztarsaság, 23—48. old.
[19] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 213.
[20] Там же, стр. 214.
[21] Там же, стр. 261—262.

Венгерская Советская республика возникла в период острого политического положения в Европе. Первая мировая война закончилась, но мир еще не наступил. В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж, Ж. Клемансо, В. Орландо и другие лидеры государств Антанты, одержавшей победу над своими противниками, были озабочены не только заключением империалистического мира. Не меньше их беспокоило, чтобы пожар революции, зажженный Великим Октябрем, не перекинулся на другие страны. «Русский вопрос» не сходил с повестки дня Парижской мирной конференции. Несмотря на отчаянные попытки Антанты «задушить революцию в колыбели», Советская Россия стойко отражала атаки многочисленных врагов. В этой обстановке и произошла революция в Венгрии.

Наряду с идейно-политической и моральной поддержкой, оказанной Советской России, Венгерская Советская республика в определенной мере спутала интервенционистские планы, вынашиваемые Антантой против РСФСР. Командовавший десантом интервентов под Одессой французский генерал Ф. д'Эспере признает в своих мемуарах, что наряду с другими причинами известие о пролетарской революции в Венгрии побудило его отказаться от разработанного им плана военных действий против Советской России [22]. Уже на другой день после провозглашения Советской республики в Венгрии нарком РСФСР по иностранным делам Г. В. Чичерин, радируя Б. Куну, подчеркивал «чрезвычайную ценность» для Советской России появления союзника в Средней Европе [23].

Ленин, партия большевиков рассматривали социалистическую революцию в России как составную часть мировой революции. Поэтому понятно то воодушевление, с которым трудящиеся Советской России приветствовали Венгерскую Советскую республику. По поручению VIII съезда РКП(б) 22 марта 1919 г. Ленин направил приветственную телеграмму Советскому правительству Венгрии, в которой говорилось: «VIII съезд Российской Коммунистической партии шлет пламенный привет Венгерской Советской республике. Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую Советскую республику» [24]. Социалистическая революция в Венгрии с воодушевлением была встречена мировым революционным движением. Победу венгерского рабочего класса приветствовали трудящиеся Варшавы, Вены, Праги и многих других городов [25].

Между Венгерской Советской республикой и Советской Россией установились братские отношения. Налаживались дипломатические контакты, предпринимались меры для осуществления экономических связей, проводился широкий обмен информацией. Между Будапештом и Москвой поддерживалась постоянная радиосвязь, что было нелегким делом ввиду несовершенства тогдашней радиоаппаратуры. Жизнь и борьба Венгерской Советской республики постоянно находились в поле зрения рабочих, крестьян, красноармейцев, революционной интеллигенции Советской России, широко освещались в советской прессе [26].

С первых же дней установления пролетарской диктатуры Ленин внимательно следил за развитием событий в Венгрии. Получив сооб-

[22] В. Л. Израэлян. Из истории советско-венгерской дружбы. «Международная жизнь», 1959, № 3, стр. 83.

[23] Там же.

[24] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 186.

[25] См. «1919 год в Венгрии». М. 1959, стр. 142—154.

[26] Подробнее см. Л. Н. Нежинский. Из истории советско-венгерских отношений (март—август 1919 г.). «Исторические записки». Т. 77. М. 1965.

щение об объединении венгерских коммунистов и социал-демократов, он сразу же подметил, сколь опасным может оказаться такое объединение, если коммунисты не добьются принятия мер, гарантирующих недопущения подрывных действий правосоциалистических элементов в объединенной партии, а также не обеспечат своего позиционного перевеса в партии и в органах диктатуры пролетариата. 23 марта Ленин направил Б. Куну телеграмму, в которой запрашивал: «Сообщите, пожалуйста, какие Вы имеете действительные гарантии того, что новое венгерское правительство будет на самом деле коммунистическим, а не только просто социалистическим, то есть социал-предательским? Имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдет съезд Советов? В чем состоит реально признание социалистами диктатуры пролетариата?» [27]. Наряду с этим Ленин предостерегал венгерских коммунистов от голого подражания во всех деталях тактике большевиков, указывая, что при своеобразных условиях венгерской революции такое подражание было бы ошибкой [28].

В последних числах марта 1919 г. Ленин беседовал в Москве с делегатом на учредительный конгресс III Интернационала от КПВ, главным редактором центрального органа партии газеты «Vörös Újság» Л. Рудашем. По воспоминаниям Рудаша, Владимир Ильич интересовался данными о соотношении классовых сил в Венгрии, о позиции крестьянства, о конкретных мероприятиях венгерской пролетарской диктатуры. Касаясь вопроса о партии, Ленин определял организационные условия, на которых произошло объединение венгерских коммунистов и социал-демократов, как опасные [29]. Последующие события подтвердили правомерность этих прогнозов. Дело в том, что при объединении венгерских коммунистов и социал-демократов произошло в значительной степени растворение компартии в гораздо более многочисленной социал-демократической партии. В последней же наряду с левыми социалистами продолжало оставаться сильное центристское и правое крыло, для которых объединение с коммунистами было лишь вынужденной уступкой сложившимся обстоятельствам [30]. Как только наступило обострение классово-социальных схваток, большинство этих людей либо сильно заколебалось, либо встало на путь всемерного противодействия рабочей власти.

О глубоком понимании Лениным событий, происходивших в Венгрии, свидетельствует написанное им 27 апреля приветствие Баварской Советской республике [31]. Переданное через Будапешт [32], оно содержало ценные советы не только для баварских коммунистов, но и для руководителей Венгерской Советской республики. В нем, в частности, говорилось: «Очень просим вас сообщать чаще и конкретнее, какие меры вы провели для борьбы с буржуазными палачами Шейдеманами и К°, создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии

---

[27] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 217.
[28] См. там же.
[29] «1919 год в Венгрии», стр. 48.
[30] См. «История венгерского революционного рабочего движения». Т. , стр. 228—232.
[31] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 321—322.
[32] См. Л. Рети. Указ. соч., стр. 188.

для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки,.. ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях? Самое спешное и широкое проведение таких и подобных мер при самодеятельности рабочих, батрацких и особо от них мелкокрестьянских Советов должно укрепить ваше положение» [33]. В конце июля 1919 г. Ленин телеграфировал Б. Куну: «Надеюсь, что Вы принимаете меры, рекомендованные мною баварцам» [34].

В конце мая 1919 г. по поручению венгерского правительства в Москву приезжал один из активнейших деятелей Советской Венгрии, Т. Самуэли, который имел встречу с Лениным. Владимир Ильич проявлял живой интерес к событиям в Венгрии, детально расспрашивал об обстановке в стране [35]. По возвращении в Венгрию Самуэли привез венгерским трудящимся послание Ленина «Привет венгерским рабочим». В этом историческом документе, основные положения которого сохраняют важное теоретическое и практическое значение и по сей день, Ленин обращал внимание на тот факт, что с установлением диктатуры пролетариата классовая борьба не исчезает, а только меняет свои формы, «становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [36]. В послании подчеркивалась необходимость применения со стороны диктатуры пролетариата «быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер» [37].

Вождь мирового пролетариата указывал в своем послании, что сущность пролетарской диктатуры «не в одном насилии» и «не главным образом в насилии», а «в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата». «Его цель —создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком». Эту цель «нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму» [38]. Ленин специально останавливался на вопросе о роли и значении крестьянства при диктатуре пролетариата. Он объяснял, что надо понять двойственную природу трудового крестьянина, который «как труженик тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии», а «как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму» [39]. Лишь учитывая это, можно постепенно привлечь крестьян к построению социализма в стране.

Еще раз напоминая о принципиальном значении установления диктатуры пролетариата как наиболее целесообразной по форме и по сущности государственной власти после революционного переворота, Ленин подчеркивал: «Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники

[33] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 321—322.
[34] В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 28.
[35] «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Т. 7. М. 1976, стр. 229; Л. Рети. Указ. соч., стр. 156—161.
[36] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 387.
[37] Там же, стр. 385.
[38] Там же.
[39] Там же, стр. 386.

капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог *вести за собой* крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда»... делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии»[40]. И далее: «Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» *товаровладельцев,* «свободу и равенство» *капиталиста и рабочего)*»[41].

В конце послания Ленин обращался к венгерским рабочим со словами горячей поддержки: «Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что̀ есть честного в рабочем классе, на вашей стороне... Будьте тверды! Победа будет за вами!»[42]. Быстро ставшее известным среди широких слоев населения ленинское послание было с большим воодушевлением встречено революционными массами Венгрии[43].

Мирный период существования пролетарской диктатуры в Венгрии продолжался недолго. Империалистические круги Антанты предприняли все меры, чтобы потушить очаг революции, возникший в самом центре Европы. В середине апреля 1919 г. Антанта начала вооруженную интервенцию против Венгрии. В интервенции участвовали войска Румынии и Чехословакии, буржуазия и помещики которых стремились привязать свои страны к колеснице держав-победительниц, а также не допустить влияния Венгерской Советской республики на свои страны. Революционные массы Венгрии поднялись на вооруженную борьбу против интервентов[44].

В первой половине мая венгерская Красная Армия, совершив свой знаменитый северный поход, отбросила интервентов далеко назад, освободив значительную часть территории Венгрии и Словакии. На освобожденной словацкой территории волею народных масс была создана Словацкая Советская республика.

Несмотря на трудную обстановку на фронтах гражданской войны, трудящиеся Советской России рассматривали военную помощь революционной Венгрии в качестве одной из своих неотложных задач. Придавая большое значение ее решению, Ленин 21 апреля 1919 г. направил главнокомандующему Красной Армией И. И. Вацетису и члену Реввоенсовета республики С. И. Аралову телеграмму, в которой ставил две задачи: «Именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией»[45]. 23 апреля Политбюро ЦК РКП(б) вынесло

---

[40] Там же.
[41] Там же, стр. 387.
[42] Там же, стр. 388.
[43] Л. Рети. Указ. соч., стр. 165—168.
[44] Подробнее см. Э. Липтаи. Указ. соч., стр. 219—255.
[45] В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 286.

специальное решение, в котором предлагало ЦК КП(б)У и командованию Украинского фронта: «а) занять Донецкий бассейн и б) установить непрерывную связь с Венгрией» [46].

Командование Красной Армии разработало и начало осуществлять план соединения с войсками революционной Венгрии через оккупированную румынами Бессарабию. 13 мая в телеграмме Б. Куну Ленин сообщал: «Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр. Шлю наилучшие приветы Вам и всем венгерским товарищам» [47]. В конце мая Красная Армия освободила Бендеры, о чем Чичерин тотчас же сообщил Б. Куну [48]. В то же время другие ее части, в том числе и 1-я советская украинская дивизия под командованием Н. А. Щорса, готовились для соединения с войсками революционной Венгрии через Буковину и Галицию. Но продвижению Красной Армии на соединение с Советской Венгрией помешало наступившее в мае ухудшение положения на Южном фронте, что было вызвано активными операциями деникинских войск, а также изменой командира одной из дивизий Красной Армии, бывшего атамана Григорьева, ранее перешедшего на сторону Советской власти от Петлюры [49]. Крайнее напряжение всех сил для отражения деникинского нашествия и ликвидации «григорьевщины» не дало возможности правительству Советской России выделить достаточное количество войск, чтобы пробиться на помощь революционной Венгрии.

Несмотря на героические усилия, венгерским трудящимся не удалось отстоять свою власть. Слишком неравными оказались силы. Просуществовавшая 133 дня Венгерская Советская республика пала под объединенными ударами международной и внутренней контрреволюции. Но даже за этот короткий срок Советская власть в Венгрии успела многое сделать. В собственность народа перешли все банки, промышленные предприятия, шахты, транспорт. Советская республика не только провозгласила свободу собраний, митингов, печати, но и отобрала у господствующих классов и передала народу необходимые для осуществления этих свобод помещения, типографии, запасы бумаги. Впервые в истории Венгрии подавляющее большинство народа получило право выбирать и быть избранным в органы государственной власти. В то же время были лишены избирательных прав лица, эксплуатировавшие чужой труд [50].

Несмотря на экономические трудности, Советскому правительству Венгрии удалось повысить заработную плату трудящимся. По сравнению с последними месяцами 1918 г. рабочие стали получать примерно на 25% больше, служащие — на 15%. В распоряжение трудового народа были переданы лучшие курорты и дачи, принадлежавшие прежде богачам. В фешенебельных особняках и замках венгерских аристократов были открыты сады и ясли для детей трудящихся, дома для беспризорных. Многие рабочие впоследствии вспоминали весну и лето 1919 г. как самую светлую пору своего детства. Советская власть в Венгрии приступила к решению такой важной проблемы, как ликвидация жилищного кризиса и улучшение жилищных условий трудящихся [51], к развертыванию культурной революции в стране. Одним из первых шагов в этом направлении явилась национализация школ, а также отделение церкви от государства и школы от церкви. Намечалось осуществить всеобщее бесплатное обязательное обучение детей от 6 до 14

---

[46] «История гражданской войны в СССР». Т. IV. М. 1959, стр. 71.
[47] В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 310.
[48] «Pártlörténeti közlemények», 1961, № 3, 113. old.
[49] См. «История гражданской войны в СССР». Т. IV, стр. 174—181.
[50] М. В. Троян. Указ. соч., стр. 88—124.
[51] М. Ф. Лебов. Указ. соч., стр. 156—169.

лет. Были предприняты практические меры по созданию промышленных, сельскохозяйственных и торгово-кооперативных профессиональных школ, поступать в которые могла молодежь от 15 до 18 лет. Широко распространилось движение за ликвидацию неграмотности. На службу трудящимся было поставлено библиотечное дело, а также издание и распространение книг [52]. Многие из намечавшихся пролетарской диктатурой мероприятий в области экономики и культуры не были претворены в жизнь из-за кратковременности периода Советской власти в Венгрии. Но и те преобразования, которые были осуществлены, явились примером того, каких больших результатов в деле коренного улучшения жизненных условий трудящихся может достигнуть пролетариат, взяв власть в свои руки.

Родившаяся под влиянием идей марксизма-ленинизма, под непосредственным воздействием Великого Октября, Венгерская Советская республика явилась историческим завоеванием венгерских трудящихся.

Память о героических днях революции 1919 г. живет в сердцах венгерского трудового народа, в сердцах прогрессивных людей всех стран. «Венгерский рабочий класс глубоко благодарен Ленину,— отмечает Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар,— за поддержку, оказанную им венгерской пролетарской революции, чтит в нем великого друга венгерского народа. Думая о Ленине, о победе Октябрьской революции в России в 1917 г., мы вспоминаем и о героях Венгерской Советской республики 1919 г., о Бела Куне, о когорте венгерских последователей Ленина, о наших революционных предшественниках» [53]. В период существования Советской власти страна поднялась на высшую ступень общественного развития. Пролетарская диктатура 1919 г., означавшая господство миллионов трудящихся на собственной земле, была первой подлинно народной властью в истории Венгрии. Революция 1919 г. в Венгрии наглядно продемонстрировала всему миру международное значение установившейся в 1917 г. в России Советской власти. Победа венгерских трудящихся в 1919 г. способствовала распространению пламени социалистической революции на другие европейские страны. Вслед за Венгерской возникли Баварская и Словацкая советские республики [54].

В 1919 г. трудящиеся Советской Венгрии и России показали яркий пример интернациональной взаимопомощи. Братская взаимная поддержка российских и венгерских трудящихся вселяла в них веру в победу, помогала им в борьбе против внутренней и международной контрреволюции.

Для международного революционного движения существенное значение имеет анализ причин, приведших к падению Венгерской Советской республики. На это обращал особое внимание Ленин, подчеркнувший, что одной из главных причин поражения Советской Венгрии была империалистическая интервенция Антанты и ее сателлитов [55].

Опыт событий 1919 г. в Венгрии наглядно показал, сколь опасно для дела социалистической революции малейшее забвение положения о ведущей организационной роли по-настоящему сплоченной, вооруженной марксистско-ленинской теорией партии — авангарда рабочего класса, руководящей и направляющей силы революции. Хотя слияние двух рабочих партий 21 марта 1919 г. произошло на основе признания социал-

---

[52] См. «A Magyar Tanácsköztarsaság müvelödéspolitikaja». Budapest. 1959. 7—128. old.

[53] Я. Кадар. Избранные статьи и речи. (Февраль 1970 — декабрь 1975). М. 1976, стр. 22.

[54] Подробнее см. Д. Немеш. Историческое значение Венгерской Советской республики.

[55] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 131, 243.

демократами коммунистических принципов, в действительности это признание было лишь видимым. Правосоциалистические элементы не намеревались отказываться от своей оппортунистической деятельности. Они саботировали важнейшие социально-экономические мероприятия Советской власти, подрывали партию изнутри, шли на прямую измену делу рабочего класса [56]. В результате пролетарская власть в Венгрии оказалась лишенной последовательно революционного руководителя. Все это весьма отчетливо проявилось и на съезде объединенной партии 12—13 июня 1919 года. После съезда на заводах, предприятиях, в профсоюзах началось под руководством коммунистов движение за вытеснение из партии противников диктатуры пролетариата и воссоздание компартии [57]. Однако наступившее ухудшение положения на фронтах и последовавшее затем падение Венгерской Советской республики не дали этому движению возможности развернуться. Предательская деятельность правой социал-демократии была одной из причин, приведших к поражению Советской власти в Венгрии. «Ни один коммунист,— указывал Ленин,— не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату» [58].

Опыт Венгерской Советской республики подтвердил, что для стран со значительным крестьянским населением обязательным условием успешного установления и развития народной власти является союз рабочих и трудового крестьянства. Отобрав землю у помещиков, новое венгерское правительство не разделило, однако, ее между безземельными и малоземельными крестьянами, которые мечтали о ней многие десятилетия. Поместья были превращены в крупные государственные хозяйства. Таким образом, надежды крестьян получить землю из рук Советской власти не осуществились [59]. Этим воспользовались бывшие помещики, духовенство, кулачество. Они повели враждебную агитацию среди населения. Немало крестьян поддалось этой агитации и не поддержало Советскую власть в решающие для нее моменты. Ленин впоследствии отмечал, что «установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне... Поденщики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило. В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодальное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части крупных земельных владений, из которых можно кое-что дать мелким крестьянам... Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой. Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться» [60]. Правда, следует отметить, что правительством Венгерской Советской республики были предприняты некоторые шаги к исправлению ошибки, допущенной в аграрном вопросе. Но практическим мероприятиям в этом направлении помешало резко ухудшившееся внутреннее и внешнеполитическое положение республики. Просчеты, допущенные венгерскими коммунистами, объясняются во многом необычайной сложностью обстановки, в которой им пришлось бороться.

Через несколько месяцев после падения Венгерской Советской республики при покровительстве Антанты власть в Венгрии захватила клика во главе с кровавым диктатором Хорти [61]. Над страной на дол-

---

[56] «История венгерского революционного рабочего движения». Т. I, стр. 282—283.
[57] См. Э. Липтаи. Указ. соч., стр. 337.
[58] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 205.
[59] Бела Кун. Уроки пролетарской революции в Венгрии. М. 1960, стр. 19—21.
[60] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 252.
[61] Подробнее см. Д. Немеш. Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М. 1964.

гие годы нависла мрачная тень контрреволюционного режима. Но фашистским правителям Венгрии, несмотря на все старания, не удалось уничтожить братскую солидарность трудящихся Венгрии и Советского Союза. «Вдохновляясь благородными идеями пролетарского интернационализма,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— советские и венгерские коммунисты пронесли свой боевой союз — это бесценное наследие Октября и первой Советской Венгерской республики — через все труды и битвы нашей бурной эпохи. Сообща они вписали немало ярких страниц в историю мирового революционного движения» [62]. В годы Великой Отечественной войны немало венгерских патриотов, воодушевленных героической борьбой народов СССР, поднялись на борьбу с фашизмом. Советский Союз, который вынес на своих плечах основную тяжесть этой борьбы, оказал венгерскому народу помощь в ликвидации фашистского режима и создании государства рабочих и крестьян. Сбылись пророческие слова Ленина, твердо верившего в то, что за потерпевшей поражение первой пролетарской революцией в Венгрии наступит другая, победоносная [63].

Взяв в свои руки государственную власть, завоевав командные высоты в экономике, рабочий класс Венгрии в тесном союзе с трудящимся крестьянством, при поддержке всех демократических сил заложил основы социализма и на современном этапе строит развитое социалистическое общество. При этом победивший рабочий класс использовал в своей деятельности все лучшее, что дала революционная практика пролетарской диктатуры 1919 г. в Венгрии.

---

[62] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 6. М. 1978, стр. 240.
[63] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 131.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Р. Г. Тумковский

Переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) стали возможны лишь благодаря почти четвертьвековой борьбе Советского Союза за укрепление своей и своих союзников безопасности в ходе навязанной ему правящими кругами США гонки стратегических ядерных вооружений. Главным направлением этой борьбы было преодоление упорного стремления США добиться решающего ядерного превосходства, чтобы силой решить в свою пользу основное противоречие современной эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом.

Двусторонним советско-американским переговорам предшествовали многосторонние переговоры по разоружению в рамках ООН. СССР выдвинул в Атомной комиссии ООН 19 июня 1946 г. проект международной конвенции о полном и безоговорочном запрещении производства и применения атомного оружия. В своей основе проект конвенции исходил из признания принципа равенства и одинаковой безопасности всех подписавших ее государств. Однако в ходе обсуждения советского предложения в Атомной комиссии США добились его отклонения и противопоставили ему так называемый план Баруха, который был направлен на закрепление американской атомной монополии. Никаких конкретных мер по атомному разоружению он не предусматривал. Его авторы считали разоружение делом отдаленного будущего. Естественно, что «план Баруха» был отвергнут Советским Союзом. Так наметились два противоположных подхода к проблеме атомного разоружения: советский, направленный на достижение равенства и одинаковой безопасности для всех государств, и американский, рассчитанный на обеспечение США военного превосходства. В ходе дальнейших переговоров по разоружению Соединенные Штаты неоднократно выступали с рядом «инициатив», которые, однако, неизменно содержали попытки добиться односторонних военных преимуществ в ущерб СССР.

Указанная проблема привлекла пристальное внимание советских ученых [1]. В настоящей статье рассматривается современный этап советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений.

1. *Американская пропаганда и реальности гонки вооружений.* В ответах на вопросы еженедельника Социал-демократической партии Германии «Форвертс» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркнул, что «гонка вооружений развивалась по принципу «действие — противо-

---

[1] «История внешней политики СССР». Т. 2. 1945—1975 гг. М. 1976; см. также В. Хайцман. СССР и проблема разоружения. 1945—1959. М. 1970; Л. Я. Черкасов. Стратегия мира. М. 1972; А. Е. Ефремов. Ядерное разоружение. М. 1976.

действие»: Запад бросал вызов, Советский Союз должен был вызов принимать. Так было на всем протяжении от первой атомной бомбы до наших дней. И начало каждого нового витка в гонке вооружений неизменно сопровождалось новой волной воплей о «советской угрозе» [2]. В этой гонке США неизменно выступали как инициатор. Вынужденные считаться с мировым общественным мнением, руководители США для оправдания своих очередных милитаристских шагов неизменно обращались к лживому тезису о «советской угрозе», стремясь переложить ответственность за гонку вооружений на Советский Союз. Сначала СССР приписываются «угрожающие» намерения, а затем провозглашается необходимость наращивания вооружений для их «нейтрализации».

Таким образом оправдывался всякий раз очередной тур гонки вооружений. В середине 50-х годов США для «обоснования» воздушно-атомного рывка заявили о существующем якобы американском отставании от СССР в стратегической авиации («бомбардировочный отрыв»). Под предлогом преодоления этого отставания сначала администрация Г. Трумэна, а затем Д. Эйзенхауэра развернули беспрецедентные программы строительства стратегических бомбардировщиков и накопления атомных и термоядерных бомб. Одновременно США стали проводить широкую программу строительства авиабаз для своих стратегических бомбардировщиков на территориях союзных им государств вблизи границ СССР [3]. Стратегической авиации отводилась роль главной ударной силы. Маскируясь тезисом о «бомбардировочном отрыве», США в 50-х годах довели ее численность почти до 2 тыс. самолетов [4].

В конце 50-х — начале 60-х годов руководители Пентагона, подготавливая новый тур гонки вооружений — ракетно-ядерных, опять выступили с утверждениями о «советской угрозе». На этот раз они связывали ее с мнимым «ракетным отставанием» от СССР. Министр обороны США Н. Макэлрой в 1959 г. объявил, что Советский Союз способен в короткие сроки создать крупные силы межконтинентальных баллистических ракет (до 1500 единиц в 1963 г.) и значительно обогнать Соединенные Штаты [5]. Преемник Макэлроя Р. Макнамара уже в 1962 г. назвал тезис о «ракетном отставании» США мифом. Тем не менее под его прикрытием администрация Дж. Кеннеди развернула ракетно-ядерные компоненты своих стратегических сил — межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты на подводных лодках-ракетоносцах (БРПЛ).

Не составляет исключения и современный этап гонки вооружений. Подводя «базу» под программы развертывания ракет с разделяющимися головными частями (РГЧ), в Вашингтоне стали утверждать, что Советский Союз располагает способностью вести ограниченную ядерную войну против США [6]. Ввиду этого была поставлена задача, чтобы США обладали такой же способностью. Это, в частности, и послужило предлогом для нового этапа гонки вооружений. Советскую позицию в отношении ограниченной ядерной войны высказал Л. И. Брежнев в беседе с видным американским политическим деятелем А. Гарриманом. В информации об этой беседе приведены слова американского деятеля, «что Л. И. Брежнев решительно не согласен с развиваемыми коекем в США теориями так называемой «ограниченной» ядерной войны.

---

[2] «Коммунист», 1978, № 8, стр. 11.

[3] В то время, пишет Г. Киссинджер, «даже на наши военные союзы мы смотрели главным образом с точки зрения возможности приобретения за их счет необходимых нам авиационных баз». Г. Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. М. 1959.

[4] «The Superpowers in Multinuclear World». Toronto. 1974, pp. 276—279.

[5] «US Congress, Senat Committee on Armed Services and Committee on Aeronautical and Space Joint Hearings Missile and Space Activities, 86th Congress, 1st Ses.». 1959, pp. 25—26.

[6] R. Nixon. US Foreign Policy for the 1970's. April 1973, p. 182.

Советский руководитель, подчеркнул Гарриман, считает, что говорить о допустимости «ограниченной» ядерной войны — большая ошибка. Надо добиваться исключения всякой ядерной войны вообще» [7].

Главной целью, которую США преследовали, начиная новые витки гонки вооружений, было стремление американских правящих кругов достичь военно-технического и стратегического превосходства над СССР.

Ответный характер вынужденных действий Советского Союза в области создания и развертывания новых стратегических систем оружия несомненен. Эту сторону вопроса специально подчеркивал Л. И. Брежнев: «Те круги в США и союзных им странах, которые выступают против разрядки напряженности, стремятся подстегнуть гонку вооружений, пытаются сейчас возложить ответственность за эту гонку на Советский Союз. Это явное искажение действительности... Общеизвестные факты говорят о том, что гонка вооружений, соперничество в создании наиболее опасных видов оружия массового уничтожения были нам навязаны. Не мы начинали создавать атомные бомбы, подводные лодки со стратегическими ракетами, кассетные боеголовки и многое другое» [8].

В свое время Дж. Ф. Даллес писал: «Столь быстрое овладение Советами производством атомной бомбы поистине является гигантским успехом Советского Союза, а конец атомной монополии США окажет настолько далеко идущее влияние на положение в мире, что его сейчас даже трудно предсказать... Покончив с нашей монополией, Советский Союз тем самым радикально изменил в свою пользу стратегическое положение. Способность Соединенных Штатов сбросить атомные бомбы на Россию в значительной мере нейтрализована способностью последней сбросить атомные бомбы на Соединенные Штаты и Западную Европу» [9]. Утратив монополию на атомное оружие, США сделали ставку на термоядерное оружие. Однако Советский Союз решил эту проблему раньше США. 12 августа 1953 г. СССР произвел испытание первого в мире термоядерного заряда. Оценивая военно-политические последствия этого факта для США, тогдашний американский министр авиации Т. Финлеттер писал: «Водородная бомба изменила все положение». «В данном случае,— продолжал он,— затронута безопасность нашей страны, чего не было при появлении атомной бомбы. В период 1945—1954 гг. атомная бомба не представляла собой смертельной угрозы для Соединенных Штатов. В течение четырех лет из этих девяти только мы одни владели атомной бомбой. В остальные пять лет у русских не было достаточного количества этих бомб, чтобы уничтожить Соединенные Штаты. Теперь через короткое время русские будут иметь достаточное количество водородных бомб, чтобы небольшой их частью быть способными уничтожить Соединенные Штаты» [10].

В ответ на резкое наращивание Соединенными Штатами числа стратегических бомбардировщиков СССР в 50-х годах создал свои межконтинентальные бомбардировщики. Оценивая последствия советского ответа, Г. Киссинджер писал в 1957 г.: «Создание в Советском Союзе межконтинентальных бомбардировщиков, способных преодолевать огромные расстояния, возвращаться на свои базы, вместе с увеличением советских запасов ядерного оружия явилось причиной коренного изменения в стратегическом соотношении сил в послевоенный период» [11].

На начатый США в 60-х годах ракетно-ядерный тур гонки вооружений СССР ответил укреплением своего ракетно-ядерного потенциа-

---

[7] «Правда», 21.IX.1976.
[8] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 81.
[9] J. F. Dulles. War or Peace? N. Y. 1957, p. 151.
[10] Т. Финлеттер. Сила и политика. М. 1956, стр. 312—313.
[11] Г. Киссинджер. Указ. соч., стр. 158.

ла. В начале 1963 г. министр обороны США Макнамара вынужден был признать, что ответные мероприятия Советского Союза по укреплению своей обороноспособности не дают возможности США с помощью упреждающего ракетно-ядерного удара уничтожить советские стратегические силы и избежать соответствующего ответа со стороны СССР [12]. Этот вывод не утратил своего значения и в настоящее время. Вряд ли возможно переоценить его военно-политическое значение: стратегическая мощь СССР сдерживает империалистическую ядерную агрессию. «Мы создали стратегические силы, которые являются надежным средством сдерживания любого агрессора,— указывал Л. И. Брежнев.— И на новые попытки с чьей-либо стороны обеспечить себе военное превосходство над СССР мы ответим должным увеличением военной мощи, гарантирующим нашу оборону. Иначе мы поступить не можем» [13].

Из приведенных выше американских оценок очевидно, что благодаря своевременным и решительным ответным мерам Советского Союза США практически не смогли добиться стратегического ядерного превосходства над СССР, которое дало бы им возможность развязать ядерную войну без катастрофических последствий для самих себя. Временное опережение в разработке и развертывании новых стратегических систем оружия создавало лишь видимость такого превосходства, которую США всякий раз стремились использовать в целях проведения политики «с позиции силы».

Именно провал попыток добиться ракетно-ядерного превосходства вынудил американских военно-политических руководителей формально признать уже давно установившийся стратегический ядерный паритет СССР и США. В 1971 г. президент Р. Никсон вынужден был констатировать, что Советский Союз из статута отставания в области стратегического оружия перешел «к статуту, аналогичному статуту США» [14]. Паритет характеризовался следующими показателями: и СССР, и США располагают стратегическими силами трехкомпонентного состава (МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики), хотя соотношение этих компонентов в составе стратегических сил сторон в количественном отношении не совпадает. Признание американской стороной состояния советско-американского ядерного паритета явилось необходимой политической предпосылкой для советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений.

2. *Советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений.* Советско-американские переговоры по ОСВ начались 17 ноября 1969 г. в Хельсинки. Через два с половиной года, 26 мая 1972 г., Л. И. Брежнев и Р. Никсон подписали в Москве первые советско-американские соглашения по ОСВ: Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Известно, что создание ракетного оружия привлекло внимание к разработке средств ПРО. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в области ПРО начались в США в середине 50-х годов практически одновременно с развертыванием работ по созданию МБР. В сентябре 1967 г. Макнамара объявил решение президента Л. Джонсона о строительстве ограниченной территориальной системы ПРО, получившей наименование «Сентинел». Первая ее очередь должна была обеспечить защиту 25 важнейших городов США, вторая —

---

[12] «Department Defense Appropriationes for 1964. Pt. 1. Subcommittee of Committee on Appropriationes. House of Representatives». Washington. 1963, p. 341.

[13] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1973, стр. 541.

[14] R. Nixon. US Foreign Policy for the 1970's. February 25, 1971.

до 52 городов. Усиление ПРО США создавало новые предпосылки для гонки стратегических наступательных вооружений. Сменившая правительство Джонсона администрация Никсона пересмотрела решение о строительстве системы «Сентинел», исходя из ее низкой боевой эффективности и стратегической нецелесообразности [15].

Договоренность СССР и США в отношении взаимного ограничения систем ПРО нашла свое отражение в Договоре об ограничении систем противоракетной обороны в пункте 2, ст. I, согласно которому «каждая из Сторон обязуется не развертывать системы ПРО территории своей страны и не создавать основу для такой обороны». В качестве исключения сторонам разрешалось лишь иметь по два района, прикрытых системой ПРО, каждый радиусом в 150 км: один с центром в столице каждой страны и один в районе расположения шахтных пусковых установок МБР [16]. Стороны приняли также на себя обязательства не модернизировать пусковые установки противоракет с целью повышения их боевой эффективности и одновременно обязались не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования, то есть отличные по конструкции от уже существующей системы. Очень важным элементом Договора явилось соглашение об использовании национальных технических средств контроля [17]. Оно обеспечивало уверенность в соблюдении положений Договора. Были приняты обязательства не создавать помех национальным техническим средствам контроля и не маскировать объекты контроля (ст. XII). Договор по ограничению систем противоракетной обороны бессрочный. Для контроля за его выполнением создана консультативная комиссия из представителей сторон, которая каждые пять лет должна рассматривать ход его выполнения. Подписав этот Договор, СССР и США исключили гонку вооружений в области стратегических оборонительных систем оружия и устранили таким образом один из стимулов для гонки вооружений в области стратегических наступательных систем оружия.

Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений было заключено на пятилетний срок. Оно накладывало ограничения на ракетные компоненты стратегических сил. Стороны обязались не начинать строительство дополнительных стационарных пусковых установок МБР наземного базирования с 1 июля 1972 года. Наряду с этим они согласились не переоборудовать пусковые установки легких МБР наземного базирования, а также МБР наземного базирования старых типов, развернутых до 1964 г., в пусковые установки тяжелых МБР наземного базирования типов, развернутых после этого времени. Применительно к подводному компоненту стратегических сил была достигнута договоренность ограничить пусковые установки БРПЛ и современные подводные лодки с баллистическими ракетами числом находящихся в боевом составе и в стадии строительства на дату подписания Временного соглашения, а также дополнительно построенными пусковыми установками и подводными лодками в определенном для обеих сторон порядке в качестве замены равного числа пусковых установок МБР старых типов, развер-

---

[15] См. «ABM». N. Y. 1969, p. 255.

[16] «Советская программа мира в действии». М. 1972, стр. 19. В 1974 г. во время визита Никсона в Советский Союз был подписан Протокол к Договору об ограничении систем противоракетной обороны. Согласно ему Советский Союз принял обязательство не развертывать систем ПРО или ее компоненты в районе размещения шахтных пусковых установок МБР, а США обязались не развертывать систему ПРО в районе с центром, находящимся в столице. См. «Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне». М. 1974, стр. 55—56.

[17] К их числу относятся искусственные спутники Земли, оснащенные фото- и радиотехническими системами контроля, наземные радиолокационные посты и т. д.

нутых до 1964 г., или пусковых установок старых подводных лодок (ст. III). Другими словами, стороны согласились разрешить каждой из них построить новые подводные лодки-ракетоносцы с баллистическими ракетами в определенном для каждой стороны порядке, но при условии демонтирования равного числа пусковых установок старых подводных лодок или МБР, которые были приняты на вооружение до 1964 года. Это было замораживание количественного уровня пусковых установок МБР и баллистических ракет на атомных подводных лодках-ракетоносцах. Контроль за выполнением Временного соглашения так же, как и Договора об ограничении систем противоракетной обороны, осуществляется национальными техническими средствами контроля (ст. V) [18].

По существу, заключение Временного соглашения означало признание американской стороной поражения основного курса США в развязанной ими и навязанной Советскому Союзу гонке вооружений, рассчитанной на то, чтобы добиться решающего количественного превосходства над СССР в области стратегических средств доставки ядерного оружия к целям. Вместе с тем оно подтвердило эффективность ответных мероприятий СССР по укреплению своей обороны и сдерживанию империалистической ядерной агрессии. Вряд ли можно переоценить политическое значение этой победы Советского Союза в навязанной ему гонке вооружений.

В отличие от Договора об ограничении систем противоракетной обороны Временное соглашение не содержит положения, запрещающего модернизацию стратегических наступательных систем оружия. Это обстоятельство является прямым следствием стремления американской стороны «совместить» диаметрально противоположные политические курсы — продолжение качественной гонки стратегических вооружений с переговорами об их ограничении. Вскоре после начала переговоров по ОСВ, в марте 1970 г., администрация Никсона объявила о решении перевооружить большую часть сил МБР и БРПЛ новыми ракетными системами — «Минитмен-3» и «Посейдон» (соответственно) с разделяющимися головными частями (РГЧ) [19] вместо прежних с моноблочными частями. Испытания новых ракет были завершены в 1969 году. Это решение явилось первым актом нового качественного тура гонки вооружений. Вслед за этим было объявлено о форсировании разработки новых стратегических систем оружия: подводной ракетоносной системы «Трайдент» [20], тяжелого сверхзвукового стратегического бомбардировщика B-1, крылатых ракет.

Американское военно-политическое руководство ссылалось при этом, кроме обычных упоминаний о «советской угрозе», на то, что разработка и развертывание новых систем стратегического оружия будут якобы служить интересам «ограничения» гонки вооружений. Отвечая на вопросы членов конгресса в связи с московскими соглашениями 1972 г., Киссинджер заявил: «По нашему мнению, мы должны продолжать выполнение тех стратегических программ, которые разрешены соглашением, и научные исследования и разработки в областях, которые охвачены соглашением... (имеется в виду Временное соглашение.— *Р. Т.*). Наш опыт говорит о том, что осуществляемая программа не слу-

---

[18] «Советская программа мира в действии», стр. 25—27. Никаких ограничений на стратегические бомбардировщики Временное соглашение не накладывало.

[19] По официальным сообщениям министерства обороны США, ракетами «Минитмен-3» заменены 550 прежних ракет «Минитмен-1», а ракеты «Посейдон» установлены на 31 подводной лодке-ракетоносце из 41 («Annual Defense Department Report». FY 1976 and 197T, pp. 11—32).

[20] Согласно опубликованным в американской печати данным, подводные лодки-ракетоносцы «Трайдент» будут иметь водоизмещение 18 700 т (вдвое больше современных американских подводных лодок-ракетоносцев, несущих по 16 ракет «Посейдон») и нести 24 ракеты «Трайдент-I» с РГЧ («Annual Defense Department Report». FY 1975, pp. 51, 52, 57).

жит препятствием для соглашения, а, наоборот, может ускорить его достижение». И далее: «Считается, что наша мощь, пожалуй, дает им (СССР.— *Р. Т.*) дополнительный стимул вести переговоры» [21]. Такой подход к переговорам получил в США специальное название — «козырей для торга». Нетрудно видеть, что эта концепция противоречит принципу равенства и одинаковой безопасности.

Любые инициативы США в создании новых образцов стратегического оружия рассчитаны на то, чтобы обеспечить себе определенные военные и политические преимущества. Естественно, что Советский Союз вынужден был принимать необходимые ответные меры для укрепления своего оборонительного потенциала. Об этом убедительно свидетельствует пример развертывания ракетных систем с РГЧ. Решение администрации Никсона в 1970 г. по этому вопросу представляло собой очередную попытку американской стороны получить односторонние военные преимущества. Но это лишь затруднило подготовку нового соглашения об ОСВ. Советские ответные действия привели к тому, что в 1974 г. во Владивостоке США были вынуждены договориться с СССР об установлении одинаковых количественных уровней для такого рода систем [22]. Сенатор Д. Макговерн, оценивая итоги их развертывания, заявил в сенатском комитете по вооруженным силам: «В 1969 г. мы были впереди в технике РГЧ. В тот период были предложения отложить испытания и развертывание ракет с головными частями этого типа до заключения всеобъемлющего соглашения по ограничению стратегических вооружений. Но Пентагон не хотел и слышать об этом. Мы испытали и развернули ракеты с РГЧ и добились кратковременного преимущества по отношению к Советскому Союзу. В настоящее время Советский Союз развертывает свои ракеты с РГЧ, и, по-видимому, через короткое время мы окажемся в худшем положении по сравнению с тем, в котором бы оказались, если бы избежали развертывания ракетных систем с РГЧ обеими сторонами. Те же самые люди, которые настаивали на одностороннем развертывании нами ракет с РГЧ, теперь жалуются, что Советский Союз имеет преимущество в полезных нагрузках своих ракет и что его РГЧ более опасны для нас, чем наши для него» [23].

Московские соглашения 1972 г., как и владивостокские договоренности 1974 г., зафиксировали поражение американской политики гонки стратегических вооружений. Ответные действия СССР сорвали все попытки США добиться ядерного превосходства и использовать его в интересах своей империалистической политики. Однако из-за того, что военно-политическое руководство США перевело гонку вооружений в качественное русло, эти соглашения не остановили последней.

3. *Советско-американские переговоры о выработке второго соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).* В соответствии со статьей VII Временного соглашения СССР и США обязались «продолжить активные переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений». Опыт переговоров на первом этапе и очевидная противоречивость подхода американской стороны к проблеме ОСВ выявили необходимость предварительной выработки согласованного решения об основных принципах переговоров. В 1973 г. во время визита Л. И. Брежнева в США были подписаны «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». США и СССР обязались предпринять «серьезные усилия для выработки положений постоянного согла-

[21] «Hearing before the Committee on Armed Services. United States Senate, 92 Congress, 2nd Sess.», June 20... July 25, 1972, pp. 125, 135.

[22] «Документы и материалы советско-американской встречи во Владивостоке». М. 1974, стр. 20.

[23] «The Congressional Record, Senate», April 13, 1976, pp. S5615, 5616.

шения о более полных мерах по ограничению стратегических наступательных вооружений с целью его подписания в 1974 году». При этом «стороны будут руководствоваться признанием интересов равной безопасности друг друга и признанием того, что попытки получения односторонних преимуществ, прямо или косвенно, были бы несовместимы с укреплением мира между СССР и США». Указывалось также, что «ограничения, налагаемые на стратегические наступательные вооружения, могут касаться как их количественной стороны, так и их качественного совершенствования», что эти ограничения «должны подвергаться соответствующему контролю национальными техническими средствами», а вопрос о модернизации и замене стратегических наступательных вооружений должен решаться с соблюдением условий, которые будут сформулированы в заключаемых соглашениях [24]. Таким образом, соглашение об основных принципах переговоров было направлено против возможных в будущем попыток обеспечить себе односторонние военные преимущества в обход будущего соглашения об ОСВ.

23—24 ноября 1974 г. в районе Владивостока состоялась рабочая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда. В ходе ее была достигнута договоренность о главном содержании соглашения ОСВ-2. В совместном советско-американском заявлении говорилось: «Новое соглашение, будучи основано на принципах равенства и одинаковой безопасности, будет включать следующие ограничения: а) обе стороны будут иметь право располагать определенными согласованными суммарными количествами носителей стратегического оружия; б) обе стороны будут иметь право располагать определенными согласованными суммарными количествами межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет на подводных лодках, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения» [25]. Конкретно договоренность включала следующие ограничения: а) каждая сторона получит право иметь в сумме в составе своих стратегических сил не свыше 2400 средств доставки ядерного оружия к целям. В эту сумму включались МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики, то есть предусматривалось ограничение на все три компонента стратегических сил; б) в указанных границах каждая сторона получала право иметь 1320 баллистических ракет с РГЧ. В этот лимит могли входить МБР и БРПЛ [26].

Л. И. Брежнев и Дж. Форд пришли к выводу, что имеются благоприятные перспективы завершить выработку нового соглашения в 1975 году [27]. Это решение, как известно, не было реализовано. Американская администрация нарушила свои обязательства. При этом она использовала прием, аналогичный примененному при развертывании ракетных систем с РГЧ. Министерство обороны США объявило о намерении довести до конца разработку и затем развернуть новую систему оружия — крылатые ракеты стратегического назначения [28].

---

[24] «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки». М. 1973, стр. 68—144.

[25] «Документы и материалы советско-американской встречи во Владивостоке», стр. 20.

[26] «Известия», 1.IV.1977.

[27] «Документы и материалы советско-американской встречи во Владивостоке», стр. 20.

[28] Крылатая ракета — беспилотный самолет, несущий ядерную или обычную боевую часть, оснащенный автоматической системой управления и наведения на цель. Эта система обеспечивает полет ракеты по заданной ей программе, «обнаружение» цели и нанесение удара по ней. Согласно опубликованным в американской печати данным, программа создания крылатых ракет предусматривает разработку трех ее вариантов стратегического назначения: первый — морская крылатая ракета «Томогавк», предназначенная для вооружения атомных многоцелевых подводных лодок (ракета может запускаться из подводного положения через торпедные аппараты); второй — авиационная крылатая ракета для вооружения тяжелых стратегических бомбардировщиков

Руководствуясь владивостокской договоренностью о лимитировании средств доставки ядерного оружия, Советский Союз выдвинул на переговорах по ОСВ вполне логичное предложение — включить стратегические крылатые ракеты в этот лимит, что давало возможность даже при наличии у США крылатых ракет заключить новое соглашение по ОСВ. Но именно это обстоятельство не устраивало американскую сторону. Ее представители стали утверждать, что установленный во Владивостоке лимит на средства доставки ядерного оружия к целям распространяется только на МБР, БРПЛ и тяжелые стратегические бомбардировщики, но не на крылатые ракеты. Такой подход открывал канал для ничем не ограниченной гонки вооружений в новой области [29]. А это противоречило как самой идее ограничения стратегических вооружений, так и принципу равенства и одинаковой безопасности. Поэтому оно было отвергнуто СССР как неприемлемое.

Широкой международной общественности становилось ясно, что США нарушили владивостокскую договоренность и именно по их вине затягивается выработка нового соглашения. Чтобы ослабить неблагоприятное для себя впечатление, администрация Форда «модифицировала» свою позицию. США выражали согласие договориться с СССР об ограничении своих крылатых ракет в обмен на ограничение развертывания советского бомбардировщика, именуемого на Западе «Бэкфайер». Но это американское предложение связывало между собой неэквивалентные системы оружия. Дело в том, что предметом переговоров об ОСВ является ограничение стратегических систем оружия. Бомбардировщик же «Бэкфайер» не является таковой («Бэкфайер» имеет радиус полета 2200 км и поэтому не может достичь территории США) [30]. Что касается крылатых ракет, то с ними дело обстоит иначе: дальность их полета — 2500 км; эти ракеты, согласно опубликованным в США планам, предполагается разместить на тяжелых стратегических бомбардировщиках B-52, на подводных лодках и на территориях союзников США. Эти самолеты и подводные лодки способны доставить крылатые ракеты в районы пуска, откуда они могут поразить объекты на территории СССР. То же самое будет иметь место при развертывании крылатых ракет на территориях союзников США по НАТО и другим агрессивным блокам.

Л. И. Брежнев неоднократно объяснял Форду, в частности при встрече в Хельсинки, а затем и президенту Дж. Картеру, что в случае с «Бэкфайером» речь идет о бомбардировщике средней дальности, а не о стратегическом бомбардировщике [31]. Тем не менее американская сторона продолжала настаивать на своем предложении. В поддержку этой позиции в США была развернута шумная пропагандистская кампания, тон которой задали члены конгресса. Конгрессмены требовали, чтобы «Бэкфайер» был включен в согласованный во Владивостоке лимит средств доставки ядерного оружия, а крылатые ракеты в этот лимит не включались [32]. В результате администрация Форда сорвала владивостокскую договоренность о заключении второго соглашения об ОСВ уже в 1975 г., принеся его в жертву сторонникам продолжения гонки вооружений. После поражения на выборах в 1976 г. Форд высказал сожаление, что он не заключил это соглашение. Тем самым он фактически при-

---

B-52; третий — наземная крылатая ракета, предназначенная для запуска с мобильных пусковых установок. Стартовый вес морского варианта 1300—1500 кг, авиационного — 900—1000 кг («Annual Defense Department Report». FY 1976 and 197T, pp. 11—39).

[29] В американской печати публиковались сообщения о намерении Пентагона развернуть многие тысячи крылатых ракет (см. «The New York Times», 3.X.1975).

[30] «Правда», 14.IV.1977.

[31] «Правда», 1.IV.1977.

[32] «The Congressional Record», October 28, 1975, p. E5630.

знал, что созданные его администрацией препятствия на пути заключения соглашения носили искусственный, преднамеренный характер.

Разработкой позиции администрации Картера на переговорах об ОСВ руководили министр обороны США Г. Браун и помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский при участии сенатора Г. Джексона. Выработанные ими предложения государственный секретарь США С. Вэнс привез в Москву в конце марта 1977 года. В ходе своих переговоров с Л. И. Брежневым и А. А. Громыко он выдвинул два предложения об ограничении стратегических вооружений: «всеобъемлющее» и альтернативное — «узкое». «Всеобъемлющее» на первый взгляд шло даже «дальше» владивостокской договоренности. Оно предполагало снижение установленных ею суммарных уровней стратегических средств доставки ядерного оружия к целям с 2400 до 2000—1800 единиц, а также снижение уровня ракет с РГЧ с 1320 до 1200—1100 единиц. Но при этом выдвигалось требование, что реализация новых условий должна сопровождаться в СССР сокращением вдвое численности ракет, которые в США называют «слишком тяжелыми», или «чересчур эффективными» [33].

Внимание американской стороны к определенному типу советских ракет отнюдь не случайно. Именно они были ответом на американскую инициативу в развертывании качественной гонки вооружений. Это обстоятельство подчеркнул в докладе на конференции Социалистического интернационала по разоружению (Хельсинки, апрель 1978 г.) кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. «В начале 70-х годов,— заявил он,— Вашингтоном было принято решение об оснащении ракет разделяющимися головными частями, что в несколько раз увеличило количество американских ядерных боеголовок. И те советские ракеты, по поводу которых сейчас поднимается такой шум на Западе, опять же были ответом на очередной рывок в гонке вооружений, совершенный США» [34].

Следовательно, под внешне респектабельным предлогом общего сокращения уровней стратегических сил в новом предложении США скрывалась попытка американской стороны сорвать ответные мероприятия Советского Союза по укреплению своей безопасности и сохранить за США преимущество в количестве ядерных боеголовок, обеспеченных доставкой к целям.

Во «всеобъемлющем» предложении предполагалось включить в проектируемое соглашение запрет на создание новых систем оружия, однако в действительности оно предусматривало запрет на создание новых систем оружия, которые, по американским данным, якобы разрабатываются в СССР, и не предусматривало никаких ограничений на такие системы оружия, создаваемые в США (крылатые ракеты стратегического назначения, подводная ракетоносная система «Трайдент» и т. д.). По оценкам некоторых западных специалистов, предложения Картера вели к почти полной остановке советских программ модернизации стратегических сил, оставляя соответствующие американские программы незатронутыми. Таким образом, «всеобъемлющее» предложение противоречило принципу равенства и одинаковой безопасности сторон.

В «узком» предложении сформулирована идея заключить соглашение об ограничении числа баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков, а вопрос о крылатых ракетах и бомбардировщике «Бэкфайер» оставить в стороне [35]. Это предложение, во-первых, повторяло позицию администрации Форда, отказывавшейся распространить владивостокскую договоренность на крылатые ракеты; во-вторых, при-

---

[33] «Известия», 1.IV.1977.
[34] «Известия», 25.IV.1978.
[35] «Известия», 1.IV.1977.

знавало искусственный характер выдуманной американской стороной связи американских крылатых ракет и советского бомбардировщика «Бэкфайер»; в-третьих, создавало видимость уступки американской стороны, готовой не усматривать этой связи, если СССР согласится на неограниченное развертывание крылатых ракет в США. Следовательно, «узкое» предложение обеспечивало Соединенным Штатам свободу рук в гонке вооружений за счет крылатых ракет.

Неприемлемость обоих американских предложений была очевидна. Поэтому они были отклонены советской стороной.

В действиях администраций Форда и Картера просматривается одна общая черта — они в одностороннем порядке ревизовали ранее достигнутые соглашения и договоренности об ОСВ. Администрация Форда ревизовала свои же обязательства по владивостокской договоренности и, по существу, отказалась от «Основных принципов переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». Администрация же Картера вообще повела себя так, будто этих соглашений не существовало. Все эти действия внесли нестабильность в советско-американские отношения и отнюдь не способствовали доверию и уважению к американским обязательствам и уверенности в действенности подписанных США соглашений.

Американскому курсу был противопоставлен советский курс, направленный на твердое соблюдение ранее принятых обязательств. На переговорах с Вэнсом с советской стороны было указано, что новое соглашение об ОСВ должно быть выработано на уже заложенном во Владивостоке фундаменте. А. А. Громыко подчеркнул это на пресс-конференции 31 марта 1977 г. после окончания переговоров: «Мы за то, чтобы то здание, которое строилось во Владивостоке с таким трудом, на которое потрачено столько интеллектуальных и прочих ресурсов, было не только сохранено, чтобы дело было доведено до конца и было заключено новое соглашение между СССР и США об ограничении стратегических вооружений» [36].

Потребовались напряженные усилия СССР, чтобы сдвинуть переговоры об ОСВ с мертвой точки. Сдвиг наметился только после встречи в Вашингтоне 22 сентября 1977 г. А. А. Громыко с президентом Картером. В последовавших затем переговорах благодаря конструктивному подходу советской делегации был согласован ряд вопросов, в первую очередь о стратегических крылатых ракетах. Стороны договорились, что крылатые ракеты с дальностью полета 600—2500 км подлежат ограничению наряду с другими стратегическими системами оружия, такими, как МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики. При этом стороны согласились, что крылатыми ракетами класса «воздух—земля» в США могут вооружаться только тяжелые стратегические бомбардировщики типа В-52. Одновременно было договорено приравнять их к стратегическим ракетам с РГЧ с индивидуальным наведением боеголовок на цели и включать в счет установленного лимита для таких средств доставки. Крылатые ракеты типа «воздух — земля» с дальностью полета свыше 2500 км вообще подлежали запрещению. Что касается крылатых ракет с дальностью полета свыше 600 км, предназначенных для развертывания на суше и для вооружения морских кораблей и подводных лодок, то было согласовано запрещение их испытания и развертывания первоначально на трехлетний срок. Отсрочка предназначалась для того, чтобы дать сторонам дополнительное время для выработки окончательного решения [37]. Эти договоренности открыли перспективу заключения нового соглашения об ОСВ.

---

[36] Там же.

[37] См. «Задача ограничения стратегических вооружений: перспектива и проблемы». «Правда», 11.II.1978.

Однако, когда обозначился успех на переговорах, в США была широко развернута правыми кругами критика хода переговоров и позиций сторон на них по отдельным проблемам и в целом. Источником для такой критики стала «утечка информации» о переговорах, начавшаяся в октябре 1977 года.

В связи с переговорами об ОСВ администрация Картера осуществляла гораздо более тесное сотрудничество с конгрессом, чем предыдущие администрации. Сенатская комиссия по иностранным делам, возглавляемая сенатором Дж. Спаркменом, и подкомиссия по контролю над вооружениями сенатской комиссии по делам вооруженных сил, возглавляемая сенатором Г. Джексоном, систематически и подробно информировались о ходе переговоров. При этом учитывалось, что конгресс должен будет ратифицировать новое соглашение [38]. По сведениям американской печати, источниками «утечки информации» являлись подкомиссия, возглавляемая Джексоном, а также должностные лица правительства.

Среди множества «критических» выступлений, связанных с переговорами об ОСВ, можно выделить два основных направления: сторонники первого надеются «подправить» соглашение, чтобы обеспечить США односторонние военные преимущества, авторы второго спекулируют на «советской угрозе». Первые особенно упорно выступают против ограничений на крылатые ракеты, утверждая, что это неоправданная «уступка» Советскому Союзу. Они добиваются для США права размещать эти ракеты не только на согласованном участниками переговоров числе тяжелых бомбардировщиков, но и на любых других самолетах, включая тяжелые транспортные [39]. Такой подход открыл бы путь к неограниченному и практически неконтролируемому увеличению числа крылатых ракет. Одновременно предлагается не распространять ограничения на крылатые ракеты морского и наземного базирования. Здесь имеется в виду перспектива развертывания первых на подводных лодках в морских акваториях, прилегающих к территории СССР, а вторых — на территориях союзных с США стран, и в первую очередь стран НАТО, тоже вблизи советских границ. Предусматривается и обеспечение возможности по истечении срока действия трехлетнего протокола передать крылатые ракеты третьим странам в обход соглашения об ОСВ [40]. Все эти «поправки» в конечном счете имеют цель подорвать принцип равенства и одинаковой безопасности сторон и тем самым осложнить и сорвать выработку нового соглашения об ограничении стратегических вооружений.

Сторонники концепции «советской угрозы» утверждают, что в ходе переговоров США пошли будто бы на слишком большие уступки СССР. Они выдвигают также тезис, будто Советский Союз нарушил ранее заключенные соглашения об ОСВ. В докладе на IX сессии Верховного Совета СССР А. А. Громыко по поводу подобных заявлений заметил: «И в Советском Союзе, и в США признается, что обе стороны соблюдают все положения договоренности об ограничении как оборонительных, так и наступательных стратегических вооружений. Постоянная консультативная комиссия из представителей СССР и США, специально созданная для наблюдения за ходом выполнения обеими сторонами принятых обязательств, не установила ни одного факта нарушения этих договоренностей... Лишь недобросовестные и безответственные крикуны могут позволить себе упрекать СССР в невыполнении обязательств по упомянутым выше соглашениям с США. И делается это с вполне определенной целью — помешать переговорам, особенно о дальнейших

[38] На основании принятого в США в 1961 г. закона о контроле над вооружениями и разоружении правительство обязано получить согласие конгресса на принятие любых мер, которые ограничивают военный потенциал США.

[39] «Правда», 11.II.1978.

[40] Там же.

мерах ограничения стратегических вооружений, нанести ущерб советско-американским отношениям» [41].

Проблема модернизации стратегических вооружений также привлекает пристальное внимание критиков текущих переговоров об ОСВ. Как известно, Советский Союз, исходя из принципа равенства и одинаковой безопасности и с учетом американской позиции, предложил, чтобы на время действия трехлетнего протокола стороны обязались запретить новые виды МБР и БРПЛ с РГЧ. Американская делегация предложила на время действия протокола запретить только все типы МБР наземного базирования как с РГЧ, так и без них [42]. Целью этого предложения США является: остановить выполнение советских программ модернизации стратегических сил и сохранить свободу рук в реализации американских программ модернизации, таких, как новая ракетоносная подводная система «Трайдент» с ракетами «Трайдент-1», крылатые ракеты, мобильные МБР. Нетрудно заметить, что перед нами подновленная версия «всеобъемлющего» варианта, отвергнутого Советским Союзом. Широкая пропагандистская кампания «критики» вырабатываемого соглашения об ОСВ, по мнению тех, кто ее раздувает, призвана создать атмосферу недоверия к нему и к СССР в американском общественном мнении и в конгрессе и в конечном счете затруднить или сорвать его ратификацию сенатом. Эту угрозу сторонники «поправок» к соглашению стараются использовать для давления на Советский Союз.

Сторонники соглашения в США высказывают иную точку зрения. Так, в статье военного обозревателя Р. Бэрта в газете «The New York Times» от 17 ноября 1977 г. говорится: главный довод в пользу нового соглашения тот, что, хотя оно может и не быть идеальным, оно намного лучше, чем отсутствие всякого соглашения вообще. По мнению Бэрта, «страх перед бесконтрольным соревнованием в области вооружений и опасность серьезного подрыва американо-советских отношений могут оказать решающее воздействие и перевесить чашу весов в пользу правительства», обеспечив ратификацию соглашения. Специалист по проблемам ограничения вооружений, бывший научный консультант министерства обороны США, ЦРУ и Агентства по разоружению и контролю над вооружениями Г. Сковилл, выступая в поддержку соглашения, заявил: «Я полагаю, что если оно не будет ратифицировано, то это станет величайшей катастрофой для нашей безопасности, а также и для нашего кармана» [43]. Пропагандистская кампания критики переговоров об ОСВ и вырабатываемого на них соглашения не могла не осложнить достижение договоренности между США и СССР. Касаясь утечки информации о ходе переговоров и о позициях сторон на них, организованной противниками разрядки в конгрессе, тогдашний глава американской делегации на переговорах П. Уорнке сказал, что такая утечка играет на руку противникам нового соглашения [44].

Противники соглашения пытаются «увязать» переговоры и возможность его подписания с другими политическими проблемами, никакого отношения к ним не имеющими, и использовать эту «увязку» в качестве средства давления на Советский Союз (к такому приему прибегает, в частности, З. Бжезинский). Но те, кто в США реально смотрит на вещи, понимают потенциально опасные последствия такого подхода для переговоров об ОСВ. Например, газета «The New York Times» 8 марта 1978 г. в редакционной статье писала: «Эта тактика не дает результатов, но может уничтожить хрупкие рамки контроля над вооружениями». Политика «увязывания», несомненно, препятствует улучшению

[41] «Правда», 7.VII.1978.
[42] «Правда», 11.II.1978.
[43] «Washington Post», 11.XI.1977.
[44] «Правда», 27.XI.1977.

советско-американских отношений и заключению нового соглашения об ограничении стратегических вооружений.

Широкая и злонамеренная пропагандистская кампания вокруг переговоров об ОСВ — новое явление в политической жизни США по сравнению с дебатами вокруг московских соглашений 1972 года. Цель ее — оказать давление на позицию СССР путем угрозы срыва ратификации соглашения, а также оправдать затягивание самих переговоров. Другим новым явлением в политической жизни США является организационное объединение противников политики мирного сосуществования, и в частности соглашений об ОСВ. В 1976 г. был создан «Комитет по существующей опасности», в который вошел ряд реакционных, антисоветски настроенных политических, военных и общественных деятелей США. Комитет развернул широкую кампанию критики подготавливаемых соглашений об ОСВ. В 1978 г. возникла также «Коалиция за мир с позиции силы». В нее вошли члены конгресса, известные своими консервативными взглядами. В составе этой коалиции такие реакционеры, как сенаторы Б. Голдуотер и Р. Хелмс, а также Р. Рейган, Р. Доул и другие. Широко представлена в «коалиции» американская военная элита: бывшие министры ВМС У. Милдендорф и ВВС — Т. Рид, бывшие председатели Комитета начальников штабов адмирал Т. Мурер и генерал Л. Лемнитцер, бывший начальник разведывательного управления министерства обороны генерал Д. Грэхем, бывший начальник разведки ВВС генерал Д. Киган и другие. В качестве коллективных членов в «коалицию» вошли такие реакционные группировки, как «Американский консервативный союз», «Совет американской безопасности», «Ассоциация бывших офицеров разведки», «Фонд безопасности и разведки», «Совет борьбы против коммунистической агрессии», созданные ЦРУ «организации» отщепенцев и предателей. Один из сопредседателей «коалиции», Дж. Фишер, изложил на пресс-конференции в конгрессе политическую платформу своей организации: отказ от принципа равенства в отношениях с Советским Союзом и обеспечение общего военного и технического превосходства над СССР, усиление подрывной деятельности американских спецслужб, отказ от любых соглашений о контроле над вооружениями, если они ставят под угрозу «национальную безопасность» США (разумеется, так, как ее понимают члены «коалиции»), борьба с коммунизмом во всем мире [45].

В разжигании антисоветской пропагандистской кампании принимают участие и руководители нынешней администрации США. В своем выступлении в университете г. Уэйк-Форест 17 марта 1978 г. Картер обвинил Советский Союз в том, что тот якобы «проявляет зловещую (!) склонность использовать свою военную мощь, вмешиваться в местные конфликты». Президент говорил о «важной переоценке» военной стратегии Соединенных Штатов. Из его речи следовало, что нынешняя администрация намеревается перенести центр тяжести во внешней политике с ранее объявленного курса обеспечения национальной безопасности путем переговоров, ограничения гонки вооружений и углубления политики разрядки на курс угроз и нагнетания напряженности. Президент подчеркнул, что он не поколеблется принять меры к полномасштабной разработке и развертыванию новых стратегических систем оружия [46].

Советский Союз продолжает вести настойчивую борьбу за сдерживание гонки вооружений и заключение с Соединенными Штатами взаимоприемлемых соглашений по ограничению стратегических наступательных вооружений. Последние месяцы 1978 г. ознаменовались рядом советско-американских встреч на высшем уровне: 30 сентября 1978 г. А. А. Громыко обсуждал в Вашингтоне проблему подготовки соглаше-

---

[45] «Известия», 10.VIII.1978.
[46] «Правда», 19.III.1978.

ния ОСВ-2 с Дж. Картером, 23 октября 1978 г. Л. И. Брежнев принял в Кремле С. Вэнса. Во время этой встречи основное внимание было уделено вопросам, связанным с заключением между СССР и США соглашения ОСВ-2. Стороны отметили конструктивный и позитивный характер переговоров, состоявшихся в Москве, и заявили о своей решимости приложить все усилия и довести до конца это важное дело. 22—23 декабря 1978 г. в Женеве состоялись переговоры А. А. Громыко и С. Вэнса. Главное внимание на этих переговорах было уделено рассмотрению вопросов, касающихся ограничения стратегических наступательных вооружений в плане завершения подготовки нового соглашения в ближайшее время. При этом было достигнуто согласие или сближение позиций сторон по ряду основных вопросов, оставшихся несогласованными. С обеих сторон была выражена решимость довести до конца согласование остающихся вопросов путем использования обычных каналов между Москвой и Вашингтоном.

В заявлении, сделанном Вэнсом по возвращении в Вашингтон после этой встречи, были отмечены ее позитивные итоги. «Мы сознаем, какое важное значение для мира имеет достижение без промедления соглашения об ОСВ. Мы, однако,— подчеркнул государственный секретарь США,— не связаны никакими крайними сроками»[47]. В ряде пресс-конференций и телевизионных интервью, проведенных Картером в январе 1979 г., он неоднократно высказывал убеждение, что соглашение ОСВ-2 вскоре будет заключено. Европейские участники проведенного в начале января 1979 г. в Гваделупе совещания между президентом США Картером, президентом Франции В. Жискар д'Эстэном, премьер-министром Англии Дж. Каллагэном и канцлером ФРГ Г. Шмидтом подчеркнули важность политики разрядки и необходимость заключения нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Канцлер ФРГ Шмидт и премьер-министр Англии Каллагэн обратились с прямым призывом к сенату США ратифицировать возможно быстрее советско-американское соглашение по ОСВ-2, после того как оно будет подписано. Опросы общественного мнения в США показывают, что 75—80% американцев высказываются за заключение соглашения по ОСВ-2.

Однако политика администрации Картера продолжает оставаться противоречивой: она пытается сочетать два противоположных процесса — ограничение стратегических наступательных вооружений и продолжение гонки вооружений. Это наглядно проявилось в выступлении президента США на совместном заседании сената и палаты представителей конгресса США с посланием «О положении страны». Картер заявил, что почти все вопросы на советско-американских переговорах об ОСВ уже решены, но в то же время безосновательно утверждал, что достижение «надежного и внушающего доверие» соглашения будто бы зависит от позиции СССР[48]. Этим заявлением президент бросил тень на политику Советского Союза на переговорах по ОСВ и, по существу, поддержал тех противников соглашения, которые утверждают, что СССР якобы ужесточил свою позицию на переговорах и ищет предлог для отсрочки заключения соглашения. Фальшь подобных утверждений настолько очевидна, что буквально через три дня Картер на пресс-конференции в Вашингтоне вынужден был заявить: «Советский Союз ведет переговоры добросовестно... Советский Союз не ужесточил свою позицию в последний месяц или два. Его позиции, равно как и наши, являются достаточно жесткими. Мы ведем переговоры очень твердо и добиваемся неуклонного прогресса»[49].

В упоминавшемся выше послании «О положении страны» Картер призвал конгресс одобрить представленный им проект федерального

[47] «Правда», 26.XII.1978.
[48] «Правда», 25.I.1979.
[49] «Правда», 28.I.1979.

бюджета на 1980 финансовый год, который предусматривает небывалые военные расходы — 138,2 млрд. долларов. Из выступления президента видно, что США по-прежнему отдают приоритет гонке вооружений по сравнению с мерами по ее ограничению. Это находит свое отражение в форсировании разработки новых стратегических систем оружия, таких, как межконтинентальная баллистическая ракета «МХ», подводная ракетоносная система «Трайдент», крылатые ракеты и т. д. Наряду с этим Пентагон выступил с требованием о размещении американских ракет средней дальности полета на территориях стран НАТО в Западной Европе. Таким образом, налицо попытка США «дополнить» гонку в области межконтинентальных стратегических систем оружия гонкой в области стратегических региональных ракетно-ядерных систем.

Возможность завершения советско-американских переговоров по выработке соглашения ОСВ-2 вызвала резкую эскалацию активности его противников в США. Они создали около 70 «общественных» организаций, располагающих крупными финансовыми средствами. Эти «общества» развернули широкую кампанию против нового соглашения, стремясь «переубедить» тех американцев (а их большинство), которые выступают за соглашение. Набор «доводов» противников соглашения ОСВ-2 не блещет оригинальностью. Первый из них — это назойливо пропагандируемый на всех политических уровнях в США фальшивый миф о «советской угрозе». Второй, не менее лживый довод выдвинула специальная группа комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил. В ее докладе голословно утверждается, будто новое соглашение «может обеспечить Советскому Союзу стратегическое превосходство» [50]. Третий довод — это продолжающиеся попытки «увязывания» соглашения ОСВ-2 с другими, не относящимися к нему вопросами. Сенатор Р. Швейкер, выступая перед журналистами, заявил, что «увязывание» соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений с другими вопросами внешней и внутренней политики СССР является «ключевой проблемой» [51]. На состоявшейся в конце января 1979 г. конференции членов республиканской партии, занимающих выборные должности, группа сенаторов предложила «увязать» соглашение ОСВ-2 с состоянием вооруженных сил США (!), с достижением договоренности на венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, с «соблюдением» Советским Союзом Хельсинкского акта и с новыми гарантиями контроля за выполнением соглашения об ОСВ-2. Из присутствовавших на конференции 26 сенаторов только два выступили против политики «увязывания». Из сообщений американской печати следует, что в сенате США сложилась сложная обстановка, характеризующаяся намерением определенных кругов торпедировать соглашение об ОСВ-2. Это предвещает острую борьбу в сенате по вопросу о ратификации соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Стремление американских реакционных кругов разыграть против Советского Союза «китайскую карту» также может быть использовано ими для создания дополнительных препятствий на пути заключения соглашения ОСВ-2. На это указал министр иностранных дел Англии Д. Оуэн на пресс-конференции по окончании состоявшихся в начале февраля 1979 г. переговоров с государственным секретарем США Вэнсом. Оуэн призвал Соединенные Штаты не строить свои отношения с Китаем в ущерб Советскому Союзу. Он отметил, что это могло бы привести к свертыванию переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений. «По-моему,— заявил Оуэн,— это было бы абсолютной глупостью» [52].

[50] «Правда», 6.I.1979.
[51] «Известия», 26.I.1979.
[52] «Известия», 5.II.1979.

Выступления противников соглашения ОСВ-2 вынудили его сторонников в США придать своей деятельности более организованный характер. В начале 1979 г. ими создана организация «Американцы за ОСВ». В нее вошли влиятельные представители политических, религиозных, деловых, научных и культурных кругов США. Сопредседателями ее являются бывший министр обороны США К. Клиффорд, бывший сенатор и постоянный представитель США при ООН Г. К. Лодж, бывший постоянный представитель США при ООН Ч. Йост и др. Организация выступает за ограничение стратегических вооружений. Одной из своих главных задач она считает разоблачение лживых измышлений о «советской угрозе», о том, что будущее соглашение об ОСВ якобы даст преимущества СССР, и т. д. Свою позицию по отношению к ратификации подготавливаемого соглашения руководители организации «Американцы за ОСВ» изложили в заявлении о ее создании: «Ратификация соглашения по ОСВ-2 имеет первостепенное значение для безопасности и интересов американского народа. Оно установит пределы развития новых систем оружия. Подписание и ратификация этого соглашения являются решающим шагом вперед навстречу более полному контролю над ядерным оружием» [53].

Таким образом, в США налицо новое политическое явление — организационное размежевание сторонников и противников соглашения об ОСВ. Известный американский ученый, профессор Калифорнийского университета Ф. Нил с тревогой пишет об «инерции администрации Картера перед лицом наступления противников соглашения об ОСВ» [54]. Администрация не только не выступает активно в защиту соглашения об ОСВ, но и одновременно продолжает предпринимать широкий круг мер по наращиванию вооружений, включая планы развертывания нейтронного оружия и ракет средней дальности полета в Западной Европе, рост военных бюджетов США и их союзников по НАТО.

В речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 г. Л. И. Брежнев подчеркнул, что новый советско-американский договор об ОСВ, если он будет подписан, ратифицирован и вступит в силу, «не нанесет безопасности Советского Союза никакого ущерба — как, впрочем, и безопасности Соединенных Штатов. В целом он... будет выгоден обеим странам» [55].

Совершенно очевидно, что скорейшее заключение и ратификация обеими сторонами соглашения ОСВ-2 способствовали бы укреплению политики разрядки и выравниванию советско-американских отношений. При наличии у руководителей США государственной мудрости и внимания к обеспечению мира во всем мире эта задача вполне разрешима.

[53] «Известия», 22.I.1979.
[54] «Правда», 4.II.1979.
[55] «Правда», 3.III.1979.

ИРЛАНДИЯ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. Д. Колпаков

В 1921 г. на карте Европы появился новый британский доминион — Ирландское свободное государство (ИСГ), возникшее в результате национально-освободительной, антиимпериалистической революции ирландского народа. Однако победа его не была полной: в составе Соединенного королевства осталась наиболее промышленно развитая северо-восточная часть страны, в трех ирландских портах сохранялись английские военно-морские базы, на доминион легли тяжелые финансовые обязательства британской короне. Ирландия по-прежнему пребывала в состоянии экономического подчинения у бывшей метрополии, играя роль ее аграрного придатка.

Период, наступивший после национально-освободительной, антиимпериалистической революции, до сих пор не стал еще предметом специального исследования. Можно назвать лишь несколько работ, в которых он нашел известное отражение [1]. Между тем это время весьма поучительно для характеристики роли и места национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе.

В 1923—1931 гг. власть в стране осуществляли победители в гражданской войне 1922—1923 гг.— представители правого крыла ирландской буржуазии, организовавшиеся в партию Кумман на Гэл («Гэльская лига»). Ее ядро составляли крупные и отчасти средние собственники в городе — бывшие правые шинфейнеры и примкнувшие к ним юнионисты, в деревне же — крупные фермеры-кулаки и рэнчеры-скотоводы со своей социальной клиентурой. Вокруг новой партии сплотилось католическое духовенство, чиновничество и армейское, а также полицейское офицерство.

Социально-экономический и политический курс Ирландии был направлен на упрочение позиций наиболее умеренных группировок национальной буржуазии, заинтересованных в сохранении тесных связей с британским империализмом, обеспечении ограниченного развития капитализма с упором на близкую к монокультурной экономическую специализацию (преимущественное производство скота и молочных продуктов для нужд Англии). Опираясь на новый консервативный, объективно проимпериалистический блок внутри страны и на поддержку британских правящих кругов, «новые хозяева» страны стремились использовать ради указанной цели сложившуюся с английской помощью государственную машину, отличавшуюся четко выраженной гипертрофией судебно-полицейских функций, направленных главным образом против республиканской оппозиции и прогрессивных организаций трудящихся.

---

[1] См.: П. М. Керженцев. Ирландия в борьбе за независимость. М. 1936; А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный. М. 1963; его же. Ирландия в 1918—1939 гг. «Новейшая история. 1918—1939 гг.». М. 1974; М. Е. Орлова. Ирландия в поисках путей независимого развития. М. 1973.

Антиимпериалистически настроенные элементы принадлежали, как правило, к побежденному в недавней войне республиканскому лагерю и практически находились вне закона. Они подвергались слежке, частым репрессиям, их инициатива грубо подавлялась во всех областях жизни. «Мы будем содействовать не тем, кто пытался разрушить страну (то есть республиканцам.— *А. К.*), а тем, кто ее отстраивает»[2],— откровенно заявил один из столпов режима, министр сельского хозяйства П. Хоган.

В условиях отсталой, разоренной войной страны с колониальной экономикой, где не было ликвидировано засилье империализма, положение могло изменить лишь активное и целенаправленное вмешательство государства в экономическую жизнь, мобилизация необходимых средств на нужды промышленного развития, создание элементов государственного сектора в «неприбыльных» областях, которые традиционно игнорировал частный капитал, меры по защите слабой ирландской промышленности от британской конкуренции. Многое зависело от государственной политики в области финансов и промышленного кредитования. Между тем ирландские банки продолжали занимать антинациональную позицию, перекачивая денежные средства в Англию и ее колонии. От этого ирландская буржуазия получала немалую прибыль. Лишь в Дублин ежегодно поступали из Англии дивиденды в размере 10 млн. ф. стерлингов. Всего же в середине 1920-х годов в метрополию и ее владения было вложено 90 млн. ф. ст. ирландских денег, что вдвое превышало английские капиталовложения в Ирландии[3]. Страховые агентства, мореходные, железнодорожные и промышленные компании, экспортно-импортные фирмы, специализировавшиеся на вывозе продуктов сельского хозяйства и ввозе промышленных и колониальных товаров, крупные фермеры-скотоводы были теснейшим образом связаны с английской экономикой. Капиталы отсталой, зависимой Ирландии активно участвовали в возрождении британского империализма.

В 1923 г. после оживленных прений ирландский парламент (дойл) большинством голосов принял «закон о защите промышленности», вводивший небольшие пошлины на импорт автомобилей, сигарет, музыкальных инструментов, часов, а в следующем году была создана государственная корпорация промышленного кредита с весьма скромным денежным фондом и ограниченными масштабами деятельности. Промышленное строительство свелось к сооружению нескольких мелких фабрик: мебельной, кондитерской, обувной, а также бойни в Дрогеде. Пользуясь инертностью и попустительством ирландских властей, британские фирмы легко обходили таможенные кордоны. Многочисленные филиалы британских компаний продолжали функционировать и расширяться, а ограничений на деятельность иностранного капитала не было никаких.

Правительство Ирландии пыталось стимулировать промышленный рост за счет привлечения иностранного капитала и притом не только английского. Приманкой для него служили обилие дешевой рабочей силы, низкий подоходный налог, а также специальные льготы. Таким образом, еще в 20-е годы правящие круги ИСГ указали путь, который с 50-х годов стал столбовым для национального буржуазного руководства Ирландской республики. Пожалуй, единственным крупным мероприятием, оставившим след в сфере промышленного развития, явилось строительство с 1925 г. на р. Шаннон крупной гидроэлектростанции, положившей начало созданию государственной энергосистемы.

В области сельского хозяйства с самого начала был взят курс на развитие хозяйств фермеров-кулаков. В основе этого курса лежала старая скотоводческая монокультура, сохранение, хотя и в несколько мо-

---

[2] Цит. по: W. Moss. Political Parties in Irish State. N. Y. 1933, p. 135.
[3] T. Ireland. Ireland's Past and Present. N. Y. 1942, p. 552.

дифицированном виде, зависимости ирландской экономики от английского рынка. Фермеры и рэнчеры всегда располагали щедрыми кредитами обычно осторожных банков, безоговорочной и всесторонней поддержкой министерства сельского хозяйства, большинства депутатов дойла. Государство способствовало капиталистической концентрации в сельском хозяйстве, а также максимальной его рационализации с тем, чтобы уменьшить издержки производства, поднять качество сельскохозяйственного экспорта, его конкурентоспособность на британских рынках. В 1924—1925 гг. были приняты законы, предписывавшие строгую стандартизацию экспортных видов продуктов (яиц и масла), улучшение пород скота. В то же русло была направлена политика в отношении сельскохозяйственной кооперации. Правительство делало ставку на крупные кулацкие кооперативы — по существу, значительные капиталистические предприятия. Им оказывалась техническая помощь, предоставлялись кредиты. Государство поворачивалось спиной к мелким и отчасти средним кооперативам, способствовало их поглощению более крупными, консолидации отдельных кооперативных обществ в альянсы типа Организации по реализации масла, способные успешно конкурировать на внешнем рынке. В 1927 г. было учреждено Сельскохозяйственное кредитное общество с капиталом всего в 0,5 млн. ф. стерлингов [4]. Однако условия предоставления займов (относительно высокий ссудный процент и требование гарантировать займы закладными на участки и скот) обычно лишали доступа к ним мелких и отчасти средних фермеров.

Резко усилился процесс капиталистического расслоения в ирландской деревне. 60% ферм, на которых было сконцентрировано 70% сельскохозяйственного населения, располагали всего 23% полезной площади страны. Значительная часть мелких ферм не достигала размера 30 га, то есть была нерентабельна. Кредит мелкий фермер мог найти в большинстве случаев у ростовщиков. Ликвидация остатков помещичьего землевладения, намеченная законом 1923 г., шла медленными темпами. В стране оставались десятки тысяч арендаторских участков. Рента лендлордам составляла 1,5 млн. ф. ст. в год. Вдвое большую сумму отнимали у крестьян ежегодные земельные платежи британской короне. Разорение мелких фермерских хозяйств привело с середины 20-х годов к новым вспышкам волнений мелких фермеров и батраков, выступавших против рэнчеров, банков, государственных налоговых учреждений [5].

В области внешней политики правительство Ирландии покорно следовало курсу Великобритании. Вступив в 1923 г. в Лигу Наций, Ирландия практически ни разу не проявила себя как страна, обладающая отличными от Англии интересами. В 1924 г. под давлением английских правящих кругов и олстерских оранжистов (членов полувоенной протестантской организации Оранжистский орден) глава правительства У. Косгрейв подписал в Лондоне документ об отказе Ирландии от всяких претензий на спорную часть ее территории: графства Тирон и Фермана, на 70% населенные католиками [6]. Этот акт национального предательства вызвал возмущение значительной части ирландского народа.

Таким образом, политика правящей верхушки Ирландии была в своих основных чертах проимпериалистической, антинациональной. Она учитывала интересы довольно узкой прослойки населения. Коренные проблемы строительства независимой экономики, улучшения положения широких масс народа не решались. Острие этой политики было направлено против трудящихся, массы мелких собственников, мелких и отчасти средних предпринимателей.

---

[4] F. S. L. Lyons. Ireland sinse the Famine. L. 1973, p. 608.
[5] А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 88.
[6] См. D. Macardle. The Irish Republic. L. 1968, p. 799.

Городской и сельский рабочий класс страны находился в большинстве своем в чрезвычайно тяжелом положении. Крупные собственники, вынужденные в период революции пойти на значительные уступки рабочим (главным образом в виде повышения оплаты труда), не преминули использовать свой приход к власти для яростного наступления на жизненный уровень пролетариата. «Массовая безработица, не обеспечивающая жизненных потребностей заработная плата, немыслимые жилищные условия — все это угнетало трудящихся во всех концах только что появившегося на свет Ирландского свободного государства»[7]. Недельный прожиточный минимум (4,5 ф. ст.) имела крайне ограниченная часть рабочих: каменщики, судостроители, железнодорожные машинисты и кочегары. От 20 до 25% трудящихся постоянно не имело работы. Страну ежегодно покидало 40—50 тыс. человек. Самым нищим, обездоленным отрядом трудящихся являлись 160 тыс. сельскохозяйственных рабочих[8].

Против трудящихся был направлен лозунг правительства Косгрейва: «ИСГ — ирландское дешевое государство». Под предлогом «борьбы за экономию» резко сокращалась сфера применения закона о пособиях безработным, снижались пенсии по старости, зарплата низшим государственным служащим, учителям. В то же время рост цен и прибылей ничем не ограничивался[9]. Наступление предпринимателей вызвало отпор со стороны рабочих (массовые стачки, демонстрации, пикетирование). Многие выступления рабочих были «дикими»: члены лейбористской «парламентской партии» старались по возможности не обострять отношений с правительством. Их обычной тактикой стали робкие, с оглядкой, «действия в индустриальной сфере», выторговывание отдельных уступок у предпринимателей и государства путем переговоров, демаршей, арбитражей. Исполком лейбористов не выдвигал альтернативы правительственной социально-экономической и политической программе, хотя его призывы разбивать государственный сектор, форсировать промышленное строительство во имя борьбы с безработицей и уменьшения эмиграции в определенной степени выражали потребности развития страны.

Попыткой внести руководящее начало в массовую стачечную борьбу, создать революционную — с позиций классовой борьбы — альтернативу курсу лейбористских лидеров явилось возникновение летом — осенью 1923 г. при решающем участии вернувшегося из США популярного лидера предвоенного «революционного синдикализма» Дж. Ларкина Ирландского рабочего союза и Ирландской рабочей лиги[10]. В 1924 г. лига, в которую вошли коммунистические группы, вступила в Коминтерн[11]. Эти организации возглавляли рабочих, боровшихся против произвола хозяев и государства. Но условия для крутого поворота рабочего движения на путь последовательной революционной стратегии и тактики еще не созрели. Рабочая лига не имела пока опоры в массах; ее лидеры не стремились усвоить теорию классовой борьбы, думали не о ее перспективах, а о лозунгах момента, часто оказывались в хвосте стихийных экономических выступлений. Укоренившаяся в рабочем классе анархо-синдикалистская традиция благоприятствовала распространению буржуазного влияния в его среде, мешала включению рабочих в политическую борьбу. В годы временной и частичной стабилизации капитализма Ирландская рабочая лига начала терять своих членов, и без того немногочисленных. Разочарованные рабочие массами покидали лейбористскую партию, крупнейшие тред-юнионы.

---

[7] J. D. Clarkson. Labor and Nationalism in Ireland. N. Y. 1927, p. 444.
[8] А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 92.
[9] J. D. Clarkson. Op. cit., p. 471.
[10] D. R. O'Connor Lysaght. The Republic of Ireland. Cork. 1970, p. 70.
[11] См. «Communist Party of Ireland. Outline History». Dublin. 1975, p. 8.

На арену политической борьбы выходит новая политическая сила — созданная И. Де Валерой оппозиционная партия Фианна фойл («Солдаты судьбы»). Ее появление (весной 1926 г.) в качестве грозного соперника партии Кумман на Гэл было отчетливым признаком того, что широкие массы народа вновь пробуждаются к антиимпериалистической борьбе. Вместе с тем это означало раскол в среде шинфейнеров-республиканцев: для многих из них так же, как и для подпольного штаба Ирландской республиканской армии (ИРА) [12], призыв Де Валеры и его единомышленников — Ш. Лемасса, Ф. Эйкена и других перейти к легальным формам борьбы, войти в дойл и помериться силами с Косгрейвом на конституционной почве был равносилен признанию существующего порядка. Де Валера тщетно убеждал многих своих сторонников в том, что в сложившейся ситуации пренебрегать дойлом неразумно. Раскол стал свершившимся фактом: «непреклонные» остались в подполье, продолжая готовиться к возобновлению вооруженной борьбы.

В новую партию вступали рабочие, мелкие и средние фермеры, более близкая к народу часть интеллигенции (преимущественно мелкобуржуазная), мелкие национальные предприниматели. Из тактических соображений Де Валера счел возможным не включать в программу новой партии требование республики. Было решено ограничиться требованием введения жестких защитных пошлин, активной индустриализации страны и пересмотра соглашения о земельных платежах.

Под этими лозунгами новая партия провела избирательную кампанию 1927 г. и набрала почти столько же голосов, сколько и Кумман на Гэл [13]. Депутаты от Фианна фойл вошли в дойл. Иллюзорная лейбористская оппозиция в парламенте сменилась реальной и внушительной силой — объединившимся под национальными, антиимпериалистическими лозунгами политическим блоком трудящихся и мелкособственнических элементов.

Захвативший Ирландию с некоторым опозданием (с 1930 г.) мировой экономический кризис вызвал резкое обострение всех социально-политических противоречий. Кризис ужесточил тяготы, переживаемые ирландской экономикой. Резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию при стабильных суммах земельных выплат, налогов и долгов разорило десятки тысяч мелких и средних ферм. У правительства и местных властей не хватало полицейских и судебных исполнителей для конфискации скота, имущества, выселения за долги.

Предприниматели развернули новое наступление на рабочих, пытаясь переложить на их плечи издержки кризиса. Так же поступали и крупные фермеры с батраками. В результате локаутов и закрытия предприятий к 1931 г. около 100 тыс. рабочих и транспортников остались без работы [14]. Ряд крупных ирландских фирм (дублинские верфи, коркское и дублинское пароходства и пр.) попал в руки британских монополий. Вдвое увеличился пассив страны в англо-ирландской торговле.

Забастовки охватили все основные промышленные центры страны. Стихийная, преследовавшая по преимуществу экономические цели борьба приобрела острый и бескомпромиссный характер. (К этому времени прекратила существование Рабочая лига, во многом утратил позиции в массах Ирландский рабочий союз.) Весьма острые формы — особенно на западе страны — приняло аграрное движение. Крестьянские отряды нападали на судебных исполнителей и полицейских, возвращали фермерам конфискованный скот, препятствовали выселению фермеров и батраков за долги. Крестьяне требовали отмены земельных выплат, недоимок по долгам, раздела оставшихся помещичьих угодий, активного го-

[12] См. Л. А. Зимулина. Ирландская республиканская армия. «Вопросы истории», 1973, № 8.

[13] P. Barresford Ellis. A History of the Irish Working Class. L. 1970, p. 273.

[14] А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 101.

сударственного вмешательства для спасения мелких фермерских хозяйств. В ряде мест возникали «комитеты трудящегося фермерства», бравшие в свои руки руководство аграрным движением. В 1930 г. в крупнейшем городе запада Голуэе собрался съезд трудящегося фермерства, делегаты которого резко выступили против земельных выплат и аграрной политики правительства Косгрейва. Все чаще в массах проявлялось недовольство «национальным капитализмом», росли сомнения в его способности подняться до уровня задач, стоявших перед страной, включая улучшение положения трудового народа.

На волне нового подъема массовой борьбы передовые рабочие предпринимают успешные попытки возобновления начавшегося в 1921 г. коммунистического движения. В Дублине, Белфасте, Корке и некоторых других городах возникают Революционные рабочие группы (РРГ) — связанные единым руководством марксистские ячейки [15]. Их члены — наиболее сознательные рабочие шли в первых рядах аграрного движения и стачечной борьбы. Лозунги РРГ «Долой режим Косгрейва — царство голода и террора!», «Землю безземельным!», «Работу и хлеб голодным!», деятельная пропаганда достижений Советского Союза проникали в сознание ирландских трудящихся.

В этот период намечается отчетливое размежевание в рядах подпольных Шин-фейна и ИРА. В этой, по существу, единой мелкобуржуазно-радикальной организации, в остром противоборстве с крайне националистическими элементами выделяется левое крыло, выдвигавшее прогрессивные социальные лозунги, близкие широким массам. В сентябре 1931 г. в Дублине 150 делегатов от различных соединений ИРА на своем тайном съезде учредили организацию «Саор Эйре» («Свободная Ирландия») [16]. Своей целью она провозгласила создание революционного рабоче-крестьянского руководства во имя ликвидации гнета британского империализма и ирландского капитализма и создания народной республики, в которой будут обобществлены средства производства, распределение и обмен. Это был зримый симптом роста антикапиталистических устремлений в среде республиканцев. Однако связей с передовыми рабочими организациями «Саор Эйре» не имела, ее лидеры запрещали членам организации вступать в профсоюзы, обещали осуществить будущее переустройство страны на основах «новой социальной христианской религии».

Значительное большинство ирландцев продолжало придерживаться мнения, что единственной надежной гарантией успешного развития страны, спасения разоренного мелкого фермера и умирающего с голода рабочего может стать лишь приход к власти Фианна фойл. Лидеры этой партии, ее депутаты в дойле и представители на местах, гибко реагируя на обстановку в стране и учитывая характер своей массовой опоры, сочетали выдвижение прогрессивных для того времени политических требований (отмена присяги ирландских парламентариев британской короне, ликвидация английских военно-морских баз) с обещанием проведения социально-экономических мер, рассчитанных на то, чтобы покончить с зависимостью от империализма, обеспечить развитие национальной экономики, спасти трудящихся от голода и нищеты. Государство должно было стать при этом стимулятором и гарантом успешного развития страны.

Подвергая резкой критике правительство как откровенно проимпериалистическое, повернувшееся спиной к насущным национальным задачам, Де Валера указывал, что достижение первоочередной цели Фианна фойл — форсирование промышленного развития под защитой вы-

---

[15] См. «Communist Party of Ireland», p. 3.

[16] J. Bowyer Bell. The Secret Army. History of the IRA. 1816—1970. L. 1970, p. 77.

соких протекционистских пошлин — должно привести к созданию новых отраслей производства, отвоеванию внутреннего рынка у британских монополий, созданию значительного числа новых рабочих мест, что поможет рассосать безработицу и уменьшить эмиграцию. Конечной целью объявлялась независимая Ирландская республика. Мелким фермерам была обещана государственная поддержка, пересмотр системы земельных выплат. Вместе с тем многим старым и новым сторонникам Фианна фойл импонировали резкие выпады Де Валеры и его ближайшего окружения против коммунизма, преданность католицизму и принципу частной собственности. Лидер партии обещал сделать Ирландию «идеальной христианской страной» — раем для среднего фермера и мелкого промышленника, страной без резких социальных контрастов и классовой борьбы.

Программа, выдвинутая Фианна фойл, являлась манифестом левого крыла национальной буржуазии, не связанного в тот период с империализмом и остро нуждавшегося в поддержке народных масс. Главные требования этой партии были направлены против чужеземного империализма. И вокруг них сплотилась значительная часть ирландского народа, Кумман на Гэл не смогла противопоставить этим требованиям новую, позитивную программу. В январе 1932 г. на выборах, происходивших в условиях острейшей политической борьбы, вооруженных столкновений ИРА с полицией и бандами сторонников «режима Договора» (имеется в виду англо-ирландский договор 1921 г.), партия Косгрейва потерпела поражение [17]. К власти, хотя и с небольшим перевесом голосов, пришла Фианна фойл, Де Валера сформировал первое в полном смысле этого слова национально-буржуазное правительство Ирландии.

В первые же месяцы пребывания у власти оно отменило чрезвычайное положение, освободило многочисленных политических заключенных, по его настоянию дойл постановил изъять из конституции статью о присяге его депутатов английской короне. Из подполья вышла ИРА, ее соединения, восторженно приветствуемые населением, вновь появились на улицах городов. Был увеличен подоходный налог, налог на корпорации, снижены оклады высшим категориям государственных служащих, выделены средства для оказания помощи мелким фермерам, на пособия безработным. Незамедлительно устанавливались высокие таможенные пошлины на ввоз в страну товаров, которые, по мнению правительства, могли производиться или добываться в Ирландии. Ирландцы в массе своей восприняли эти мероприятия с энтузиазмом.

В середине июня 1932 г. дойл большинством голосов решил прекратить перечисление в Англию ежегодных земельных выплат в размере 3 млн. фунтов стерлингов. Это была прямая атака на англо-ирландский договор 1921 года. В ответ британское правительство приняло решение начать экономическую войну, введя двойные добавочные пошлины на ввоз ирландских сельскохозяйственных товаров («закон о военных пошлинах»). Британские власти надеялись быстро добиться отставки кабинета Де Валеры и усмирить ирландский народ, учитывая, что в 1931 г. на английский рынок ушло 92% ирландского экспорта, на $^3/_4$ состоявшего из крупного рогатого скота, свиней, овец [18]. Хотя крупные собственники встретили мероприятия Де Валеры бурей негодования, уверенная в поддержке масс Фианна фойл рискнула пойти еще дальше. На акцию Англии дойл ответил законом о чрезвычайных ввозных пошлинах на британский уголь, кокс, сталь и железо, электрооборудование, сахар и цемент [19]. Одновременно правительство принимало меры по переориен-

---

[17] J. Murphy. Ireland in the Twentieth Century. Dublin. 1975.
[18] D. R. O'Connor Lysaght. Op. cit., p. 101.
[19] Ibid.

тации односторонне нацеленной на Великобританию внешней торговли. Делались попытки дать выход ирландскому экспорту на рынки Европы, заменить импорт английской промышленной продукции и промышленного сырья товарами из Германии, Бельгии, Польши. Однако в трудных условиях мирового экономического кризиса эти попытки потерпели неудачу.

Дойл принял закон о контроле над промышленностью, направленный против проникновения иностранного капитала в создававшиеся вновь промышленные отрасли. Для основания промышленной фирмы теперь требовалась правительственная лицензия, причем большинство пайщиков и главная часть капитала должны были быть ирландскими. Государственная корпорация промышленного кредита приступила к выдаче крупных займов на строительство и оборудование предприятий [20]. Эти меры вызвали подъем национального предпринимательства. Только в 1932 г. в стране появилось 160 новых промышленных фирм [21]. Началась разработка торфа, зародились электротехническая, химическая и некоторые другие отрасли промышленности. Были модернизированы многие старые предприятия.

После бурных дебатов дойл принял также законы о правительственном контроле над ценами на товары первой необходимости и твердых расценках на товары новых отраслей, а затем — о минимуме заработной платы и условиях труда в промышленности. Фианна фойл оказалась вынужденной вмешаться в сферу трудовых отношений, чтобы смягчить классовый конфликт. Представители реакции в парламенте обвиняли Де Валеру и его единомышленников в «большевизме», в том, что их «безумная» политика поставит в невыносимое положение крупные фирмы, отпугнет зарубежные монополии. Некоторые крупные фирмы закрылись.

В области сельского хозяйства правительство Де Валеры придерживалось концепции «самообеспечивающейся Ирландии», в основе которой лежала идея перестройки ее аграрной экономики со скотоводческого профиля на зерновой. Это могло принести двойную пользу: уменьшить зависимость от Англии и сэкономить, хотя бы отчасти, значительные суммы, традиционно используемые для закупки продовольствия. Правительство потребовало от фермеров обязательного увеличения запашки, гарантируя им при этом твердые цены на пшеницу. Одновременно поощрялся убой скота. Попытка потеснить животноводческую монокультуру осуществлялась в благоприятный момент: к 1933 г. цены на продукцию скотоводства упали почти на 60% по сравнению с 1928 г.[22], а традиционный английский рынок был наглухо закрыт «военными пошлинами». Особенно благоприятно встретили правительственный курс мелкие фермеры, чье хозяйство носило, как правило, смешанный характер, а также батраки. Их жестоко эксплуатировали крупные рэнчеры, грабили экспортеры скота. Намерение правительства превратить пастбища Центральной равнины в житницу страны воспринималось ими как начало реализации их чаяний о полной ликвидации всех форм латифундизма и о переделе земли. В течение года площади под запашкой возросли на $^1/_3$, что было невиданным в условиях Ирландии скачком.

Отношение широких масс народа к курсу Фианна фойл выявилось на новых парламентских выборах в конце января 1933 года. Партия Де Валеры обещала двигаться дальше по намеченному пути, а также принять быстрые и эффективные меры по оказанию помощи мелким фермерам. Кумман на Гэл противопоставила этому обещание возродить

---

[20] F. S. L. Lyons. Op. cit., p. 104.
[21] А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 115.
[22] F. S. L. Lyons. Op. cit., p. 612.

«былую сердечность» англо-ирландских отношений, восстановить на британском рынке позиции крупных ирландских скотоводов (к лету 1933 г. стоимость экспорта живого скота из Ирландии упала вдвое, убытки скотоводов составили 37,5 млн. ф. ст. [23]). Чтобы затормозить развитие национально-освободительного процесса, в ход были пущены подкуп и клевета, убийства, избиение и похищение политических соперников.

Но ирландский народ санкционировал антиимпериалистический курс: Фианна фойл получила 77 мандатов в парламенте, Кумман на Гэл — 48 [24], еще более сократилось представительство лейбористов, многие сторонники которых предпочли голосовать за Фианна фойл. Сыграли свою роль и сокращение безработицы в результате во многом беспрецедентного промышленного скачка и мобилизация средств на нужды экономического развития за счет значительно возросших таможенных сборов, подоходного налога и секвестрованных с лета 1932 г. сумм земельных выплат. Выдвинутая в 1932—1933 гг. программа Фианна фойл в целом отвечала общенациональным интересам и по этой причине получила одобрение трудовых масс, а также и широких мелкобуржуазных слоев населения страны.

Вместе с тем сохранялась почва для развития классового конфликта: батраки так и не получили землю, мелкие фермеры вынуждены были вносить непосильные земельные платежи государству, продолжались выселения и продажа скота за недоимку. «Битвы вил» — именно этим оружием крестьяне оборонялись от налоговых сборщиков и полицейских — продолжались. Люто ненавидя новый режим, кулацкие элементы инспирировали массовый отказ от уплаты земельных сборов, пытались представить себя «защитниками и друзьями» бедняков. Острые конфликты возникали в промышленности, включая ее новые отрасли. «Новая Ирландия», за которую ратовал Де Валера, с самого начала обнажила свою неприглядную капиталистическую изнанку. Жестокая эксплуатация женского и детского труда, практически неограниченный рабочий день, не обеспечивающая жизненного минимума заработная плата — вот что принесли народу первые шаги капиталистической индустриализации. «Де Валера воспроизвел в дублинских предместьях худшие из ужасов английской промышленной революции»,— писал орган ирландских коммунистов [25]. В 1932 г., по официальным данным, в стране произошло 70 забастовок, в которых приняло участие более 4 тыс. человек. Некоторые стачки (например, на предприятии стройматериалов фирмы Гуд) продолжались длительное время. Однако уровень забастовочной борьбы был значительно ниже, чем в предыдущие годы. Это объяснялось сокращением безработицы, обострением англо-ирландских отношений, сохраняющимся авторитетом Фианна фойл [26].

В момент высокого накала национальной и социальной борьбы был сделан новый важный шаг на пути возрождения и подъема коммунистического движения в стране. 4—5 июля 1933 г., собравшись в столице Ирландии, 45 делегатов от революционных рабочих групп Дублина, Белфаста, Корка, Голуэя, Уотерфорда, Слайго и ряда других мест учредили общеирландскую Коммунистическую партию (КПИ). Ее первым Генеральным секретарем стал стойкий марксист-ленинец, активный участник революционной антиимпериалистической борьбы ирландского народа Ш. Мэррей. Создание компартии было результатом роста авторитета коммунистов в рабочих массах, завоеванного в годы кризиса, в ходе массового движения безработных Дублина и Белфаста, весенней

---

[23] Ibid., p. 614.
[24] J. A. Murphy. Op. cit., p. 78.
[25] «Irish Workers Voice», 3.11.1934.
[26] А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 118—119.

стачки 1933 г. ирландских железнодорожников и других классовых боев.

Главным документом съезда явился манифест «Путь Ирландии к социализму», продолжавший и развивавший лучшие традиции массовой освободительной борьбы трудящихся, сочетавший требования борьбы за национальную самостоятельность страны с классовой борьбой пролетариата. В манифесте содержалась характеристика международной обстановки: отмечалось резкое ослабление позиций империализма, в том числе и британского, нарастание революционного и национально-освободительного движения. Манифест справедливо указывал, что осуществляемое ирландской буржуазией руководство национальным движением становится тормозом на пути к завоеванию подлинного национального и социального освобождения. Манифест призывал к полному отделению Ирландии от Британского Содружества, развертыванию революционной борьбы против капитализма, установлению в стране рабоче-крестьянской республики. Только в союзе с трудящимся фермерством, подчеркивалось в манифесте, рабочий класс может довести борьбу за освобождение ирландского народа до конца. Во имя этой цели перед коммунистами ставилась задача завоевать массовую опору для своей партии в среде рабочих и крестьян [27].

Коммунисты разоблачали партию Фианна фойл как защитницу интересов капиталистов, ставили ей в вину жестокую эксплуатацию тысяч рабочих, недостаточное внимание к нуждам мелких фермеров и батраков, непоследовательность в проведении антиимпериалистического курса, боязнь массовых выступлений. В то же время коммунисты практически не видели различия между двумя главными партиями национальной буржуазии — Фианна фойл и Кумман на Гэл, объединяя их и стоявшие за ними силы под одним общим названием «класс ирландских капиталистов», объявляя правительство Де Валеры неспособным к борьбе против империализма «кабинетом Его Величества в Ирландском свободном государстве».

При этом КПИ имела в виду классовую ограниченность руководства Фианна фойл, его резкие выпады против прогрессивных рабочих организаций, репрессии правительства против забастовщиков и участников рабочих митингов и демонстраций, не такие уж далекие воспоминания об отношении «чистых» республиканцев к классовой борьбе и требованиям трудящихся масс в 1919—1923 годах. Сыграла свою роль и недостаточная разработанность в то время в международном коммунистическом движении вопроса о месте национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе. Положительные стороны деятельности Фианна фойл, ее авторитет в народе недооценивались. Это осложняло путь КПИ к рабоче-фермерской массе. Правильно и четко определив основную стратегическую линию и конечные цели ирландского освободительного движения и его пролетарского авангарда, КПИ в тот момент еще не достигла полной ясности в вопросе о месте и роли ирландской национально-освободительной революции в подведении масс к революции социалистической.

Наглядным показателем подъема классовой борьбы и роста активности широких масс явились процессы, происходившие в тот период в рядах ИРА. Многие рядовые ее члены и часть офицерского корпуса по собственному почину принимали участие в борьбе рабочих и фермеров за свои права, за социальные изменения. Сохранявшее, несмотря ни на что, верность принципам «чистого» (то есть политического) республиканизма, официальное руководство ИРА всячески противодействовало этой тенденции. Резко критикуя правительство Фианна фойл (за то, что последнее не провозгласило немедленно республику, не ввело войска в

[27] Там же, стр. 128—129.

Северную Ирландию и не объявило об аннулировании англо-ирландского договора 1921 г.), руководство ИРА одновременно категорически отвергало все требования активного вовлечения членов ИРА в социальную борьбу. Состоявшийся в 1933 г. общеармейский съезд по настоянию командования вынес решение, запрещающее членам ИРА высказываться устно или письменно по социальным либо экономическим вопросам. Он принял туманный лозунг «национальной реконструкции во имя достижения социальной справедливости». Его должно было провести в жизнь после своего прихода к власти подпольное «правительство Ирландской республики». Весной 1933 г. командование вынесло порицание бойцам ИРА, пришедшим на выручку дублинским рабочим — членам РРГ, осажденным в своей штаб-квартире — «Доме Коннолли», толпами фашиствующих реакционеров [28].

Результатом всего этого явился выход из армейского Исполкома ряда революционно настроенных офицеров. Среди них были члены КПИ, участники национально-освободительной борьбы 1919—1923 гг. П. О'Доннел, Ф. Райян, а также М. Прайс и некоторые другие. Они развернули широкую кампанию в республиканском движении, тред-юнионах и мелкофермерских организациях за созыв Республиканского конгресса и превращение его в руководящий центр массовой национально-освободительной и социальной борьбы. Участники нового движения старались быть в гуще борьбы трудящихся за повышение заработной платы, улучшение условий труда, сокращение рабочей недели, осуществление мероприятий по смягчению острейшего жилищного кризиса. КПИ приняла участие в этом движении, стремясь помочь ему выработать правильную стратегию, стать важным фактором сплочения революционных сил Ирландии.

Состоявшийся в конце сентября 1934 г. в Дублине конгресс нового движения собрал около 200 делегатов: от тред-юнионов, безработных, левых политических организаций Севера и Юга Ирландии, включая КПИ, Североирландскую социалистическую партию, Антифашистскую лигу, Ирландскую гражданскую армию (отколовшиеся ввиду несогласия с официальным курсом командования подразделения ИРА). Огромное большинство делегатов высказалось за объединение сил республиканского и рабочего движения под боевым пролетарским руководством, решительное и полное искоренение империалистического господства, ликвидацию капиталистической системы и создание нового, свободного от эксплуатации общества. Отмечалось, что имевшая место конфронтация «части ирландских капиталистов» с британским империализмом не может изменить существующих в стране порядков: ирландская буржуазия неизбежно пойдет на компромисс с империализмом, не обеспечит объединения Ирландии, не выведет страну за рамки Британского Содружества. Главной целью борьбы провозглашалось установление в стране рабочей республики.

Важнейшей причиной неудачи конгресса явился раскол его делегатов на две фракции. Одна из них во главе с М. Прайсом стремилась незамедлительно поставить лозунг «рабочей республики» в порядок дня. В условиях Ирландии это было выражением левацкой, сектантской, по существу, тенденции, неизбежно обрекавшей новое движение на отрыв от масс и поражение. Среди активно выступавших против этой опасности делегатов выделялись руководители и члены КПИ. В ходе дискуссии Ш. Мэррей заявил, что, выдвигая свою платформу, представители большинства не учитывают конкретных условий страны: «Прайс заявляет, что нам никогда не избавиться от британского империализма, если предварительно не будет уничтожен капитализм. Я же полагаю, что главным условием избавления от капитализма в нашей стране

[28] J. Bowyer Bell. Op. cit., pp. 105—106.

может стать освобождение от этого империализма»[29]. В преддверии VII конгресса Коминтерна ирландские коммунисты корректировали свою позицию по наиболее актуальным и жгучим вопросам стратегии и тактики революционной борьбы, предлагая создать широкий народный единый фронт, который, действуя под пролетарским руководством, мог бы обеспечить достижение целей ирландского освободительного движения. Достичь этого, однако, в тех условиях не удалось: ирландский рабочий класс еще не был готов к тому, чтобы стать его руководящей и направляющей силой, КПИ оставалась малочисленной и не располагала достаточным влиянием в массах; основная часть трудящегося населения шла за Фианна фойл.

В 1933 г. эта партия предприняла конкретные шаги по реализации своих предвыборных обещаний мелким фермерам. Сумма выплат по земельным платежам была сокращена вдвое, на недоимки объявлен длительный мораторий, приостановлены выселения и продажа имущества за долги. Осенью 1933 г. дойл принял новый земельный закон о принудительном выкупе неарендованных земель и ускорении раздела имений (в первую очередь скотоводческих ранчо размером более 100 акров) для увеличения мелких ферм и наделения землей батраков. Эти меры, хотя и были далеки от того, чтобы удовлетворительно решить аграрную проблему в целом, все же облегчали положение беднейших слоев сельского населения, смягчали остроту классового конфликта в деревне, хотя там и были возобновлены выселения за неуплату земельных платежей. В промышленности применялась гибкая тактика уступок, чередовавшаяся порой с репрессивными акциями против рабочих (например, в ходе подавления мартовской всеобщей стачки транспортников в 1935 г.). Рабочие добились 48-часовой рабочей недели, шестидневного оплачиваемого отпуска, законодательного запрещения ночного женского труда.

Правительство Де Валеры стремилось установить постоянные контакты с руководством профсоюзного движения, использовать его в качестве орудия для обеспечения в сфере промышленности «классового мира». Национал-реформистскую позицию занимало не только руководство профсоюзов, но и лейбористская партия. Ее требования (усиление роли государства в экономическом развитии, установление 40-часовой рабочей недели, увеличение пенсий сиротам и вдовам) в целом шли в общем русле политики Фианна фойл.

Первая половина 1930-х годов в Ирландии была отмечена развитием фашистского движения «синерубашечников». В 1933—1934 гг. оно стало заметной политической силой, и его представители пытались захватить власть и установить в стране тоталитарную диктатуру (чаще всего они оглядывались на Италию и «опыт» Муссолини и его приспешников). «Синерубашечники» действовали как наиболее откровенная, неприкрыто антинациональная агентура британских монополий в Ирландии. Ирландская реакция использовала «синерубашечников» в борьбе против национально-освободительного движения. На их стороне были симпатии консервативных кругов, но опоры в лице основной массы мелкой буржуазии и других промежуточных слоев, активно участвовавших в национально-освободительной, антиимпериалистической борьбе, они не имели. Продвижение страны по пути реализации установок Фианна фойл обещало этим слоям вполне реальные социально-экономические выгоды: из них рекрутировалась новая национальная буржуазия.

Родоначальницей фашистского движения в Ирландии стала созданная весной 1931 г., в период резкого обострения всех противоречий буржуазного общества, немногочисленная «Ассоциация товарищей по оружию», организация ветеранов армии и полиции[30]. Во главе ее стоял

---

[29] «Communist Party of Ireland», p. 24.
[30] J. Bowyer Bell. Op. cit., p. 102.

бывший начальник военно-медицинской службы армии, брат убитого в 1927 г. вице-премьера полковник Т. О'Хиггинс, с нею были связаны влиятельные члены кабинета Косгрейва Р. Мэлкахи (военный министр) и Э. Блитс (министр финансов). «Ветераны» нападали на собрания политических противников Кумман на Гэл, на прогрессивные рабочие и мелкофермерские организации, нередко применяли и оружие. Подобного рода деятельность продолжалась и в 1932 г., когда к власти пришла Фианна фойл.

После поражения реакционных сил на выборах начала 1933 г. отношение правых кругов к парламентаризму начинает меняться. Газета Кумман на Гэл «United Irishman» призывает «покончить с грязным политиканством» путем создания «органического корпоративного государства фашистского типа» [31]. Весной 1933 г. во главе «Ассоциации товарищей по оружию» становится уволенный со своего поста правительством Де Валеры начальник полиции генерал Э. О'Даффи, прозванный «ирландским дуче». Он «отличился» в годы гражданской войны, руководил репрессиями против республиканцев, передовых рабочих и фермерских организаций в период господства Кумман на Гэл. Тогда же «ветераны» оделись в синие рубашки. К этому времени их численность достигла нескольких десятков тысяч человек, главным образом крупных фермеров и членов их семей, богатых торговцев, служащих и т. п.

В июле 1933 г. фашисты начинают именовать себя «Национальной гвардией» и объявляют «общенациональную кампанию» за привлечение в свои ряды максимального числа молодых ирландцев. Их вожаки открыто провозглашают намерение в короткий срок установить в стране «приспособленный к местным условиям» вариант фашистского строя. Косгрейв и его единомышленники в дойле развернули активную кампанию пропаганды принципов «Национальной гвардии». С начала лета 1933 г. многочисленные отряды вооруженных и одетых в форму фашистов выходят на улицы городов и сел, совершают нападения на помещения прогрессивных организаций, осуществляют террористические акты против их членов.

Активизация «синерубашечников» встретила решительный отпор со стороны бойцов ИРА, тред-юнионистов, членов КПИ. Правительство же сначала старалось активно не вмешиваться в конфликт. Однако оно проявило достаточную твердость, когда О'Даффи объявил о намерении провести 22 августа в Дублине общеирландский смотр и парад членов своей организации. Намерения «ирландского дуче» не вызывали сомнений. Компартия Ирландии обратилась к народу с призывом остановить фашизм. Командование ИРА объявило мобилизацию всех сил и выразило твердую решимость оружием подавить фашистский мятеж. В этих условиях правительство Де Валеры стянуло в столицу крупные контингенты полиции и войск, а затем запретило фашистский смотр. Тогда О'Даффи приказал провести 20 августа фашистские парады по всей стране, обещая вывести на улицу 100 тыс. человек. Но и на этот призыв откликнулись лишь жалкие кучки его приверженцев. Трудящиеся продемонстрировали решимость противостоять фашистским провокаторам. 22 августа правительство объявило «Национальную гвардию» вне закона.

Сокрушительное поражение фашистов не помешало реакции поставить на «синюю карту» еще раз. В сентябре 1933 г. в Дублине было объявлено о создании новой политической организации — «Партии объединенной Ирландии» (ПОИ). В нее вошли Кумман на Гэл, недавно созданная кулацкая «Партия центра» и фашисты, именовавшие теперь свою лигу «Молодой Ирландией». Программа новой партии про-

[31] Ibid., p. 108.

возглашала стремление к добровольному объединению всей страны в «единое, независимое государство, являющееся без какого-либо ограничения национального суверенитета членом Британского Содружества». Предусматривались урегулирование «торговой войны» с Англией путем прямых переговоров, отмена перевода в Великобританию земельных выплат и их общее сокращение вдвое, эффективное с помощью государства развитие промышленности и сельского хозяйства. Все это свидетельствовало о том, что в середине 1930-х годов началось сближение платформ обеих основных группировок ирландской буржуазии. Благодаря самоотверженным усилиям ирландского народа возврат на позиции договора 1921 г. был уже немыслим. Вместе с тем в программе имелось, хотя и довольно туманное, упоминание о «корпоративной системе». «Синерубашечники» заняли ведущее положение в новой партии. Ее лидером стал О'Даффи.

Вплоть до осени 1934 г. шла активная борьба ирландского народа против фашистской угрозы. В жарких схватках на улицах и площадях городов и деревень, на сельских дорогах, где нередко применялось огнестрельное оружие, в большинстве случаев верх брали защитники демократии. Очень большую роль в искоренении фашизма сыграла ИРА. В первых рядах антифашистов шла КПИ, явившаяся инициатором создания Антифашистской лиги, в которой рука об руку выступали коммунисты, тред-юнионисты, республиканцы, члены Фианна фойл. Что же касается правительства, то оно старалось не допустить чрезмерного обострения ситуации, оставить за собой решающее слово. Оно «дозировало» репрессивные акции против «синерубашечников», перемежая их с близкими по характеру мерами против ИРА и прогрессивных организаций рабочего класса. В этих условиях Косгрейв и его единомышленники поспешили отмежеваться от О'Даффи. Последний был отстранен от руководства ПОИ и выдворен из ее центрального совета. Фашистская организация была вновь поставлена вне закона, и после этого уже не было попыток возродить ее под новым именем.

Проимпериалистическим кругам ирландской буржуазии не оставалось ничего другого, как приспосабливаться к условиям страны, стряхнувшей с себя оковы англо-ирландского договора 1921 года. К тому же и правительство Фианна фойл проявляло готовность пойти на мировую с потерпевшим поражение, но сохранявшим устойчивые позиции во всех областях жизни страны политическим противником.

После прихода к власти Фианна фойл были предприняты максимальные согласованные усилия народа и правительства, направленные на разрыв с британским империализмом. Идея создания «самообеспечивающейся» Ирландии тогда еще связывалась с социальным прогрессом, направленным на улучшение положения масс. Всесторонняя, самоотверженная поддержка народа позволила национально-буржуазному правительству Де Валеры удержаться у власти и ликвидировать фашистскую опасность. В 1932—1934 гг. Ирландия объективно развивалась в направлении национально-демократической революции, хотя идеологической оболочкой курса Фианна фойл являлись «христианская социальная доктрина» и ее специфически ирландская модификация — девалеровская теория «Ирландского христианского государства».

К середине 1930-х годов, вопреки прогнозам английской и местной реакции, «ирландский эксперимент» доказал свою жизнестойкость. Лобовые атаки империализма в политической и экономической сферах были в основном отражены. Продолжался довольно интенсивный промышленный рост. Мелкий национальный промышленник — главная опора Фианна фойл — умножал свои капиталы, становился все более респектабельным. В деревне усиливался процесс капиталистического расслоения, рос средний капиталистический фермер, расположенный к Фианна фойл. На сторону этой партии начали переходить некоторые

представители крупной городской и сельской буржуазии, видевшие в ней защиту от «угрозы слева».

В поисках средств для удовлетворения всевозрастающих потребностей экономики правительство Де Валеры частично пересмотрело свою позицию в отношении британского империализма. Дело в том, что ирландские банки, крупные собственники по-прежнему отказывались финансировать долгосрочные индустриальные проекты. Значительные суммы денег уплывали за рубеж: по преимуществу в Англию и страны Содружества. Промышленная продукция шла почти исключительно на внутренний рынок, тогда как главными статьями экспорта оставались предназначенные для Англии продукты животноводства. Де Валера и его помощники не решились на национализацию ирландской банковской системы и введение суровых ограничений на «экспорт капитала». Фианна фойл избрала иной путь, который в конечном счете означал сделку с империализмом.

Логическим развитием этого процесса явилось соглашение, подписанное в Лондоне 25 апреля 1938 г., которое подвело черту под «экономической войной с Великобританией». Ирландская задолженность ей по земельным платежам сокращалась. Метрополия отменяла «военные пошлины», доминион снижал тарифные барьеры на многие английские промышленные товары. Кроме того, Великобритания согласилась ликвидировать свои военно-морские базы в Ирландии, которыми она располагала согласно договору 1921 года. Соглашение 1938 г. стало возможным потому, что Ирландия проявила стойкость перед напором сил внешней и внутренней реакции. Англия же нуждалась в урегулировании конфликта не только по экономическим, но и по стратегическим соображениям. В условиях нарастающей угрозы новой мировой войны британские правящие круги не могли себе позволить продолжения конфликта со столь близким соседом.

В 1937 г. была обнародована новая конституция Ирландии. Она объявляла страну «суверенным, независимым демократическим государством Эйре» (гэльское название Ирландии), сохраняющим лишь внешнюю связь (представительство английского короля на внешнеполитической арене) с Англией. Северная Ирландия в конституции была названа «частью национальной территории Ирландии, на которую в настоящее время ее юрисдикция не распространяется». В одной из статей оговаривалось «особое положение» католицизма как «национальной» церкви. Конституция брала под защиту свободную конкуренцию, но вместе с тем осуждала концентрацию в руках немногих «необходимых для всего общества предметов широкого потребления». В целом конституция 1937 г. отражала положение отсталой, освобождающейся страны, выбравшей капиталистический путь развития. Принятие конституции подвело итог важного периода в истории Ирландии, который показал, что успешное движение по пути национального освобождения и социального прогресса возможно лишь в условиях единых и сплоченных действий всех прогрессивных сил страны.

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

СССР И СОЗДАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ В СТРАНАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

С. И. Помазанов

За последние годы еще более окрепло социалистическое содружество — международный союз нового типа. Это укрепление сплоченности социалистических стран, углубление братской дружбы между их марксистско-ленинскими партиями значительно увеличивают объединенную мощь и влияние социализма на ход международных событий. Ныне содружество социалистических стран стало самой динамичной экономической силой в мире. Важнейшим фактором укрепления могущества и международных позиций государств социалистического содружества является экономическое и научно-техническое сотрудничество, которое имеет большое значение для развития крупной промышленности, в первую очередь тяжелой индустрии, составляющей основу материально-технической базы социалистического общества. В. И. Ленин, как известно, подчеркивал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» [1].

Социалистическая индустриализация, в процессе которой народное хозяйство оснащается современной техникой, есть главный метод построения материально-технической базы социализма. Именно такой путь прошла ранее экономика нашей страны. Однако формы перехода к крупному производству, основанному на машинной индустрии, могут быть различными в зависимости от специфических условий страны, при которых начинается социалистическое строительство. Объективная необходимость социалистической индустриализации в странах, вступивших на путь социализма, обусловливалась также и тем, что они, за исключением Чехословакии и ГДР, были слаборазвитыми в промышленном отношении. Кроме того, некоторые из них понесли тяжелый ущерб вследствие фашистской оккупации. Например, потери национального богатства Польши составили 38%. Гитлеровцы уничтожили или разграбили в ней 70% предприятий, разрушили транспорт и связь, опустошили сельское хозяйство [2]. Варшава, многие другие города и поселки были превращены в груды развалин и пепелища. Народное хозяйство Румынии вследствие преступной антинациональной политики правящих кругов этой страны, втянувших ее в агрессивную войну против СССР, понесло ущерб в 10 000 млрд. лей (в ценах 1945 г.), что равно ее бюджету более чем за 12 лет [3]. В подобных условиях создание развитой тяжелой индустрии было делом нелегким и оказалось успешным только в результате помощи Советского Союза, обладающего мощным промышленным и научно-техническим потенциалом. Помощь эта оказывалась в рамках выраставшей мировой социалистической системы хо-

---

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 9.

[2] М. Ягельски. Сотрудничество с Советским Союзом — движущая сила развития социалистической Польши. «Вопросы экономики», 1974, № 7, стр. 5.

[3] И. В. Дудинский. Социалистическое содружество: основные тенденции развития. М. 1976, стр. 50.

зяйства, что определило особенности социалистической индустриализации в таких странах.

Уже в первые послевоенные годы СССР, несмотря на свои колоссальные людские и материальные потери, по-братски делился имевшимися ресурсами, поставляя в страны Центральной и Юго-Восточной Европы дефицитные материалы, сырье, топливо, машины, оборудование и содействуя быстрому восстановлению разрушенного войной хозяйства этих стран и дальнейшей их индустриализации. Он оказывал также широкую кредитную помощь и техническое содействие, направлял туда опытных специалистов, предоставлял безвозмездно проектную документацию и данные о достижениях науки и техники, помогал готовить кадры специалистов. При этом около 80% объема обязательств, взятых на себя Советским Союзом по экономическому и техническому содействию братским странам, было связано с развитием именно тяжелой промышленности [4].

Формы и степень этой деятельности менялись по мере укрепления взаимного сотрудничества. Решающей предпосылкой подъема социалистической экономики и создания тяжелой промышленности явились в странах Центральной и Юго-Восточной Европы завоевание политической власти рабочим классом и осуществление коренных революционных преобразований, в результате которых там победили социалистические производственные отношения, укрепилась народная власть. Национализация крупной промышленности [5], консолидация демократических сил, ликвидация раскола рабочего движения и объединение коммунистических и социал-демократических рабочих партий укрепили социалистические завоевания. К 1949 г. там было в основном завершено восстановление народного хозяйства, разрушенного войной, и вскоре эти страны, выполнив двух- или трехлетние планы восстановительных работ, перешли к долгосрочному планированию хозяйственного развития. Первые пятилетки, принятые в Болгарии (1949—1953 гг.), Чехословакии (1949—1953 гг.), Венгрии (1950—1954 гг.), Румынии (1951—1955 гг.) и ГДР (1951—1955 гг.), непосредственно предусматривали создание тяжелой индустрии и построение экономических основ социализма. В 1949 г. была создана межправительственная экономическая организация социалистических государств — Совет Экономической Взаимопомощи.

Как известно, страны — члены СЭВ различаются размерами территории, численностью населения, природными условиями, обеспеченностью ресурсами, историческим прошлым. В некоторых из них в досоциалистический период был достигнут довольно высокий уровень промышленного развития (Чехословакия, ГДР), а в иных преобладали докапиталистические отношения (Монголия). В разное время встали они и на путь социалистического строительства. Данные факторы отразились на степени и формах помощи им со стороны СССР и определили некоторые ее особенности. Но, независимо от таких различий, советская помощь использовалась ими для решения следующих основных задач: обеспечение машинами, оборудованием, сырьевыми товарами, материалами и энергоносителями, необходимыми для формирования и развития тяжелой промышленности; создание новых отраслей и производств, образующих недостающие звенья в промышленном комплексе; формирование новых (или усиление существующих) экспортных отраслей, играющих решающую роль в международном социалистическом разделении труда; развитие двусторонней и многосторонней специализации и кооперирования производства в целях усиления его концентрации и повышения экономической эффективности, а также углубления устойчивых производственных связей между братскими странами.

Из европейских стран социалистического содружества до установления в них власти трудящихся наиболее отсталыми в экономическом отношении являлись Болга-

---

[4] М. А. Лесечко. Советский Союз в системе международного социалистического разделения труда стран — членов СЭВ. М. 1970, стр. 21—22.

[5] Она была проведена в Болгарии в 1947 г., в Венгрии в 1947—1949 гг., в Польше в 1946 г., в Румынии в 1948 г., в Чехословакии в 1945 и затем в 1948 г., в ГДР в 1949 г. (Ш. П. Санакоев. Мировая система социализма. Основные проблемы и этапы развития. М. 1968, стр. 49).

рия и Румыния. При переходе к социализму в них почти заново создавалась современная индустрия, производящая средства производства и частично — средства потребления. Поэтому они особенно нуждались в помощи. Экономическое и техническое содействие, оказываемое Болгарии, осуществлялось на основе межправительственных соглашений и носило разносторонний характер. Соглашения касались взаимных поставок товаров, развития научно-технического сотрудничества, предоставления кредитов, машин и оборудования. Наибольшее число соглашений было связано с оказанием помощи в строительстве промышленных и энергетических объектов, в первую очередь предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической промышленности, тепловых, гидравлических и атомной электростанций, в проведении геологоразведочных работ [6]. В соответствии с межправительственными соглашениями советские организации выполняли и выполняют проектно-изыскательные и научно-исследовательские работы, поставляют комплектное оборудование и материалы, командируют в Болгарию высококвалифицированных специалистов для помощи в строительстве, монтаже в наладке оборудования и обмена опытом, подготовки технических кадров.

Одним из первых примеров такого сотрудничества было развернувшееся с 1947 г. строительство мощного химического комбината в Димитровграде. Очевидцы, посещавшие стройку, восхищались не только ее грандиозностью, но также дружбой и сердечными отношениями, которые установились между болгарскими и советскими строителями. Болгарский журналист Д. Колев красочно описал, как на голом поле, изрытом глубокими котлованами, появились высокие леса, остовы металлоконструкций и вспыхнули огни электросварки; как в болгарском городке, навеки связанном с именем Г. Димитрова, началось сооружение химкомбината. Строители, главным образом молодежь, приехали сюда со всех концов Болгарии и из многих областей СССР. Задор и энтузиазм одних дополняли опыт и знания других. Романтикой и теплом были озарены их совместные будни, которые стали поистине праздником болгаро-советской дружбы [7].

Болгарские и советские рабочие и специалисты вместе разведывали недра, добывали руду, налаживали работу воздушного флота, сооружали водохранилища и промышленные предприятия. При содействии Советского Союза в стране была создана металлургическая промышленность. По советским проектам был построен и оснащен советским оборудованием первенец болгарской черной металлургии — завод имени В. И. Ленина с полным производственным циклом. Расположенный в Димитрове (Перник), он до сооружения доменных печей получал чугун из СССР, а в 1960 г. дал около 250 тыс. т стали и 100 тыс. т проката. В ходе дальнейшей реконструкции предприятия его мощность должна быть доведена до 660 тыс. т проката [8]. В период выполнения третьего пятилетнего плана (1958—1962 гг.) в Болгарии вступил в строй спроектированный и оснащенный СССР металлургический комбинат в Кремиковцах, к северу от Софии. В настоящее время продолжается его расширение. К 1978 г. он достиг мощности в 2 млн. т проката [9]. С помощью СССР в Болгарии получила развитие и цветная металлургия. Еще в 50-е годы были построены: завод по выплавке цветных металлов в Кырджали, вблизи центров добычи свинцовых и цинковых руд в Родопских горах; оснащенный современным оборудованием медеплавильный завод возле Пирдопа, к востоку от Софии; флотационные фабрики горнорудной промышленности в Родопах. Сооружаются рудник по добыче марганцевой руды и завод алюминиевых изделий.

---

[6] «Советско-болгарские отношения. 1918—1970». Документы и материалы. М. 1974, стр. 9—11, 46—47, 56—58, 81—83, 163—167, 174—179, 186—188, 209—210, 232—234, 252—254, 282—283, 336—340, 465—467.

[7] «Болгария», 1972, № 11—12, стр. 10.

[8] К. Ильген. Дружба в действии. Экономическая помощь Советского Союза социалистическим государствам и экономически слаборазвитым странам. М. 1962, стр. 73; И. Капранов. Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам. «Внешняя торговля», 1975, № 6, стр. 9.

[9] С. Скачков. Внешнеэкономическое сотрудничество СССР в год 60-летия Великого Октября. «Внешняя торговля», 1977, № 11, стр. 16.

Советский Союз оказал большую помощь Болгарии в развитии ее машиностроения, которое в настоящее время достигает высокого уровня. Уже в первые годы народной власти в Болгарии было построено много новых машиностроительных предприятий или осуществлена реконструкция старых. Завод в Димитрове стал производить по советским лицензиям до 200 типов различных машин и шахтное оборудование. Вступили в строй авторемонтные заводы, организовано крупное специализированное производство электрокаров и электротельферов, значительную часть которых закупает Советский Союз. На базе внутренних потребностей, а также благодаря крупным заказам СССР и других братских стран, в Болгарии быстрыми темпами развилось производство электродвигателей, приборов, аппаратуры, сельскохозяйственных машин. В качестве примера можно привести Русенский завод сельскохозяйственного машиностроения, коренным образом реконструированный по советским проектам. Освоить на нем новое производство также помогли советские специалисты. Многие инженеры завода являются воспитанниками советских вузов. Кроме того, СССР закупает бо́льшую часть его продукции. Неузнаваемо изменился облик завода, выросли просторные корпуса. Уже в 1972 г. он выпускал более 170 видов сельскохозяйственных машин, в том числе тракторные плуги и сеялки, молотилки и зернокомбайны, тракторы и культиваторы. Помимо СССР, они поступают в Польшу, Венгрию, Румынию, а также в страны Ближнего Востока.

При содействии СССР закончилось расширение предприятий по производству электро- и мотокаров в Софии и Ломе, построен кузнечно-прессовый завод в Шумене, вступил в строй завод поковок и штамповок в Старой Загоре, в Софии создан центр метрологии и стандартизации [10]. Большая роль принадлежит Советскому Союзу в развитии нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической промышленности Болгарии. Созданные в ней с советской помощью производственные мощности обеспечивают выпуск 55% продукции химической промышленности, 80% продукции нефтепереработки и нефтехимии, 60% производства целлюлозно-бумажной промышленности [11]. Одним из итогов советско-болгарского сотрудничества в области химии явилось введение в эксплуатацию многих заводов, комбинатов и установок, построенных по советским проектам с использованием советского оборудования и при участии специалистов из СССР. В их числе азотно-туковый завод в Димитровграде, содовый завод и химический комбинат по производству сложных удобрений в Девне, нефтехимический комбинат в Бургасе, заводы химических волокон в Видине и Свиштове, комбинаты по производству целлюлозы и бумаги в Кричиме и Разлоге.

В Девне уже более десяти лет ведется строительство ряда крупных, связанных между собой промышленных объектов, включая химический комбинат минеральных удобрений, содовый завод, водохранилище, деривационный канал, морской порт Варна — Запад, с которым Девна соединена водным путем. «Девненский промышленный комплекс,— рассказывал в 1973 г. руководитель группы советских специалистов, почетный гражданин Девны И. Каратаев,— грандиозное дело не только в масштабе Болгарии. Химический комбинат по производству сложных удобрений, в сущности, представляет собой систему из двенадцати заводов, которые скромно называют производствами и цехами, а цех серной кислоты — это самый большой завод такого типа в Европе. Для новых предприятий характерно то, что на них применяются самые последние достижения физики, химии, электроники, машиностроения». Болгаро-советская дружба ярче всего проявляется именно там, где плечом к плечу трудятся болгарские и советские специалисты и рабочие: в Кремиковцах и Бургасе, Свиштове и Козлодуе; «мне, — подчеркнул Каратаев, — очень приятно работать с болгарскими коллегами. Они равноценные партнеры в этом большом строительстве» [12].

Болгарские товарищи с большой теплотой говорят о советских специалистах, о помощи организаций СССР. Полномочный представитель ЦК БКП и Совета Мини-

---

[10] М. А. Лесечко. Указ. соч., стр. 51; И. Капранов. Указ. соч., стр. 12.

[11] Г. Панков. Роль сотрудничества стран— членов СЭВ в создании и техническом перевооружении химической промышленности Народной Республики Болгарии. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1977, № 1, стр. 36—37.

[12] «Болгария», 1973, № 6, стр. 11.

стров Болгарии на Девненском строительном комплексе С. Христов отмечал, что при содействии советских специалистов был построен и пущен в эксплуатацию ряд предприятий. Эта помощь особенно ощутима при строительстве новых предприятий. Свыше 20 научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов СССР разрабатывают проекты и техническую документацию для отдельных объектов Болгарии. Более 100 предприятий СССР поставляют туда станки, приборы и материалы. Первый секретарь Девненского городского комитета БКП И. Йорданов заявил, что строительство заводов в Девненской низменности — одно из ярких свидетельств братской дружбы между Болгарией и СССР; советские строители, монтажники и проектировщики «стали нам близкими и родными. Это скромные, трудолюбивые люди с высоким чувством ответственности за порученное дело» [13]. Равным образом в Болгарии сооружаются или реконструируются предприятия, цехи и установки по производству анилина, автомобильных шин, каучука, вискозного шелка, капролактама, серной и фосфорной кислот.

Большое значение имеет помощь Советского Союза для решения топливно-энергетических проблем Болгарии. При советском содействии были построены электростанции «Марица-Восток» I и II с общей мощностью свыше 1 млн. квт, «Варна» в 600 тыс. квт, «Бобов Дол» в 630 тыс. квт, строится «Марица-Восток» III в 840 тыс. квт и атомная электростанция в Козлодуе, первая очередь которой в 440 тыс. квт введена в строй в сентябре 1974 года [14]. Важное значение имеют и поставки газа по газопроводу СССР — Болгария, сданному в эксплуатацию в 1974 году. В последнее время особое внимание уделяется строительству таких предприятий, продукция которых необходима не только Болгарии, но и другим членам СЭВ. Например, СССР импортирует из Болгарии продукцию более 30 объектов, построенных при его содействии, в том числе автопогрузчики, электрокары, электротельферы, автозапчасти, судовые радиолокационные станции, косилки, жатки, тракторы для виноградников, автомобильные шины, транспортерную ленту, полиамидную ткань, вискозное волокно, полиэтилен, фотобумагу, медикаменты, кальцинированную соду, оконное стекло и др.

В результате усилий руководимого Коммунистической партией болгарского народа и помощи, оказанной ему СССР и другими социалистическими странами, Болгария за четверть века превратилась в социалистическую страну с передовыми индустрией и сельским хозяйством, высоким уровнем развития науки и культуры. К 70-м годам ее промышленное производство возросло в 42 раза по сравнению с довоенным уровнем, продукция машиностроения — в 49 раз. В 1972 г. болгарская промышленность за одну неделю производила столько продукции, сколько выпускала за весь 1939 год [15]. Как отмечает постоянный представитель Болгарии в СЭВ А. Луканов, «история не знает подобного примера при капитализме: маленькая отсталая аграрная страна за исторически короткий период превратилась в развитое индустриально-аграрное государство, в крупного экспортера готовой промышленной, и прежде всего машиностроительной, продукции. Эти огромные успехи в социалистической Болгарии были достигнуты при неоценимой и бескорыстной помощи СССР и других стран — членов СЭВ» [16].

Быстрыми темпами развивает свою промышленность и Румыния, в чем важную роль играет помощь братских стран, и прежде всего СССР. История послевоенных отношений Советского Союза с Румынией изобилует примерами бескорыстной и доброжелательной политики нашей страны в контактах с Румынией. После войны Советское правительство возвратило ей (бывшему союзнику гитлеровской Германии) трофейные корабли, предоставило из своих ресурсов много паровозов, вагонов и гру-

---

[13] Там же.

[14] М. А. Лесечко. Указ. соч., стр. 69—70; И. Капранов. Экономическое и техническое сотрудничество с зарубежными странами. «Внешняя торговля», 1977, № 6, стр. 10.

[15] Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи. М. 1974, стр. 345.

[16] А. Луканов. Участие НРБ в решении современных задач социалистической экономической интеграции. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1978, № 2, стр. 11.

зовых машин, облегчило условия мирного договора, сократив в июне 1948 г. на 50% репарационные платежи. «Мы видим в этой помощи, которую оказало нам социалистическое государство СССР,— говорилось в телеграмме Великого Национального Собрания Румынии на имя главы Советского правительства,— свидетельство великой и все возрастающей экономической помощи Советского Союза. Эта помощь является выражением внешней политики Советского Союза — политики поддержки народов, борющихся за восстановление, обеспечение национальной независимости, демократии и мира» [17].

СССР оказал серьезное содействие восстановлению народного хозяйства Румынии. Благодаря советским поставкам кокса, чугуна, стали, сплавов, хлопка, других видов сырья, полуфабрикатов, машинного оборудования, запасных частей Румыния получила возможность вновь пустить в ход свои металлургические, металлообрабатывающие, текстильные предприятия. Она широко использовала богатый опыт и научно-техническую документацию СССР, что имело большое значение для реконструкции ее хозяйства. Так, на основе советской технической документации румынские заводы впервые начали производить сталь для шарикоподшипников и сами шарикоподшипники. При содействии СССР было создано производство нефтяного оборудования, тракторов, зерновых комбайнов, паровых шлюпов, рыболовных судов, дорожных и землеройных машин [18].

Важную роль в индустриализации Румынии сыграли советско-румынские смешанные общества (Совромы), созданные по договору от 8 мая 1945 года. Они функционировали в топливной промышленности — «Совромпетроль», «Совромуголь», «Совромгаз», лесной — «Совромлес», черной металлургии — «Совромметалл», машиностроительной — «Совромтрактор», «Совромнефтемаш», «Совромсудострой», химической — «Совромхим». Эти общества служили опорными пунктами решающих отраслей тяжелой промышленности, центрами передачи и распространения передовых советских методов по организации и технологии производства, по использованию достижений научно-технической мысли. Румынская печать отмечала в те годы: «Важнейшим фактором в деле успешной индустриализации нашей страны являются тесное сотрудничество Румынской Народной Республики с Советским Союзом, та огромная и многосторонняя помощь, которую мы получаем от нашего великого друга и союзника. Особенно действенной формой экономического сотрудничества социалистического типа являются советско-румынские акционерные общества — Совромы» [19]. В середине 50-х годов СССР и Румыния договорились о передаче ей советской доли участия в Совромах. Их успешная деятельность сыграла положительную роль в восстановлении и развитии народного хозяйства Румынии, подготовила условия для перехода руководства этими предприятиями к государству [20]. Она явилась одним из примеров новых отношений между социалистическими странами.

В буржуазной Румынии существовал ряд обществ с иностранным капиталом. Они расхищали природные богатства страны, жестоко эксплуатировали рабочих. Извлекая баснословные прибыли, эти компании одновременно уклонялись от уплаты налогов, занимались нелегальным вывозом ценностей, поддерживали черную биржу. Например, «Румыно-американское общество», принадлежавшее рокфеллеровскому тресту «Стандард Ойл», за 40 лет деятельности в Румынии увеличило свой основной капитал в 3 тыс. раз. В погоне за максимальной прибылью и в борьбе с конкурентами оно не останавливалось ни перед чем. Так, еще в 1929 г., после того, как английская компания «Астра Ромына» открыла в Моренах богатые нефтью участки, вблизи них был организован пожар, пылавший в течение двух лет. Таким способом был истощен газовый пласт и вызвано резкое падение добычи нефти соперником. Идентичные попытки саботажа и вредительства продолжались и после второй мировой войны,

---

[17] «Правда», 14.VI. 1948.

[18] С. И. Помазанов. Промышленность Румынской Народной Республики и ее размещение. М. 1954, стр. 59—62.

[19] «Scinteia», 3.IV.1950.

[20] «Правда», 25.IX.1954.

вплоть до национализации нефтепромыслов, которая нанесла решающий удар по позициям империалистов в экономике Румынии [21].

В конце 50-х и в 60-е годы советско-румынское сотрудничество получило дальнейшее развитие. Особое значение приобрели советские поставки комплектных установок для предприятий металлургии, энергетики, химической, нефтехимической и целлюлозно-бумажной промышленности. При техническом содействии СССР в Румынии были созданы такие крупнейшие промышленные объекты, как химический комбинат Онешть, алюминиевая фабрика в Ораде, коксохимический завод и блюминг на комбинате в Хунедоаре, трубопрокатный стан на комбинате в Романе, слябинг и прокатный стан на металлургическом комбинате в Галаце, ряд электростанций (в том числе ТЭЦ в Бразь и ГЭС имени Ленина в Биказе) [22]. В 1971—1975 гг. между обеими странами были подписаны двусторонние соглашения о специализации и кооперировании в тракторостроении, сельскохозяйственном машиностроении и других отраслях промышленности.

К странам среднего уровня экономического развития перед второй мировой войной относились Польша и Венгрия. После начала строительства социализма особое внимание здесь уделялось созданию тяжелой промышленности, в особенности машиностроения. И обе страны широко использовали сотрудничество с СССР. В польской литературе не раз подчеркивалось выдающееся значение сотрудничества с СССР и приводились многочисленные примеры его эффективности. Его масштабы постепенно расширялись, а формы совершенствовались. Когда в 1944—1949 гг. в Польше решались задачи восстановления хозяйства, разрушенного войной, помощь советского народа была направлена на решение именно этих задач. Тогда СССР поставлял в Польшу преимущественно сырье и материалы, в первую очередь нефтепродукты, железную и марганцевую руды, алюминий, хлопок, апатиты. В последующее время долгосрочные торговые и кредитные договоры между Польшей и СССР стали одним из основных факторов развития ее промышленности, прежде всего тяжелой. Благодаря советским кредитным поставкам оборудования, технической и кадровой помощи в Польше успешно развивались черная металлургия, энергетика, машиностроение, меднорудная, химическая и текстильная промышленность, производство строительных материалов.

За 1950—1960 гг. СССР передал Польше комплектное оборудование почти для 100 предприятий и основное оборудование еще для 200. На базе советских поставок были построены металлургические комбинаты имени В. И. Ленина в Новой Гуте и имени Б. Берута в Ченстохове, металлургический завод «Варшава», медеплавильный завод в Легнице, алюминиевый завод в Скавине, заводы легковых автомобилей в Люблине и Варшаве, синтетического каучука в Освенциме, нефтехимический комбинат в Плоцке, ряд крупных электростанций и предприятий машиностроения, химических и текстильных. В Польше трудились около 3 тыс. советских специалистов, чтобы помочь польским братьям освоить новую технику и овладеть передовыми приемами производства. Более 2 тыс. польских специалистов побывали в СССР с целью повышения квалификации [24].

По мере дальнейшего развития рос торговый оборот между Польшей и СССР и изменялась его структура: в польском экспорте увеличивался удельный вес изделий обрабатывающей промышленности. Так, доля экспортируемых машин и оборудования возросла с 26% в 1950 г. до 40% в 1960 году. Торговый обмен между Польшей и СССР с 1960 г. строится на базе пятилетних торговых соглашений. Большое значение приобрели поставки комплектных объектов. В 1966—1970 гг. Польша получила из СССР комплектные объекты и оборудование для черной металлургии, медных рудников, химической промышленности, энергетики. Начали развиваться и другие формы сотрудничества. В 1964 г. Советский Союз предоставил Польше техпомощь

---

[21] См. С. И. Помазанов. Указ. соч., стр. 63, 85; Т. Савин. Иностранный капитал в Румынии. М. 1950, стр. 18—19.

[22] «Социалистическая Республика Румыния». М. 1974, стр. 160.

[24] Е. Крашевский. Имена дружбы. «Польша», 1974, № 1, стр. 20; М. Ягельски. Указ. соч., стр. 4.

для расширения поисков природного газа и нефти. Вскоре в Польше были открыты залежи природного газа, а добыча его быстро росла.

С 1971 г., когда страны — члены СЭВ приступили к осуществлению Комплексной программы социалистической экономической интеграции, это сотрудничество расширилось. С помощью СССР в Польше создается крупнейшая стройка — металлургический комбинат «Катовице». Поставки советских машин и оборудования позволят на первом этапе строительства достичь ежегодной выплавки в 2,5 млн. т стали, а на втором этапе — 9 млн. тонн. В 1971—1975 гг. были заключены очередные многолетние соглашения о производстве в Польше самолетов для хозяйственных целей, кооперировании производства и поставках ткацких станков с комплектующими узлами, специализации производства металлорежущих станков, кузнечно-прессового и горно-шахтного оборудования. В Польше на основе такого сотрудничества не только значительно расширены существовавшие отрасли промышленности, но и созданы новые — тяжелое машиностроение, судостроение, производство шарикоподшипников, пластмасс и точных приборов, автотракторная, электротехническая, электронная промышленность.

Огромна роль взаимного сотрудничества для создания специализированных отраслей большого экспортного значения. Их продукция дает возможность компенсировать повышающиеся расходы на импорт увеличением экспортной продукции с обеспечением высокого технического уровня. Для небольших стран возникает реальный способ сконцентрировать усилия на развитии именно того, для чего имеются благоприятные местные условия, причем соответствующая продукция находит гарантированный рынок сбыта. Примером может служить создание в Польше новой отрасли — судостроения. Постройка первого польского судна современного типа в 1949 г. совпала по времени с подписанием долгосрочного соглашения о поставке морских судов в СССР. Его заказы привели к пересмотру намечавшихся ранее масштабов производства и явились стимулом для расширения польского судостроения, специализировавшегося на тех судах, которые поставляются в СССР: танкеры, лесовозы, корабли для генеральных и массовых грузов, плавучие базы, рыболовецкие и морозильные траулеры, океанографические и учебные корабли. Затем покупателями польских судов стали Чехословакия, Румыния, Куба, другие страны. К концу 60-х годов ПНР была уже одной из крупных судостроительных стран мира. К тому времени четверть (по тоннажу) советского торгового и рыболовецкого флота, половина чехословацкого, каждое седьмое судно Кубы были построены на польских судоверфях [25].

Аналогичный пример можно привести и по другой отрасли, определившей специализацию Польши на мировом рынке. Выпуск самолетов АН-2 в сельскохозяйственной, пассажирской, санитарной модификациях, налаженный при техническом содействии СССР, обеспечил Польше на долгие годы рынок сбыта во многих государствах Европы, Азии и Африки. К середине 70-х годов каждый четвертый самолет в мире, эксплуатируемый в сельском хозяйстве, был польского производства. По созданию самолетов для сельского хозяйства Польша к началу текущей пятилетки заняла в мире первое место, освоив, в частности, выпуск реактивного сельскохозяйственного самолета, конструкция которого разработана совместно советскими и польскими авиастроителями [26].

Сотрудничество с СССР играет существенную роль и в развитии тяжелой промышленности Венгрии, в совершенствовании промышленного комплекса этой страны. На предприятия, возникшие в результате двустороннего сотрудничества, приходится заметная часть производимых там чугуна и стали, азотных удобрений, нефтепродуктов. При техническом содействии СССР построены и введены в эксплуатацию Дунайский металлургический комбинат, дающий свыше 1,2 млн. т стали и 1140 тыс. т проката в год; азотно-туковый завод мощностью 190 тыс. т аммиака на Тисайском химкомбинате; глиноземный завод мощностью 240 тыс. т в Айке; цех легированного

---

[25] «Geografia gospodarcza Polski». Warszawa. 1971, str. 237. «Польша», 1974, № 4, стр. 8; «Вестник польской экономики», 1975, № 2, стр. 9.

[26] А. Н. Барковский. Экономика Польской Народной Республики. М. 1976, стр. 192—193.

алюминиевого листа производительностью 60 тыс. т; прессовый и литейный цехи на алюминиевом прокатном заводе в Секешфехерваре и др.[27]. При техническом содействии СССР осуществляется проектирование и строительство 30 предприятий и отдельных установок. Крупнейшим объектом сотрудничества является атомная электростанция «Пакш» мощностью до 2 тыс. МВт и линия электропередачи Винница — Альбертирша [28]. Не меньшее значение имеет научно-техническое сотрудничество. Как отмечал председатель Госкомитета по техническому развитию Венгрии М. Айтаи, именно в СССР венгерские специалисты умножали знания, необходимые для работы в современной химической промышленности, по вычислительной технике, производству полупроводников и алюминия. За 25 лет ВНР получила из СССР свыше 3 тыс. комплектов технической документации [29].

Между обеими странами существует сотрудничество не только на межправительственном и межотраслевом уровнях, но и между отдельными городами, областями и предприятиями. Так, коллективы Московского завода шлифовальных станков и будапештского «Красного Чепеля» обмениваются производственным опытом, рабочими бригадами. В апреле 1978 г. оба предприятия подписали договор о дальнейшем развитии дружеских связей, который предусматривает широкий обмен технической информацией, документацией, новинками производства, бригадами передовиков. Это сотрудничество не ограничивается профессиональными рамками, а дополняется установлением и укреплением личных связей. В беседе с корреспондентом «Правды» секретарь партийной организации завода «Красный Чепель» К. Зентан и руководитель профкома предприятия Я. Эпереши рассказали, как они углубляют дружбу, проводя совместно вечера или экскурсии в музеи, отмечая дни рождения рабочих обоих заводов [30].

Свои особенности имело развитие тяжелой индустрии в таких промышленно развитых странах, как Чехословакия и ГДР. Здесь в процессе перехода от капитализма к социализму решался в основном вопрос о реконструкции промышленности. СССР и Чехословакия с первых послевоенных лет установили взаимовыгодную взаимопомощь. В соответствии с соглашением о научно-техническом сотрудничестве, подписанным в декабре 1947 г., Советский Союз помог ЧССР развить строительство угольных шахт и установок для обогащения руд цветных металлов, производство энергетического, горнорудного, металлургического и нефтяного оборудования, сельскохозяйственных машин, ферросплавов и жароупорных материалов. За 1947—1956 гг. Чехословакия получила от СССР 74 проекта по капитальному строительству, более 300 комплектов чертежей машин и оборудования, свыше 700 описаний технологии производства [31].

Для реконструкции чехословацкой промышленности особое значение имели поставки из СССР сырья и топлива — железной и марганцевой руд, меди, синтетического каучука, свинца, цинка, никеля, молибдена, нефти, газа, а также техническое содействие в развитии наиболее важных производств, играющих первостепенную роль в ускорении технического прогресса. СССР помог Чехословакии организовать Институт ядерной физики, оказывает содействие в развитии атомной энергетики. В 1970 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение о постройке в Чехословакии двух атомных электростанций общей мощностью в 1700 тыс. киловатт [32]. Сооружение и поставки для них советского оборудования дали возможность не только создать новые источники энергии, но и экономить ежегодно миллионы тонн угля и осуществлять прогрессивные сдвиги в промышленности. Советские специалисты выполнили техни-

---

[27] А. Федерер. Венгеро-советские экономические связи. «Внешняя торговля», 1977, № 10, стр. 18.

[28] Там же, стр. 19.

[29] М. Айтаи. Расширение и углубление научно-технического сотрудничества ВНР с другими странами — членами СЭВ. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1977, № 5, стр. 41.

[30] «Правда», 16.X.1978.

[31] «Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии». М. 1958, стр. 62—63.

[32] Л. Васильев. Создается атомная энергетика. «Экономическая газета», 1970, VII, № 27, стр. 21.

ческий проект и рабочие чертежи первой АЭС для Чехословакии с реакторами водо-водяного типа мощностью 440 тыс. киловатт. СССР поставил оборудование для первого контура электростанции (реакторы, главные циркуляционные насосы, парогенераторы, трубопроводы), обеспечил техническое руководство монтажом, наладкой и пуском ее ядерной части.

В Чехословакии, как и в Венгрии, получило развитие сотрудничество с отдельными советскими предприятиями. Деловые связи установились, в частности, между коллективами электромеханического завода имени Владимира Ильича в Москве и Электротехнического завода в Могельнице (Моравия). Инженеры и рабочие этих предприятий создали объединенный совет по развитию и производству асинхронных электромоторов, объединенное конструкторское бюро, рабочие группы по проектированию и технологии, разработали сетевой график совместных работ. Совет, возглавленный главными конструкторами двух заводов, координирует и направляет общие работы, а рабочие группы готовят документацию по конкретным проблемам. Сетевой график определяет сроки выполнения основных частей межправительственного соглашения и представляет собой единый план, в котором предусмотрены мероприятия до 1986 г.— от организационных, конструкторско-технологических и проектных работ до нового строительства и освоения производственных мощностей. Силами советских и чехословацких специалистов уже разработаны четыре поколения электромашин высокого уровня, а ныне разрабатываются еще более совершенные моторы. «Плановое развитие предприятия,— говорил директор завода в Могильнице М. Штрека,— и расширение выпуска продукции в рамках кооперации с Советским Союзом превратят наш завод в одно из самых крупных в Европе предприятий по выпуску электромоторов» [33].

Аналогичный характер носит сотрудничество между СССР и ГДР. Недостаток сырьевых ресурсов в ГДР и другие факторы породили там в первые годы социалистического строительства диспропорции в энергетике, металлургической, машиностроительной, химической и легкой промышленности. В связи с этим увеличились импортные потребности в материалах производственного назначения, сырье и топливе, возникла необходимость в строительстве новых предприятий тяжелой промышленности и расширении существующих. При решении этих задач большая помощь была оказана Советским Союзом. Правительство СССР с января 1954 г. аннулировало репарационные платежи, составлявшие тогда около 10 млрд. марок; списало послевоенные долги на 430 млн. марок, затраченные в виде капиталовложений в 66 бывших советских акционерных обществ, которые в 1952 г. были переданы правительству ГДР; предоставило кредиты на 640 млн. руб. для закупки сырья и полуфабрикатов на капиталистическом рынке, а также товарные кредиты более чем на 1 млрд. рублей [34].

Советский Союз поставляет для промышленных предприятий ГДР железную руду, чугун, фосфаты, нефть, полиматериалы, каменный уголь. При техническом содействии СССР в ГДР возникли новые важнейшие производства, сыгравшие заметную роль для устранения послевоенных диспропорций в экономике: были налажены производство нефтяного оборудования и работа доменных печей на металлургическом комбинате «Ост», организовано производство легированных сталей, феррохрома и ферромарганца, сложных профилей проката, тракторов, моторов, самоходных зерновых комбайнов, котлов, турбин, оказана научно-техническая помощь в строительстве нефтяного порта в Ростоке, нефтеперерабатывающего комбината в Шведте, завода тяжелого машиностроения в Вильдау, предприятий в Кальбе, во Франкфурте-на-Одере и многих других. При техническом содействии СССР сооружается атомная электростанция «Норд», первый блок которой вступил в строй в 1975 г.; продолжается строительство электростанции «Боксберг», мощность которой уже составила 2520 тыс. квт; построены комплекс по производству холоднокатаного стального листа на металлургическом комбинате «Ост» и другие промышленные объекты [35].

---

[33] «Правда», 14.X.1978.

[34] К. Ильген. Указ. соч., стр. 103—104.

[35] А. В. Николаева. Экономическое сотрудничество ГДР и СССР. М. 1968, стр. 83—84; «Внешняя торговля», 1976, стр. 5.

ГДР и СССР успешно передают друг другу опыт организации производства, налаживания современной технологии. «Большой радостью наполняет наши сердца тот факт,— говорил Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер,— что сотрудничество ГДР с Советским Союзом становится все более тесным и эффективным... Определяющее его направление — объединение материальных и духовных ресурсов наших стран при решении крупных совместных задач, устремленных в будущее» [36]. Подтверждением тому может служить, например, сотрудничество Магдебургского завода тяжелого машиностроения имени Э. Тельмана и Донецкого машиностроительного завода имени Ленинского комсомола. Для Магдебургского завода, изготовляющего оборудование для прокатных станов и производства цемента, металлургические краны и краны большой мощности, характерны не только прочные производственные связи со многими предприятиями СССР, но и связи в сфере общественной жизни. На заводе активно работают 362 коллектива германо-советской дружбы. Они изучают опыт советских товарищей и методы их работы. Как отметил секретарь заводского отделения Общества германо-советской дружбы Х. Пфайффер, на этом заводе создан соответствующий общезаводской кружок и работают 17 цеховых кружков. Приобретение знаний о СССР, организация разносторонней культурной жизни, отвечающей духу интернационализма, характеризуют эти коллективы [37]. Ряд рабочих завода имени Э. Тельмана получил советские правительственные награды. Весной 1977 г. оба предприятия за хорошие результаты сотрудничества были награждены почетными знаменами профсоюзов Донецкой области и округа Магдебург. «С полным правом мы можем сказать,— говорил секретарь парторганизации Магдебургского завода М. Хессе, — что наш завод имени Тельмана как современное социалистическое предприятие является детищем германо-советской дружбы» [38]. Полезны и разносторонни также научно-экономические и технические контакты СССР с ГДР, Польшей и Чехословакией в развитии ими космической техники и оборудования, часть которого недавно была проверена во время совместных полетов космонавтов этих стран.

Свои особенности присущи участию СССР в создании тяжелой промышленности в таких странах, как Монголия и Куба. Для МНР, где уровень развития производительных сил до народной революции был очень низок, проблема создания материально-технической базы социализма оказалась довольно сложной и решалась постепенно. В 1921—1940 гг. там закладывался социально-экономический фундамент, необходимый для перехода к строительству социализма, в 1940—1960 гг.— основы социалистической экономики, а примерно с 1960 г. начался этап развернутого строительства социализма и завершения создания его материально-технической базы [39]. Это сопровождалось развитием промышленности, которая до революции практически отсутствовала.

Уже к началу 30-х годов в МНР при содействии СССР возникли первые промышленные предприятия. К 1940 г. в Улан-Баторе были построены первенец монгольской индустрии — промкомбинат в составе нескольких фабрик и заводов, электростанция и ряд других объектов. Социалистическая индустриализация в Монголии началась с появления отраслей легкой промышленности, перерабатывающей животноводческое сырье и выпускающей товары народного потребления. Одновременно возводились топливно-энергетические предприятия.

Все первые крупные промышленные, транспортные и торговые объекты в МНР создавались и некоторое время функционировали как совместные советско-монгольские предприятия. Затем они передавались Монголии в полную собственность. Таковы акционерное общество «Промкомбинат», организованное для строительства и эксплуатации промкомбината в Улан-Баторе; акционерное общество «Совмонголметалл», учрежденное в 1949 г. для совместной разработки полезных ископаемых; акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога», с помощью которого

---

[36] «Neues Deutschland», 19.V.1976.
[37] «ГДР», 1977, № 9, стр. 28.
[38] Там же.
[39] «Монгольская Народная Республика». М. 1974, стр. 52.

была построена магистраль протяженностью свыше 1100 километров. «В памяти трудящихся Монголии,— говорил Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал,— навсегда сохранятся лучшие воспоминания о деятельности совместных советско-монгольских обществ и предприятий, которые принесли замечательные плоды и оставили у нас богатое наследство... Эти совместные предприятия сыграли исключительно большую роль в преодолении многовековой отсталости Монголии, создании в ней социалистической экономики, современных отраслей народного хозяйства, в превращении МНР из аграрной в аграрно-индустриальную страну, в выращивании кадров рабочего класса и трудовой интеллигенции Монголии» [40].

В послевоенные годы промышленность МНР развивалась при самой непосредственной и весьма разносторонней экономической помощи СССР, включая содействие в строительстве предприятий, подготовке кадров и разведке полезных ископаемых, предоставление кредитов и безвозмездную помощь. Только в 1961—1970 гг. общий объем этой помощи составил свыше 1 млрд. рублей [41]. В 1961—1965 гг. с помощью СССР введены в эксплуатацию крупный авторемонтный завод, домостроительный комбинат, деревобумажный комбинат, расширена и реконструирована Улан-Баторская ТЭЦ, началось строительство промышленного комплекса в Дархане. Последнее осуществлялось силами советских организаций, для чего в 1962 г. был организован советский общестроительный трест. Таким же образом сооружалось большинство предприятий, введенных в эксплуатацию с помощью СССР в 1966—1970 годы [42]. Всего же за 1972—1976 гг. в МНР с помощью Советского Союза построено около 250 промышленных предприятий, дающих примерно 50% валовой продукции страны [43].

Дархан, центр промышленного комплекса Дархан-Селенгинской экономической зоны, стал подлинным символом социалистического интернационализма. В его сооружении, кроме Советского Союза, принимают участие Болгария, Венгрия, Польша и Чехословакия. В первые же 10 лет он превратился из маленького степного поселка во второй промышленный центр Монголии. Там возведены ТЭЦ, энергетическое кольцо, угольный разрез, цементный завод, промстройкомбинат, завод по производству силикатного кирпича, предприятия легкой и пищевой промышленности [44]. На севере страны создается сейчас еще один промышленный центр — Эрдэнэт. Здесь разведано медно-молибденовое месторождение, на базе которого монгольские и советские строители возводят крупнейший в Азии горно-обогатительный комбинат и новый социалистический город. После завершения строительства и освоения проектной мощности комбинат будет давать на экспорт столько продукции, сколько в настоящее время поставляет вся МНР. С 1982 г. комбинат будет поставлять в СССР медный и молибденовый концентрат [45]. Помимо горно-обогатительного комбината, у Эрдэнэта [46] развернулось строительство карьера по добыче руд, высоковольтной линии электропередачи, железной и шоссейной дорог, водовода и других объектов. Многотысячная армия строителей Эрдэнэта получила из СССР много машин и механизмов. Строительство ведется там передовыми методами, впервые применяемыми на монгольской земле. На митинге возле новостройки у Медной горы глава делегации КПСС на XVII съезде МНРП Ф. Д. Кулаков, обращаясь к строителям, говорил, что Эрдэнэт не только символизирует собой богатства древней монгольской земли; это еще и развивающиеся рабочий класс и интеллигенция, овладевшие современной техникой; этот молодой город — замечательный пример крепнущего советско-монгольского сотрудничества [47].

---

[40] «Новости Монголии», 24.XII.1963.
[41] «30 лет народной революции в Монголии». М. 1971, стр. 154.
[42] «Монгольская Народная Республика», стр. 124—125.
[43] «Внешняя торговля», 1977, № 11, стр. 31.
[44] Н. В. Фаддеев. Указ. соч., стр. 349—350.
[45] С. Скачков. Указ. соч., стр. 17.
[46] В переводе с монгольского «эрдэнэт» означает «сокровище». В народном предании говорится, что в этом месте бог зарыл котел с драгоценными металлами, а сверху поставил гору; тот, кто достанет клад, принесет народу счастье.
[47] «Правда», 17.VI.1976.

С особыми проблемами развития тяжелой промышленности столкнулась Республика Куба. До революции она была отсталой полуколониальной страной с деформированной структурой экономики, в которой не хватало самых существенных звеньев для нормального развития общественного производства. Она являлась поставщиком на капиталистический рынок сахара-сырца, составлявшего 80% ее экспорта. Другие отрасли народного хозяйства были развиты очень слабо, практически не существовало машиностроения и металлургии. Имеет значение и тот факт, что на острове нет угля, почти нет нефти, отсутствуют условия для строительства крупных гидростанций и производства черных металлов на собственной сырьевой базе. Кубе приходилось ввозить, главным образом из США, почти все промышленные товары и некоторые продукты питания. Победа революции в 1959 г. обеспечила условия для проведения глубоких социально-экономических преобразований. Однако в первые годы после нее кубинский народ не имел еще возможности приступить к созданию материально-технической базы социализма и формированию промышленного комплекса. Как указывал Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Ф. Кастро, «развитие экономики не стояло в центре нашего внимания в течение первых 10 лет. На первом этапе революции, перед лицом подрывной деятельности империалистов, военной агрессии и беспощадной экономической блокады основные силы страны надо было направить на то, чтобы выстоять» [48]. Советский Союз в тот период оказывал Кубе содействие, направленное преимущественно на то, чтобы Остров Свободы преодолел первые трудности. «Без постоянной, решительной и щедрой помощи советского народа,— говорил Ф. Кастро,— наша родина не смогла бы выстоять в схватке с империализмом» [49]. По мере углубления экономического и научно-технического сотрудничества Кубы с СССР и другими странами — членами СЭВ открывались широкие возможности для развития на острове промышленности и формирования оптимальной структуры хозяйства республики. Мешали узость сырьевой базы и отсутствие квалифицированных кадров. Поэтому в 1965—1970 гг. основное внимание уделялось развитию сахарообрабатывающей промышленности и увеличению производства никеля — второго по значению экспортного товара Кубы. Только с 1970 г. был взят курс на развитие новых видов производства [50]. К тому времени при экономическом и техническом содействии СССР было сооружено, строилось или реконструировалось более 160 промышленных предприятий и других объектов [51]. Большое значение имели соглашения, подписанные в конце 1972 г. и предусматривавшие содействие Кубе в развитии основных отраслей промышленности, транспорта, сельскохозяйственного производства, регулировании использования и дальнейшего предоставления советских кредитов, взаимных поставок товаров и расчетов за них. Эти соглашения были чрезвычайно важны для кубинского народа. «Отношения, связывающие Кубу с СССР, — заявил Ф. Кастро в январе 1973 г.,— войдут в историю как образец революционных отношений между двумя странами, отношений поистине революционных и интернационалистских» [52].

Из наиболее важных предприятий тяжелой промышленности Кубы построены, строятся или реконструируются при техническом содействии СССР: металлургический завод имени Х. Марти в Гаване (завершение первой очереди его реконструкции позволило в 1975 г. довести выпуск стали до 250 тыс. т, что в 10 раз больше, чем в 1958 г.); два никелевых предприятия; горно-металлургический комплекс «Пунта-Горда» мощностью 30 тыс. т никеля и кобальта в год; заводы по производству тростниковоуборочных комбайнов (мощностью 600 машин в год), телевизоров и транзисторных приемников; ряд химических предприятий; энергетические объекты (в частности, расширение ТЭС «Мариель» и «Ренте», в результате чего общий прирост мощности составит 500 тыс. квт); дизельные электростанции на о. Пинос [53]. Предприятия, которые были сооружены или модернизированы при техническом содейст-

---

[48] «Granma», 19.XII.1975.
[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Ibid.
[52] Э. Шейнин. Создание материально-технической базы социализма на Кубе. «Вопросы экономики», 1976, № 6, стр. 83.
[53] Там же, стр. 85—86; «Внешняя торговля», 1976, № 6, стр. 7.

вии СССР, в 1976 г. выработали около 30% производимого на Кубе проката, 75% азотных удобрений и 60% смешанных удобрений [54].

Таковы лишь некоторые факты помощи СССР странам социалистического содружества в развитии отраслей тяжелой промышленности. Эта помощь оказывается как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Наглядным примером последней может служить содействие в развитии атомной энергетики. Подписаны соглашения и протоколы об оказании Советским Союзом содействия Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии и Чехословакии в сооружении атомных электростанций мощностью более 10 млн. киловатт. Намечено построить до 25 энергоблоков с реакторами, примерно по 440 тыс. квт каждый [55]. На XXXII сессии СЭВ в июне 1978 г. отмечалось, что выполнение этой программы требует от стран социалистического содружества ускоренного создания крупных производственных мощностей по выпуску оборудования для АЭС, четкой организации многосторонней кооперации в соответствующих отраслях промышленности, объединения усилий научных и конструкторских коллективов братских стран, большой работы по перевооружению машиностроения и подготовке квалифицированных кадров, что́ будет затем способствовать техническому прогрессу всего машиностроения в целом. «Советский Союз, — как указывал в выступлении на этой сессии А. Н. Косыгин,— форсированно развивает базу для производства оборудования АЭС, строит для этой цели крупный специализированный завод «Атоммаш», расширяет мощности других машиностроительных предприятий. Очевидно, и другие страны заинтересованы в том, чтобы подготовиться к участию в кооперации в такой важной отрасли машиностроения» [56].

Сотрудничество между СССР и другими странами — членами СЭВ носит взаимовыгодный характер. За экономическое и техническое содействие в строительстве промышленных и других объектов, оказываемое Советским Союзом, его партнеры расплачиваются поставками своих традиционных товаров и продукции сооруженных предприятий. По мере выравнивания уровней экономического развития этих стран техническое содействие становится все более взаимным. Братские страны поставляют теперь в Советский Союз промышленное оборудование в возрастающих количествах. А СССР, активно содействуя созданию в них мощной индустриальной базы, не только выполняет свой интернациональный долг, но и обеспечивает общенациональные интересы, организуя всестороннее сотрудничество на равноправной и взаимовыгодной основе. Экономические отношения СССР с братскими странами являют собой пример отношений нового типа, невиданных за всю предшествующую историю человечества. «Мы можем сказать с чистой совестью,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— наш союз, наша дружба, наше сотрудничество — это союз, дружба и сотрудничество суверенных, равноправных государств, сплоченных общими целями и интересами, узами товарищеской солидарности и взаимопомощи. Мы идем вместе, помогая друг другу, объединяя усилия, знания, ресурсы для быстрейшего движения вперед» [57].

Огромное содействие Советского Союза другим странам — членам СЭВ в создании их тяжелой промышленности и характер его сотрудничества с этими странами полностью разоблачают утверждения буржуазной пропаганды о «советском империализме», о вывозе СССР из братских стран сырья, средств производства и т. д. Ведь Советский Союз сам снабжает эти страны всеми основными видами сырья и топлива и постоянно увеличивает их ввоз туда, несмотря на то, что эффективность экспорта сырьевых товаров, как правило, ниже, чем машин и товаров народного потребления. К тому же удельный вес топлива, минерального сырья и металлов в товарной структуре советского экспорта из года в год возрастает, тогда как в других европейских

---

[54] Э. Р. Льомпарт. Значение экономического и научно-технического сотрудничества стран—членов СЭВ в совершенствовании структуры народного хозяйства Республики Куба. «Экономическое сотрудничество стран—членов СЭВ». 1978, № 1, стр. 30.

[55] С. И. Помазанов. Деятельность КПСС по углублению экономического сотрудничества между странами СЭВ на современном этапе. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 11, стр. 27; «Правда», 5.I.1979.

[56] «Плановое хозяйство», 1978, № 9, стр. 14.

[57] Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М. 1977, стр. 19—20.

социалистических странах он уменьшается. Что касается поставок из этих стран, в первую очередь машин и оборудования, то они действительно постоянно растут: на долю продукции машиностроения приходится почти половина советского импорта из этих стран. Но дело заключается в том, что для наших партнеров увеличение поставок машин и оборудования в СССР исключительно выгодно, так как экспорт машин отличается высокой экономической эффективностью и способствует росту концентрации производства, а следовательно, повышению производительности общественного труда.

Тесное сотрудничество между СССР и другими социалистическими странами не только содействует развитию у них тяжелой промышленности, но играет существенную роль и в решении таких важных задач, как постепенное выравнивание уровней экономического развития братских стран, более полное удовлетворение растущих потребностей населения в товарах и услугах. Все это служит дальнейшему укреплению социалистического содружества.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ВТОРАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1878—1880 гг.)

Н. А. Халфин

В конце 1878 г. британские войска вторглись в Афганистан. Мощная мировая держава напала на небольшое азиатское государство. То была типичная колониальная война со всеми присущими ей атрибутами: дипломатическими провокациями, грубым политическим шантажом, вторжением хорошо оснащенной армии. Но события пошли не по обычным канонам империалистического разбоя. Героическое сопротивление афганского народа помешало осуществить замыслы интервентов, вынудив их отказаться от планов превращения Афганского государства в колонию.

К 70-м годам XIX в. Афганистан представлял собой феодально-деспотическую монархию с сильными родоплеменными пережитками. После смерти эмира Дост Мухаммад-хана (1863 г.) началась ожесточенная борьба за власть. Лишь в 1869 г. наследнику престола Мухаммад Шер Али-хану удалось овладеть положением. Главный соперник нового эмира, его племянник Абдуррахман-хан, потерпев поражение, бежал на правобережье Амударьи.

Изрезанный горными хребтами Афганистан населяли тогда примерно 4—5 млн. человек. Южную часть страны занимали преимущественно афганские племена и различные их объединения. Среди последних выделялись дуррани, гильзаи и моманды. Дуррани, делившиеся на ветви зирак и панджпао, расселились в обширной области вокруг Кандагара, первой столицы Афганского государства. К северу и северо-востоку от них, от Калати-Гильзаи до Кабула и Джелалабада, разместились гильзаи. Моманды обосновались в районе Сулеймановых гор, которые считаются родиной афганцев. На периферии этих объединений жили мелкие племена — тараки, сари, шинвари, вардаки, дзадзи, дзадран, мангал, какари, хугиани и другие. Огромную роль среди афганцев играли местные вожди — ханы, малики и старшины, постепенно утверждавшие свое господство над большей частью общественных угодий. Крайний юг Афганистана населяли белуджи, центр и северо-запад — в основном монголоиды-хазарейцы и тюркоиды: таймани, джемшиды и фирюзкухи; север — таджики, узбеки и туркмены.

Основными занятиями населения были земледелие и скотоводство. Некоторые племена специализировались на повинде — транзитной караванной торговле. Большое развитие получили ремесленное производство и мелкая внутренняя торговля. Специфика отсталого общества была тормозом для прогресса. «Афганцы разделяются на кланы, причем различные вожди осуществляют нечто вроде феодального господства над ними,— подчеркивал Ф. Энгельс еще в 1857 году.— Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией» [1]. Необходимость ликвидации межфеодальных раздоров, недовольство горожан междоусобицами, перспективы расширения товарообмена — все это настоятельно требовало создания централизованного государства, и оно постепенно возникало. Но господствующую роль в стране играла по-прежнему феодально-племенная знать.

Афганистан занимает важное географическое положение. Через его территорию проходят кратчайшие пути из Индии в Среднюю Азию и в Иран. Еще в первые десятилетия XIX в. утверждавшиеся на Индийском субконтиненте британские колонизаторы стремились распространить сферу своего влияния на Афганистан, а за ним — и на Среднюю Азию. Отказ Дост Мухаммад-хана стать вассалом Лондона привел к первой англо-афганской войне (1838—1842 гг.). Сначала колонизаторы овладели значи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 14, стр. 78.

тельной частью страны, включая Кабул, и посадили на престол марионеточного правителя Шуджу уль-Мулька. Однако затем афганские патриоты разгромили 15-тысячное войско, захватившее их столицу, и к власти опять пришел Дост Мухаммад-хан. Война закончилась поражением Британской империи [2].

Не отказавшись от своих замыслов, англичане в 1840-е годы захватили соседние с Афганистаном Синд и Пенджаб и вышли непосредственно к самым афганским границам. Они заключили с эмиром в 1855 и 1857 гг. договоры о «дружественных отношениях», но наличие на восточных рубежах опасного соседа держало Кабул в состоянии неизменного беспокойства и вынуждало расходовать скудные государственные ресурсы преимущественно на военные нужды. Шер Али-хану создать сильную армию не удалось. Малочисленное войско располагало устаревшим вооружением: дедовскими ружьями — джезаилями либо мушкетами, захваченными ранее при разгроме британской армии. К началу 1870-х годов страна еще не оправилась от шестилетних междоусобиц. Финансы были расстроены. Эмиру требовалось много усилий для того, чтобы обеспечить хотя бы относительную покорность племенных и родовых вождей и поступление в казну налогов и податей. Однако вплоть до середины 70-х годов XIX в. Великобритания занимала по отношению к Афганистану осторожную позицию. Временно возобладала точка зрения сторонников выжидательной политики «закрытой границы», в основном из партии либералов, считавших нецелесообразным прямое вмешательство в афганские дела. Такую линию и осуществляли на практике вице-короли Индии, в чьем ведении находилась британская политика на Востоке: лорды Лоуренс (1864—1869 гг.), Мэйо (1869—1872 гг.) и Норсбрук (1872—1876 гг.). Лица, призывавшие к «наступательной политике» и требовавшие установления английского господства над Афганистаном, отражали прежде всего интересы консерваторов. Теоретики «выжидания», впрочем, стремились усилить британское влияние в Кабуле. Еще при Мэйо и Норсбруке английские агенты зачастили в Герат, которым управлял сын Шер Али-хана Мухаммад Якуб-хан. Они разжигали его недовольство тем, что отец не назначил его наследником престола, и в мае 1870 г. спровоцировали мятеж [3]. Мятеж потерпел неудачу, а эмир простил сына. Но интриги англичан не прекращались. Побывавший в Герате капитан Марч в конце 1872 г. констатировал готовность Якуб-хана принять помощь Англии в борьбе за власть. Поэтому в 1874 г. последнего посадили в Кабуле под замок. Норсбрук безуспешно пытался добиться его освобождения «во имя дружбы с британским правительством» [4].

В Лондоне не скрывали, что разногласия по вопросам афганской политики сводятся только к методам ее реализации. «Хотя между властями существовало и до сих пор еще существует различие во мнениях относительно того, какой именно пограничной политики следует придерживаться,.. но это различие во мнениях касается скорее способов действий, чем самой сути»,— писал статс-секретарь по делам Индии виконт Крэнбрук вице-королю 18 ноября 1878 года [5]. Главной целью английского правительства являлось дальнейшее распространение своих колониальных владений и сфер влияния. Его линия имела на Среднем Востоке ярко выраженную антирусскую направленность. В качестве отвлекающего маневра, призванного «обосновать» агрессивную сущность действий, британские лидеры выдвинули ложную концепцию «обороны Индии». Многочисленные речи в парламенте, десятки книг, сотни журнальных и газетных статей посвящались в Англии опасности, якобы нависшей с севера над «жемчужиной британской короны». Под предлогом ликвидации мнимой угрозы английские войска постепенно придвигались все ближе к Афганистану и Средней Азии.

На всем протяжении XIX—начала XX в. у России не было ни намерений, ни возможности, ни конкретных планов организации «похода на Индию» (сумасбродный поступок Павла I, двинувшего казаков «с Дона на Инд» во имя союза с Наполеоном, не

---

[2] См. подробнее: Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.). М. 1959; М. А. Бабаходжаев. Борьба Афганистана за независимость (1838—1842). М. 1960.

[3] А. Вамбери. Моя жизнь. М. 1914, стр. 261.

[4] Duke of Argyll. The Eastern Question. From the Treaty of Paris to the Treaty of Berlin 1878 and to the Second Afghan War. Vol. II. L. 1879, p. 345.

[5] Л. Н. Соболев. Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря (очерк войны 1879—1880 гг.). Т. I. СПБ. 1882, стр. 516.

может идти в счет) [6]. Британские правители, впрочем, знали, что Россия не стремилась овладеть их колонией. Индийский историк К. С. Менон на материалах Форин оффис убедительно доказал, что шумиха о «русской угрозе» долгие годы попросту маскировала британскую экспансию в Азии. Новые аргументы о том же привели Д. К. Гхоз и А. Ч. Капур [7]. Индийский ученый К. М. Паниккар подчеркивал, что агрессия Англии на Востоке носила отнюдь не «ответный», «оборонительный» характер, а преследовала самостоятельные экспансионистские цели [8].

Скрывая свои истинные цели, Лондон предложил Петербургу считать Афганистан нейтральной территорией, разделяющей владения обеих держав. После двусторонних переговоров 1869—1872 гг. это предложение было принято [9]. Несмотря на это, ряд британских политиков продолжал призывать к захвату Афганистана. Их подстегивали также циклические кризисы перепроизводства, регулярно охватывавшие с 1857 г. капиталистический мир. На Англии тяжело отразились кризисы 1866 и 1873 годов. Она усиленно стремилась к расширению рынков сбыта и приобретению новых ресурсов. Активным глашатаем наступательной политики был член Совета по делам Индии, президент Королевского географического общества Г. Раулинсон. Выходец из торгово-промышленной семьи, он участвовал в первой англо-афганской войне, долго служил на Востоке и отражал интересы как военно-политических, так и предпринимательских кругов. С 1865 г. Раулинсон постоянно публиковал в «Quarterly Review» статьи, в которых муссировал версию о «внешней угрозе» для Индии, а в июле 1868 г. адресовал британскому правительству «Меморандум по среднеазиатскому вопросу», где предложил, чтобы Англия провела железную дорогу к границам Афганистана, утвердилась на подступах к его южным районам и добилась господствующего влияния в Кабуле [10]. Раулинсон призывал интенсивно развивать английскую торговлю за пределами Индии и разместить своих облеченных широкими полномочиями агентов в крупных афганских городах. Эти идеи он обобщил в сборнике статей, ставшем настольной книгой сторонников британской экспансии [11].

Практическая реализация этих замыслов началась, когда в 1874 г. пал либеральный кабинет У. Гладстона и к власти пришло консервативное правительство Б. Дизраэли. Статс-секретарь по делам Индии лорд Солсбери, вскоре занявший пост министра иностранных дел, полностью солидаризировался с Раулинсоном, называя его книгу «Моя библия». 22 января 1875 г. Солсбери предложил Норсбруку добиться согласия Шер Али-хана на открытие в Герате и Кандагаре британских информационных агентств [12]. Адепт выжидательной политики, Норсбрук проявил пассивность, считая подобные меры несвоевременными, но 19 ноября 1875 г. получил предписание: «Немедленно... изыскать какой-либо предлог», чтобы послать в Кабул миссию для переговоров с Шер Али-ханом о размещении в Афганистане английских должностных лиц. Солсбери предлагал, не останавливаясь перед откровенным шантажом, «серьезно объяснить эмиру» рискованность любого противодействия мерам, которые правительство Великобритании «найдет нужным осуществить» [13]. Норсбрук ответил указа-

[6] Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии. «Исторические записки». Т. 33. 1950; Н. А. Халфин. «Русская угроза» Индии как обоснование английской экспансии. «Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века)». Ташкент. 1957; П. М. Шаститко. К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. «Против фальсификации истории колониализма». М. 1962.

[7] K. S. Menon. The «Russian Bogey» and British Aggression in India and Beyond. Calcutta. 1957; D. K. Ghose. England and Afghanistan. A Phase in Their Relations. Calcutta. 1960; A. Ch. Capur. Disraeli's Forward Policy on the North-West of India, 1874—1877. «The Research Bulletin (Arts) of the University of the Panjab», 1951, № 4.

[8] K. M. Panikkar. Asia and the Western Dominance. L. 1954.

[9] «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872—1885». СПБ. 1886.

[10] «Correspondence Respecting the Relations between the British Government and That of Afghanistan since the Accession of the Ameer Shere Ali Khan». L. 1878, pp. 31—41.

[11] H. Rawlinson. England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. L. 1875.

[12] «Causes of the Afghan War, being a Selection of the Papers Laid before Parliament with a Connecting Narrative and Comment». L. 1879, p. 55.

[13] Ibid., p. 73.

нием на нецелесообразность такого давления и отмечал отсутствие у России стремлений установить свое влияние в афганских землях [14]. Отношения между консервативным кабинетом и вице-королем обострились. В конце 1875 г. Норсбрук отказался от своего поста.

По рекомендации Раулинсона Дизраэли предложил высшую должность в колониальной администрации Индии сыну своего политического единомышленника послу в Лиссабоне Э. Р. Литтону [15]. Ранее последний побывал на дипломатической службе в Вашингтоне, Петербурге, Афинах, Вене и др. Будучи близок с Раулинсоном, он стал восторженным почитателем его теорий [16]. Дизраэли высоко отзывался о Литтоне, считая его «человеком честолюбия, воображения, тщеславия и силы» [17], и обратился к нему с таким предложением: «Критическое положение дел в Центральной Азии требует государственного деятеля, и я думаю, что если Вы примете этот высокий пост, то получите возможность не только послужить своей стране, но и приобрести длительную славу» [18].

Новый вице-король с инструкциями статс-секретаря по делам Индии, намечавшими активные действия по созданию в Афганистане постоянных резидентств Англии и укреплению там ее влияния, энергично занялся осуществлением этой программы. Официально приступив в апреле 1876 г. к обязанностям, он уже в мае потребовал от Шер Али-хана принять британское посольство, передать англичанам контроль над проходами в Гиндукуше и допустить к себе британских агентов. Переписка Литтона недвусмысленно свидетельствует о его русофобстве и антироссийской направленности действий [19]. Однако Шер Али-хан не поддался нажиму и предложил отправить своих представителей в Индию, чтобы выяснить, какие же «благородные стремления зародились снова в благородном сердце английского правительства» [20]. Оказалось, что эти «благородные стремления» преследуют цель военно-политического окружения Афганистана. В 1876—1877 гг. англичане утвердились в Келатском ханстве и в княжестве Читрал. «Англия берет Кветту (1876)»,— отмечал позднее В. И. Ленин, изучавший историю колониальной экспансии [21].

Готовясь к новому вторжению в Афганистан, Лондон одновременно стремился оказать и моральный нажим на Кабул. В январе 1877 г. в пограничном городе Пешаваре уполномоченный вице-короля Л. Пелли встретился с приближенным эмира Сеид Нур Мухаммад-ханом. Родственник и единомышленник Раулинсона, Пелли тоже был сторонником «решительных действий». Герцог Аргайль, будучи в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. статс-секретарем по делам Индии, характеризовал его как «настоящий образец всего того, что делает британских резидентов наиболее страшными для индийских владетелей, дорожащих своей независимостью или желающих удержать за собой хотя бы ее тень» [22]. При переговорах Пелли сразу же потребовал допуска английских офицеров в Кабул и на границы Афганистана. Сеид Нур Мухаммад-хан категорически отклонил подобные попытки и передал секретарю британской делегации Беллью слова эмира: «Британская нация — великая и могучая, и афганский народ не может сопротивляться ее силе, но народ имеет свою волю, он независим и дорожит своей честью больше жизни» [23]. На Кабул производился непрерывный нажим. «Трудно читать описание требований, выдвигавшихся сэром Льюисом Пелли, чтобы не пришла на ум басня о волке и ягненке», — констатировали даже англий-

---

[14] Ibid., pp. 76—77.

[15] A. B. Harlan. Owen Meredith. A Critical Biography of Robert, First Earl of Lytton. N. Y. 1947.

[16] A. Swinson. North-West Frontier. People and Events 1839—1947. L. 1967, p. 147; G. Rawlinson. A Memoir of Maior-General Sir Henry Creswicke Rawlinson, Bart. L.— N. Y.— Bombay. 1898, p. 272.

[17] Viscount Mersey. The Viceroys and Governors-general of India 1757—1947. N. Y. 1971, p. 94.

[18] Lady B. Balfour. The History of Lord Lytton's Indian Administration.. N. Y.— Bombay. 1899, p. 2.

[19] Ibid., pp. 29—30.

[20] В. Исполатов. Англия и Афганистан. «Дело», 1879, № 2, стр. 104.

[21] В. И. Ленин. Хронологические таблицы к истории империализма. М. 1940, стр. 6.

[22] Duke of Argyll. Op. cit. Vol. II, p. 409.

[23] Lady B. Balfour. Op. cit., pp. 136—137.

ские исследователи [24]. Однако никакие угрозы и уговоры не возымели действия: Сеид Нур Мухаммад-хан отверг все английские претензии. Вскоре этот афганский деятель скончался от сердечного приступа.

Суть происходившего на Пешаварской конференции раскрыл позднее сам Пелли, признавший, что по принятии требований Англии в Кабуле должно было вспыхнуть восстание для свержения власти эмира. О содержании требований Лондона писала 25 июля 1877 г. калькуттская газета «Statesman and Friend of India»: «Правдивая история миссии сэра Льюиса Пелли заключается в том, что мистер Дизраэли окончательно решил воевать с Россией, и нам надлежало атаковать ее одновременно в Европе и Средней Азии. Сэр Льюис Пелли был послан, чтобы убедить эмира позволить нам сделать Афганистан настоящей базой наших операций и занять некоторые афганские крепости. На границе было сосредоточено большое войско в надежде, что уговоры сэра Льюиса Пелли окажутся успешными, а после объявления войны русские обнаружат две сильные британские колонны, продвинувшиеся через Кветту и Кабул в Герат с целью поднять против них Бухару, Хиву, Коканд, Кашгар и всю Среднюю Азию... Противодействие эмира оккупации Афганистана расстроило этот план». Ответственный деятель англо-индийской администрации Дж. Р. Элсми в 1908 г. подчеркивал, что эта газетная статья раскрыла «истинную тайну миссии Пелли» [25].

Стремясь поскорее развязать войну против Афганистана, Литтон воспользовался смертью Сеида Нур Мухаммад-хана и распорядился прекратить переговоры, хотя и знал, что на смену скончавшемуся уже ехал в Пешавар другой афганский представитель с инструкцией пойти на уступки. В северо-западные районы Британской Индии срочно перебрасывались дополнительные контингенты войск. 30 марта 1877 г. вице-король отозвал из Кабула агента, через которого осуществлялась дипломатическая связь с эмиром. Это означало разрыв отношений [26]. В Лондоне между тем разработали план расчленения Афганистана. 2 июля 1877 г. вице-король сообщал своему правительству: «Может наступить время в недалеком будущем, когда для укрепления британского господства в Индии будет абсолютно необходимо предпринять военную оккупацию Западного Афганистана (с согласия правителя этой страны или без него), включая важную Гератскую крепость. Положение нынешнего эмира, очевидно, очень непрочно, и возможно, что ход событий приведет к расчленению его королевства и созданию отдельного ханства в Западном Афганистане, которое можно будет вполне реально поставить под британское влияние и протекторат» [27].

Консервативный кабинет активно подталкивал вице-короля к провокационным действиям. Вот письмо премьер-министра королеве Виктории от 22 июля 1877 г., спустя три месяца после начала русско-турецкой войны. Дизраэли отмечал, что если на стороне Османской империи выступит Англия, то «в этом случае Россию надо атаковать из Азии, войска должны быть посланы в Персидский залив, императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспийское море. Мы имеем хорошее орудие для этой цели в лице лорда Литтона, и он на самом деле послан туда с этой целью» [28].

По инициативе посла Англии в Стамбуле Лэйярда Лондон привлек турецкого султана для воздействия на афганского правителя. В Кабул отправилось посольство Османской империи, возглавленное А. Хулусси-эффенди. Его переезды британские власти оплатили из индийской казны. Стамбул призвал Шер Али-хана принять английские требования и присоединиться к Турции в борьбе с Россией [29]. Однако и султану не удалось оказать существенного влияния на позицию Афганского государства. Слишком свежи еще были в памяти его народов воспоминания о недавнем вторже-

---

[24] E. Thompson, G. T. Garratt. Rise and Fulfilment of British Rule in India. L. 1934, p. 515.

[25] G. R. Elsmi. Thirty-five Years in the Punjab, 1858—1893. Lahore. 1975, p. 235.

[26] M. Maccoll. The Afghanistan Imbroglio. «The Gentleman's Magazine», vol. CCXLIII, November 1878, p. 670.

[27] B. Prasad. The Foundations of India's Foreign Policy. Vol. I: 1860—1882. Bombay — Madras — Calcutta. 1955, pp. 202—203.

[28] G. E. Buckle. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. Vol. VI. L. 1920, p. 155.

[29] R. L. Shukla. Britain India and the Turkish Empire 1855—1882. New Delhi. 1973, pp. 146 etc.

нии британских войск и реальны представления о враждебных замыслах Англии в настоящем.

Между тем на афганских границах завершалась подготовка к новой агрессии. 8 апреля 1878 г. вице-король информировал статс-секретаря по делам Индии Крэнбрука о дальнейших планах: «Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять никакого контроля, является ошибкой. Если вследствие войны или смерти нынешнего эмира, что, конечно, станет сигналом для столкновения соперничающих кандидатов на престол, у нас появится возможность (а она может возникнуть внезапно в любую минуту) разделить или сломать кабульскую державу, я искренне надеюсь, что мы не упустим такой возможности. Полагаю, что таково мнение и лорда Солсбери... Наилучшим явилось бы образование западноафганского ханства, включающего Мерв (туркменское ханство, никогда не входившее в состав Афганистана.— Н. Х.), Меймене, Балх, Кандагар и Герат под властью какого-либо выбранного нами правителя, который зависел бы от нашей поддержки. При наличии созданного подобным образом западноафганского ханства и нашей небольшой базы возле границы в Куррамской долине судьбы самого Кабула были бы для нас вопросом, не имеющим значения» [30].

Вынашивая эти планы, консерваторы и Литтон готовы были использовать любой предлог для вторжения в Афганистан. Поводом явилась миссия Н. Г. Столетова. Когда весною 1878 г. обострились отношения между Россией и Англией, настаивавшей на отмене Сан-Стефанского мирного договора от 3 марта 1878 г. с Турцией, обе великие державы оказались на грани войны. 7 июня туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман вручил в Ташкенте генерал-майору Столетову предписание «отправиться в г. Кабул, к эмиру афганскому, для скрепления с ним наших дружественных отношений... и для заключения, если то окажется возможным, с ним союза на случай вооруженного столкновения нашего с Англией» [31]. Выбор главы миссии был очень удачным. Герой обороны Шипки, руководитель болгарского народного ополчения и командир авангарда колонны генерала М. Д. Скобелева при переходе через Балканы, Столетов, окончивший ранее Московский университет и Военную академию Генерального штаба, долго служил на восточных окраинах России и владел языком фарси, широко распространенным в Афганистане. Его сопровождали полковник Н. И. Разгонов, топограф, два переводчика (с английского и тюркских языков), врач, фельдшер, урядник, 21 казак, двое слуг.

В начале августа русское посольство прибыло в Кабул, тепло встреченное властями и местным населением. После бесед Столетова с эмиром 9 августа был выработан проект афгано-русского договора. Его §1 констатировал: Россия «считает государство Шер Али-хана, эмира Афганистана, независимым и желает, как с другими независимыми государствами, иметь с ним дружественные отношения, по старой дружбе». В §2 говорилось, что правительство России «во внутренние дела страны вмешиваться не будет». Проект предусматривал развитие взаимной торговли, оказание Афганистану помощи в подготовке различных специалистов и пр.[32].

Однако успешный исход переговоров Столетова был сведен на нет развитием событий в Европе. 13 июля 1878 г. под давлением Англии, поддержанной другими западными странами, был подписан Берлинский трактат, который пересматривал условия мира в Сан-Стефано, лишив Россию некоторых серьезных выгод, но и устранив угрозу новой войны. А одновременно британские правящие круги развернули политическую кампанию, заявив, что укрепление русско-афганских отношений «угрожает Индии». Эта шумиха приобретала все бóльшие масштабы, хотя 16 сентября 1878 г. А. М. Горчаков официально заверил лорда Биконсфилда: Россия не ищет влияния в Афганистане; ее действия не должны вызывать у Англии опасений [33]. Избегая обострения международной напряженности, Петербург отозвал Столетова из Кабула.

В Лондоне спешили использовать ситуацию. Английские историки Э. Томпсон и Дж. Гаррэт подчеркивают, что после Берлинского конгресса британские власти мог-

---

[30] Lady B. Balfour. Op. cit., pp. 246—247.
[31] ЦГА Узбекской ССР, ф. И-1, оп. 34, д. 389, л. 1.
[32] Там же, лл. 53—62.
[33] G. E. Buckle. Op. cit. Vol. VI, pp. 376—377.

ли наладить нормальные отношения с Шер Али-ханом. Но вице-король с его личным секретарем и военным консультантом полковником Дж. Колли предпочли войну. Последний заверял, что «новейшие технические усовершенствования дают подавляющее превосходство британскому оружию, и тысяча человек, вооруженных ружьями Мартини, могут пройти в Афганистане где угодно» [34]. Литтон решил идти напролом. 17 августа эмир получил извещение об отправке в Кабул посольства Британской империи. В истории дипломатии не часто случалось, чтобы главу государства не удосужились спросить, желает ли он принять направленных к нему послов. У вице-короля имелся такой «довод»: поскольку Шер Али-хан вел переговоры со Столетовым, он, дескать, не вправе отклонять встречу с английскими дипломатами. Афганскому правителю в категорической форме заявили, что отказ принять посланцев Литтона будет считаться проявлением открытой вражды [35]. По случайному совпадению 17 августа умер любимый сын эмира Абдулладжан, провозглашенный наследником престола [36]. Отец, ссылаясь на свое состояние и необходимость соблюдать траур, просил отсрочить приезд миссии. Но эта просьба была отвергнута.

Посольство возглавил главнокомандующий Мадрасской армией генерал Н. Чемберлен, который, участвуя еще в первой войне против Афганистана, познакомился тогда с Шер Али-ханом [37]. Основная роль при Чемберлене отводилась его помощнику майору П. Л. Наполеону Каваньяри, пешаварскому политическому комиссару. Сын ирландки и итальянца, французского генерала, назвавшего его в честь императора Франции, он окончил военное училище Ост-Индской компании в Аддискомбе, натурализовался в Англии, а затем провел всю жизнь в Индии, главным образом на афганских границах: участвовал в военных экспедициях на земли пограничных племен, подкупал их вождей, настраивая против эмира, и подготавливал боевые операции. Общая численность людей, сопровождавших Чемберлена, превышала 1 тыс. человек и представляла собой фактически небольшое войско.

Шер Али-хан был возмущен вестью об отправке миссии: «Получается, что они приходят насильно. Я против того, чтобы посольство приезжало подобным образом... По существу выходит, что меня хотят опозорить... Русский посол приезжал, но приезжал по моему разрешению. Я все еще преисполнен горести в связи с потерей сына и не могу размышлять над каким-либо делом» [38]. Разгонов, готовившийся вернуться в Россию вслед за Столетовым, так охарактеризовал суть британской акции в письме Кауфману от 20 ноября: «Что английское посольство есть замаскированная война,— в этом нет ни малейших сомнений» [39]. 21 сентября Чемберлен со спутниками выступил из Пешавара. На границе, перед узким Хайберским проходом, комендант афганского форта Али-Масджид капитан Файз Мухаммад-хан заявил возглавлявшему передовой отряд Каваньяри, что применит оружие, если англичане двинутся дальше без разрешения эмира. Миссия возвратилась в Пешавар. «Мой лорд, первый акт сыгран»,— извещал 22 сентября Чемберлен вице-короля [40].

Литтон, едва получив желанное сообщение, 23 сентября отправил Крэнбруку следующее послание: «Я полностью понимаю и лично сочувствую возмущению сэра Невилла Чемберлена тем унизительным положением, в которое он поставлен. Однако пожертвовать его личным достоинством было существенно необходимо для общественного блага. ...Вы можете видеть из приложенной переписки, что Чемберлен, естественно, не желая открыто участвовать в получении явно неизбежного оскорбления, хотел прервать переговоры с эмиром, не выезжая из Пешавара, и что я дал ему инструкции проехать со своей миссией в Джамруд — передовой пост в пределах нашей границы... Мои мотивы для такой инструкции очевидны. Если бы отношения с эмиром

---

[34] E. Thompson, G. T. Garratt. Op. cit., p. 517.

[35] Field-Marshall Lord Roberts of Kandahar. Forty-one Years in India from Subaltern to Commander-in-Chief. Vol. II. L. 1897, p. 112.

[36] И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. I. СПБ. 1882, стр. 334.

[37] A. Swinson. Op. cit., p. 155.

[38] Duke of Argyll. Op. cit. Vol. II, pp. 504—505.

[39] ЦГА Узбекской ССР, ф. И-1, оп. 34, д. 389, л. 143.

[40] G. W. Forrest. Life of Field-Marshall Sir Neville Chamberlain. Edinburgh — L. 1909, p. 480.

были прерваны без какого-либо открытого враждебного акта с его стороны, наша общественность никогда не поняла бы причины разрыва и мы оказались бы в очень затруднительном положении. Политика эмира заключалась в том, чтобы дурачить нас в глазах всей Средней Азии и всей Индии, не давая нам никакого предлога для активного возмущения. Моей целью было, естественно, заставить эмира либо изменить свою политику, либо раскрыть ее таким образом, чтобы общественность стала партнером правительства». Термином «дурачить» Литтон обозначал стремление Шер Али-хана проводить самостоятельную политику. Далее в послании говорилось: «Я думаю, что до сих пор мы не делали неверных ходов в игре, и если Каваньяри будет иметь успех в своих переговорах с хайберцами, то мы выиграли, а эмир потерял первую взятку. Теперь начинается второй роббер, и я полагаю, что мы начнем его с решающим козырем в руках. Обычные дипломатические средства, разумеется, исчерпаны, и мы должны немедленно принять другие меры» [41].

Характер этих «мер» ставленник лорда Биконсфилда на Востоке уже продумал. Сочетая «немедленный политический и военный нажим, оказываемый одновременно во всех пунктах», он рассчитывал добиться: «1) безоговорочного подчинения эмира или 2) его свержения и распада его королевства», считая необходимым всячески убеждать афганский народ, «что наша ссора — это ссора с эмиром, который преднамеренно навязал ее нам, а не с народом, изолируя таким образом эмира от его народа вместо того, чтобы объединить его народ вокруг него в национальном противодействии нашим усилиям» [42]. На подступах к Афганистану быстро сосредоточивались войска. Газеты в Англии и ее индийских владениях сообщали о «неслыханном оскорблении», нанесенном британской короне, и призывали смыть его кровью. Авторитетная «India Tribune» 19 октября 1878 г. в статье «Предстоящая война» разъясняла, что войну против Афганистана собирались развязать еще в начале 1877 г., но помешало обострение обстановки в Европе. После Берлинского конгресса старые замыслы ожили, а когда Шер Али-хан отказался принять посольство, то английское правительство «получило главный повод, и войну объявят, как только завершат необходимые приготовления». Горчаков, в свою очередь, писал 11(23) января 1879 г. послу России в Лондоне П. А. Шувалову, что английское правительство воспользовалось позицией эмира «для действия, которое оно долго обдумывало и подготовляло не столько для безопасности своей индийской границы, сколько для поднятия одним ударом своего престижа» [43].

Литтон уже распорядился о вторжении в Афганистан. Однако довод для этого был столь надуманным, что в лондонском кабинете мнения по этому вопросу разошлись. 4, 25 и 30 октября состоялись бурные заседания министров. Лорд-канцлер Кэйнс, министр внутренних дел Кросс и другие не усмотрели в поведении Шер Али-хана повода к войне [44] и опасались, что консерваторы в палате общин могут не поддержать правительство, если вопрос о войне будет обсуждаться в парламенте. Биконсфилд и Солсбери предложили «продемонстрировать силу и решимость Англии», оккупировав Куррамскую долину в качестве «материальных гарантий» принятия Афганистаном требований Британской империи. Такой шаг не нуждался в одобрении со стороны парламента, но его отверг Крэнбрук, назвав полумерой, которая повсеместно станет рассматриваться как «акт робости». Статс-секретарь по делам Индии призывал к войне, хотя и отмечал, что подготовка к ней еще не завершена. Кабинет министров в конце концов решил максимально форсировать подготовку вторжения, поручив Литтону, пока она ведется, предъявить эмиру ультиматум со сроком выполнения к 20 ноября. Перечень содержавшихся в нем претензий к Шер Али-хану заканчивался указанием на то, что Англия ждет извинений за происшедшее у Али-Масджида и принятия ее постоянной миссии [45].

«Страницы истории переполнены декларациями и манифестами могущественных королей и правительств, стремившихся под благовидными предлогами скрыть акты насилия и несправедливости против более слабых государств,— констатировал пред-

[41] Lady B. Balfour. Op. cit., pp. 284—285.
[42] Ibid., p. 286.
[43] ЦГА Узбекской ССР, ф. И-1, оп. 34, д. 389, лл. 267—268.
[44] H. Dodwell. A Sketch of the History of India. L. 1925, pp. 138—139.
[45] G. E. Buckle. Op. cit. Vol. VI, pp. 383—390.

шественник Крэнбрука на его посту герцог Аргайль.— Однако весьма сомнительно, чтобы во всем этом печальном списке нашелся какой-либо пример, более несправедливый в своих обвинениях и более необоснованный в своих утверждениях, чем ультиматум, направленный эмиру Кабула кабинетом королевы» [46]. 9 ноября, в «День лорда-мэра», глава британского кабинета выступил с речью, в которой сказал, в частности, что «северо-западная граница Индии является случайной и ненаучной» и что вся ситуация в этом районе порождена стремлением Англии изменить такое положение. Но в чем же тогда заключалась вина Шер Али-хана? Присутствовавшие при речи министры встретили ненужные, по их мнению, разъяснения Биконсфилда с беспокойством, а «либеральная пресса и партия немедленно возопили, описывая политику правительства как бессмысленную и воинственную провокацию» [47]. Так оно и было на самом деле.

Шер Али-хан, хорошо разбираясь в общей направленности британской политики, не учел особенностей сложившейся обстановки, и его ответ опоздал к назначенному сроку. Афганский правитель разъяснял, что отказался принять Чемберлена, опасаясь замыслов англичан: «Если бы это опасение не было обоснованным, а британское правительство было дружественным и не проявляло насильственных действий и угроз, то в приеме не было бы отказано, как этого и не бывает между дружественными соседними государствами» [48]. Впрочем, что́ бы эмир ни написал, для вице-короля это не имело значения. Вечером 20 ноября Литтон и его сподвижники «сидели вокруг стола, ожидая телеграммы из Пешавара об ответе, долженствовавшем прибыть из-за границы с заходом солнца. Ответ не пришел, и была отдана соответствующая команда» [49]. На рассвете 21 ноября 35-тысячное англо-индийское войско, разбитое на три полевые колонны, двинулось из Кветты на Кандагар, из Кохата Куррамской долиной на Газни и Кабул и из Пешавара Хайберским проходом на Кабул. Оно продвигалось вперед, преодолевая упорное сопротивление несравненно более малочисленной, значительно хуже вооруженной и слабо обученной афганской армии. Пушки и скорострельные ружья Гатлинга прокладывали дорогу британским солдатам. А «конница святого Георга» — золотые монеты щедро расходовались на подкуп неустойчивых и корыстолюбивых вождей племен. Оккупанты грабили и сжигали селения. 2 ноября Куррамская колонна утвердилась на перевале Пайвар-Котал, Пешаварская — 20 декабря овладела Джелалабадом, Южная — 8 января 1879 г. вступила в Кандагар.

В Лондоне и Калькутте нетерпеливо ожидали реакции афганского правителя. Теперь-то он наконец капитулирует! Но реакция его оказалась неожиданной. Литтон именовал Шер Али-хана «дикарем с признаками умопомешательства» [50]. В действительности на редкость мягкий и деликатный, 53-летний эмир был миролюбивым и любезным человеком. Он обладал живым умом, проявлял любознательность, поразившую членов миссии Столетова, следил за развитием международных отношений и хорошо знал всемирную историю, а особенно интересовался деятельностью Петра I [51]. Один из чиновников эмира регулярно читал ему английские газеты. 13 декабря 1878 г. эмир объявил своим придворным, что отправляется в Россию, чтобы созвать международный конгресс для осуждения вторжения Англии в его страну. Накануне отъезда из Кабула он снял домашний арест с Якуб-хана и временно передал ему власть над страной, полагая, что к нему англичане будут относиться с бо́льшими симпатиями. Эмирский кортеж добрался до Мазари-Шарифа и надолго осел там перед границей — рекой Амударьей. С фронтов приходили неутешительные вести, и правитель не решался покинуть страну. Затем он заболел и 21 февраля умер.

Минимум два человека должны были исчезнуть, чтобы эмиром стал проанглийски настроенный Якуб-хан. Еще совсем недавно между ним и престолом находились пре-

---

[46] Duke of Argyll. Op. cit. Vol. II, pp. 274—276.

[47] H. Pearson. Dizzy. The Life and Personalities of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. N. Y. 1952, p. 281; R. W. Seton-Watson. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L. 1935, p. 540.

[48] ЦГА Узбекской ССР, ф. И-1, оп. 34, д. 389, л. 108.

[49] Sir M. Durand. Life of the Right Hon. Sir Alfred Lyall. Edinburgh — L. 1913, p. 218.

[50] Byron Farwell. Queen Victoria's Little Wars. N. Y.— Evanston — San Francisco — L. 1972, p. 202.

[51] И. Л. Яворский. Указ. соч. Т. 2. СПБ. 1882, стр. 228—229.

бывавший в расцвете сил Шер Али-хан и назначенный наследником 16-летний Абдулладжан. Теперь не стало ни того, ни другого. Напомним, кстати, что герой первой войны с Англией Акбар-хан умер 29 лет. «Некоторые считают, что смерть славного вазира Акбар-хана произошла вследствие отравления алмазными крошками, подсыпанными ему по наущению иностранцев»,— писал афганский автор Сеид Касем Риштия [52]. М. Коулинг отмечал, что мать Абдулладжана сделала Литтону «добровольное и приятное предложение» отравить мужа, если вице-король гарантирует воцарение ее сына. Это воодушевило вице-короля, убедив его в наличии проанглийской группировки в Кабуле, и он «намеревался спровоцировать группировку на переворот, если эмир отклонит требования вице-короля» [53]. Возможно, что именно сторонники Якуб-хана устранили Абдулладжана, а затем с помощью британских агентов и Шер Али-хана. Во всяком случае, русский врач И. Л. Яворский, который присутствовал при болезни эмира и кончине его сына и самого Шер Али-хана, с ужасом описывает применявшиеся методы лечения, считая, что уж эмира-то вполне можно было спасти [54].

Воцарившись официально, Якуб-хан без особых затяжек пошел навстречу домогательствам Англии. В начале мая 1879 г. он прибыл со свитой в селение Гандамак, занятое английскими войсками, где вступил в переговоры с Каваньяри, в тот момент политическим офицером при генерале С. Броуне. 26 мая они подписали договор, немедленно утвержденный Литтоном. Гандамакский трактат лишал Афганистан внешнеполитической независимости и сужал его внутреннюю самостоятельность. Британская империя получала право разместить в его столице резидента, а на его границах — «агентов с достаточной охраной». Эмир отказывался от всяких сношений с другими странами и обязывался содействовать торговле английских подданных. Ему возвращались города Кандагар и Джелалабад, но британские власти отторгали округа Куррам, Пишин и Сиби, а также сохраняли контроль над Хайберским и Мичнийским проходами, которые вели к жизненно важным центрам страны. Якуб-хану разрешалось отправить своего представителя «для пребывания при его сиятельстве вице-короле и генерал-губернаторе Индии» и была обещана помощь деньгами, войсками и оружием «против всякого иностранного нападения» (с ежегодной субсидией в 600 тыс. рупий) [55].

Суть этого соглашения исчерпывающим образом охарактеризовал русский востоковед Л. Н. Соболев: «Чтение текста Гандамакского договора совершенно ясно указывает на желание англичан прочно установить свою власть в пределах всего Афганистана, вплоть до правого берега Амударьи и до Герата включительно. О независимости Афганистана после Гандамакского мира не могло быть и речи» [56]. Капитуляция Якуб-хана вызвала среди афганцев возмущение. Недовольство кабальным трактатом выразил и младший брат эмира Аюб-хан, управлявший Гератом. Практически договор одобрила лишь кучка феодалов, готовых сотрудничать с врагами Афганистана. Зато британские правящие круги ликовали. На политиков и военных, участвовавших в установлении над Афганистаном английского господства, пролился дождь наград. Каваньяри стал сэром и командором ордена Бани. Литтону дали понять, что предусматривается присвоение ему графского титула. Тем временем вице-король спешно отправил в Кабул официальное посольство. Полномочным министром был назначен Каваньяри. 24 июля он прибыл в Кабул. Эмир предоставил в его распоряжение усадьбу неподалеку от своего дворца, в обширной крепости Бала-Хиссар. И с первых же дней Каваньяри стал вести себя как хозяин страны: вмешивался в отношения Якуб-хана с подданными, разжигал внутренние распри, всячески старался укрепить положение проанглийски настроенных феодалов и сановников и т. д.

Война бедственно отразилась на экономическом положении Афганистана. Нашествие британской армии, которую сопровождала орда вспомогательных войск и всевозможного обслуживающего персонала, истощило продовольственные ресурсы страны. Жители многих местностей влачили полуголодное существование. Казна была пуста.

---

[52] С. К. Риштия. Афганистан в XIX веке. М. 1958, стр. 231.

[53] M. Cowling. Lytton, the Cabinet, and the Russians. August to November 1878. «English Historical Review», vol. LXXVI, 1961, p. 63.

[54] См. И. Л. Яворский. Указ. соч. Тт. 1—2.

[55] «A Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating to India and Neighbouring Countries». Vol. XIII. Calcutta. 1933.

[56] Л. Н. Соболев. Указ. соч. Т. I, стр. 2.

Государственным служащим месяцами не платили жалованья. Цены на рынках резко возросли, особенно в столице после приезда британского посольства. Подлинную боль вызывали в афганских патриотах национальное унижение страны и торжество ее давних врагов. Английская миссия была окружена стеной ненависти и презрения. Правда, самонадеянного Каваньяри это мало смущало. В ответ на предупреждение одного из своих агентов о тревожной обстановке в городе он пренебрежительно бросил: «Те собаки, которые лают, не кусаются!» 2 сентября 1879 г. из посольства в Индию была направлена телеграмма, заканчивавшаяся словами: «Все в порядке». А 3 сентября в Кабуле вспыхнуло восстание. В тот день афганским солдатам поблизости от резиденции англичан выдавали жалованье. Денег не хватило, и им за несколько месяцев недоплатили. Расходясь, возмущенные сарбазы выкрикивали патриотические лозунги и швыряли камнями во двор британской усадьбы. Оттуда раздался выстрел (по некоторым данным, стрелял Каваньяри) [57], и один из сарбазов был убит. После этого остальные побежали в казармы за оружием и начали штурм вражеского гнезда. Им активно помогали горожане.

Эмир пытался пресечь столкновение, посылая к месту схватки то наследника престола с кораном в руках, то главнокомандующего войсками Дауд Шах-хана. Однако успеха они не добились. С наступлением темноты посольство было разгромлено, а Каваньяри и его коллеги убиты. Известие о случившемся вызвало в Англии и британских кругах в Индии ярость. Газеты были переполнены призывами «стереть Кабул с лица земли» и раздробить Афганистан «на сотню небольших округов» [58]. Деятели правительства, оправдывая свою политику, старались изобразить события «случайной вспышкой волнения среди какой-то части мятежных полков». Либеральная же оппозиция обоснованно именовала их национальным восстанием [59]. Неплохой анализ происшедшего дала 20 сентября 1879 г. либеральная газета «Mayfair»: «Нам приходится сталкиваться с чем-то более серьезным, нежели взрыв бешенства диких солдат, вымести вших свою злобу на нашем посланнике. Очевидно, мы имеем дело с восстанием народа, раздраженного присутствием англичан и воспламененного ненавистью к нам... Пройдет немало времени, пока покоренные примирятся с покорением».

Ни Биконсфилд, ни Литтон, однако, не собирались отказываться от колониального насилия. 4 сентября, едва узнав о случившемся в Кабуле, вице-король изложил премьер-министру новую программу действий, призванную ликвидировать остатки самостоятельности, которые сохранял Афганистан: «Так тщательно и терпеливо сплетенная политическая паутина грубо порвана. Теперь нам нужно сплести новую... Сейчас судьбой выдвинуты полный крах всех условий для существования независимого правительства в Афганистане, вынужденное занятие Кабула и немалая трудность эвакуировать его без риска нового хаоса для Якуб-хана или любого другого марионеточного правителя, от имени которого мы должны теперь удовлетвориться фактическим управлением страной». Далее верховный правитель Индии выражал сожаление в связи с необходимостью дополнительных финансовых расходов; «но, с другой стороны, вскроются крупные преимущества нашей новой границы... Нам предстоит предпринять ныне новые усилия более широкого масштаба, которые не могут иметь иной результат, чем более прочное установление бесспорного господства Британской державы от Инда до Амударьи» [60].

Лондон одобрил эту программу, заверив вице-короля в полной поддержке самых решительных его мер. Кандагар был снова занят английской дивизией. В Куррамской долине сформировали Кабульский полевой отряд во главе с генералом Ф. Робертсом. Преодолевая самоотверженное сопротивление народного ополчения афганцев и подкупая отдельных феодалов, он 27 сентября пересек Шутургарданский перевал и вступил в долину р. Логар, выводящую к Кабулу. В селении Хушн генерала неожиданно встретил Якуб-хан со свитой. Эмир оказался меж двух огней, ибо соотечественники не простили ему постыдной капитуляции. Афганский историк так охарактеризовал период его пребывания на троне: «Правление нового эмира началось с заключения по-

[57] J. Duke. Recollections of the Kabul Campaign 1879 and 1880. L. 1883, p. 90.
[58] Этого, например, требовала 20 сентября 1879 г. «Army and Navy Gazette», которая отражала взгляды военщины.
[59] P. W. Clayden. England under Lord Beaconsfield. L. 1971, pp. 491—492.
[60] Lady B. Balfour. Op. cit., pp. 359—360.

зорного Гандамакского договора,.. а закончилось всеобщим восстанием народа и вторым походом англичан на Кабул. Этим Мухаммад Якуб-хан навечно запятнал и опозорил свое имя» [61].

6 октября 1879 г. у селения Чарасиа, в 10 км от столицы, развернулось ожесточенное сражение. Несмотря на свое мужество, плохо вооруженные афганские крестьяне и ремесленники не смогли противостоять профессиональной армии. 12 октября Робертс вступил в Кабул. «Все деревни вокруг Кабула враждебны нам»,— сообщала 13 октября английская «Daily News». Аналогичным было положение и в городе. Колониальное командование с помощью свирепого террора укрепляло свои позиции. 20 октября перед зданием бывшей резиденции Каваньяри повесили несколько человек, включая главного кабульского муллу и двух видных военнослужащих, по обвинению в нападении на миссию. Затем последовали массовые казни. Робертс «принял отставку» эмира. Поскольку не было никаких улик против Якуб-хана в связи с разгромом посольства, его обвинили в том, что он не оказал надлежащего содействия Каваньяри, и выслали в Индию.

Но афганские патриоты продолжали борьбу и взорвали пороховой склад в Бала Хиссаре, где собирались разместиться оккупанты. Генерал Мухаммад-Джан Вардак и мулла Мушки-Алам сосредоточили в Газни силы для отпора интервентам. Их воины непрерывно совершали нападения на вражеские гарнизоны и 14 декабря нанесли Робертсу серьезное поражение на Асмайских высотах, вынудив его перебраться в Шерпурский укрепленный лагерь, к северу от Кабула. Вокруг столицы не прекращались вооруженные столкновения. Они проходили с переменным успехом и получили название «кабульских качелей». Назначенные оккупантами правители некоторых округов сохраняли власть и жизнь, лишь пока их охраняли британские войска.

Потерпев неудачу в попытках навязать афганскому народу кабальное соглашение, Лондон вернулся к планам разделения Афганистана. Британский посол в Тегеране Томсон начал вести переговоры о передаче Ирану Герата. Этот подарок шаху должен был привлечь его на сторону Англии в ее соперничестве с Россией. «Очевидно, что англичане очень хитро стараются втянуть персиан в сферу своих замыслов, направленных против нас» [62], — квалифицировал эти переговоры Д. А. Милютин. Лишь противодействие России помешало тогда отторжению Герата. Однако там, где англичанам ничто не препятствовало, они осуществили свои планы. 5 апреля 1880 г. Литтон известил двоюродного брата скончавшегося Шер Али-хана, что тот облекается верховной властью над Кандагарским округом с титулом вали (наместник). 11 мая 1880 г. его торжественно провозгласили «независимым правителем Кандагарского государства». Там оставались британские войска, а фактическое управление находилось под полным контролем английского политического комиссара О. Сент-Джона. Суверенитет наместника проявлялся лишь в том, что он мог чеканить монету со своим именем, а в мечетях читали «хутбу» — молитву в его честь.

Подыскав подходящего кандидата для управления Кандагаром, Лондон нуждался в таком же для Кабула [63]. Однако ситуация там продолжала оставаться напряженной. «Никто не мог рассчитывать на то,— указывает британский автор,— что англичан будут приветствовать в Афганистане. Их ненавидели, и они знали это» [64]. Несмотря на кровавые расправы, сочетавшиеся с подкупом англичанами влиятельных лиц, сражения вокруг афганской столицы не утихали. «Кабульские качели» подлетали все ближе к Шерпуру. Отбивать натиск повстанцев становилось все труднее. Даже самые рьяные сторонники агрессии начинали понимать, что поставить на колени свободолюбивый афганский народ не удастся.

Еще в конце марта 1880 г. в Кабул прибыл назначенный на пост политического комиссара Северного Афганистана Л. Гриффин. Ему поручалось побыстрее найти надежного человека для передачи ему власти над «Кабульским ханством» и не позднее осени подготовить отход британских войск из афганских районов [65]. Задача была нелегкой. Вывести войска, не посадив на престол проанглийски настроенного эмира, означало

---

[61] С. К. Ришт и я. Указ. соч., стр. 417.
[62] «Дневник Д. А. Милютина». Т. 3. М. 1950, стр. 202.
[63] P. Fredericks. The Sepoy and the Cossack. N. Y.— Cleveland. 1971, p. 218.
[64] Byron Farwell. Op. cit., pp. 211—212.
[65] Field-Marshall Lord Roberts of Kandahar. Op. cit. Vol. II, p. 317.

для Лондона вернуться к исходным позициям 1878 года. В результате народы Востока сделали бы вывод о поражении Британской империи в Афганистане. Но среди феодалов, сотрудничавших с оккупантами или хотя бы нейтрально относившихся к ним, не было ни одной мало-мальски авторитетной фигуры. Тем не менее Гриффин отправлялся в Кабул с почти готовым решением. Оно пришло с иной стороны.

На протяжении своего 10-летнего изгнания находившийся в Самарканде двоюродный брат смещенного Якуб-хана Абдуррахман-хан не раз порывался вернуться на родину. Петербург не желал создавать трудностей в отношениях с Афганистаном и, пока правил Шер Али-хан, задерживал его соперника. После захвата Робертсом Кабула и высылки Якуб-хана в Индию ситуация изменилась. Туркестанский генерал-губернатор дал понять Абдуррахман-хану, что закроет глаза на его «бегство» домой. Такая форма отъезда была определена нежеланием вызвать возможные нарекания Лондона [66]. Внуку Дост Мухаммад-хана удалось в 1880 г. сравнительно быстро овладеть положением на Севере. Хитрый и расчетливый, он поселился в городке Рустаке, возобновляя старые связи и рассылая антианглийские воззвания с призывами к священной войне. Завоевывая политический капитал, сардар, однако, не предпринимал никаких усилий, чтобы повести решительную борьбу с интервентами. Те быстро извлекли из этого надлежащие выводы. Гриффин сделал ему предложение прибыть в Кабул для переговоров о занятии эмирского престола. Абдуррахман-хан не торопился, не желая дискредитировать себя в глазах народа общением с ненавистными «инглизи».

Весной 1880 г. в Англии состоялись парламентские выборы. Они завершились провалом консерваторов, в немалой степени вызванным их неудачами в Афганистане и Южной Африке. Биконсфилд, а вместе с ним и Литтон подали в отставку. Пришедшие к власти либералы во главе с У. Гладстоном и новый вице-король Индии лорд Рипон продолжали на Среднем Востоке политику тори и принялись энергично спасать то, что можно было спасти. В июне 1880 г. Англия признала Абдуррахман-хана кабульским эмиром; его требование о передаче ему Кандагара было отклонено под предлогом того, что там уже создано «самостоятельное государство». Подтверждались отдельные пункты Гандамакского договора: Британская империя удерживала округа Куррам, Сиби и Пишин, Хайберский и Мичнийский проходы и сохраняла контроль над внешней политикой эмира. В Лондоне были довольны: многие цели достигнуты, и непокорная страна расчленена. Но, пожалуй, ни одна слаборазвитая страна не преподносила британским колонизаторам столько «сюрпризов», сколько Афганистан.

До англичан доносились слухи, что гератский правитель Аюб-хан готовится нанести им удар. По настоянию политического комиссара Сент-Джона вали двинул свое войско к р. Гильменд. Командир английской дивизии в Кандагаре генерал Примроуз усилил его бригадой генерала Бэрроуза. Аюб-хан действительно направился к Кандагару, рассчитывая прорваться к Газни, центру партизанского движения. Когда он уже приближался к переправе через Гильменд, бо́льшая часть солдат наместника восстала и перешла на сторону гератцев, остальные разбежались. Бэрроуз отвел свои силы поближе к Кандагару. Здесь у селения Майванд 27 июля 1880 г. произошла кровопролитная битва. На помощь гератским полкам со всех сторон спешили жители Кандагарского оазиса — крестьяне и ремесленники. Сохранилось предание о девушке Малалай. Оказавшись на поле боя, она сорвала с себя чадру, размахивала ею, словно знаменем, и, воодушевляя соотечественников, пела традиционные афганские двустишия «ландый» на тему о том, что лучше погибнуть в битве, чем прослыть трусом [67]. Афганцы почти полностью уничтожили вражескую бригаду, захватили несколько полковых знамен и пушки. Аюб-хан, сразу ставший национальным героем [68], осадил Кандагар. Примроуз с британским гарнизоном укрылся в местной цитадели.

Майвандский разгром вызвал широкий отклик среди народов Востока и серьезно подорвал английский престиж. «Лишь только известие о нем стало двигаться на юг от Кандагара до Белуджистана, а оттуда до границ Индии, оно стало вызывать по всей этой дороге и в окрестностях враждебные движения против Англии в народах, кото-

[66] А. А. Семенов. «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан. «Кауфманский сборник». М. 1910.

[67] S. Shpoon. Paxto Folklore and the Landey. «Afghanistan», 1968, № 20, pp. 40—50.

[68] M. Ali. The Victor of Maiwand. Kabul. 1970.

рые считались вполне дружественными Англии: племенах у Чамана на плато Тоба, в долине Пишина, у горцев в Мури и Какара, синаев келатского хана и, наконец, у патанов южнобелуджистанской границы,— информировал Петербург русский военный атташе в Лондоне.— Волнение дошло до города Суккура, где призвали милицию, и значительное беспокойство распространилось даже в самом Бомбее» [69]. Стремясь как можно скорее ликвидировать последствия Майванда, английские власти вывели свои войска из Кабула и направили значительный отряд под начальством Робертса к Кандагару. В упорном сражении Робертсу удалось нанести поражение Аюб-хану, армия которого была ослаблена тяжелым переходом от Герата и боевыми операциями. Осада Кандагара была снята. Успех Робертса вызвал бурю восторга в Лондоне. Его сравнивали с адмиралом Нельсоном и герцогом Веллингтоном, сделали рыцарем Большого креста ордена Бани и баронетом, дали ему две шпаги «за храбрость», 12,5 тыс. ф. ст. и множество почетных званий. Высокопоставленные особы осыпали генерала благодарностями, а королева Виктория наградила боевыми медалями даже его лошадь и собаку [70].

Тем не менее после Майванда стало ясно, что «инглизи» не удастся удержаться и на юге Афганистана. Правда, они еще пытались сохранить добычу. В 1881 г. при дебатах в парламенте лорд Литтон упорно защищал прежнюю политику, призывая «не уходить из Кандагара», провести к нему железную дорогу и превратить его в опорную базу для проникновения в соседние земли. Бывшего вице-короля поддержал Биконсфилд. Но от них уже немногое зависело. Англия была вынуждена очистить вскоре весь Южный Афганистан. Прекратило свое существование и «Кандагарское государство». Марионетка-наместник разделил участь Якуб-хана, уехав в обозе английских войск в Индию. А в дальнейшем Абдуррахман-хан объединил весь Афганистан. Получив определенное количество английского оружия и денежную субсидию, он одержал верх над Аюб-ханом и вынудил его покинуть родину.

Колонизаторы не сумели добиться основного, к чему стремились: полного подчинения Афганистана или его расчленения. Этому помешало героическое сопротивление афганского народа, подтвердившего справедливость высказанного Ф. Энгельсом мнения: «Афганцы — храбрый, энергичный и свободолюбивый народ» [71]. Славные традиции освободительной борьбы свято чтит в Афганистане, вступившем в апреле 1978 г. на путь социального обновления и демократического развития.

---

[69] ЦГВИА СССР. Главный штаб, ВУК, д. 31-а, 1880 г., лл. 32—33.
[70] Byron Farwell. Op. cit., pp. 213—217.
[71] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 14, стр. 78.

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

В КОМИССИИ ПО СВЯЗИ С ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ

5 октября 1978 г. в Отделении истории АН СССР состоялось заседание Комиссии по связи с высшей школой, посвященное задачам координации научных исследований в области истории, ведущихся в системе АН СССР и в вузах.

Комиссия по связи с высшей школой была создана при Отделении истории в декабре 1974 г. для обсуждения вопросов сотрудничества институтов Отделения с вузами в проведении научных исследований, создании учебников, подготовке кадров. В состав Комиссии, председателем которой был назначен доктор исторических наук проф. В. И. Бовыкин, были включены представители институтов АН СССР и ряда научных советов Отделения, заведующие кафедрами ведущих университетов и педагогических институтов страны, представители Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР. На заседаниях Комиссии неоднократно заслушивались сообщения Научного совета «История исторической науки», Научного совета по исторической географии и картографии, Археографической комиссии об их опыте координации работы с вузами, доклад Северо-Кавказского научного центра высшей школы о его связях с институтами Отделения, информация редколлегий журналов «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Советская этнография» об освещении ими научной работы вузовских историков. Сделанные на этой основе Комиссией рекомендации были учтены при составлении координационного плана работы Отделения истории.

На заседании 5 октября с докладом об основных положениях постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 апреля 1978 г. «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» и вытекающих из него задачах координации научной работы историков вузов и учреждений АН СССР выступил заведующий сектором Отдела преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР проф. Н. Г. Нефедов. Он подчеркнул, что в постановлении обращается особое внимание на улучшение планирования научно-исследовательской работы, концентрацию сил и средств на наиболее важных направлениях развития науки, повышение ответственности руководителей вузов и профессорско-преподавательского состава за разработку научных проблем, актуальность тематики и тесную увязку исследовательской работы с учебным процессом. Постановлением предусмотрено создание межвузовских центров научно-исследовательской работы, которые обеспечиваются дополнительными ассигнованиями на проведение исследований; ректорам вузов разрешено выделять средства на кредитование затрат по изданию сборников научных трудов, а Министерству высшего и среднего специального образования СССР дано право периодически проводить конкурсы на лучшую научно-исследовательскую работу в вузах с вручением дипломов и денежных премий.

Ученый секретарь по координации Отделения истории А. М. Филитов доложил о задачах, вытекающих из вышеупомянутого постановления в связи с тем, что на АН возложена координация всех научных исследований в стране, и рассказал об опыте составления координационного плана Отделения на текущую пятилетку. Важной задачей явилась выработка номенклатуры направлений и проблем исследований, отве-

чающей современному уровню развития науки. Целесообразно при подготовке координационного плана на 1981—1985 гг. определить направления и проблемы исследований с указанием тех учреждений — научных советов, институтов, университетов и пр., на которые возлагается та или иная работа. Важным условием создания плана послужит полная информация об исследованиях, ведущихся сейчас в научно-исследовательских институтах и в вузах.

В ходе дискуссии отмечалась своевременность постановки вопроса о более четкой координации и кооперации усилий историков, работающих в системе АН СССР и в вузах. Заметное возрастание роли высшей школы в научных исследованиях требует не только объединения усилий ученых, но и более рационального сосредоточения их на важнейших направлениях развития науки. Главное пожелание к новому координационному плану состоит в том, что он должен не регистрировать, а именно координировать исследования. В университетах уже сложилось несколько центров, которые могут возглавить разработку отдельных проблем. А будущий план обязан не только содержать их перечень, но и предусмотреть формы этой разработки с указанием специалистов, которым она поручается. Многие выступавшие (М. Т. Белявский, А. С. Орлов, Л. Е. Кертман, И. М. Иоженко и др.) подчеркивали, что такая разработка останется нереализованной без предоставления вузовским центрам соответствующей издательской базы.

С. О. Шмидт подчеркнул важность публикаций в журналах «Вопросы истории», «История СССР» и иных относительно научной работы в вузах и отметил, что результативность межвузовских научных конференций во многом зависит от возможности напечатания их материалов в специальных сборниках. В. А. Дунаевский обратил внимание на то, что одним из центральных направлений координации является рост кадров. Помочь обеспечить его — главнейшая задача АН в процессе контактирования с вузами. Н. Н. Демочкин считает необходимым объединить усилия специалистов различных профилей (история СССР, история КПСС и др.) и сообщил о предложении Московского текстильного института заняться совместно с АН разработкой проблемы «Рабочий класс текстильной промышленности СССР от его зарождения до наших дней».

Представители ряда университетов говорили, что при составлении координационного плана необходимо учитывать специфику вузов. Ведь их кафедры располагают специалистами по всем основным проблемам истории, как того требует организация учебного процесса, и переключение их только на одну или хотя бы несколько крупных проблем вряд ли возможно. Поэтому при планировании исследовательской работы в вузах подключение специалистов к разработке определенных проблем должно соответствовать их научным интересам и квалификации. А в сосредоточении усилий на конкретной проблеме должны сыграть свою роль межвузовские и межкафедральные центры.

На заседании приводились примеры слабой координации исследовательской работы и организации научных конференций, несогласованности действий ведомств, проблемных и научных советов, отсутствия реального взаимодействия различных координирующих учреждений. Чтобы улучшить положение дел, выступавшие рекомендовали осуществлять координацию работ на местах силами не только АН СССР, но и университетов, которые располагают соответствующими научными кадрами и уже ведут разработку различных проблем.

Основными итогами заседания следует считать наметку вопросов, которые нужно разрешить на первом этапе работы по составлению плана на 1981—1985 гг.: определение номенклатуры исследовательских проблем; установление полной картины того, над чем работают вузовские историки; выявление из их числа лиц, которые могут возглавить конкретные направления научных изысканий.

Л. П. Дойникова

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

26 декабря 1978 г. состоялось заседание Бюро Отделения истории АН СССР. Оно заслушало доклад чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова «К вопросу об определении численности населения России в 1917 г.» (соавтором доклада является И. Н. Киселев).

В докладе было подчеркнуто, что без научно обоснованных данных о народонаселении, его социальной структуре, национальном составе нельзя дать анализ соотношения классовых сил и т. д. Поэтому историку необходимо обладать по возможности надежными демографическими сведениями.

Особенно важно определить численность и состав населения России на октябрь 1917 года. В статистических данных существует на этот счет значительный цифровой разнобой, достигающий цифры в 30 млн. человек. Этот разнобой объясняется прежде всего различными территориальными критериями. В одних случаях рассматривается Россия в предвоенных (1914 г.) границах, в других — в границах, установившихся в 1920—1921 гг., в-третьих — в современных границах с ретроспекцией на 1917 и 1914 годы. Наиболее правильным применительно к этому времени является исчисление населения на территории России, без учета районов, оккупированных австро-германскими войсками, ибо находившееся за линией фронта население было выключено в то время из хозяйственной и политической жизни страны, из общероссийского революционного процесса. Такие подсчеты ранее не проводились.

Более сложен вопрос об использовании сведений дореволюционной статистики. Они нуждаются в серьезной проверке и уточнении. Данные переписи 1917 г. (ее материалы частично опубликованы) не охватывают страну в целом. Кроме того, перепись, проводившаяся в условиях военного времени, имела существенные недостатки. Текущая предреволюционная статистика также не дает верного представления об общей численности населения и его национальном составе. Этими обстоятельствами вызвана необходимость принципиально новой методики, которая позволила бы вовлечь в подсчеты населения России в момент Великой Октябрьской социалистической революции иные источники. Таковыми являются в первую очередь данные переписей 1920 и главным образом 1926 года.

Используя зафиксированную в переписях возрастную структуру населения, а также относящиеся к 20-м годам данные о рождаемости и смертности (с учетом так называемых «коэффициентов дожития»), можно при помощи электронно-вычислительных машин (ЭВМ) восстановить динамический ряд населения за 1917—1925 гг. по стране в целом, по крупным ее регионам и более мелким административным единицам. На память ЭВМ возможно записать также все дополнительные находящиеся в распоряжении историка сведения — о смертности и рождаемости, миграциях, потерях в результате военных действий, эпидемий, о призыве в армию во время войны и т. д.

В результате проводившейся на протяжении более 5 лет работы был осуществлен подсчет по нескольким крупным регионам и по стране в целом (по различным территориальным вариантам). Определены численность и национальный состав населения применительно к осени 1917 г. на фактической территории России осенью 1917 г. (пределы ее на Западе установлены на основе военных карт, фиксировавших линию фронта):

а) без Бухарского эмирата, Хивинского ханства и Финляндии; б) включая Бухару, Хиву, Финляндию; в) с Бухарой и Хивой, но без Финляндии; г) с Финляндией, без Хивы и Бухары; д) на территории страны в границах 1926 года.

На основании специально разработанной и проверенной методики (которую можно назвать методикой ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных) возможно получить большое количество научно обоснованных демографических сведений применительно к первому десятилетию Советской власти, в том числе определить миграционные потоки, изменения в социальных группах, национальном составе и т. д. Обработка уже полученных материалов, их содержательный анализ продолжаются. Имеется в виду публикация развернутого изложения методики и полученных с ее помощью многочисленных цифровых данных по отдельным регионам и стране в целом.

Вместе с тем представляется полезной и перспективной работа, которая ведется по вовлечению в научный оборот все еще не опубликованных материалов переписи 1917 г. и изучению многочисленных, но весьма противоречивых сведений о естественном движении населения России в 1917—1926 годах. Сочетание результатов этой работы с данными, полученными на основе вышеизложенной методики, позволит дать картину народонаселения страны во время социалистической революции, гражданской войны и восстановительного периода.

В обсуждении доклада приняли участие академики Ю. В. Бромлей, Е. М. Жуков, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и др. Обсудив доклад, Бюро Отделения рекомендовало составить программу дальнейших научных изысканий в этой области и включить ее реализацию в планы институтов Отделения.

М. Я. Ралко

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В Грозном 21—22 сентября 1978 г. состоялась Всероссийская республиканская конференция по вопросам историографии истории народов Дона и Северного Кавказа [1], организованная Научным советом «История исторической науки» Отделения истории АН СССР, Северо-Кавказским научным центром высшей школы, Чечено-Ингушским университетом. На ней были представлены ученые Москвы, научных центров Кавказа, а также Уфы, Оренбурга, Саратова и других городов. Участников конференции приветствовал ректор Чечено-Ингушского университета М. П. Павлов. С речью к ним обратился первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власов.

С докладом «Основные проблемы и задачи обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» выступил акад. А. Л. Нарочницкий. Он остановился на успехах ученых в разработке проблем истории народов Северного Кавказа, подверг критике попытки упрощенно решать некоторые ее вопросы, в частности проблемы феодализма. Затем докладчик подробно рассмотрел задачи готовящегося труда. В нем должны быть освещены борьба народов региона за свободу, вхождение их в состав России и прогрессивные его последствия, революционные события на Северном Кавказе как часть общероссийского революционного процесса, развитие региона в годы Советской власти.

В. П. Крикунов (Грозный) в докладе «Некоторые проблемы методологии изучения региональной истории» говорил о необходимости, с одной стороны, раскрывать влияние общих закономерностей и особенностей развития страны на историю края, а с другой — выяснить, как его развитие и специфика отразились на ходе развития страны в целом. Он подчеркнул важность поиска новых архивных источников, сопоставимых статистических данных, новых методик и решений, чтобы представить развитие региона в динамике и во всем его многообразии.

Р. М. Магомедов (Махачкала) в докладе охарактеризовал подробно политику России на Кавказе в XIX в. на фоне тогдашней международной обстановки (в том числе и как часть «восточного вопроса»); дал классовую оценку присоединения Кавказа к России и его последствий.

В. Б. Виноградов (Грозный) показал современное состояние изучения древностей Северного Кавказа от эпохи палеолита до позднего средневековья, вскрыл противоречия в подходе к толкованию хронологии, периодизации и этнической интерпретации местных памятников эпохи бронзы и раннего средневековья. На основе накопленных фактов, по его мнению, можно теперь ставить археолого-исторические проблемы в масштабе всего региона. Первоочередной задачей археологов является

[1] Первая такая конференция проводилась в Грозном в 1975 году.

также объективное согласование итогов их изысканий с результатами изучения тех же проблем историками, этнографами, искусствоведами и пр. Л. А. Этенко (Ростов-на-Дону) рассказал о публикациях «Известий Северо-Кавказского научного центра высшей школы» по вопросам историографии и многотомной истории народов Северного Кавказа.

Дальнейшая работа конференции проходила в пяти секциях: «Проблемы методологии и общие вопросы истории исторической науки», «Древняя и средневековая история», «Вхождение народов Северного Кавказа в состав России. Проблемы капитализма и революционно-освободительного движения», «Великий Октябрь и гражданская война на Дону и Северном Кавказе», «Народы Северного Кавказа в период социалистических преобразований и развитого социализма».

Заседания первой секции открылись докладом В. А. Дунаевского «Основные направления изучения всеобщей истории на Дону и Северном Кавказе». Кроме того, он рассказал о направлениях координационной деятельности Научного совета «История исторической науки» и поставил вопрос о формировании системы информационной службы для специалистов-историков. А. П. Пронштейн и А. В. Лубский (оба Ростов-на-Дону), подвергнув критике взгляды ряда философов и историков относительно предмета методологии истории и структуры методологии исторического исследования, подчеркнули значение таких вопросов, как предмет и метод истории как науки, исторический факт и историческая теория, специфика исторического познания. И. В. Порох (Саратов) остановился на значении работ А. И. Герцена для изучения истории Дона и Северного Кавказа. Л. Н. Колосов (Грозный) показал вклад известного историка-кавказоведа XIX в. А. Берже в историческое кавказоведение. О проблемах дореволюционной историографии Кабардино-Балкарии и Адыгеи говорилось в выступлении Г. Х. Мамбетова и А. К. Касумова (оба Нальчик).

Во второй секции М. Х. Багаев (Грозный) подвел итоги развития археологии в Чечено-Ингушетии за 60 лет, С. Л. Дударев и В. А. Петренко (оба Грозный) затронули проблемы кобанской культуры и этнического состава населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху. А. Р. Шихсаидов (Махачкала) остановился на необходимости углубленного изучения периодизации феодализма, взаимоотношений земледельческого и кочевого мира, земельно-правовых отношений и форм классовой борьбы в раннесредневековом Дагестане. Различные аспекты средневековой истории Северного Кавказа затрагивались Х. М. Мамаевым, Р. А. Даутовой, Х. А. Хизриевым, Я. З. Ахмадовым (все Грозный).

В третьей секции много внимания уделялось критике буржуазной историографии. Х. М. Ибрагимбейли проанализировал новейшую англо-американскую и турецкую буржуазную литературу о русско-кавказских отношениях второй половины XVIII—первой половины XIX в., присоединении Северного Кавказа к России. Р. Г. Маршаев остановился на проблемах борьбы против извращения буржуазными авторами истории вхождения нерусских народов в состав России. К. Т. Лайпанов (Карачаевск) критиковал буржуазные фальсификации истории борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе.

Ю. И. Серый (Ростов-на-Дону) указал на ряд недостатков советской литературы последних лет по истории Кавказа в эпоху капитализма, подтягивание рабочего движения на Северном Кавказе к общероссийскому и неправомерное смешение понятий «рабочее» и «революционное» движение, произвольное употребление термина «фабрика» и др. О советской историографии пореформенного движения крестьянства говорили Х. Х. Рамазанов (Махачкала), Л. Т. Сенчакова, Ш. Б. Ахмадов (Грозный). Было обращено внимание на необходимость создания статистики крестьянских выступлений на Дону и Северном Кавказе, классификации крестьянских наказов и приговоров 1905—1907 гг., показ влияния рабочего движения на крестьянские массы и др. Историография возникновения городов на Северном Кавказе и их влияния на развитие края — тема выступления Н. П. Гриценко (Грозный). В. И. Денискин (Грозный) отметил позитивные сдвиги в решении проблемы развития капитализма «вширь» на Северном Кавказе в советской историографии. А. И. Хасбулатов (Грозный), Ф. П. Тройно (Ставрополь), Л. И. Футорянский (Оренбург) поделились своими соображениями по вопросам экономического и социального развития народов региона, путей развития капитализма в крае.

Т. Х. Кумыков (Нальчик) показал влияние общественно-политических и культурных взглядов декабристов на социально-политическое развитие Северного Кавказа. В. И. Недосекин (Краснодар), охарактеризовав состояние изучения общественного движения в Черномории, указал на необходимость более глубокого исследования роли представителей передовой России в освободительном движении народов Кавказа, влияния свободолюбивых горцев на формирование демократических взглядов казаков и крестьян-переселенцев, характера деятельности декабристов на Кавказе до и после восстания в Петербурге, деятельности русских революционеров в крае на втором этапе освободительного движения. М. Ш. Шигабудинов (Махачкала), говоря об итогах изучения рабочего движения в советской историографии, назвал в качестве проблем, которые еще нуждаются в исследовании: развитие промышленности края, общее и особенное в формировании здесь кадров рабочих, их состав и социальный облик, социальная дифференциация среди казаков и крестьянства. С сообщениями по историографии также выступили: Б. А. Трехбратов (Краснодар) — о сельскохозяйственном пролетариате Юга России в 1861—1917 гг., А. И. Годючко (Армавир) — о революционном движении рабочих степного Предкавказья в 1905—1907 гг., Е. И. Демешина (Ростов-на-Дону) — о рабочем движении на Юге России в период империализма.

В четвертой секции были заслушаны доклады: П. П. Эмирова (Махачкала) — «Эмигрантские националистические фальсификаторы истории Октябрьской революции на Северном Кавказе», А. И. Козлова (Ростов-на-Дону) — «Актуальные проблемы дальнейшего изучения истории революции и гражданской войны на Юге России», Ж. Ж. Гакаева (Грозный) — «Историография истории революционного движения в армии и тыловых гарнизонах Дона и Северного Кавказа»; сообщения: Е. Ф. Жупиковой — «Упрочение Советской власти на территории Чечено-Ингушетии в 1920—1925 гг. К историографии вопроса», М. М. Пархоменко (Грозный) — «Историография истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы нэпа (1921—1925 гг.)».

В пятой секции А. Г. Попов (Грозный) показал степень изученности проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства Чечено-Ингушетии. К числу вопросов, требующих еще изучения, он отнес: соотношение социально-экономических укладов в доколхозном ауле, переселенческие мероприятия и их итоги, роль Советов, интеллигенции в социалистическом переустройстве аула, причины более медленных темпов колхозного строительства в Чечено-Ингушетии, механизм тормозящего воздействия докапиталистических институтов на ход социально-экономических преобразований и др. Литературу о формировании научно-атеистического мировоззрения женщин в период социалистического строительства охарактеризовала М. А. Каратаева (Грозный). В. Я. Алексеев (Уфа) остановился на некоторых вопросах историографии национального строительства. О состоянии документальной базы и литературе по проблемам культурной революции в национальных районах Северного Кавказа сообщила Э. А. Шеуджен (Ростов-на-Дону). А. И. Османов (Махачкала) говорил об актуальных вопросах историографии социалистических преобразований в национальных республиках Северного Кавказа. А. П. Кардапов (Нальчик) показал степень изученности истории промышленности и формирования рабочего класса в Кабардино-Балкарии. Б. Б. Панаева (Грозный) остановилась на отражении вопросов руководства партии Советами в историографии. Г. А. Ерещенко (Грозный), рассмотрев литературу о социалистической индустриализации в Чечено-Ингушетии в первой пятилетке, к недостаточно изученным отнес деятельность партийных организаций по вовлечению коренного населения в промышленность, формированию рабочего класса, подготовке инженерно-технических кадров, развитию средств связи и сети дорог.

На заключительном пленарном заседании были приняты рекомендации о путях повышения качества исследований в области истории исторической науки в регионе.

Х. А. Гакаев, Х. Х. Рамазанов

Обзоры

РУССКИЕ ДОКУМЕНТЫ КОНЦА XV—XVIII вв. В ХРАНИЛИЩАХ ПАРИЖА

В зарубежных архивах имеется немало источников по истории России (славянских, русских, на иностранных языках), которые до сих пор не введены в научный оборот. Изучение материалов по истории России в Парижской Национальной библиотеке, описанных в свое время в работах С. М. Строева, Л. В. Черепнина [1] и других ученых, показало, что многие из них представляют исключительный интерес.

Некоторые памятники являются подлинниками или современными событиям копиями, другие имеются в поздних списках. Таковы, например, памятники XVI в.— Степенная книга в списке второй половины XVIII в. (не полный текст, а отрывки) [2], «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в списке конца XVIII — начала XIX века [3]. Ценные сведения содержатся в розрядной книге 1492—1579 гг. [4], вывезенной в числе прочих рукописей из России в конце XVII в. ученым-шведом И. Г. Спарвенфельдом. Она начинается с записи: «Книга разрядная 7051-го году. Розряд царя и великого князя Иоанна Васильевичя всеа Росии», далее говорится о постройке Иван-города, набеге крымских татар «на украину в Алексин» и пр. [5]. На самом деле эти события относятся к 7000-му, то есть 1492 году [6]. Разрядная книга принадлежит к *спискам пространной редакции* [7], *причем она дополняет в отдельных деталях* печатный текст, хотя в целом значительно короче его. Некоторые известия в парижском списке приводятся в двух редакциях, отличающихся друг от друга; очевидно, составитель пользовался двумя рукописями разрядов, из которых выбирал интересовавшие его тексты.

Большой интерес вызывает актовый материал, представленный, как правило, подлинниками. Сохранилось немало документов XVII—XVIII веков. Привлекает внимание комплекс актов Кирилло-Белозерского монастыря за 1621—1687 годы. В самом раннем из них (грамоте из Новгородской чети на Вологду, Двину и в Каргополь от 27 июля 1621 г.) речь идет об освобождении монастыря на два года от всяких налогов [8]; центральная власть пошла на это в условиях не изжитого еще к началу 20-х годов XVII в. хозяйственного разорения и острой нехватки денежных средств по весьма простой причине — монастырь (как об этом писали в челобитье игумен Савватий «з братьею») до крайности «оскудел» в годы набегов интервентов и «ру[ских] воров разоренья»; «в вотчинах де крестьянца от разоренья ост[а]лися немногие, и по многие годы хлеба не сеяно»; к тому же «на море» разбило 5 монастырских ладей с солью и запасами, сгорели на соляном промысле в Золотице две варницы (соляных промысла), а в Ярославле — монастырский двор со всякими запасами. Ввиду оскудения казны монахам (их было в то время 207 человек) и мирским работникам не на что купить платье и обувь, и они «для одежи и хлебные скудости бредут розна». Грамота подробно перечисляет статьи доходов монастыря с различных угодий

---

[1] С. М. Строев. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М. 1841; Л. В. Черепнин. Славянские и русские рукописи в Парижской Национальной библиотеке (Краткий обзор). «Археографический ежегодник за 1961 г.». М. 1962.

[2] Национальная библиотека, Департамент рукописей (далее — НБ, ДР), слав. № 4, рукопись в 1°, 164 лл.

[3] Там же, слав. № 51, в 4°, 180 стр.

[4] Там же, слав. № 3, в 1°, 378 лл., скоропись второй половины XVII в., разряды — на лл. 3—285 об.; лл. 286—378 об.— Повесть об Александре Македонском (см. об этой рукописи: V. Vodoff, Histoire et philologie russes — Annuare 1973/74. École pratique des hautes études. P. 1974, pp. 393—394).

[5] НБ, ДР, слав. № 3, л. 3.

[6] «Разрядная книга 1475—1605 гг.». Т. 1, ч. 1. М. 1977, стр. 30, 31.

[7] В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М. 1962, стр. 25 и сл.

[8] НБ, ДР, слав. № 68/I.

в казну, говорит о величине налога, который он должен был платить и от которого освобождался на два года (всего 136 руб. 31 алтын 4,5 деньги) [9].

Другие документы сообщают об исполнении Кирилло-Белозерским монастырем повинностей. Так, по грамоте 14 января 1661 г. его обязали выслать в Путивль, в полк воеводы и боярина кн. И. И. Лобанова-Ростовского, 77 конных даточных людей с запасами и кормом для коней [10]. Это распоряжение было связано с мобилизацией воинских сил в ходе русско-польской войны (1654—1667 гг.) после воссоединения Украины с Россией. Монастырь, как видно из источника, и ранее поставлял даточных людей: по челобитью его властей, которое пересказывается в грамоте, «многие слуги на нашей великого государя службе под Конотопом и в Киеве побиты и в полон поиманы. А ныне де у вас в Кирилове монастыре слуг немного». Монастырский приказ распорядился выбрать в указанное число даточных людей тех, кто в монастыре был «не у дел», а «в прибавку» к ним «из служебников и из конюхов добрых молотцов, которых бы с нашу великого государя службу было. А старых и увечных на нашу великого государя службу не выбирали. А которые в монастырские службы слуги будут вам годны, и тех слуг на... службу не посылали» [11].

Грамота из Приказа Большого дворца от 20 ноября 1681 г. предписывает собрать и выслать для царских конюшен в Москве и Александрове слободе сено с вотчин монастыря в ряде уездов (Московский, Переяславль-Рязанский, Дмитровский, Углицкий, Ростовский, Бежецкий, Пошехонский, Костромской; в целом—1739 крестьянских дворов) [12]. Всего следовало собрать 96 копен «с полуконною и пол-пол-чети конны мерных сена». Грамота объясняет, что это распоряжение вызвано чрезвычайными обстоятельствами — «для нынешняго сенного недороду» (очевидно, из-за погодных условий) [13].

Ряд столбцов Кирилло-Белозерского монастыря рассказывает о ссылке «под начал» (то есть под наблюдение) людей, допустивших, с точки зрения властей, преступления, злоупотребления. Так, в грамоте патриаршего Разрядного приказа от 1 февраля 1668 г. упоминается житенный старец костромского Ипатьевского монастыря Леонтий Моренцов. Он был отправлен из Костромы на Белоозеро, по существу, в политическую ссылку, «за затейные сво слова». О чем говорил старец, неизвестно. Очевидно, как это бывало в подобных случаях, он непочтительно или «ругательно» отзывался о тех или иных представителях церковной или светской власти; за подобную вину полагалось «смирять» духовных лиц, как это и случилось с Моренцовым, которого указали в Кирилло-Белозерском монастыре «держать под крепким началом в монастырских трудех, а с монастыря спускать никуды не велели. И к церкви божии велели ему приходить по вся дни. А как сво спросят, чтоб он был в лицах (налицо.— В. Б.)» [14].

Немаловажным в глазах руководителей церкви была и вина посадской «жонки» Пелагеи (Палашки) Ивановой, о которой идет речь в грамоте Духовного приказа от 22 февраля 1673 г., посланной в Кирилло-Белозерский монастырь от имени патриарха Питирима. Эта «иосестрия» тяглеца московской Бронной слободы Ивана Иванова, постригшаяся в свое время в монахини (когда, неизвестно), отказалась от пострига («постригся, черное платье самовольно с себя скинула»). Возможно, несчастную девушку насильно заставили принять монашество, и она нашла в себе силы бросить вызов тем, кто заставил ее это сделать. Во всяком случае, ее проступок вызвал сильный гнев духовных властей. Патриаршее ведомство приказало отослать «тое жонку» в Воскресенский Горицкий девичий монастырь, подчинявшийся, очевидно, кирилло-белозерской обители, и «держать под крепким началом в цепи и железах, в монастырских трудех и с монастыря ее спущать до нашего указу отнюдь не велеть: а во время божественного пения велели ее приводить к церкви божии по вся дни» [15]. Мо-

[9] Там же, лл. 1—3.
[10] Там же, слав. № 68/III.
[11] Там же, лл. 1—2.
[12] Там же, слав. № 68/VIII.
[13] Там же, лл. 1—2
[14] Там же, слав. № 68/VI, лл. 1—2.
[15] Там же, слав. № 68/VII, лл. 1—2.

пастырские власти сообщили об исполнении этих указаний [16]; сохранилась и расписка игумены Воскресенского Горицкого девичьего монастыря Марфы о принятии Ивановой («Палашку Иванову приняли и под началом держать в кремли велели») [17].

Тот же патриарший Разрядный приказ грамотой 31 января 1682 г. распорядился принять в Кирилло-Белозерском монастыре переведенного из Кожеозерского монастыря Каргопольского уезда бывшего благовещенского протопопа Андрея. Как известно, протопопы московского Благовещенского собора являлись духовниками самих царей, то есть лицами влиятельными среди правящих светских и духовных деятелей. В документах говорится о долгой ссылке сначала в одну северную обитель, *потом в другую, в которой, по указанию центра,* «велеть ему (протопопу Андрею.— В. Б.) быти во особой братской келье и пищу и питие давати ему братское и в послужение дати ему в келью служебника. И, будучи в монастыре, пребывати ему, Андрею, в покаянии и в церковь божию приходити повсегда». Далее предусматривается приставить к бывшему протопопу «священника доброжительнаго и в божественных писаниих искуснаго» в качестве духовника, «который бы мог привести ево к покаянию». Оказывается, в Кожеозерском монастыре, где Андрей находился с 1676 по 1682 г., он духовника не имел и к покаянию не склонился. Кирилло-белозерский духовник должен «над ним, Андреем, смотрети накрепко: нет ли за ним к покаянию какие противности». Грамота строго указывает не пускать «крамольных людей» в келью к Андрею, а его самого никуда из монастыря не выпускать. При посещении его «сродниками» последних должен сопровождать кто-либо «из соборных старцов». Наконец, предусматривается постричь Андрея, если он «пожелает монашеского чина,.. по уставу церковному и по чину монастырскому» [18]. Власти монастыря сообщили, что все ими сделано, как указано [19].

Речь шла об А. С. Постникове, который 26 марта 1666 г. из священника церкви Григория Неокесарийского в Замоскворечье превратился в протопопа Благовещенского собора в Кремле и духовника царя Алексея Михайловича. Именно протопоп Андрей в 1671 г. венчал с Н. К. Нарышкиной царя, который его почитал и защищал от нападок патриарха Иоакима, невзлюбившего царского духовника. Но после смерти Алексея Михайловича патриарх добился от его сына и наследника Федора Алексеевича согласия на осуждение Андрея; последнего обвинили в сношениях с бывшим патриархом Никоном, выступлении против патриаршей власти, нарушении правил поведения (например, присутствии на царских пирах). Андрея сослали в Кожеозерский монастырь, а Никона перевели из Ферапонтова в Кирилло-Белозерский монастырь [20].

В Кирилло-Белозерском монастыре находился московский отставной стрелец Никита Курятников. *В XVII в. было принято направлять в монастыри на прокормление* старых, увечных стрельцов. Однако Курятникову вменялась какая-то «вина». По словам грамоты из Стрелецкого приказа от 20 октября 1687 г., он был в монастырь «послан вместо ссылки за вину, а не на пропитание». Подобное случалось довольно часто в 1680—1690-е годы — в пору стрелецких восстаний и дворцовых заговоров, интриг и расправ. Одним из пострадавших и являлся, вероятно, этот стрелец, о котором в более ранней грамоте от 28 апреля 1687 г. велено было «о даче из монастырской казны денег и хлеба и иных запасов и за неслушание ево о наказание и о наряде ево на всякие монастырские работы, и в какой ему службе в монастыре быть пристойно, указ чинить вам (архимандриту Иосифу, келарю Александру «з братиею».— В. Б.) по своему рассмотрению. А на пропитание ему велено давать против дворовых людей, а не против слуг». Как видно из грамоты от 20 октября, монастырские власти известили Стрелецкий приказ (в отписке от 11 октября 1687 г.): Н. Курятников «великих государей (в то время царский престол занимали братья Иван и Петр Алексеевичи.— В. Б.) указу и грамот не слушает», «безвременно пропашет» день-

---

[16] Там же, лл. 4—5.
[17] Там же, л. 3.
[18] Там же, слав. № 68/IX, лл. 1—3.
[19] Там же, лл. 4—5.
[20] Леонид. Духовники великих князей и царей московских и всея России. ЧОИДР. Ч. 1, отд. V. 1876, стр. 218—219; П. Д. Юзефович. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников. «Христианское чтение». Ч. 1, 1883, стр. 126—139.

ги и запасы из монастырской казны, утверждает, что ему велено быть в монастыре «в слушках» (а не дворовым человеком), отказывается исполнять работы и «питатца так же, как и монастырские люди питаютца», «и во всем прекословит, и говорит... с невежеством». Поведение его не осталось безнаказанным. Грамота предписывает монастырским властям: «И вы б тому ссыльному стрельцу Миките Курятникову за то ево воровство и за непослушание велели учинить жестокое наказанье, вместо кнута бить батоги или плетьми пещадно, чтоб он впредь жил во всяком послушании и в работе». Далее указывается и в будущем, если стрелец «учнет какие непристойные слова говорить или в послушании быть не учнет», наказывать и смирять его «по монастырскому обыкновению, не о[т]писываясь к нам, великим государем, к Москве. А о даче на прокормление против таких же монастырских работных людей чинили по прежней нашей великих государей грамоте» [21].

Среди столбцов XVII в. имеются два документа по истории поместного землевладения. Первый из них — ввозная грамота 26 апреля 1646 г. (выдана вместо утерянной владельцами ввозной же грамоты 9 июля 1638 г.), которая подтверждает право вдовы помещика Г. Чичерина Марфы с сыном и дочерью на «прожиточное поместье» в Козельском уезде. Документ перечисляет земли, входившие в состав владения Чичерина, который умер в 1638 г., и переходившие к его вдове с детьми. Обе ввозные грамоты (утерянная 1638 г. и сохранившаяся 1646 г.) основаны на козельских писцовых книгах «писма и меры» Василия Толбузина и подьячего Ивана Глазова «137-го и 138-го и 139-го году» (1636—1641 гг.). Грамота велит крестьянам, которые живут в том поместье, чтобы они «вдовы Марфы, Григорьевы жены Чичерина, з детми с сыном с Ондреем да з дочерью з девкою с Просковьицею слушели и пашню на них пахали и доход помещиков им платили». Поскольку сын покойного помещика (в год смерти отца он был еще недорослем) уже мог по возрасту служить (с 15 лет), то ему приказывается «с того поместья наша служба служить часа того и мать свою вдову Марфу до ее живота (до кончины.— В. Б.) и сестру девку Просковьицу кормить и, вскормив сестру, замуж выдать» [22].

Второй акт — сотная выпись из Поместного приказа от 9 марта 1694 г. стольнику К. И. Селиверстову на владение пустошью Голевской, Шиловского стана, Алексинского уезда. В ней приводятся выписи из различных документов XVII в. (писцовые книги 1627—1629 гг., грамоты, обыски, отписки, челобитные) на различные поместные владения представителей этой дворянской фамилии и их соседей в Шиловском стане на р. Волконе, об их обменах, передачах от отца к сыну, от умершего мужа к вдове и т. д. В них сообщается о стремлении других представителей рода Селиверстовых получить некоторые из этих земель, которые к моменту подачи челобитных были «порожжими», то есть не обрабатывались, не имели владельца; об обысках — проверках этих сведений с помощью местных приказчиков, старост и крестьян (иногда почти до 100 человек), наконец, о передаче пустоши Голевской К. И. Селиверстову [23].

В Национальном архиве Франции сохранился в виде столбцов статейный список 1658 г., где описаны переговоры русских послов стольника Я. П. Лихарева, дьяка И. Пескова и полномочных представителей императора Священной Римской империи Леопольда «его цесарского величества думных людей» графа Ф. З. Курца, великого канцлера королевства Чешского Я. Гертвика, графа Знотвица [24]. В начале статейного списка сообщается, что «в прошлом 164-м году» (1655/56 г.) отец Леопольда император Фердинанд III присылал к царю Алексею Михайловичу послов с посреднической миссией для переговоров о заключении мира с Польшей (в это время шла русско-польская война после воссоединения Украины с Россией). Царь Алексей «рати свои великие от королевские стороны (то есть русские войска, воевавшие против войск короля Яна-Казимира.— В. Б.) велел задержать и обратити те рати на общаго неприятеля на шведа» (началась война Польши и России со Швецией, которая захватила, помимо прочего, ряд земель Речи Посполитой). Состоялись переговоры «о покое»

[21] НБ, ДР, слав. № 68/X.
[22] Там же, слав. № 49, лл. 1—4.
[23] Там же, слав. № 62.
[24] Национальный архив, AE—III—117, M 720.

с Польшей (с русской стороны их вели великие и полномочные послы боярин кн. И. И. Одоевский «с товарыщи»), об избрании Алексея Михайловича «на королевство Польское и великое княжество Литовское», поскольку Речь Посполитая оказалась в очень сложной обстановке [25]. Но после «проволок» переговоры, в которых принимали участие и императорские послы, закончились безрезультатно.

В 1658 г. император Леопольд через своего посланника в Москве Я. Х. Фракштена, привезшего царю Алексею весть о смерти Фердинанда III, подтвердил свое стремление быть, как и его покойный отец, посредником при заключении мира между Россией и Польшей. Царь «слыша о отшествии сего света цесарского величества... поскорбел не по малу», заявил, что хочет быть «в братстве и любви» с Леопольдом «и желает того слышати, чтоб он, великий государь (то есть Леопольд.— В. Б.), отца своего... наследовал престол». Лихарев и Песков говорили, что русский государь готов вести переговоры о «правдивом и безобманном и постоятельном мире» с Яном-Казимиром, который должен, «отложа хитростные проволоки, слать» своих великих и полномочных послов в Москву или дать «полную мочь» (соответствующие полномочия) тем своим послам, которые в Вильне вели переговоры с Одоевским и другими русскими представителями. Кроме того, Лихарев и Песков, соблюдая честь и достоинство своего царя и Русского государства, не преминули упрекнуть австрийскую сторону в том, что посланник Фракштен, будучи в Москве, на приеме у царя, называл Алексея Михайловича «велеможным» государем, в то время как своего императора, польского и датского королей «величествами, а не велеможными и тем перед ними кабы соунижал честь великого государя нашего». Московские бояре за то посланнику выговаривали, но на отпуске (прощальной аудиенции) у царя повторилось то же самое — австрийский посланник упорно говорил русскому царю с «велеможеством, а не с величеством». Об этом посланнику написали в грамоте, но тот ее «покинул» на дворе, где проживал во время пребывания в Москве; «и тем он великому государю нашему его царскому величеству учинил бесчестно». Алексей Михайлович, желая быть «в дружбе и любви» с его цесарским величеством, отпустил посланника «честно», но император, как говорили теперь Лихарев и Песков, должен посланнику за его самовольство учинить «указ, чего он достоин».

Несколько документов, относящихся к XVIII в., имеется в Парижской Национальной библиотеке. Один из них — подлинная жалованная грамота от 18 сентября 1736 г. московским купцам А. Еремееву, И. Василькову, А. Товарову, А. Носыреву, Г. Колобову, Р. Журавлеву и Г. Бабкину на заведение суконной фабрики в Москве [26]. Основание фабрики было связано с развитием московской текстильной промышленности в XVIII веке [27]. Суконная мануфактура Еремеева и его компаньонов была в этом столетии одним из самых крупных, ведущих и успешно действующих предприятий [28]. Жалованная грамота (или указ) императрицы Анны Ивановны, не полностью и плохо опубликованная около полутора столетий назад [29], дает упомянутым выше купцам помощь и различные льготы для заведения мануфактуры (денежный заем, помещение, лес для построек, освобождение от служб, постоев, пошлин, обучение работных людей с помощью мастеров с других суконных мануфактур и др.).

Из двух написанных на бересте рапортов Верхнекамчатской приказной избы (сентябрь 1767 г. и 18 июня 1768 г.) можно узнать, что в эти годы в Верхнекамчатском остроге не было никаких съестных и прочих припасов (хлеб и др.) [30]. Эти документы отражают тяжелое положение, в котором находилось в то время населе-

---

[25] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V (тт. 9—10). М. 1961, стр. 658—666 и др.

[26] НБ, ДР, слав. № 43.

[27] См.: Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М. 1939; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л. 1950, и др.

[28] Е. И. Индова. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. «Историческая география России. XII — начало XX в.». М. 1975, стр. 250—253.

[29] ПСЗ. Т. IX. СПБ. 1830, № 7060, стр. 932—935. В публикации нет начала и конца грамоты, текст ее передан с рядом ошибок.

[30] НБ, ДР, слав. №№ 50/I, 50/II; первый документ не издан, второй опубликован, но очень неточно (см. «Переписка на березовой коре в Камчатке в 1767—1768 гг.» — «Русская старина», 1891, т. 72, № 10. стр. 223—224).

ние Камчатки. В литературе отмечалось, что именно в эти годы здесь распространилась эпидемия оспы, в течение четырех лет подряд вымерзал на корню весь хлеб [31].

В списке второй половины XVIII в. имеется завещание (духовная) В. Н. Татищева [32], в списке конца XVIII в.— известное «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей с показанием кто именно и в которых местах» [33]. «Описание» было издано Сенатом в 1775 г. и затем неоднократно перепечатывалось [34].

Как показывает этот краткий обзор, в Национальной библиотеке и Национальном архиве Франции имеются весьма ценные источники по истории Русского государства периода феодализма. Можно предполагать, что подобные материалы есть и в других хранилищах Парижа (например, в архиве министерства иностранных дел Франции) [35]. Кроме того, в Национальной библиотеке есть источники по истории России на иностранных языках, прежде всего на французском. Один из таких материалов — описание России начала XVII в., составленное французом, находившимся там в то время,— сейчас готовится к изданию.

В. И. Буганов

---

[31] А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856. СПБ. 1869, стр. 9—15; И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1632—1882. Иркутск. 1883, стр. 287—288; И. И. Огризко. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII—начало XX в.). Л. 1973, стр. 13.

[32] НБ, ДР, слав. № 36, лл. 1—32 об

[33] Там же, слав. № 48, лл. 123—146 об. «Описание» помещено в сборнике, включающем также указ Петра I от 15 января 1718 г. с «наказом губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» (лл. 1—17 об.), указ от 9 января 1775 г. о наказаниях сподвижникам Е. И. Пугачева (лл. 114—122 об.), ратификацию Ништадского мира и реляцию о его заключении (лл. 82—111 об.— рукописный и печатный тексты), и др.

[34] «Ложный Петр, или жизнь и похождения бунтовщика Емельки Пугачева». М. 1809, стр. 121—141.

[35] M. Lesure. L'histoire de Russie aux Archives Nationales. P. 1970; В. А. Георгиев. Материалы по русской истории в архиве министерства иностранных дел Франции. «Вопросы истории», 1974, № 10.

Рецензии

«Общественность и проблемы войны и мира». М. Изд-во «Международные отношения». 1978. 464 стр. Тираж 15 000. Цена 2 руб. 10 коп.

Последние годы в развитии международных отношений были отмечены поворотом от «холодной войны» к разрядке напряженности, к утверждению в практике международной жизни принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Оздоровление международного климата планеты стало возможным прежде всего благодаря возросшей мощи Советского Союза, других социалистических государств, их деятельности по укреплению мира. Огромную роль в развитии и углублении политики разрядки сыграла принятая XXIV съездом КПСС Программа мира и ее органическое продолжение — Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, выдвинутая XXV съездом ленинской партии.

Немалая заслуга в борьбе за прочный мир и социальный прогресс принадлежит массовому движению общественности. «Один из важнейших факторов современного меж-

дународного развития,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— это активное участие народных масс, их организаций, их политических партий в решении проблем войны и мира... Можно сказать с уверенностью, что нынешние сдвиги в мировой обстановке — это в значительной мере плод деятельности общественных сил, результат невиданной доныне активности народных масс, проявляющих острую нетерпимость к произволу и агрессии, несгибаемую волю к миру» [1].

Проблемам борьбы международной общественности против угрозы войны, за сохранение мира, за разрядку и посвящена рецензируемая книга, изданная Советским фондом мира и ордена Трудового Красного Знамени Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР [2].

Авторы книги [3] — известные общественные деятели, писатели, ученые — создали труд неординарный, новаторский, отличающийся широтой и разнообразием поставленных вопросов, соседством разделов и глав, написанных учеными многих специальностей: историками, юристами, социологами, философами. В глубокий, действительно научный анализ вовлечены самые свежие документы и материалы. Манера изложения далека от сухого академизма. Со страниц книги с читателем говорят страстные и убежденные борцы за мир. Книга построена на контрастах, она живописует картину столкновения, противоборства сил мира и прогресса, выражающих волю и чаяния народов, с различными консервативными силами, силами империализма и реакции, стремящимися помешать радикальному оздоровлению международного климата.

Не так просто определить и жанр этой большой, интересной и содержательной работы. По сути своей она — добротно выполненное исследование, но ряд глав, подготовленных руководителями общественных организаций и составляющих необходимую органическую часть работы, являются одновременно и ценными историческими источниками, введение которых в научный оборот умножает возможности дальнейшего изучения проблемы. Естественно, что умелое сочетание исследования и прямого свидетельства участников движения общественности за мир многократно повышает доказательную силу монографии. Все эти особенности не помешали создателям книги предложить на суд читателей капитальный труд, отличающийся хорошо продуманной структурой, сбалансированностью отдельных частей, четко выявленным и от главы к главе неукоснительно соблюдаемым общим замыслом, единым (хотя и коллективно сформированным) исследовательским почерком.

Книга состоит из введения и четырех разделов, включающих 32 главы. Во введении к книге, а также и в ее первой главе, открывающей первый раздел, озаглавленный «Движение за мир и современность», проводится анализ нового этапа массового движения общественности за укрепление мира, оценивается его воздействие на международные отношения. Здесь поставлены многие общие для всей монографии проблемы. С первых же страниц книги отчетливо заявляет о себе важная методологическая посылка, принятая ее авторами: любой из рассматриваемых вопросов исследовать комплексно, во всей его сложности, в органической связи с главными направлениями и тенденциями общественного развития. Тем убедительнее вывод о том, что нынешний этап движения миролюбивых сил характерен укреплением единства действий различных его потоков, изменением социальной структуры и расширением политической базы движения, что ядро миролюбивой общественности, ее главную движущую силу составляют демократические, народные, массовые организации. При этом не снимаются различия

---

[1] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 324—325.

[2] Редакционная коллегия: Г. И. Морозов (отв. редактор), Г. А. Арбатов, О. В. Бароян, А. А. Берков, В. С. Брусков (зам. отв. редактора), О. Н. Быков, Н. Н. Иноземцев, Б. Н. Полевой, Е. М. Примаков, Ю. Ф. Харламов, О. С. Хархардин, В. С. Шапошников, Г. В. Шумейко.

[3] Авторы книги: В. Г. Афанасьев, В. А. Балтийский, О. В. Бароян, П. И. Батов, Н. А. Бережная, А. А. Берков, Ю. И. Бобраков, В. С. Брусков, О. Н. Быков, Л. С. Воронков, А. С. Дзасохов, В. В. Журкин, А. Н. Калядин, А. В. Караганов, И. И. Карпец, И. И. Коваленко, Н. А. Ковальский, Г. М. Ковриженко, Г. Г. Котовский, З. М. Круглова, Г. М. Локшин, М. А. Мильштейн, Г. И. Морозов, П. Т. Пименов, Б. Н. Полевой, А. И. Полторак, Е. М. Примаков, Г. М. Свердлов, Е. К. Силин, Р. М. Смирнова, В. Г. Трухановский, Е. К. Федоров, Ю. Е. Федоров, О. С. Хархардин, В. С. Шапошников, В. Л. Швецов, Г. И. Янаев.

принципиального характера, которые существуют и в области идеологии и в области политических позиций отдельных слоев и организаций (стр. 40).

Принципиальное значение имеет раскрытие с позиций историзма специфических черт современного движения миролюбивых сил, которые, как подчеркнуто в книге, «становятся теперь не только материальной основой общественного мнения, но и рычагами, активно воздействующими на его формирование, на его принципиальные позиции, в частности, по проблемам международных отношений» (стр. 26). Международное демократическое движение за укрепление мира по своему составу и характеру «переросло рамки собственно антивоенного движения (в его традиционной пацифистской форме, которая была свойственна многим либерально-буржуазным организациям в начале века и в период между двумя мировыми войнами)». Оно отличается и от движения сторонников мира, каким оно было непосредственно после второй мировой войны (стр. 27).

В настоящее время, указывается в книге, антивоенная направленность по-прежнему является стержневой линией развития движения, определяющей его главную цель. Наряду с этим расширяется круг международных проблем, по которым обозначился совместный или близкий подход различных общественных сил. Среди этих проблем: прекращение гонки вооружений, развитие равноправного экономического сотрудничества, налаживание плодотворных контактов в области науки, культуры, информации и просвещения. В документах и акциях миролюбивых сил общественности все более подчеркивается «взаимосвязь проблемы международной безопасности с борьбой за национальную независимость, за демократизацию общественной жизни, против безработицы и инфляции, против голода, нищеты, болезней и других социальных бедствий» (стр. 28).

В монографии подробно и всесторонне рассмотрен сложный процесс обогащения программы и совершенствования форм и методов борьбы за мир, все более действенное влияние миролюбивых сил на охрану международного права и его развитие в прогрессивном направлении, всех тех тенденций, которые в полной мере отразил Всемирный конгресс миролюбивых сил, состоявшийся в Москве в 1973 году. В итоговом политическом документе конгресса его участники заявили о своей готовности бороться за дальнейшую разрядку напряженности и упрочение мира, выразили полную поддержку национально-освободительной борьбе народов, высказались в пользу немедленного прекращения гонки вооружений и необходимости приступить к практическому разоружению, в пользу развития разностороннего международного сотрудничества в различных областях, защиты социальных и политических прав человека [5].

Охарактеризовав основные особенности современного этапа в развитии движения за мир, авторы переходят к детальному исследованию его основных целей и проблем. На первом месте стоит проблема разоружения. На базе широкого круга источников, свежего фактического материала авторы разработали новейшие аспекты указанной проблемы, четко выявили позитивные изменения, которые произошли за последние три-четыре года в борьбе против угрозы мировой войны, за разоружение, в первую очередь в связи с подлинно миролюбивыми, конструктивными инициативами СССР, других стран социалистического содружества.

Авторы аргументированно показывают возрастающую актуальность проблемы разоружения. Прекращение гонки вооружений, развитие и углубление процесса разрядки было предметом рассмотрения сессии Всемирного Совета Мира, состоявшейся в Берлине в феврале 1979 года. В приветствии участникам сессии Л. И. Брежнев указывал: «Мир и прогресс человечества сегодня в большей, чем когда-либо прежде, степени зависят от того, удастся ли прервать смертоносную спираль постоянного взвинчивания производства вооружений. В этом сейчас ключ к продолжению и закреплению политики разрядки, к решению проблемы разоружения. Остановить гонку вооружений, сократить военные бюджеты — значит также создать предпосылки для реального разрешения многих острых проблем, с которыми сталкиваются народные массы различных стран» [6]. Представители миролюбивых сил выразили решимость еще теснее сплотиться и удесятерить свои усилия в борьбе за прекращение гонки вооружений, за сохранение и упрочение мира.

Подогревая очаги военной опасности, дестабилизируя обстановку в различных райо-

[5] См. «История внешней политики СССР. 1917—1975». Т. 2. М. 1976, стр. 550.

[6] «Правда», 2.II.1979.

нах планеты, подхлестывая гонку вооружений, противники разрядки пытаются вернуть мир к временам «холодной войны», балансирования на грани ядерного конфликта.

Рассматривая роль общественности в разрешении международных конфликтов, которые «были и остаются той сферой международных отношений, где особенно активно пытаются действовать противники разрядки, создавая своими агрессивными акциями острые кризисные ситуации», авторы наглядно показывают, насколько возросли и продолжают возрастать возможности «для непосредственного воздействия общественных сил мира на международные конфликты с целью их скорейшего политического урегулирования и предотвращения» (стр. 129).

В книге четко проводится тезис, что, поскольку главная опасность исходит от нарастающей гонки ядерных вооружений, от расползания ядерного оружия по миру, центральное место в усилиях общественности занимает борьба за нераспространение ядерного оружия, за прекращение его производства во всех видах (нейтронного в том числе), сокращение его запасов и, наконец, полную их ликвидацию.

Глубокому анализу в книге подвергнута диалектическая взаимосвязь борьбы народов развивающихся стран за мир и безопасность с борьбой против империализма, расизма, за ликвидацию последних колониальных режимов на нашей планете, за национальный и социальный прогресс. «Отрыв борьбы за мир от борьбы за другие жизненные интересы народов — свободу, независимость, социальный прогресс означал бы не что иное, как возвращение к абстрактному пацифизму, исторически доказавшему свое бесплодие, неспособность стать реальной антивоенной силой» (стр. 161).

В указанном спектре проблем специально рассмотрена роль общественности в борьбе за обеспечение европейской безопасности. Это вполне оправданно: в последние годы на европейском континенте произошли серьезные положительные изменения, чему в значительной степени способствовало проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятие этим форумом Заключительного акта. Общественности, миролюбивым силам принадлежит заметная роль в оздоровлении политического климата Европы.

Целый раздел книги посвящен главным общественным силам, борющимся за мир и разоружение. В него вошли главы об участии рабочего класса и профсоюзов, женщин, молодежи, деятелей науки, культуры, религиозных сил в борьбе за мир. Авторы показывают, как расширяются задачи и сфера деятельности организаций, объединяющих различные отряды трудящихся. В их борьбе органически сливаются защита социально-экономических интересов, борьба против военной опасности, за материализацию разрядки, поддержка национально-освободительных движений, отпор фашистской угрозе, движение за демократические свободы, охрана окружающей среды (стр. 183, 197, 203, 226, 236 и др.).

Книгу завершает раздел, посвященный советским и международным организациям, занимающимся проблемами мира. Здесь читатель найдет впечатляющую характеристику многогранной деятельности Всемирного Совета Мира, Советского фонда мира, Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советского комитета ветеранов войны, Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Рассмотрена роль движения афро-азиатской солидарности в борьбе за национальную независимость и мир. Показан вклад Международной организации журналистов, Международной ассоциации юристов-демократов, Межпарламентского союза, Всемирной федерации научных работников, Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН, Пагуошского движения, Международного института мира в Вене, Дартмутских встреч представителей советской и американской общественности в дело укрепления мира и международной безопасности. Внимание авторов привлекли и такие вопросы, как Международное федералистское движение, а также значение сотрудничества неправительственных и межправительственных организаций в условиях развития процесса разрядки.

Книга вводит в оборот ценные документы, в ней обобщен значительный материал, получены важные выводы. Можно сказать со всей определенностью: ни один исследователь современной эпохи (не только специалист в области международных отношений, но и истории рабочего класса, интеллигенции, массовых неправительственных организаций и т. д.) не сумеет пройти мимо рецензируемой коллективной монографии.

Она содержит массу существенных сведений, которые сослужат пользу ученым, преподавателям, пропагандистам, каждому, кто интересуется проблемами войны и мира. Не все главы книги равноценны. Отдельные разделы (например, о Всемирной федерации научных работников) носят сухой, справочный характер, не содержат интересных наблюдений и глубоких выводов.

Выход в свет коллективной монографии «Общественность и проблемы войны и мира» — заметное событие в исследовании одного из важнейших аспектов истории нашего времени. Своими материалами, выводами, подкрепленными основательной документальной базой, всем пафосом своим монография служит делу мира, зовет на борьбу за разрядку, за мир без оружия и войн, за социальную справедливость и счастливое будущее человечества.

Член-корреспондент АН СССР
Ю. А. Поляков,
А. И. Разгон

С. С. ХРОМОВ, В. Л. КАЛАШНИКОВ, Н. И. ШИШОВ. *Интернационализм и патриотизм: история и современность.* М. Изд-во «Высшая школа». 1977. 280 стр. Тираж 7000. Цена 1 руб. 60 коп.

В связи с обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, усилившимися попытками буржуазных и ревизионистских идеологов подменить патриотизм национализмом, интернационализм космополитизмом и т. д. растет актуальность исследования проблем патриотизма и интернационализма. Они обстоятельно разработаны в монографии доктора исторических наук С. С. Хромова и кандидатов исторических наук В. Л. Калашникова и Н. И. Шишова. На большом конкретно-историческом материале прослеживаются в книге зарождение и развитие международной пролетарской солидарности и теоретическая и практическая деятельность К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в этой области, развитие КПСС принципов пролетарского интернационализма и патриотизма на всех этапах социалистического и коммунистического строительства, многогранная деятельность КПСС по воспитанию трудящихся в духе социалистического патриотизма и интернационализма. В книге собран обширный материал об интернациональной помощи российского и советского рабочего класса различным отрядам международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Авторы дают методологический анализ некоторых вопросов патриотизма и интернационализма, в частности предпринимают попытку классифицировать принципы социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. При этом они отмечают, что, хотя патриотизм как феномен общественного сознания имел место во все времена и эпохи, после победы Великого Октября в нашей стране «сформировался новый тип патриотизма — советский, социалистический патриотизм с присущими ему основными принципами и чертами» (стр. 9). Как всякое социальное чувство, патриотизм воспитывается и развивается. Характеризуя этот процесс, Л. И. Брежнев отмечал, что теперь «мы можем с полным основанием говорить о более широком понятии, о большом патриотическом чувстве всего нашего народа — **об общенациональной гордости советского человека**»[1]. Это чувство шире и глубже естественных национальных чувств каждого из народов, населяющих нашу страну, ибо оно сформировалось в процессе практики строительства социализма, на базе общности целей и интересов, идейного и духовного единства советского народа.

Останавливаясь на сущности и содержании интернационализма, авторы раскрывают многообразие его общественно-политических функций, отмечают, что он одновременно является мировоззрением, идеологией и политикой рабочего класса. Это система взглядов и действий, в которых выражаются единство коренных интересов трудящихся и международная солидарность

[1] Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М. 1972, стр. 61.

пролетариата в борьбе за ликвидацию социального и национального гнета, за революционное переустройство общества, за победу социализма и коммунизма. В монографии подчеркнуто, что «социалистический интернационализм представляет собой дальнейшее развитие пролетарского интернационализма, его более высокий этап» (стр. 14).

Вызывает интерес разработка авторами понятия «интеграция», в содержание которого марксисты и буржуазные идеологи вкладывают различный смысл. По своей сущности интеграция — это один из случаев интернационализации. Авторы показывают, что капиталистическая интеграция в конечном счете является «тупиковой ветвью общественного прогресса», социалистическая же, напротив, способствует совершенствованию производительных сил, выравниванию уровней экономики и культуры отдельных социалистических стран, повышению материального благосостояния трудящихся, формированию гармонически развитой личности (стр. 17—18).

В книге дается обстоятельная критика национализма и космополитизма, используемых буржуазией для разжигания национальной ненависти и развязывания захватнических войн. Буржуазный национализм и космополитизм выступают в качестве идеологического оружия господствующих классов капиталистического общества для защиты их власти и привилегий и разжигания вражды между трудящимися различных национальностей, для прикрытия и оправдания экспансионистской политики в отношении других стран и народов. Национализму и космополитизму марксизм-ленинизм противопоставляет патриотизм и интернационализм.

В монографии раскрыто обоснование Марксом и Энгельсом принципов интернационализма и патриотизма и развитие их Лениным в новых исторических условиях; показано воплощение в жизнь этих принципов в нашей стране после победы Великого Октября, в период строительства социализма и защиты его завоеваний в Великой Отечественной войне; в период построения зрелого социализма; прослеживается развитие интернационализма и патриотизма в мировой системе социализма. Таким образом, в книге рассматриваются проблемы интернационализма и патриотизма с момента их возникновения как неотъемлемой части марксистской теории и до наших дней. Это свидетельствует о масштабности рецензируемого исследования.

Ленинские идеи легли в основу деятельности революционной пролетарской партии, ставшей «первой в истории России политической организацией, в которой рабочие всех национальностей сливались в единую боевую силу» и которая «с самого начала формировала у всех своих членов качества патриотов и интернационалистов» (стр. 42). Новый этап в развитии принципов интернационализма и патриотизма начался после победы Великого Октября. Ленин подчеркивал интернациональный характер Октябрьской революции во всех ее основных проявлениях: по месту в истории человечества, по влиянию на социальные процессы, происходящие во всех странах, по раскрытию общих закономерностей перехода к социализму, по распространению среди международного рабочего класса идеологии научного социализма, по созданию во многих странах коммунистических партий. В единстве международного пролетариата он видел важнейшее условие успешной борьбы за социализм. «Капитал,— разъяснял Ленин,— есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их. Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты»[2]. Выдающуюся роль в мировом революционном процессе, в сплочении революционных сил во всем мире, в подъеме международного рабочего и коммунистического движения, как подчеркивают авторы, сыграл созданный по инициативе Ленина Коммунистический Интернационал, вписавший немало ярких страниц в книгу интернациональной солидарности.

В монографии отмечено, что Великий Октябрь по-новому поставил перед Коммунистической партией, перед рабочим классом вопросы патриотизма и защиты Отечества. «Мы,— писал Ленин,— оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня... Мы — за защиту Советской социалистической республики России»[3]. В борьбе против вооруженной интервенции империалистических держав, внутренней контрреволюции наряду с рабочими и крестьянами молодой Советской республики принимали участие и интернационалисты из других стран, сра-

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 40. стр. 43.
[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 395.

жавшиеся в составе Красной Армии на фронтах гражданской войны. Многие из них отдали свою жизнь, защищая первую в мире страну социализма. Единство коммунистов, интернациональная солидарность рабочего класса с родиной Октября явились важной предпосылкой побед советского народа. В свою очередь, Советская Россия оказывала интернациональную помощь пролетариату Германии, Венгрии, Польши, Финляндии и других стран.

Показав, как под руководством Коммунистической партии, в результате героических усилий трудящихся и поддержки международного рабочего класса наша Родина превратилась в могучую социалистическую державу, авторы освещают беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне — самом крупном столкновении социалистического государства с ударными силами империализма. Советский Союз не только отстоял свою свободу и независимость, но и внес решающий вклад в дело спасения человечества от фашистского порабощения. В книге раскрыто боевое содружество народов мира в годы второй мировой войны. В ходе ее сложилась антигитлеровская коалиция, войска западных стран и других участников боевого союза нанесли ряд ударов по врагу, но решающую роль в победе над гитлеровской Германией и милитаристской Японией сыграли Вооруженные Силы СССР. В монографии показано их взаимодействие с антифашистами и патриотами Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Югославии, Франции, разоблачаются буржуазные фальсификации освободительной миссии Советской Армии.

Рассматривая проблемы интернационализма и патриотизма в послевоенный период, освещая героический труд советских людей, направленный на восстановление разрушенного войной народного хозяйства страны и его дальнейшее развитие, авторы уделяют много места деятельности Коммунистической партии по усилению патриотического и интернационального воспитания трудящихся, разоблачению идеологии национализма, критике буржуазных взглядов и концепций.

Ленин мечтал о том времени, когда наша страна будет развиваться в содружестве братских стран социализма. В результате коренного изменения сил в пользу социализма возникла мировая социалистическая система. В книге подчеркнуто, что ее образование и формирование являются дальнейшим торжеством принципов интернационализма. Забота об укреплении социалистического содружества — высший интернациональный долг всех коммунистов, прогрессивных сил всего мира. «Взятые в целом достижения социалистического содружества,— пишет Л. И. Брежнев,— ...это ярчайшее революционное свершение современности. Совокупный опыт построенного социализма... представляет собой выдающееся завоевание всего международного рабочего класса. Этот опыт помогает всем революционным силам, действующим на национальной почве, находить надежный путь к освобождению от всевластия капитала, к построению социализма» [4].

В монографии освещается самоотверженный труд советских людей по выполнению задач коммунистического строительства, показано, что под руководством партии в нашей стране построен развитой социализм — высшее достижение социального прогресса в мировом масштабе. Успехи советского народа нашли законодательное закрепление в Конституции СССР 1977 г., которая по праву стала называться манифестом развитого социализма.

Большое внимание уделено в книге значению пролетарского интернационализма в наши дни, актуальности борьбы против тех, кто пытается подорвать его основы. Рассматривая деятельность мирового коммунистического движения, всех освободительных сил, отмечая их возрастающие успехи в борьбе против империализма, неоколониализма, за мир и социальный прогресс, авторы подчеркивают, что эти успехи — результат интернациональной солидарности и взаимодействия всех революционных отрядов и движений. Пролетарский интернационализм был и остается надежным оружием в борьбе за коренное обновление человеческого общества, за социалистические идеалы.

Естественно, что в монографии, охватывающей огромный исторический период, не все проблемы нашли соответствующее отражение. В частности, можно пожелать авторам шире показать освободительную миссию Советских Вооруженных Сил не только в Европе, но и в Азии, в особенности при освобождении Кореи и Китая от японских милитаристов. Более обстоятельно следует осветить совместные интернационалистские действия социалистических стран по срыву империалистической политики интер-

[4] «Коммунист», 1978, № 18, стр. 4.

венции в отношении отдельных звеньев социалистической системы (ГДР, Куба, Вьетнам, Чехословакия и др.).

Несмотря на эти замечания, монография, в которой освещены важные события и явления прошлого и современности, проведен анализ сложных проблем интернационализма и патриотизма,— заметное явление в нашей исторической литературе.

В. К. Попов

Г. А. ЦЫПКИН, Р. Г. ЦЫПКИНА. *Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья.* М. Изд-во «Наука». 1977. 375 стр. Тираж 5650. Цена 1 руб. 90 коп.

Опыт новейших революций показывает, что рабочему классу и партиям, организациям, выступающим от его имени, трудно добиться власти или удержать ее без опоры на вооруженные силы, сформированные из трудящихся. В этой связи книга кандидатов исторических наук Г. А. Цыпкина и Р. Г. Цыпкиной представляет особый интерес.

Деятельность Красной гвардии уже освещалась во многих научных исследованиях (во введении к книге упомянуто свыше 70 работ на эту тему). Новая монография построена на материалах трех крупнейших регионов страны. Г. А. Цыпкин известен как историк Красной гвардии Москвы, Р. Г. Цыпкина — как историк сельской Красной гвардии, местных военно-революционных комитетов. Авторы не только внесли в книгу результаты прежних своих изысканий, но и сделали шаг вперед в изучении темы, анализируя местный, подчас весьма противоречивый материал и литературу. Монография носит обобщающий характер, поскольку ее авторы свели воедино сотни разнородных и разрозненных сведений об организации и деятельности городских и сельских красногвардейских отрядов. Они применили единую методику, насколько это позволяли источники, сравнили процессы, протекавшие в организации и деятельности Красной гвардии в десятках губерний, показали ее роль в установлении и защите Советской власти. Это, конечно, еще не история Красной гвардии всей страны, но существенный шаг на пути к ее созданию, если учесть наличие солидных книг на эту тему по многим другим регионам.

Работа содержит много интересных наблюдений и выводов об организации и деятельности Красной гвардии до Великого Октября, в первое время после его победы, в ходе борьбы в защиту Советской власти. Но еще больше материала для сопоставлений и выводов авторы оставили на долю читателей своей книги и будущих исследователей. 62 страницы ее составляет «Приложение 1» — список отрядов Красной гвардии, созданных в губерниях рассматриваемых регионов в 1917—1918 годах. В нем содержатся сведения о времени формирования или первом упоминании, о численности, об организаторах и начальниках отрядов Красной гвардии Москвы и Московской губернии, еще 13 губерний Центрального промышленного района, 4 губерний Урала и 6 губерний Поволжья. Авторы приводят шесть таблиц, составленных ими на основе данного приложения, однако возможности дальнейшего изучения динамики образования и численности Красной гвардии в Москве и указанных 24 губерниях на основе материалов «Приложения I» этим не исчерпываются. Полезен и приведенный в «Приложении II» алфавитный список организаторов и начальников отрядов Красной гвардии рассматриваемых районов, содержащий 620 имен с краткими биографическими данными.

Основные выводы авторов не вызывают сомнений и подтверждаются приводимым в книге фактическим материалом. Накануне Октября красногвардейские отряды были созданы только в тех городах и селах, где на промышленных предприятиях имелись большевистские организации. Красная гвардия сыграла решающую роль в установлении Советской власти в Москве, а также во многих других промышленных и административных центрах и промышленных селах изучаемых районов. Наличие красногвардейских отрядов гарантировало мирную передачу власти Советам или быстрый разгром сил контрреволюции. В тех городах и административных центрах, где к

моменту победы вооруженного восстания в Петрограде еще не было руководимой большевиками Красной гвардии, борьба за власть принимала затяжной и часто драматический характер. В период триумфального шествия Советской власти одновременно с укреплением Красной гвардии в городах формируется и крестьянская Красная гвардия, а также объединенные уездные красногвардейские отряды из рабочих и деревенской бедноты.

По данным «Приложения I», авторы насчитали 1 тыс. красногвардейских отрядов, возникших в течение года в губерниях Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. Вместе с Красной гвардией Петрограда, рабочими Украины и Дона они участвовали в подавлении вооруженных выступлений против Советской власти, контрреволюционных заговоров в городах, кулацких и антисоветских восстаний на селе, осуществляли охрану порядка и жизни населения. Авторы показали, что Красная гвардия была одной из форм политического союза рабочих, солдатской массы и деревенской бедноты. Успешно выполнив свою роль ударной силы в момент взятия власти пролетариатом и защиты завоеваний социалистической революции, Красная гвардия уступила место Красной Армии.

Важной заслугой авторов является продолжение изучения состава Красной гвардии на основе глубокого анализа фондов комиссий по делам бывших красногвардейцев, красных партизан и дружинников, существовавших при районных Советах. Г. А. Цыпкин начал разработку этих материалов с фондов районных Советов Москвы [1]. В рецензируемой книге авторы приводят материалы не только по Москве, но и по всем трем изучаемым ими районам, а число бывших красногвардейцев, сведения о которых используются, составляет 3535. Авторы приводят (стр. 116—118) четыре таблицы с данными о партийном и возрастном составе красногвардейцев и партийном стаже большевиков-красногвардейцев Москвы, о социальном составе красногвардейцев Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. При сравнении этих данных выясняется, что рабочих в рядах Красной гвардии Урала было меньше, чем в Москве, а в Поволжье меньше, чем на Урале (при этом соответственно возрастала доля крестьян, служащих и солдат). Сравнение полученных авторами данных о возрастном составе и партийном стаже красногвардейцев Москвы с данными по Петрограду [2] свидетельствует о значительном их сходстве.

История Красной гвардии излагается в монографии в тесной связи с организацией Советов и их деятельностью, с показом борьбы рабочего класса под руководством большевистской партии за победу социалистической революции. Г. А. и Р. Г. Цыпкины освещают ход революционной борьбы в Москве, прослеживают, как проводилась мобилизация сил Красной гвардии, как она вводилась в бой, как прибывали подкрепления из городов и сел Центрального промышленного района. К сожалению, в книге не указано, что Центральная комендатура рабочей Красной гвардии Петрограда по указанию Совнаркома сформировала и отправила отряд на помощь Москве. Это послужило бы еще одним доводом в пользу тезиса авторов о том, что именно Красная гвардия была ударной силой пролетарской революции в Центральном промышленном районе. На этом примере видно и отличие ее роли в завоевании власти в Москве и Петрограде, где 24—25 октября по приказам ВРК действовали и организованные воинские силы петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота, и отряды Красной гвардии. Лишь с момента боевых операций против мятежных войск Керенского — Краснова Красная гвардия в Петрограде выдвигается в качестве главной военной силы, на которую могла опереться Советская власть [3]. Рассказ об установлении Советской власти в Москве дополняется в монографии яркой картиной процесса установления власти Советов во всех других 23 губернских центрах и многих уездных городах и промышленных селах трех исследуемых районов, где Красная гвардия действительно играла первую роль.

Книга Г. А. Цыпкина и Р. Г. Цыпкиной является важной ступенью в изучении истории героического рабочего класса нашей страны.

В. И. Старцев

---

[1] Г. А. Цыпкин. Из истории организации Красной гвардии Центрального промышленного района. «Вопросы истории», 1962, № 11; его же. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М. 1967.

[2] В. И. Старцев. К вопросу о составе Красной гвардии Петрограда. «История СССР», 1962; № 1; его же. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л. 1965.

[3] Подробнее об этом см. «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». Кн. 2. Л. 1967, гл. XI—XII.

Е. А. ДУДЗИНСКАЯ. *Международные научные связи советских историков*. М. Изд-во «Наука». 1978. 290 стр. Тираж 1850. Цена 1 руб. 90 коп.

История международного сотрудничества советских историков с зарубежными коллегами весьма поучительна, поскольку в ней отчетливо отразились все политические перемены, происшедшие в мире за истекшие годы. Сегодня, когда научные связи советских историков приобрели необычайную широту, когда накоплен богатейший опыт сотрудничества с учеными социалистических, капиталистических и развивающихся стран, становится особенно очевидной необходимость изучения важнейших этапов и форм международного научного сотрудничества советской исторической науки.

Рецензируемая книга является первым специальным исследованием, в котором предпринята попытка проанализировать развитие международных связей советских историков за 1917—1977 гг., определить основные направления дальнейшего изучения этой проблемы. Успеху этой попытки в немалой степени способствовало то обстоятельство, что Е. А. Дудзинская, будучи на протяжении многих лет ученым секретарем Института истории АН СССР по международным научным связям, опирается в своей работе не только на широкий круг архивных и опубликованных в нашей стране и за рубежом источников, но и на свой богатый опыт участия в осуществлении международных контактов советских историков. Сосредоточив основное внимание на современном этапе этого сотрудничества, автор вместе с тем убедительно показывает, что авторитет советской исторической науки на международной арене складывался в результате последовательной борьбы советских историков против буржуазной идеологии, за утверждение марксизма-ленинизма, за распространение опыта Великого Октября, за мир.

Е. А. Дудзинская рассматривает развитие научных связей советских историков на фоне громадных перемен, происходивших в нашей стране и во всем мире, выделяет переломные моменты, когда в этой сфере наблюдались качественные сдвиги, выясняет причины этих изменений. Такой подход позволил ей четко определить основные этапы в развитии международного сотрудничества советской исторической науки, выявить их особенности.

Прослеживая процесс становления международных связей советских ученых, Е. А. Дудзинская пишет, что молодому Советскому государству пришлось не только вынести гражданскую войну, иностранную интервенцию и экономическую блокаду, но и преодолеть яростные попытки империалистической реакции изолировать его от достижений мировой науки и культуры (стр. 12—13). Правительства западных стран всячески противились налаживанию книгообмена, взаимной информации, установлению контактов своих ученых с советскими коллегами. Так, в 1925 г. профессор Стэнфордского университета Ф. Голдер выступил с идеей организации «Русско-американского института по изучению русской революции». По проекту Голдера, в Русско-американский институт, который должен был действовать в США при Стэнфордском университете, наряду с американскими историками приглашались 30 видных специалистов из СССР, в том числе М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, Ф. Н. Петров и др. Во время поездок в СССР, связанных с реализацией этого проекта, американский ученый нашел полную поддержку советской стороны. Однако реакционные круги США, не заинтересованные в объективном изучении Октябрьской революции, сделали все, чтобы воспрепятствовать осуществлению проекта Голдера [1].

В книге подчеркивается, что официальное признание советской исторической науки на международной арене явилось закономерным следствием успехов созданной под руководством Коммунистической партии советской школы историков-марксистов. Важным рубежом на этом пути стал 1928 год, когда советские историки на Берлинской «Неделе» историков и VI Международном конгрессе исторических наук впервые выступили как делегация, представляющая ученых Союза ССР. М. Н. Покровский расценивал участие советских историков в конгрессе как начало борьбы за марксизм в мировой исторической науке (стр. 23), борьбы, которую с того времени с успехом ведут советские ученые вот уже на протяжении 50 лет.

Новый этап зарубежных связей советской исторической науки обусловлен воз-

---

[1] Подробнее об этом см. Л. С. Никольская. К истории развития советско-американских научных и культурных контактов (1924—1933 гг.). «Американский ежегодник, 1973». М. 1973, стр. 228—230.

никновением и консолидацией мировой социалистической системы. Е. А. Дудзинская показывает, что научные контакты историков социалистических стран, начавшись с простого ознакомления и взаимной информации, пройдя через координацию подготовки обобщающих работ, а затем и создание совместных трудов, достигли ныне самых высоких форм сотрудничества. В книге анализируется процесс совершенствования связей между академиями наук социалистических стран, в результате которого научное сотрудничество было введено в рамки межакадемических соглашений, стало осуществляться научное планирование основных направлений этого сотрудничества. Автор привлекает данные о совместных двусторонних исследованиях, которые проводят с историками зарубежных стран сотрудники институтов Отделения истории АН СССР — археологи, востоковеды, этнографы, слависты, специалисты по истории СССР и всеобщей истории (стр. 41—81). Однако следовало бы больше уделить внимания анализу наиболее перспективных направлений двусторонних исследований, осуществляемых советскими учеными совместно с историками социалистических стран и прогрессивными историками капиталистических государств.

В книге раскрываются закономерности дальнейшей научной интеграции, участия в совместных исследованиях ученых социалистических стран. Многостороннее сотрудничество историков мировой социалистической системы Е. А. Дудзинская освещает на примере совместной разработки таких кардинальных проблем, как «История Великого Октября и последующих социалистических революций» и «Экономика и политика развивающихся стран» (стр. 82—95). Сравнительно-историческое исследование влияния опыта Октябрьской революции на революционный процесс во всем мире, в особенности в странах, строящих социализм, позволяет ученым еще глубже раскрыть универсальный характер ленинской теории социалистической революции. Автор справедливо подчеркивает, что работа, проводимая в рамках многостороннего сотрудничества в течение сравнительно небольшого срока, свидетельствует о том, что историки социалистических стран не просто изучают события и явления, имевшие место в прошлом или происходящие сейчас, но, анализируя и обобщая опыт борьбы народов за свое освобождение, предлагают новые решения странам, которые еще стоят перед выбором своего пути (стр. 95).

Одним из видов плодотворного сотрудничества историков социалистических стран, отмечается в книге, являются регулярные встречи двусторонних комиссий. В настоящее время действуют комиссии историков СССР и других социалистических государств — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии. Создание этих комиссий с середины 50-х годов, заключает автор, было подготовлено всем ходом научного сотрудничества в предшествующий период, высоким уровнем развития исторической науки. Е. А. Дудзинская характеризует формы деятельности двусторонних комиссий, убедительно показывая при этом, что сравнительно-исторический метод помогает выявлять общие закономерности и специфические черты, успешно применяется для достижения объективности, устранения ошибочных или фальсифицированных представлений о событиях. Высказанное в книге мнение, что настало время объединения нескольких комиссий для обсуждения в сравнительно-историческом плане интересующих историков социалистических государств проблем в масштабах целого региона или в рамках той или иной этнической общности (стр. 119—120), представляется вполне обоснованным. В самом деле, в исторической науке есть немало вопросов, которые требуют совместного изучения. В их числе автор называет такие, как этногенез славянских народов, закономерности образования централизованных государств, типология феодализма, абсолютизм, аграрное и индустриальное развитие, братские связи, рожденные в национально-освободительной и революционной борьбе, интернационализм и сотрудничество в период строительства социализма и др.

Большое внимание уделено в работе научным связям советских историков с учеными капиталистических стран. Регулярные двусторонние коллоквиумы, которые со второй половины 50-х годов проводят советские историки со своими коллегами из Англии, Франции, Италии, ФРГ, Финляндии, Швеции, США, Индии и Японии, были обусловлены всем ходом развития исторической науки после войны, огромным ростом влияния марксизма, разрядкой международной напряженности. Опыт проведения таких встреч, справедливо отмечает Е. А. Дудзинская, показывает, что полезный обмен мнениями по различным вопро-

сам истории может происходить и между специалистами, стоящими на разных идеологических позициях, если диалог ведется на высоком научном уровне (стр. 171—172). Эта форма связей, осуществляемая Национальным комитетом историков Советского Союза, в полной мере отвечает положениям Заключительного акта, принятого в Хельсинки на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Рассказывая об участии советских историков в международных конгрессах и конференциях, Е. А. Дудзинская подчеркивает, что советская историческая наука, последовательно выступая с позиций партийности, завоевывает все больший авторитет на международной арене. Ее представители ведут аргументированную критику концепций буржуазных фальсификаторов истории, раскрывают полную несостоятельность наскоков буржуазной и реформистской историографии на марксистско-ленинскую теорию исторического процесса. В книге приводятся факты, убедительно свидетельствующие о влиянии советской исторической науки на мировую историческую науку, о растущем авторитете советских историков в международных организациях и научных учреждениях (стр. 173—205).

Автор кратко характеризует основные направления деятельности советских историков за рубежом в плане научного обмена (стр. 206—212). Е. А. Дудзинская справедливо указывает, что научные командировки советских ученых являются действенным средством расширения и укрепления международных контактов, популяризации достижений советской исторической науки, борьбы с буржуазными фальсификаторами истории. Можно лишь пожалеть, что эта форма международных научных связей советских историков освещена автором слишком лаконично. Только за последнее 10-летие по Отделению истории АН СССР за рубеж выезжали 3274 человека, в том числе 1300 — в капиталистические страны, и было бы интересно узнать, что же скрывается за этими обобщенными данными, приводимыми в книге (стр. 208, 212). В более подробном анализе нуждается и вопрос об эффективности заграничных командировок советских историков. Работе зарубежных ученых в институтах Отделения истории в книге также уделено всего несколько страниц. Сосредоточив основное внимание на международных контактах научных учреждений АН СССР, Е. А. Дудзинская лишь эпизодически показывает участие в этих контактах ученых высших учебных заведений, академических институтов союзных республик. Названные аспекты международного научного сотрудничества историков должны стать предметом специального изучения.

В целом же книга дает достаточно полное представление об одной из малоизученных сторон развития советской исторической науки.

Г. Л. Соболев

А. Н. ЦАМУТАЛИ. *Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века.* Л. Изд-во «Наука». Ленинградское отд. 1977. 256 стр. Тираж 3500. Цена 1 руб. 80 коп.

Монография научного сотрудника ЛОИИ доктора исторических наук А. Н. Цамутали тесно связана с его предыдущей работой [1]. Книга распадается на две неравные части. Первая из них (главы I—III) посвящена возникновению и развитию государственной школы в русской историографии в 40-х—70-х годах XIX века. Избранные здесь автором хронологические рамки сами по себе вполне оправданы. С исторической точки зрения это эпоха подготовки и проведения в жизнь крестьянской реформы, когда «*все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [2]. С точки зрения специально историографической 1840-е—1870-е годы — период, когда главным противником государственной школы выступала домарксистская революционная историческая мысль.

Государственной школе и ее виднейшим представителям уделено немало внимания

[1] А. Н. Цамутали. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л. 1971.

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 520.

советскими исследователями. Для автора характерно стремление не повторять известного, а прежде всего дать новый материал. Это достоинство книги порой даже превращается в недостаток: изложение, сконцентрированное вокруг новинок, становится подчас отрывочным. Достоинством книги является и то, что А. Н. Цамутали строит свой анализ на целостном освещении точек зрения авторов соответствующих научных трудов. То новое, что сообщает он о государственной школе, представляет значительный интерес. Шире, чем в прежних исследованиях, показана в книге роль К. Д. Кавелина в становлении этой школы. Впервые рассмотрены взгляды М. М. Михайлова, А. Ф. Тюрина и П. В. Павлова. Обстоятельно изученная история полемики государственников и славянофилов дает многое для понимания взглядов последних (особенно Ю. Ф. Самарина). Очень любопытны впервые вводимые в историографический оборот сведения о полемике В. И. Сергеевича и М. Д. Затыркевича в 70-х годах XIX в. по вопросу о социальном строе Киевской Руси.

Большое внимание уделяет автор откликам современников на «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева на протяжении всех трех десятилетий ее создания. А. Н. Цамутали прослеживает, как новая концепция, первоначально встреченная сдержанно даже в близкой историку идейной среде, постепенно пробивала себе дорогу и становилась ведущей. Было бы интересно и поучительно проследить подобным образом судьбы других влиятельных концепций дореволюционной историографии.

И все же глава о государственной школе в пореформенный период уступает по насыщенности главам, посвященным 40-м—50-м годам. Непонятно, почему автор отказался от анализа работ такого видного представителя второго поколения государственной школы, как А. Д. Градовский, чьи исторические взгляды изучены еще недостаточно. В целом же исследование А. Н. Цамутали не только расширяет и углубляет наши знания о государственной школе, но и способствует развитию проблематики и методов историографических исследований.

Вторую часть книги составляет ее IV глава, посвященная основным направлениям в русской историографии в конце XIX в. и распространению марксизма в России. В вузовских историографических курсах вторая половина XIX в. обычно изображается суммарно, без выделения этапов. Поэтому попытка А. Н. Цамутали специально рассмотреть историографию конца века, безусловно, своевременна и необходима. К сожалению, попытка эта недостаточно последовательна. Остается неясным, что, собственно, автор понимает под «концом XIX века». Раздел «Эволюция демократического направления от просветительства к народничеству» начинается с Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова и кончается разбором статьи Н. К. Михайловского «Иван Грозный в русской исторической литературе», опубликованной в 1891 году. Хронологические рамки раздела «Главные тенденции в развитии либерального и официального направлений» — 70-е—90-е годы XIX века. В разделе «Становление марксистской концепции истории России» изложение доведено до 1899 года.

Важнейшим поворотным пунктом в развитии русской исторической науки второй половины XIX в. явилось, как известно, возникновение марксистского течения. Поэтому 60-е—70-е и 80-е—90-е годы XIX в. могут и должны рассматриваться как самостоятельные этапы. Если первый из них изучен в советской литературе довольно хорошо (в чем немалая заслуга А. Н. Цамутали), то историографическая ситуация 80-х—90-х годов XIX в. выяснена еще недостаточно. Становление марксистской концепции истории России происходило одновременно с важными процессами внутри немарксистских течений. Народничество в это время перерождается из революционного в либеральное. Буржуазная историография обновляет свои методологические основы: роль господствующего учения переходит от гегельянства к позитивизму. Деятельность историков-«охранителей» тесно связывается с нуждами консервативно-националистической политики правительства Александра III. Центральной проблемой российской действительности, определяющей расстановку сил и в общественных науках, становится вопрос о судьбах капитализма в России. Все это, вместе взятое, делает «конец XIX века» чрезвычайно интересным объектом комплексного историографического изучения.

А. Н. Цамутали лаконично, но емко показывает значение трудов Г. В. Плеханова как пионера марксистской историографии в России. Данный в монографии четкий анализ ленинских работ заканчивается разбором книги «Развитие капитализма в Рос-

сни». К сожалению, строго придерживаясь рамок XIX в., А. Н. Цамутали «не дошел» до статьи В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма» (1901 г.), неразрывно связанной внутренне с «Развитием капитализма в России» и необходимой для понимания проблем, рассматриваемых в книге.

Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемами периодизации. В свое время авторы «Очерков истории исторической науки в СССР» установили в качестве историографического рубежа середину 90-х годов XIX в., убедительно мотивируя это началом пролетарского этапа освободительного движения в России и началом ленинского этапа в развитии марксизма. Однако затем некоторые исследователи (к которым теперь примкнул и А. Н. Цамутали) стали говорить о русской историографии периода империализма, начиная этот период с 1900 г., хотя вступление России в эпоху империализма заняло не один год и не отразилось на русской исторической науке абсолютно синхронно. При этом бросается в глаза, что, характеризуя историографию «периода империализма», А. Л. Шапиро, А. М. Сахаров и др. неизменно обращаются к работам, опубликованным в 90-х годах прошлого века[3]. С другой стороны, при периодизации истории исторической науки совершенно не учитывается огромное влияние, оказанное на нее первой русской революцией. Середина 90-х годов — 1904 г. должны рассматриваться как единый и самостоятельный этап внутри более широкого периода с середины 90-х годов XIX в. до 1917 года.

А. Н. Цамутали как знаток народнической историографии мог бы в большей степени осветить проблему перерождения революционного народничества в либеральное. Теперь уже нельзя ограничиваться констатацией итогов этого перерождения — пора изучить его механизм, проследить генезис либеральной тенденции в народничестве. Ленин отмечал, что она существовала «уже в эпоху реформы 1861 года»[4]. В 60-х—70-х годах XIX в. она находилась на заднем плане народничества, но после поражения народовольцев оттеснила революционную тенденцию. В своей предыдущей монографии А. Н. Цамутали доказывал, что в демократическом лагере «наряду с убежденными сторонниками революционной борьбы была прослойка или категория лиц, придерживавшаяся более умеренных взглядов и не выступавшая за осуществление своих идеалов путем социального переворота»[5]. К сожалению, эта мысль не получила развития в новом исследовании автора.

Отступление революционного народничества перед либеральным не означало полного исчезновения первого. Из книги выпала деятельность революционной народнической эмиграции 80-х—90-х годов XIX в., представители которой П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский и др. стремились сохранить заветы прошлого, в том числе и в области изучения истории. Для всесторонней оценки историографии либерального народничества необходимо сопоставить ее с воззрениями не только революционных народников, но и собственно либералов. Впрочем, А. Н. Цамутали трудно было сопоставить исторические взгляды либеральных народников 80-х—90-х годов XIX в. и современных им буржуазных либералов, так как он фактически подвергает сомнению самостоятельное существование либеральной историографии в названные десятилетия. Рассказ о либеральных историках, по существу, завершается в книге «Боярской думой» В. О. Ключевского (начало 80-х годов прошлого века). Затем автор отмечает, что эти историки все более сближались с историками-охранителями. По словам А. Н. Цамутали, «несмотря на разногласия по ряду вопросов, официальная и либеральная историография, переживая кризис, объединяют свои силы» (стр. 231). Положение о постепенном сближении либерального и охранительного направлений (начавшемся еще в период первой революционной ситуации и выражавшемся прежде всего в признании самодержавия главным творцом русской истории) общепринято в советской литературе, но с утверждением, что к концу XIX в. эти направления объединились в один лагерь, согласиться трудно.

Развитие либеральной историографии нельзя отрывать от развития либерализма как политического течения. Советские историки отвергли концепцию двух политических лагерей, стиравшую грань между либералами и охранителями. Русский либерализм достиг пика своей оппозиционности не накануне отмены крепостного права, а

---

[3] А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л. 1962; А. М. Сахаров. Историография истории СССР. Досоветский период. М. 1978, стр. 208—255.

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 165—166.

[5] А. Н. Цамутали. Указ. соч., стр. 27.

в начале 1900-х годов. В либеральном политическом движении на рубеже веков активно участвовали многие буржуазные историки (П. Н. Милюков, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, А. А. Кизеветтер, Н. В. Лучицкий, В. Я. Богучарский и др.), что не могло не отразиться на их творчестве. Неужели Милюков эпохи «Народного права» и «Союза освобождения» стоял ближе к самодержавию, чем Соловьев 50-х годов? Тезис об объединении двух течений к концу XIX в. опровергается и конкретным историографическим материалом. Укажем здесь прежде всего на фундаментальную монографию М. В. Нечкиной о Ключевском, где, в частности, отмечено, что «Ключевский «левеет» в годы всех трех революционных ситуаций, пережить которые выпало на его долю». По словам М. В. Нечкиной, «лекции» Ключевского имели славу так сказать «конституционного курса, рассматривавшего историю России как историю страны, идущей к конституции и торжеству буржуазного правового государства»[6]. По ряду причин (заслуживающих специального изучения) в роли идейно-теоретических лидеров всей русской буржуазной исторической науки в последней четверти XIX в. выступали медиевисты. Для них также характерно стремление обосновать необходимость перерастания (разумеется, эволюционного) самодержавия в буржуазную монархию[7]. Охранительная же историография продолжала отстаивать незыблемость самодержавия[8].

Для рубежа XIX—XX вв. характерно как раз обострение противоречий между либеральным и охранительным течениями русской историографии. Либеральные историки совершили резкий поворот вправо после революции 1905—1907 гг., в эпоху «веховства». Но и тогда нельзя все же говорить об объединении либералов и охранителей в один лагерь. Страх перед революцией заставлял дворянских и буржуазных идеологов искать сближения, но он же порождал и постоянные конфликты между ними из-за методов предотвращения нового революционного взрыва. Анализ борьбы течений в русской исторической науке важен не только с историографической точки зрения, но и с точки зрения складывания идейных предпосылок революции 1905—1907 годов.

А. Д. Степанский

[6] М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. 1974, стр. 400, 407.

[7] Б. Г. Могильницкий. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX века — начала 1900-х годов. Томск, 1969.

[8] Э. В. Колосова. Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д. И. Иловайского и Н. П. Барсукова. Автореф. канд. дис. М. 1975.

Р. Я. ДЕНИСОВА *Антропология древних балтов*. Рига. Изд-во «Зинатне». 1975. 403 стр. Тираж 1300. Цена 1 руб. 91 коп.; ее же. *Этногенез латышей (по данным краниологии)*. Рига. Изд-во «Зинатне». 1977. 360 стр. Тираж 1000. Цена 1 руб. 80 коп.

В последнее время в решение проблем этногенеза все активнее включается антропология[1]. Возможности ее неуклонно нарастают. Происходит быстрое накопление антропологического материала, совершенствуются методы его обработки. Главное же заключается в том, что преодолеваются ошибочные представления Н. Я. Марра о характере развития языков и этносов. Выяснилось, что этнические общности в древности были более устойчивыми, чем в новейшее время, а язык племен изменялся неизмеримо медленнее, чем в «исторический» период. Это и неудивительно, если учесть консервативность быта и родо-племенную организацию общества, в котором

[1] В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М. 1969; его же. Происхождение народов Кавказа. М. 1974; Т. И. Алексеева. Этногенез восточных славян. М. 1973; Т. С. Кондукторова. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М. 1973; М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М. 1975, и др.

следование традициям обычно носило культовый характер.

Книги старшего научного сотрудника Института истории АН Латвийской ССР доктора исторических наук Р. Я. Денисовой посвящены антропологическому исследованию изменения состава населения Прибалтики с древнейших времен до наших дней. Для историков этот район представляет особый интерес, так как здесь на протяжении многих веков соприкасались балты, славяне, германцы, угро-финны и какие-то иные народы, происхождение и язык которых остаются невыясненными. К тому же в этом регионе, как отмечает автор, «наблюдается довольно редкое явление — полное совпадение антропологического типа и этноса» (1975, стр. 109—110). Этот факт имеет самое непосредственное отношение к проблеме происхождения индоевропейцев, поскольку многие западные ученые склонны считать распространенную здесь с конца III тыс. до н. э. культуру шнуровой керамики и боевых топоров первой в северо-западной Европе, принадлежащей группе индоевропейских племен, культурой.

В послеледниковое время Прибалтика заселялась двумя идущими навстречу потоками: один с Атлантического побережья (из района Бретани), другой — с северо-востока, видимо, из-за Урала. Первый из них был европеоидным, второй содержал заметную монголоидную примесь. В VII—V тыс. до н. э. на территории от Бретани до среднего Днепра жило родственное в антропологическом отношении европеоидное население, отличавшееся резко выраженной долихокранией (длинноголовостью) и высоким, среднешироким лицом с сильно выступающим носом. Около того же времени с востока в Прибалтику проникает умеренно длинноголовое население с невысоким и относительно уплощенным лицом. На протяжении ряда тысячелетий Прибалтика оказывается областью взаимодействия этих двух типов, а граница между ними постоянно сдвигалась по мере прилива (или роста) населения той или иной группы. Проникнуть в язык той эпохи наука пока не может. Позднее же здесь будут соприкасаться балтские и угро-финские языки. Существовали ли они традиционно или являются новообразованиями — предстоит еще решать на основе всех данных, в том числе собственно исторических: закономерностей и интенсивности общественного развития.

Культуре шнуровой керамики в литературе придается особое значение. С ней часто связывают происхождение балтов, славян и германцев. Ее выводят из разных мест, поскольку, помимо Прибалтики, она охватывает некоторые районы Центральной Европы, а влияние ее сказывается в Причерноморье и некоторых других областях. В немецкой националистической литературе с экспансией племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров связывали распространение «индогерманцев». Исследование Р. Я. Денисовой показывает, что нет никаких оснований искать область происхождения этой культуры в местах, отдаленных от Прибалтики. Никакой смены населения здесь не происходит, хотя из более южных районов продвигаются племена, видоизменяющие облик местной культуры. Косвенно это подтверждает вывод о зарождении культуры шнуровой керамики в рамках среднестоговской (приднепровской) культуры второй половины IV — середины III тыс. до нашей эры [2].

Одним из вариантов культуры шнуровой керамики является и фатьяновская, занимавшая во II тыс. до н. э. значительную территорию по верхней Волге и ее притокам. Р. Я. Денисова устанавливает практически полное тождество фатьяновского антропологического типа с прибалтийским. Если учесть, что на территории фатьяновцев выявлены и балтские лингвистические следы [3], то вывод об их балтской принадлежности можно считать надежно обоснованным. К сожалению, антропологического материала лишена среднеднепровская культура бронзового века, изучением которой плодотворно занимается И. И. Артеменко [4]. Дело в том, что по археологическим признакам балтская культура близка именно среднеднепровской.

Балтская принадлежность фатьяновцев, среднеднепровцев и европеоидных прибалтов заставляет считать культуру шнуровой керамики лишь этапом в развитии племен, которые фиксируются в тех же или смежных районах с эпохи мезолита и которые, очевидно, уже говорили не просто на индоевропейских языках, а именно на языках, родственных балтским. Вывод этот тем бо-

---

[2] Ср. Д. Я. Телегін. Середньостогівська культура епохи міді. Київ. 1973.

[3] Б. А. Серебрянников. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1965, № 6, и др.

[4] И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М. 1967, и др.

лее вероятен, что синхронно проживавшие в степях Причерноморья индоевропейские племена ямной культуры отличались по облику от населения племен Прибалтики. Правда, в смешанной ямной культуре один из антропологических типов сближался именно с прибалтским (точнее, среднеднепровским). Но нет оснований думать, что другие этнические элементы этой культуры не были индоевропейцами, хотя влияние иных языковых групп не исключено.

Очень интересны приводимые Р. Я. Денисовой данные об особом узколицем антропологическом типе, занимавшем побережье Прибалтики от Литвы до севера Эстонии (о. Сааремаа и прилегающее к нему побережье). Население это не совпадало с двумя основными видами, издревле жившими на этой территории, и, по убеждению автора, является пришлым. Видимо, этот антропологический тип проявляется позднее в ливах, отчасти селах и аукштайтах.

По вопросу о происхождении узколицего населения балтийского побережья автор не высказывает определенного мнения, а ход его рассуждений в первой и второй книгах значительно отличается. Р. Я. Денисова, естественно, отождествляет это население с позднейшими ливами, которые средневековыми авторами локализуются в районе устья Западной Двины. Именно здесь обнаружены древнейшие погребения узколицего населения, и жители этого района отличаются соответствующими чертами и до сих пор. Сложность проблемы в том, что ливы признаются реликтом угро-финского населения, а узколицый антропологический тип является чисто европеоидным. В первой книге автор указал на его сходство с узколицым населением племен Центральной Европы, а во второй стремился обнаружить соответствующие антропологические группы в составе угро-финского населения, а также допускает возможность миграции племен мегалитической культуры из Скандинавии через Финляндию на восточнобалтийское побережье (1977, стр. 176—178).

К сожалению, Р. Я. Денисова никак не оценила давние наблюдения Н. Н. Чебоксарова и М. В. Витова о том, что узколицесть у современного прибалтийского населения сопровождается темной пигментацией. Оба автора находили здесь «средиземноморскую (в широком смысле) северопонтийскую примесь»[5]. Н. Н. Чебоксаров полагал, что какое-то причерноморское население продвинулось на берега Балтики в III—IV веках[6]. Исторически это маловероятно: в начале нашей эры движение шло от Прибалтики к Причерноморью, а не наоборот. К тому же новый материал, приводимый Р. Я. Денисовой, позволяет точнее указать время появления этого антропологического типа: последняя четверть II тыс. до н. э. (1975, стр. 145). Для решения вопроса о происхождении нового населения устья Западной Двины может иметь значение и то обстоятельство, что в Резницком могильнике конца II тыс. до н. э. фиксируется наиболее раннее в Прибалтике отражение культа коня[7].

В погребальном обряде узколицего населения Балтийского побережья нет чего-либо специфически угро-финского[8]. Р. Я. Денисова считает существенным наличие в этом районе топонимики, интерпретируемой как угро-финская. Такая топонимика, несомненно, должна быть, поскольку угро-финское или уральское население обитало здесь с эпохи неолита и даже мезолита. Уральское языковое влияние, по-видимому, сказывается на всем Балтийском бассейне и даже западнее (в кельтских языках). Но вопрос о топонимике побережья Латвии, равно как и об остатках лексики ливов, еще не выяснен. Дело в том, что топонимика юго-восточного побережья Балтики входит и в другую систему параллелей. На протяжении почти столетия идет накопление данных о повторяющейся топонимике северо-запада Малой Азии, Адриатики и Прибалтики, причем наиболее часто это — названия, не объясняющиеся из балтских языков[9].

Необходимо также иметь в виду, что еще в XIII в. на р. Венте (Виндаве) жили венды, которые под натиском куршей ушли в

[5] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М. 1959, стр. 229; М. В. Витов. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М. 1959, стр. 565.

[6] Н. Н. Чебоксаров. Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических данных. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год)». М. 1954, стр. 8.

[7] См. «История Латвийской ССР». Т. I. Рига. 1952, стр. 22.

[8] Ср. Я. Граудонис. Латвия в эпоху бронзы и раннего железа. Рига. 1967.

[9] См. В. Н. Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям. «Балканское языкознание». М. 1973, стр. 30—32, и др.

глубь материка [10]. Венды эти не были славянами. Видимо, именно их язык Герард Меркатор (XVI в.) называл «вандальским» и отличал от славянского. Известно, что с начала н. э. Балтийское море именуется в источниках «Венедским заливом». В средние века это название удерживалось только у населения, жившего по побережью от Пруссии до Финского залива [11], то есть именно у той части населения, которое на протяжении 3 тыс. лет сохранило особый облик. У датского хрониста Саксона Грамматика (конец XII—начало XIII в.) этнонима «венеды» нет, но население этого района он выделяет. Жителей эстонского побережья он именует «рутенами» (то есть русами, Русью), а племена по низовью Западной Двины — «геллеспонтцами», родственными рутенам [12]. От скандинавов этих рутенов и геллеспонтцев он четко отличает.

Название «геллеспонтцы» опять-таки говорит в пользу наблюдения Н. Н. Чебоксарова и М. В. Витова. Геллеспонт — это область Малой Азии, примыкающая к Троаде. И с этим можно связать еще два предания. Генеалогия литовских князей открывалась легендарной личностью Палемона, якобы родственника Нерона. В. Н. Топоров недавно собирался пересмотреть «пренебрежительно-отрицательное отношение к ранней историографической традиции, сообщающей о связях прусов с Римом» [13]. Однако линии связи ведут не к Риму, а к Причерноморью и Малой Азии. Само имя Палемон (греч. Полемон — борец) было распространено на востоке, в частности в Боспорском царстве. В «Илиаде» Гомера на стороне Трои сражался отряд энетов (венетов) из Пафлагонии (южный берег Черного моря) во главе с Пилеменом. Согласно античной традиции, венеты после падения Трои ушли на северо-запад Адриатики, причем Пилемен именуется Палемоном [14]. Позднее именно через адриатических венетов греки получали балтийский янтарь, а в поморской культуре юга Балтики неизменно отражались италийские и малоазиатские влияния. Так или иначе пока нет оснований отказываться от поисков на юге и юго-западе истоков населения, которое пришло в конце II тыс. до н. э. в Прибалтику.

Р. Я. Денисова обращает внимание на значительный удельный вес узколицего населения в XIII—XVIII веках. Сохранение же его до сих пор, по мнению автора, «свидетельствует о своеобразии процесса ассимиляции, где ведущими были не смешанные браки, а языковая ассимиляция» (1977, стр. 156). Наблюдение это имеет принципиальное значение, поскольку в литературе иногда ассимиляцию отождествляют со смешанными браками. Между тем отмеченный факт вовсе не исключение, а правило. Разрыв родо-племенных отношений и формирование народностей повсюду приводит к ассимиляции одних языков другими. Вспомним быструю ассимиляцию племен веси, мери, муромы восточными славянами, романизацию Галлии и т. д. Венеды в основной массе, видимо, слились со славянами, передав части их (балтийским славянам) и свое имя. Другая их группа вошла в состав литовцев, латышей и эстонцев.

Вопроса о балто-славянских отношениях Р. Я. Денисова касается лишь в небольшой степени, отсылая к имеющейся литературе. Тем не менее некоторые замечания автора представляют значительный интерес. Так, Р. Я. Денисова не видит оснований выделять особую балто-славяно-германскую общность, поскольку славяне и германцы оказываются все-таки за пределами культуры шнуровой керамики, в которой только и можно отыскивать такую общность. Близость к балтам белорусов и некоторых других восточнославянских групп Р. Я. Денисова вслед за В. В. Седовым склонна объяснять процессом ассимиляции. И с этим нельзя не согласиться. Гораздо труднее ответить на вопрос, когда именно начался процесс ассимиляции балтов славянами, так как у славян стойко держался обряд трупосожжения с конца II тыс. до н. э. и до христианизации. Антропологи могут лишь указать, где в предшествующее время локализовался тот антропологический тип, с которым позднее идентифицируется славянство. Такой тип оказывается во II тыс. до н. э. в Паннонии, откуда средневековые славянские предания выводили всех славян [15]. Не исключено, что балты, жившие на территории Белоруссии, восприняли славянскую речь задолго до начала нашей эры.

А. Г. Кузьмин

[10] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938, стр. 94.

[11] Ср. С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПБ. 1908, стр. 180 (XVI в.).

[12] «Saxonis Grammatici Gesta Danorum». Strassburg. 1886, pp. 24—25, 307—308. ect.

[13] В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 32, прим. 6.

[14] Ср. Тит Ливий. Римская империя от основания города. Т. I. М. 1897, стр. 3—4.

[15] Т. И. Алексеева. Указ. соч., стр. 244—245, 249, и др.

И. В. МИХУТИНА. *Советско-польские отношения. 1931—1935.* М. Изд-во «Наука». 1977. 287 стр. Тираж 1800. Цена 1 руб. 20 коп.

Научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР кандидат исторических наук И. В. Михутина исследует один из наиболее важных моментов межвоенной истории взаимоотношений СССР и Польши. С одной стороны, Советское правительство в этот период активизировало усилия по установлению добрососедских отношений с Польшей, по укреплению мира и созданию системы коллективной безопасности в Восточной Европе. С другой — правящие круги Польши оказались перед выбором: или защита целостности и независимости страны в союзе со всеми миролюбивыми силами при опоре на СССР, или пособничество гитлеровской экспансии в Центральной и Восточной Европе. В результате рассматриваемый в монографии период стал ключевым для внешнеполитической ориентации Польши и характера советско-польских отношений до конца 30-х годов.

В истории советско-польских отношений указанных лет автор выделяет два периода. Первый (до 1933 г.) проходит под знаком успеха советской внешней политики, направленной на преодоление враждебности со стороны правящих кругов Польши и укрепление платформы добрососедства на основе принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Кульминационным событием этого периода является подробно проанализированный автором советско-польский договор о ненападении 1932 года. Второй период начался с 1933 г. и был обусловлен новой расстановкой сил на международной арене, связанной с приходом к власти в Германии нацистов. С этого момента, как аргументированно доказывает автор, советская политика в отношении Польши была направлена на установление прочного сотрудничества с нею на международной арене в интересах обеспечения безопасности обеих стран перед лицом экспансионистских замыслов германского фашизма. Однако правящие круги санационной Польши были ослеплены классовыми предрассудками, антисоветизмом и антикоммунизмом. Поэтому в гитлеризме они видели только его антисоветскую сущность и, недооценивая агрессивность фашистской Германии, рассчитывали извлечь пользу из обострения советско-германских отношений. Они проводили амбициозную, нереалистическую политику, претендуя на роль арбитра в Восточной Европе. Все это показывает научную и политическую значимость предпринятого И. В. Михутиной исследования советско-польских отношений 1931—1935 годов.

Достоинством работы является то, что советско-польская проблематика рассматривается не изолированно, а в контексте международных событий того времени. Это даст возможность представить двусторонние отношения с учетом влияния сложных и весьма часто противоречивых факторов и в то же время выяснить их место в системе европейских отношений в целом. Автор убедительно очерчивает общую линию внешней политики СССР, подчеркивая, что миролюбие и стремление к добрососедству в отношении Польши имели на всех этапах принципиальную, а не тактическую основу. В монографии содержится много нового или малоизвестного материала относительно той политической и моральной поддержки, которую СССР оказывал Польше в разгар антипольской кампании гитлеровцев, о готовности советской стороны обсудить вопрос о практической помощи Польше в случае нападения на нее нацистов. Органически связан с основной сюжетной линией анализ польско-германской декларации о ненападении 1934 г., сделанный, по существу, без столь частых в данном вопросе упрощений (стр. 149—155).

И. В. Михутина приходит к совершенно правильному заключению, что в рассматриваемые годы из всего межвоенного 20-летия советско-польских отношений возникли наиболее подходящие моменты как для развития двусторонних связей, так и для взаимодействия обеих стран на международной арене в жизненно важных для них вопросах. Однако этот период стал для польской внешней политики временем упущенных возможностей. Нельзя не согласиться с выводом автора, что сближение с гитлеровской Германией явилось не столько вынужденной мерой правящих кругов Польши, принятой якобы лишь из-за отсутствия необходимой поддержки Франции, сколько стало одним из принципов польской внешней политики (стр. 7, 276—277).

Проблема коллективной безопасности в межвоенный период заслуженно привлекает внимание советских историков. Шагом вперед в ее изучении является и рецензи-

руемая работа. В ней впервые специально освещен советско-польский аспект переговоров о Восточном пакте. Опираясь на советские дипломатические документы того времени, И. В. Михутина показала, что система коллективной безопасности на востоке Европы рассматривалась советской дипломатией не только как инструмент сопротивления гитлеровской агрессии в тот момент, когда она будет развязана, но и как фактор, способный на ранних стадиях подготовки Гитлера к захватам парализовать его активность путем политической изоляции фашистской Германии. В этом плане позиция Польши, занимавшей важное стратегическое положение, приобретала особое значение в глазах как сторонников коллективной безопасности, так и ее врагов. Советская дипломатия на самых ранних стадиях обсуждения проекта Восточного пакта, в конце 1933 г., предприняла в надежде на активное участие Польши практические шаги, которые в случае их реализации вошли бы составной частью в будущую систему коллективной безопасности в Восточной Европе. Таково, в частности, было советское предложение Польше (декабрь 1933 г.) выступить с совместной декларацией, направленной на предотвращение фашистской агрессии в Прибалтике (стр. 142—149), и другие советские инициативы, ранее малоизвестные или лишь вскользь упоминавшиеся в литературе и получившие на страницах книги обстоятельное освещение. Знакомя читателя с этими фактами, автор совершенно справедливо акцентирует приоритет СССР в проведении политики коллективной безопасности.

Сделанные в книге выводы, что курс польской дипломатии на сближение с гитлеровской Германией при одновременном отказе от участия в мерах по созданию надежных барьеров против фашистской агрессии помешал прогрессу советско-польских отношений, от которого в условиях общей для обеих стран опасности зависели их жизненные интересы, и что деструктивная позиция санационной Польши в отношении Восточного пакта оказала практическое влияние на расстановку политических сил в восточной части Европы, представляются правильными и убедительно аргументированными.

В своем анализе И. В. Михутина опирается на внушительную источниковедческую базу, которую составляют партийные, государственные, дипломатические документы, почерпнутые как из архивных фондов СССР и Польши, так и из публикаций, среди которых центральное место занимает фундаментальное издание дипломатических документов Архива внешней политики СССР. Многие документы И. В. Михутина впервые вводит в научный оборот. В монографии широко используются пресса ряда европейских стран, мемуары политических деятелей и дипломатов, публицистика и специальная литература. Вдумчивый и тщательный анализ источников во всем их комплексе, глубокое знание тенденций международных отношений 30-х годов, внимание к внутренним факторам, влиявшим на внешнеполитическую ориентацию правительств, позволили воссоздать динамическую картину советско-польских отношений в первой половине 30-х годов.

Значительный интерес представляют те страницы книги, где реконструирована внешнеполитическая концепция находившейся у власти в Польше группировки, показаны недальновидные цели и тактические приемы санационной дипломатии, отмечены некоторые индивидуальные черты ряда польских политиков и дипломатов. Автор анализирует внешнюю политику Польши с учетом ее внутреннего положения, наглядно показывая, что наиболее полно и последовательно стремление польских трудящихся к дружбе с Советским Союзом выражала Коммунистическая партия Польши и что вопросы внешней политики стали той сферой, в которой со всей полнотой проявился реакционный, диктаторский характер режима санации, устранившего от их решения даже часть буржуазных кругов. В связи с этим внешнеполитические программы партий буржуазной оппозиции заслуживали более подробного изложения, чем это сделано в книге.

Автор обращается и к наиболее важным фактам из истории экономических, культурных, научных и других связей между двумя странами и на их примере рассматривает основные факторы, тенденции и динамику развития в названных областях. В результате становится ясным, что политическая нормализация, достигнутая с помощью советско-польского пакта о ненападении, послужила главным стимулом расширения торговли, предоставления советских заказов для польской промышленности (что, как верно подмечено в работе, имело в условиях экономического кризиса, охватившего Польшу, не только хозяйственное, но и большое социальное значе-

ние) и активизации разнообразных культурных связей, в которых нашли выражение взаимный интерес и дружеские чувства советского и польского народов. Однако непреодоленный антисоветизм правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши помешал дальнейшему прогрессу в этих сферах межгосударственных контактов. В этом плане представляется оправданным преимущественное внимание автора к политическим аспектам советско-польских отношений. Что касается экономических, культурных и научных связей обеих стран в 1931—1935 гг., то они требуют специального изучения.

Монография И. В. Михутиной — тщательно выполненное, серьезное и вдумчивое исследование — займет свое место среди работ по истории международных отношений в Европе в 30-е годы.

Б. С. Попков

К. Э. КИРОВА. *Западная Европа. 1917-й. Февральская революция в России и кризис буржуазных методов управления народными массами в Англии, Франции, Италии.* М. Изд-во «Наука». 1977. 192 стр. Тираж 23 300. Цена 70 коп.

Кандидат исторических наук К. Э. Кирова известна как автор монографий, посвященных главным образом проблемам революционного движения в Италии в годы первой мировой войны и внешней политике Италии в эпоху империализма [1]. Хотя ее новая работа вышла в серии научно-популярных изданий «Страны и народы», выполнена она, как и предыдущие ее книги, на высоком профессиональном уровне.

Это проявилось прежде всего в выборе объекта исследования. О влиянии свержения самодержавия в России и последовавшего затем перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую на другие страны написан уже ряд работ [2]. Есть литература, посвященная классовой борьбе в капиталистических государствах в годы первой мировой войны, где свое место также занимают сюжеты 1917 года [3]. Но показ кризиса методов правления западноевропейской буржуазии в переломный исторический момент — это новый поворот темы, который позволяет автору внести свой существенный вклад в освещение сложных процессов бурного 1917 года. Значение книги выходит далеко за ее хронологические рамки. Перед нами работа об одном из важных проявлений общего кризиса капитализма в сфере политики и отчасти идеологии. Об общем кризисе капитализма написано немало, но преимущественно в теоретическом плане. Поэтому конкретно-историческое исследование одного из его начальных проявлений чрезвычайно ценно.

Для книги характерен широкий сравнительный анализ. К. Э. Кирова взяла одну из двух главных групп западноевропейских стран — государства, имевшие давние традиции буржуазной парламентской демократии,— и выбрала из них самые типичные и влиятельные (Англию, Францию и Италию). Это позволило раскрыть процессы, характерные для всей группы указанных стран. В фокусе исследования находится начавшийся в годы мировой войны и обострившийся в 1917 г. кризис буржуазно-

---

[1] «Революционное движение в Италии в 1914—1917 гг.». М. 1962; «Русская революция и Италия (март — ноябрь 1917 г.)». М. 1968; «Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.)». М. 1973.

[2] А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М. 1966; Р. Ш. Ганелин. Россия и США. 1914—1917 гг. Очерки истории русско-американских отношений. Л. 1969; В. В. Лебедев. Международное положение России накануне Октябрьской революции. М. 1967; Ю. И. Воробцова. Интернациональная деятельность большевистской партии в период подготовки Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л. 1975.

[3] Л. П. Кожевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М. 1959; Ф. Ф. Головачев. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1918 г.). М. 1960; М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М. 1961, и др.

конституционных методов правления, буржуазно-демократических режимов. Исходя из ленинского положения о том, что буржуазия всех стран вырабатывает две системы управления, К. Э. Кирова показывает, что с началом войны правящие круги западноевропейских стран «пытались использовать оба метода — консервативный и либеральный — одновременно» (стр. 5). Наряду со средствами военного подавления масс важнейшим лозунгом воюющих буржуазных правительств стал призыв к «национальному единению» всех классов и партий в борьбе с внешним врагом. Последний требовал определенного маневрирования, характерного для либерального метода правления. Однако в 1917 г. под воздействием как внутренних, так и внешних причин политика «национального единения» терпит крах.

Одна из причин этого — воздействие Февральской революции в России на страны Европы. В Англии консерваторы с нескрываемой злобой писали о людях, которым «ударила в голову русская революция» и которые «готовы следовать за русскими, как стадо овец» (стр. 12). И действительно, весна 1917 г. стала для Англии временем стачек антивоенного характера. В июне конвент в Лидсе, созванный левым меньшинством рабочих организаций, принял решение о создании Советов рабочих и солдатских депутатов. Движение начало захватывать и армию, окопы. Газеты писали о том, что те, кто вскоре вернется из них, «выдвинут требование свободы, родившееся еще ранее и усиленное русской революцией» (стр. 63). Во Франции уже во второй половине марта 1917 г. рабочие собрания и митинги принимали резолюции, приветствовавшие «торжество революционной борьбы в России». Вскоре начались массовые выступления пролетариата и солдат, носившие острый политический характер. Они заставили многих французских политических деятелей думать, что революция во Франции «уже началась» (стр. 124). Своего наивысшего подъема эти выступления достигли летом 1917 г. (стр. 99). Радостно восприняли весть о Февральской революции в России и трудящиеся Италии. Уже в марте здесь родился лозунг «Сделать как в России!» (стр. 134). В 1917 г. происходили массовые народные выступления в Ломбардии, антивоенное восстание в Турине. Множились забастовки итальянских рабочих (стр. 175).

Таким образом, события 1917 г. в России содействовали процессу революционизирования народных масс Англии, Франции, Италии в их борьбе за мир и демократию. Напротив, правящие круги этих стран стали проявлять тенденцию «к переоценке буржуазно-демократических ценностей», нарастающую «склонность к отказу от традиционных парламентских учреждений и норм», свидетельствующие о «назревающем в странах Западной Европы общем кризисе буржуазных методов управления народными массами, общем кризисе «верхов» (стр. 183—184). Представляется важным, что К. Э. Кирова не стремится преувеличить глубину кризиса буржуазной демократии в то время. Вместе с тем она убедительно показывает, что политическая борьба в правящих кругах держав Антанты в 1917 г. не была и обычным соперничеством консерваторов и либералов. Возникла «тенденция к принципиально иному, антипарламентскому и антиконституционному методу управления», сыгравшая свою историческую роль «своеобразной психологической подготовки фашизма» (стр. 183).

Отмеченные явления прослежены в работе через специфику конкретно-исторических условий каждой страны. При этом выясняется различие форм и глубины кризиса в них. Так, в Англии, где буржуазия была наиболее опытна и гибка, голоса, отрицавшие буржуазную демократию, раздавались сравнительно редко. Английским либералам «удалось нащупать некоторые новые приемы управления народными массами» (стр. 182). Во Франции и особенно в Италии кризис буржуазной демократии проявился значительно острее.

Такой сравнительный анализ событий в странах Антанты нельзя было бы провести без широкого использования источников. И действительно, исследование почти целиком построено на иностранной прессе, парламентских отчетах и мемуарах. Все же автором недостаточно широко использованы достижения советской историографии в изучении классовой борьбы в 1917 г. в отдельных странах.

Основные выводы К. Э. Кировой хорошо аргументированы и не вызывают возражений. Являясь научным трудом, ее работа, адресованная широкой читательской аудитории, написана живо, интересно. Этому способствует и привлечение мемуаров и прессы и введение в текст ярких характеристик буржуазных политических деятелей того времени — Д. Ллойд Джорджа, Л. Мальви, В. Орландо и некоторых других.

Естественно, что не все вопросы, затронутые в книге, раскрыты с одинаковой полнотой и глубиной. Так, автор, видимо, увлекшись проблематикой своего периода, связывает кризис буржуазной демократии в основном с войной. Между тем следовало бы, вероятно, показать, что политическая реакция по всей линии характерна для империализма вообще, а война лишь усилила и ускорила развитие этой тенденции. К. Э. Кирова фактически обошла вопрос о социальной сущности революционизирующего воздействия на западные страны событий 1917 г. в России, когда влияние на них Февральской буржуазно-демократической революции переплеталось с воздействием событий, связанных с перерастанием ее в социалистическую революцию. Дальнейшее изучение этих сложных вопросов становится после выхода книги К. Э. Кировой еще более настоятельным.

А. В. Игнатьев, Г. З. Иоффе

Р. ИВАНОВ. *Черные пасынки Америки. М. Изд-во* «Молодая гвардия». 1978. 192 стр. Тираж 50 000. Цена 35 коп.

Научно-популярная книга старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР *доктора исторических наук* Р. Ф. Иванова удачно сочетает в себе основательность исторического исследования и увлекательность публицистической работы. В ней обобщен обширный исторический материал о нескольких столетиях развития острейших противоречий американского общества, связанных с негритянской проблемой.

Почему негритянская проблема в США столь живуча, что выдержала бури двух буржуазных революций и продолжает существовать до настоящего времени? Куда уходят корни традиционной для США расовой дискриминации? Почему и сегодня, несмотря на мощный размах движения против расовой дискриминации, в США имеют место самые грубые проявления дискриминации в отношении негров? В чем причины того, что самое мощное капиталистическое государство оказалось не в состоянии добиться хотя бы компромиссного решения этой острой проблемы — расовой, *гражданско-правовой, социально-экономической*? Большинство буржуазных исследователей сводят ответы на эти вопросы к «расовому конфликту», будто бы извечно существовавшему и коренящемуся в биологической природе либо в глубинах психики человека. В противоположность им Р. Ф. Иванов убедительно показывает, что суть расовой проблемы в социальных антагонизмах, экономических, политических, идеологических факторах, присущих капиталистическому строю.

Уже первые шаги капитализма в Америке, сопровождавшиеся истреблением коренного населения и введением системы принудительного труда, раскрывают подлинную суть позиции буржуазии в расовом вопросе. В этом отношении весьма показательно широкое распространение невольничества белых в колониальный период истории США. Как справедливо подчеркивает автор, «прибыль и только прибыль — таков важнейший критерий, с которым буржуазия подходит к вопросу о взаимоотношениях между людьми различных рас, национальностей и вероисповедания» (стр. 15). Классовые интересы буржуазии предопределили и развитие торговли африканскими невольниками и системы эксплуатации черных рабов. Рабовладение было одной из важнейших особенностей процесса так называемого первоначального накопления в США. Рабовладельческая система хозяйства представляла собой уродливый гибрид рабства с капитализмом. «На страже рабства,— пишет Р. Ф. Иванов,— стояли классовые интересы плантаторов и буржуазии Северной Америки, оно опиралось на экономическую, военную, политическую мощь метрополии... Именно в этом заключалась поразительная живучесть рабства» (стр. 20).

Предвестником крушения рабовладельческой системы, препятствовавшей более быстрому развитию капитализма, явилось возникновение аболиционизма, который стал составной частью революционного движения за уничтожение колониальной зависимости. Автор опровергает распространенное в буржуазной американской историографии мнение, что только добрая воля белых принесла неграм свободу. В подтверждение он приводит ряд исторических фактов (о восстаниях, побегах, заговорах и

т. д.), свидетельствующих о том, что негры никогда не мирились со своим порабощением. С большой силой освободительные устремления негров проявились и в их участии в войне за независимость США, которая, однако, не только не принесла им свободы, но еще более укрепила устои рабовладельческой системы. Р. Ф. Иванов следующим образом объясняет этот итог американской революции XVIII в.: «После победы... в южных штатах были созданы важные экономические и политические стимулы для развития рабства вширь и вглубь. Вширь — за счет аннексии колоссальных территорий, на которых вводилось рабовладение. Вглубь — за счет усиления политической власти рабовладельцев в Союзе штатов» (стр. 57).

Автор вводит читателя в сложную, напряженную обстановку нарастающей борьбы рабовладельческих и демократических сил в период между двумя американскими революциями. Силы, выступавшие против освобождения рабов, имели мощные позиции не только на Юге, но и на Севере. Тем большее значение приобретало решение президента А. Линкольна об уничтожении рабства, принятое под давлением военной необходимости, активной борьбы самих негров за освобождение, требования радикальных сил освободить рабов, перейти к революционным методам ведения войны. Отмечая, что в прокламации об освобождении рабов (22 сентября 1862 г.) было немало компромиссных пунктов, автор вместе с тем обоснованно подчеркивает ее прогрессивное значение. Гражданская война в США была своеобразной формой буржуазно-демократической революции, в ходе которой основной удар был направлен на уничтожение рабства. Эта задача была решена в процессе революционной войны, которая пробудила к творческой активности и привела в движение многомиллионные массы белых и черных трудящихся, что сказалось и на ходе революции и на ее результатах. Характеризуя последствия войны, Р. Ф. Иванов аргументированно доказывает, что плодами победы воспользовалась буржуазия, которая, решив все главные задачи, стоявшие перед ней, выступила против углубления революции. В результате освобожденные рабы так и не получили ни земли, ни гражданских, ни политических прав. Плантаторы сумели сохранить значительную часть своих латифундий. Под личную свободу рабов не был подведен экономический и политический фундамент. Они продолжали оставаться в экономической и политической зависимости от своих бывших хозяев.

Переход американского капитализма в монополистическую стадию вызвал обострение негритянской проблемы, что явилось одним из убедительных свидетельств реакционности империализма по всем линиям. Эксплуатация негров усиливалась из-за жестокой расовой дискриминации и сегрегации. «Страшный террор против негров, осуществлявшийся параллельно с процессом развития монополистического капитализма, не был исторической случайностью. Суд Линча и вся тщательно разработанная система террора против негров были в руках буржуазии и плантаторов средством внеэкономического принуждения черных к труду за плату, значительно меньшую, чем у белых рабочих» (стр. 107). С теми или иными модификациями эта система угнетения и террора действовала в США на протяжении первой половины XX века. Однако она постоянно подтачивалась как объективными социально-экономическими процессами, так и целеустремленной, неуклонно нарастающей борьбой негров, всех демократических сил американского общества против расизма.

После второй мировой войны развитие американской экономики (индустриализация южных штатов, научно-техническая революция и т. д.) стимулировало миграцию негров: с Юга на Север и Запад и из сельской местности в город. Неизбежным результатом этого явления стала быстрая пролетаризация черных американцев, рост черного населения крупных городов (стр. 125—126). Рассматривая социальные последствия этих процессов, Р. Ф. Иванов отмечает, что они привели к определенному улучшению условий жизни негров: среди них увеличилось число квалифицированных рабочих, несколько повысился их образовательный уровень и уровень жизни. Но, как показывает проведенный в книге анализ статистических данных, эти изменения отнюдь не уравняли черных американцев с белыми. На протяжении последних десятилетий заработная плата негров в среднем составляла около половины заработка белых; в условиях кризисов эта разница еще больше увеличивается. Уровень безработицы за послевоенный период среди негров был примерно вдвое выше, чем среди белых. Подавляющее большинство негров-горожан живет в «черных гетто» — трущобных районах, лишенных всяких удобств. В 1970 г. доля бедняков среди белых сос-

тавляла 10%, среди черных — 34%. Автор приходит к выводу, что решению социально-экономических аспектов негритянской проблемы препятствуют интересы монополий, которые извлекают дополнительно около 30 млрд. долл. сверхприбыли в год за счет системы расового и национального угнетения (стр. 128—132).

Рассмотрение социально - экономического положения негров органично сочетается в книге с анализом основных направлений развития их освободительной борьбы на современном этапе. В послевоенный период, особенно в 60-е годы, движение негров в США приняло революционный характер. Большую роль в этом играл негритянский пролетариат, который стал массовой социальной базой этого движения. Р. Ф. Иванов подчеркивает важное значение международных факторов развития негритянского движения: крушение колониализма, солидарность социалистических стран, международного рабочего и национально-освободительного движения с борьбой негров. Мощный подъем негритянского движения в 50 — 60-е годы заставил конгресс и правительство США принять ряд законов и постановлений, направленных на смягчение расовой дискриминации в школах, общественных местах, на производстве и т. д. Но, как показывает автор, они не привели к подлинно демократическому решению проблем черных американцев. К тому же принятые законы далеко не всегда и не в полном объеме проводятся в жизнь. «Вся история межрасовых отношений в США свидетельствует о том, что юридические акты и их претворение в жизнь разделяет дистанция огромного размера» (стр. 180).

Р. Ф. Иванову удалось воссоздать картину развития освободительной борьбы афроамериканцев в наше время, выделить и охарактеризовать основные тенденции и перспективы этого развития. Вполне оправдан его вывод, что общее направление борьбы негров определяется повышением в ней роли социально-экономических требований, переходом от стихийных актов протеста к организованным выступлениям, происходящим ныне сближением негритянского движения с рабочим, профсоюзным, коммунистическим движением в США. «Залогом будущих успехов в решении межрасовых отношений,— подчеркивает автор,— является все более крепнущий единый фронт белых и черных трудящихся в борьбе против всех проявлений расизма» (стр. 189).

Как показано в книге, расистская позиция верхушки АФТ—КПП является одним из главных препятствий на пути единства действий черных и белых рабочих (стр. 156—157). В то же время Компартия США была и остается самым последовательным и надежным союзником негритянского движения, передовые силы которого, со своей стороны, стремятся к сотрудничеству с коммунистами. «Показательно,— отмечает Р. Ф. Иванов,— что постепенно движение черных берет на вооружение ряд положений программы коммунистов» (стр. 180). Положительно оценивая постановку указанных проблем, отметим, что в книге опущен такой немаловажный аспект, как совместное участие белых и черных рабочих в забастовочном движении. Недостаточно полно показана и роль «белого шовинизма» в разобщении рабочего движения в США. С другой стороны, для полноты характеристики негритянского пролетариата и его места в рабочем и негритянском движениях в книге недостает анализа воздействия на него «черного национализма».

Ю. С. Оганисьян

«Современные буржуазные теории международных отношений (критический анализ)». М. Изд-во «Наука». 1976. Тираж 3900. 486 стр. Цена 2 руб. 27 коп.

Значительный рост интереса к проблемам теории международных отношений объясняется рядом причин. Во-первых, происходит поворот к теоретическим вопросам, характерный для всех общественных наук. Во-вторых, успехи научно-технической революции, применение математических методов вызвали к жизни попытки известной формализации общественных процессов, тяготение к построению разнообразных моделей, особенно в сфере международных отношений. В-третьих, важнейшее значение имело

развитие собственно международной ситуации. Прогресс в военной области, возникновение международных конфликтов, вовлечение в орбиту международной политики десятков новых государств в Азии, Африке и Латинской Америке, появление новых центров силы в капиталистическом мире и пр.— все это в большой степени стимулировало деятельность многочисленных исследовательских центров по проблемам войны, мира и международных отношений, активность сотен ученых, которые стремились создать интегративные теории, соответствующие современному этапу в развитии международных отношений и имеющие целью оказать влияние на международную практику.

На этой основе на Западе, особенно в США, в последние 10—15 лет возникли и получили развитие многочисленные теории международных отношений. Итогом их изучения и оценки советскими учеными и является рецензируемая книга, в которой рассматриваются эволюция и современное состояние буржуазной науки международных отношений[1]. Работу характеризует сочетание проблемных исследований и рассмотрение вопроса в региональном разрезе, то есть анализ состояния буржуазной науки в США и западноевропейских странах.

В книге раскрываются социально-политические и идеологические основы американской науки международных отношений, прослеживается связь буржуазных теорий с классовыми интересами правящих кругов США. Делается это обоснованно, на большом конкретном материале, что позволило избежать в работе упрощенчества и показать взаимосвязь и взаимодействие различных теорий. Авторы раскрыли сущность школ так называемого «политического идеализма» и «политического реализма», их схожесть и различия. Значительный интерес представляет анализ «бихейвиорализма» в американской политике и его непосредственного влияния на теории международных отношений, в которых психологический аспект занимает весьма заметное место. Несомненным достоинством книги является выяснение связи политологии с социологией, экономической наукой, демографией, этнографией, математикой и прочими науками. Это тем более важно, что стыкование наук стало ныне одной из наиболее примечательных черт развития обществоведения. Для каждого специалиста будет полезен и тот реестр учреждений, проектов и групп, которые сложились в США и Западной Европе и которые изучают разнообразные аспекты международных отношений.

Представляется, что два вывода, сделанные авторами, приобретают особую важность и могут служить общим критерием при изучении буржуазных теорий международных отношений. Первый из этих выводов сформулирован в книге так: «сфера детерминированного внутренней и внешней политикой, сфера направляемого, если не управляемого, со стороны правящих классов, сфера общего в области идеологии, политики и методологии, наконец, сфера согласованных позиций между отдельными научно-исследовательскими группами и учеными на деле не так уж малы в американской науке международных отношений, в «академическом сообществе», несмотря на все его внутренние различия и противоречия. Все это позволяет рассматривать эту науку и само «сообщество» как достаточно обособленную и самостоятельную, динамично развивающуюся систему с чертами целого, создаваемыми всеми ее элементами и их взаимоотношениями, взятыми в историческом развитии» (стр. 22).

Второй вывод противопоставлен авторами попыткам идеологов США доказывать глубокие и «принципиальные» различия между разнообразными внешнеполитическими теориями. «На деле,— говорится в книге,— никакой последовательной, бескомпромиссной и тем более окончательной смены школ в истории американской науки международных отношений как диахронного процесса не было. Сохраняя свои подходы — в одном общие с самого начала, в другом различные лишь на первом этапе,— школы буржуазной науки боролись и борются за влияние в «академическом сообществе» и в верхах политической элиты. Они существуют, по крайней мере сегодня, синхронно. Более того, они не только существуют, но и сосуществуют, сотрудничают, подвергаются взаимной диффузии и гибридизации. В противопоставлении и

[1] Авторский коллектив: С. Д. Афанасьев, В. А. Бабак, В. Г. Барановский, П. А. Варес, В. И. Гантман, Н. И. Доронина, А. Д. Жуков, К. П. Зуева, И. М. Иванова, Н. А. Косолапов, А. М. Коксев, В. И. Любченко, С. В. Мелихов, Ю. М. Мельников, А. Е. Панишко, Э. П. Пастернак, Л. А. Петровская, В. В. Размеров, Л. Р. Радченко, А. И. Сперанский, Ю. Е. Федоров, Э. М. Федотова. Редакционная коллегия: В. И. Гантман (отв. ред.), В. В. Размеров, Л. А. Петровская, К. П. Зуева, Э. М. Федотова, В. И. Любченко.

борьбе этих «школ» немало конъюнктурного, личного, показного. При всех различиях и антагонизмах у них есть общая, достаточно стабильная идеологическая, политическая и методологическая база, основанная на мировоззрении современного капитализма» (стр. 24).

Рассматривая концепции внешней политики и ее роль в международных отношениях, авторы анализируют концептуальные подходы буржуазных ученых и их попытки создать теории внешней политики. В книге довольно подробно проанализированы распространенные в настоящее время на Западе концепции «силы» во взаимодействии с понятием национального интереса, идеи «национального характера», «национального поведения» и «транснациональных отношений», система «элит» и «групп давления», теории и модели «принятия решений» и т. п. Этот материал монографии, помимо научного интереса, имеет и весьма актуальное политическое звучание, ибо большинство из перечисленных внешнеполитических теорий находится в той или иной степени на вооружении многих капиталистических государств.

Приводя высказывания теоретика «политического реализма» Г. Моргентау и многих его последователей, авторы убедительно доказывают, что борьба за власть, проповедь отношений, основанных на силе, составляют стержень политических концепций многих современных политологов США. Шансы на разоружение, писал Моргентау, «говоря прямо, равняются нулю... Люди сражаются не потому, что они имеют оружие, а наоборот, они вооружаются, потому что считают необходимым сражаться... Соревнование в вооружениях является отражением и инструментом соревнования за силу» (стр. 107). Подобные высказывания лишь один из примеров того, как теории внешней политики обретают реальность и воплощаются во внешнеполитических позициях политиков, стоящих у руля государственного управления ряда стран Запада.

Значительное внимание уделяют авторы попыткам буржуазных специалистов исследовать системы международных отношений. В книге анализируется «теория международных сил» М. Каплана, явившаяся первой попыткой американских специалистов применить системный подход к исследованию международных отношений, модель «системы взаимодействующих государств», модели стабильности современной системы международных отношений, теории международных коалиций, различные интеграционные построения и, разумеется, многочисленные вариации на тему многополюсности, полицентризма, биполярности и т. п. Помимо этих общих систем и подсистем, авторы разбирают и отдельные частные методики, связанные с применением ЭВМ и прочих машинных систем и моделей, показывают классовый ограниченный характер всех этих систем и моделей, разоблачают попытки буржуазных ученых уйти от социально-классовых корней противостояния в современном мире. Значительное место в работе отведено анализу полицентрических тенденций в капиталистическом мире. В книге довольно подробно разбирается исследование буржуазными специалистами природы международных конфликтов и их характера, попытки моделирования конфликтов. Помимо американских международников, внимание авторов привлекла и деятельность в этой области таких западноевропейских специалистов, как Й. Галтунг, Д. Зенкхаас, Д. Бертон и др.

Давая общую оценку всей пестрой буржуазной литературе, авторы пишут: «Многие буржуазные теории международного конфликта строятся на основе «общей теории конфликта», претендующей на создание универсальной «конфликтной» схемы, которую можно было бы без всякой адаптации свободно накладывать на живую ткань любых природных и социальных отношений... Поэтому подобная «общая теория конфликта» неприемлема ни как инструмент познания вообще, ни как средство анализа международного конфликта, поскольку она не учитывает специфику международных отношений, игнорирует природу, типы, содержание и структуру международных конфликтов» (стр. 332). Что касается так называемых частных методик, попыток сконструировать разнообразные модели и системы, то авторы в результате их анализа приходят к вполне обоснованному выводу, что частные методики исследования международного конфликта, дающие некоторые полезные технические приемы, не могут, однако, считаться сколько-нибудь самостоятельными и объективными инструментами познания международного конфликта в целом или отдельных важнейших его аспектов (см. стр. 422).

Учитывая глобальное значение мирного сосуществования, его универсальный характер и его место в современном мире, авторы анализируют различные трактовки мирного сосуществования буржуазной наукой

как состояния отношений, конкретной политики, теоретической концепции и как международной системы.

В целом монография — серьезное исследование, впервые в советской литературе дающее столь систематизированное рассмотрение самых разнообразных буржуазных теорий и моделей международных отношений. Практически в книге получил отражение весь спектр современной буржуазной науки в данной области. В этом состоит большое познавательное, информационное значение исследования. Вместе с тем стремление авторов дать подробную и всестороннюю картину порой приводит к схематизму, и некоторые параграфы становятся похожими на рефераты (см., например, материал гл. 5).

Книга окажет содействие развитию историографических исследований советских ученых. Рассматриваемые в ней теории буржуазных специалистов - международников позволяют сделать выводы о путях развития, эволюции и перспективах буржуазной общественной, и в том числе исторической, науки. Можно наметить такие существенные элементы этого развития, как связь теоретических исследований с эмпиризмом и прагматизмом буржуазной науки, косность и традиционность ее методологической основы с поисками новых методов и использованием современного инструментария, порожденного научно-технической революцией. В целом книга свидетельствует о тесной, неразрывной связи буржуазной науки с идеологией и политикой. Авторы показали, что идеологические потребности капитализма приводят к тому, что свойственные буржуазной науке идеалистические и субъективистские воззрения, методологический эклектизм усугубляются или деформируются.

Созданные на рубеже 50-х — 70-х годов буржуазные теории международных отношений оказались в глубоком противоречии с велением времени, отставая от потребностей нынешнего этапа в развитии международных отношений, от той глубокой направленности к разрядке, которая стала одной из доминирующих тенденций мирового развития. Не случаен в этом смысле тот факт, что сегодня очевидно стремление ряда ученых-международников Запада модифицировать свои теории, приспособив их к нынешним временам, разработать теорию разрядки в ее западном толковании. Исследования, подобные рецензируемой книге, оказывают большую помощь в понимании прошлого и настоящего буржуазной науки международных отношений. Они полезны не только с точки зрения критического анализа, но и в позитивном плане, а также способствуют дальнейшей разработке учеными СССР и других стран социализма актуальных проблем современных международных отношений.

А. О. Чубарьян

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Айтбакина М. А. *Взаимообогащение национальных культур развитого социализма.* Алма-Ата. «Казахстан». 1978. 143 стр. 4200 экз. 45 коп.

Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. Сборник статей. М. «Наука». 1978. 317 стр. 2900 экз. 2 руб.

Андрианов Б. В. *Земледелие наших предков.* М. «Наука». 1978. 167 стр. (Серия «История науки и техники»). 21 800 экз. 70 коп.

Археологический сборник. Вып. 19. Л. «Аврора». 1978. 96 стр. с илл. (Государственный Эрмитаж). 2000 экз. 90 коп.

Белан П. С., Тимошенко А. Д., Барков Н. С. *Фронтовые дороги.* Алма-Ата. «Казахстан». 1978. 136 стр. с илл. 38 500 экз. 45 коп.— Очерк боевого пути 391-й стрелковой Режицкой Краснознаменной дивизии.

Болбас М. Ф. *Промышленность Белоруссии.* 1860—1900. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1978. 312 стр. 3000 экз. 2 руб. 30 коп.

Братское сотрудничество народов Советского Союза — интернационализм в действии. М. «Наука». 1978. 198 стр. 3100 экз. 1 руб. 10 коп.

Внешняя политика Советского Союза. Авт. И. Д. Овсяный и др. Предисловие А. А. Громыко. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. Политиздат. 1978. 472 стр. 175 000 экз. 95 коп.

Войтович С. Д. *БССР на форуме наций.* Минск. «Высшая школа». 1978. 144 стр. 2000 экз. 30 коп.— Очерк деятельно-

сти представителей Белорусской ССР в ООН.

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 339 стр. 2150 экз. 3 руб. 30 коп.

Герои десятой пятилетки. Летопись трудовой славы. 1976—1980. В 5-ти кн. Кн. 2. Сост. Е. С. Каплинская. М. «Экономика» — «Планета». 1978. 335 стр. с илл. 25 000 экз. 2 руб. 60 коп.

XVIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 25—28 апреля 1978 г. Стенографический отчет. Т. 2. М. «Молодая гвардия». 1978. 400 стр. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Документы по истории Баку. 1810—1917. Сост. Л. М. Алиева и др. Баку. Азернешр. 1978. 483 стр. 1000 экз. 1 руб. 90 коп.

Дубровский В. А. *Первые Советы в Туве.* Кызыл. Тувкнигоиздат. 1978. 187 стр. с илл. 1000 экз. 40 коп.

Живые голоса истории. Из истории интернациональных связей и пролетарской солидарности трудящихся Омской области 1917—1977 гг. Сост. Н. И. Емельянова, В. Ф. Садовская, Г. М. Шлевко. Омск. Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отд-ние. 1979. 255 стр. с илл. 10 000 экз. 60 коп.

Забурдаев Н. А. *Анатолий Ванеев.* Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1978. 207 стр. с илл. (Серия «Нижегородцы-революционеры»). 10 000 экз. 35 коп.— Очерк об одном из организаторов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», соратника и друга В. И. Ленина.

Земля героев. Сост. М. И. Рыжков, М. Г. Щербаков. Кемерово. Книжное изд-во. 1978. 287 стр. 10 000 экз. 50 коп.— О кузбассовцах — Героях Советского Союза.

Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии. Минск. «Наука и техника». 1978. 344 стр. 1350 экз. 2 руб.

История народного хозяйства Молдавской ССР. 1959—1975 гг. Кишинев. «Штиинца». 1978. 398 стр. (Серия «История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней»). 1145 экз. 5 руб.

Кирсанов Н. А. *Место назначения — фронт.* М. «Наука». 1978. 119 стр. с илл. (Серия «Страницы истории нашей Родины»). 50 000 экз. 20 коп.— Очерки боевого пути добровольческих комсомольско-молодежных воинских частей и соединений в 1941—1945 годах.

Крайнюков К. В. *Оружие особого рода.* М. Воениздат. 1978. 671 стр. (Серия «Военные мемуары»). 100 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Краснознаменный Дальневосточный. Очерк истории Краснознаменного Дальневосточного военного округа. Авт. Н. П. Сунцов и др. Хабаровск. Книжное изд-во. 1978. 336 стр. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Краткая история СССР. В 2-х ч. Изд. 3-е, перераб. и доп. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 455 стр. с илл. 50 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов. Март 1965 г.— июль 1978 г. М. Политиздат. 1978. 680 стр. 150 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Летопись внешней политики СССР. 1917—1978. Авт. А. А. Ахтамзян и др. М. Политиздат. 1978. 367 стр. 100 000 экз. 70 коп.

Лизогуб Ю. М. *Рабочий класс СССР в борьбе за победу колхозного строя. 1928—1937.* Львов. «Вища школа». 1978. 174 стр. 1200 экз. 1 руб. 60 коп.

Мир социализма в цифрах и фактах, 1977. Справочник. Сост. В. С. Глаголев. М. Политиздат. 1978. 112 стр. 150 000 экз. 15 коп.

Митяева О. И. *Коммунистическая партия — руководитель культурного роста крестьянства в годы коллективизации.* М. Изд-во Московского ун-та. 1978. 240 стр. 1875 экз. 2 руб. 10 коп.

На земле, в небесах и на море. Сб. 1. М. Воениздат. 1979. 360 стр. с илл. (Серия «Рассказывают фронтовики, 1941—1945»). 65 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Народное хозяйство Белорусской ССР. Юбилейный статистический ежегодник. Минск. «Беларусь». 1978. 302 стр. 10 500 экз. 1 руб.

Народное хозяйство Молдавской ССР в 1977 г. Статистический ежегодник. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1978. 231 стр. 2200 экз. 1 руб. 10 коп.

Народное хозяйство РСФСР в 1977 году. Статистический ежегодник. М. «Статистика». 1978. 343 стр. 20 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Народное хозяйство Украинской ССР в 1977 году. Статистический ежегодник. Сост. Б. А. Сивко, Е. А. Пенто. Киев. «Техника». 1978. 454 стр. 5000 экз. 2 руб. 20 коп.

Никитин П. Е. *Последнее подполье В. И. Ленина.* Л. Лениздат. 1978. 120 стр. с илл. 50 000 экз. 45 коп.

Осадчий И. П. *Партия большевиков — организатор победы социалистической революции на Северном Кавказе.* Ростов н/Д. Изд-во Ростовского ун-та. 1978. 142 стр. 1100 экз. 1 руб. 20 коп.

Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1978. 238 стр. 15 000 экз. 50 коп.

Партийная организация Татарии в цифрах и документах. 1917—1977 гг. Сборник статистических материалов и документов. Сост. В. Г. Саркин и др. Казань. Таткнигоиздат. 1978. 295 стр. с илл. 5000 экз. 65 коп.

Пашков А. М. *Бессмертие подвига.* О героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны, воспитанниках войск Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа. Южно-Сахалинск. Дальневосточное книжное изд-во, Сахалинское отд-ние. 1978. 175 стр. 5000 экз. 25 коп.

Песков О., Низковская Н., Ададурова Л. *Память, высеченная в камне.*

Мемориальные доски Москвы. Предисловие М. Т. Белявского. М. «Московский рабочий». 1978. 215 стр. с илл. 75 000 экз. 45 коп.

Петров И. М. *В переломные годы.* Воспоминания. Петрозаводск. «Карелия». 1978. 263 стр. 100 000 экз. 90 коп.

Плотников И. Ф. *В белогвардейском тылу.* Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны. 1918—1919. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1978. 126 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб.

Под красным знаменем. Воспоминания, очерки, зарисовки. Сост. Т. Т. Аюшев, М. П. Глебов. Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1978. 279 стр. 4000 экз. 85 коп.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700—1725. Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. «Наука». 1978. 703 стр. с илл. 2000 экз. 7 руб. 40 коп.

С боями до Эльбы. 1-я дивизия народного ополчения Москвы (60-я стрелковая Севско-Варшавская) на фронтах Великой Отечественной войны. Сост. А. И. Смирнов, Н. Я. Шполянский. Предисловие П. И. Бажова. М. «Московский рабочий». 1979. 222 стр. с илл. 40 000 экз. 65 коп.

Сербина К. Н. *Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 192 стр. 1450 экз. 1 руб. 80 коп.

Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. М. «Наука». 1978. 511 стр. 1650 экз. 5 руб. 20 коп.

Советская историография Киевской Руси. Коллективная монография. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 279 стр. 3450 экз. 2 руб. 30 коп.

Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII — начало XX в. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1978. 332 стр. 11 050 экз. 1 руб. 40 коп.

Старцев В. И. *Революция и власть.* Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г. М. «Мысль». 1978. 256 стр. с илл. 8500 экз. 1 руб. 40 коп.

Сургучев М. Н. Корабли возвращаются в строй. 4-е изд., перераб. и доп. Предисловие С. Г. Горшкова. Симферополь. «Таврия». 1978. 432 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 70 коп.— Воспоминания бывшего директора Севастопольского морского завода им. С. Орджоникидзе.

Тушин Ю. П. *Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях, XVII век.* М. «Наука». 1978. 183 стр. с илл. 10 000 экз. 85 коп.

Фалалеев Ф. Я. *В строю крылатых.* Из воспоминаний. Изд. 2-е. Ижевск. «Удмуртия». 1978. 140 стр. с илл. 30 000 экз. 55 коп.

Хан-Гирей. *Записки о Черкесии.* Вступительная статья В. К. Гарданова, Г. Х. Мамбетова. Нальчик. «Эльбрус». 1978. 333 стр. 5000 экз. 85 коп.

Хохлюк Г. С. *Рождение революции и борьба против контрреволюции.* Очерк теории. Хабаровск. Книжное изд-во. 1978. 240 стр. 1000 экз. 85 коп.

Шаскольский И. П. *Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 245 стр. 5650 экз. 1 руб. 40 коп.

Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. Сборник статей. М. «Наука». 1978. 280 стр. с илл. 2100 экз. 2 руб. 20 коп.

Всеобщая история

Алексеев В. П. *Палеантропология земного шара и формирование человеческих рас.* Палеолит. М. «Наука». 1978. 284 стр. 4850 экз. 1 руб. 90 коп.

Археология и этнография Монголии. Сборник статей. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1978. 222 стр. 1650 экз. 3 руб. 70 коп.

Богословский В. В. *Происки Пекина в Африке.* Киев. Политиздат Украины. 1978. 175 стр. 20 000 экз. 25 коп.

Ван Мин. *Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна.* Изд. 2-е. М. Политиздат. 1978. 302 стр. с илл. 100 000 экз. 95 коп.

Василькова Ю. *Фурье.* М. «Молодая гвардия». 1978. 255 стр. с илл. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 15 (585). 65 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Героическая эпопея. От Монкады до Плайя-Хирон. Сост. О. Т. Дарусенков. М. Политиздат. 1978. 415 стр. с илл. 65 000 экз. 1 руб. 40 коп.— Речи, выступления, отрывки из воспоминаний, писем и дневников Ф. Кастро, Р. Кастро, Э. Гевары, К. Сьенфуэгоса, других деятелей Кубинской революции.

Господствующие классы Латинской Америки. М. «Наука». 1978. 444 стр. 1850 экз. 4 руб.

Григулевич И. Р. *Папство. Век XX.* М. Политиздат. 1978. 424 стр. с илл. 100 000 экз. 95 коп.

Драбкин Я. С. *Становление Веймарской республики.* М. «Наука». 1978. 374 стр. 3200 экз. 2 руб. 90 коп.

Западная Европа: классовые бои пролетариата. Коллектив авторов. М. «Прогресс». 1978. 443 стр. 8000 экз. 1 руб. 70 коп.

Идеи Октября и освободительное движение народов Востока. Коллективная монография. М. «Наука». 1978. 311 стр. 2400 экз. 1 руб. 90 коп.

Идеология и практика международного сионизма. Критический анализ. М. Политиздат. 1978. 271 стр. 45 000 экз. 1 руб. 10 коп.

История Японии. 1945—1975. М. «Наука». 1978. 541 стр. 16 700 экз. 2 руб. 80 коп.

Кямилев Э. Х. *Политическая борьба и проблемы централизации в Индонезии. 1945—1975.* М. «Наука». 1978. 144 стр. 1100 экз. 1 руб. 20 коп.

Лаптева Л. П. *Русская историография гуситского движения.* 40-е гг. XIX в.— 1917 г. М. Изд-во Московского ун-та. 1978. 340 стр. 1320 экз. 3 руб. 10 коп.

Люблинская А. Д. *Французские крестьяне в XVI—XVIII вв.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 254 стр. 1600 экз. 2 руб. 70 коп.

Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, 1955—1965. М. «Наука». 1978. 269 стр. 2400 экз. 2 руб.

Международное рабочее движение. Справочник. М. Политиздат. 1978. 407 стр. 100 000 экз. 75 коп.

Новая и новейшая история. 1870—1976. М. «Высшая школа». 1978. 479 стр. 100 000 экз. 1 руб. 10 коп.— Учебник для средних специальных учебных заведений.

Очерки истории Кубы. Предисловие Р. Кастро. М. «Наука». 1978. 603 стр. с илл. 3000 экз. 4 руб. 70 коп.

Сладковский М. И. *Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии.* М. «Мысль». 1978. 301 стр. 20 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. Коллективная монография. М. «Наука». 1978. 451 стр. 4000 экз. 3 руб. 50 коп.

Шевцова Л. Ф. *Союзнические партии в политической системе стран социализма.* М. «Наука». 1978. 189 стр. 2450 экз. 1 руб.

Этнографы рассказывают. Сборник статей. Сост. Д. Д. Тумаркин. М. «Наука». 1978. 167 стр. с илл. 50 000 экз. 65 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Корвалан Л. *Из пережитого.* Пер. с исп. М. Политиздат. 1978. 118 стр. с илл. 100 000 экз. 30 коп.— Воспоминания Генерального секретаря Коммунистической партии Чили.

Лазарев М. *Потерянная флотилия.* Сокр. пер. с болг. Послесловие А. М. Микляева. Л. «Судостроение». 1978. 135 стр. с илл. 57 000 экз. 50 коп.— Из истории флота.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Народы Азии и Африки» № 6, 1978. Классовая борьба и концепции эгалитаризма в развивающихся странах («Круглый стол» журнала): Г. Ф. Ким. О месте эгалитаристских концепций в борьбе социально-классовых сил; Н. А. Длин, А. Г. Бельский, Е. Б. Рашковский, Ю. Г. Александров. Эгалитаризм и социальное развитие; Л. И. Рейснер, В. Г. Хорос. Вопросы политики экономического эгалитаризма; Б. С. Ерасов, Ф. Б. Белелюбский. Идеологические проблемы; В. Ф. Ли. Некоторые итоги; Ю. В. Ганковский, Н. М. Гуревич. О норме земельно-налогового обложения в колониальной Индии; Ю. Л. Кроль. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о Вселенной (II в. до н. э.— II в. н. э.); С. В. Мазов. Национальный конгресс Британской Западной Африки (1920—1930): идейные и организационные основы; В. П. Толпегин. У истоков движения за антиимпериалистическую солидарность народов Азии (I Межазиатская конференция 1947 г.); Г. Н. Мосько. «Народное ополчение» (миньбин) в политической жизни КНР; Г. Д. Калюжный. О методах воздействия США на национальные кадры в развивающихся странах; И. Д. Звягельская. Сионистские вооруженные силы: цели и методы захвата Палестины.

«Рабочий класс и современный мир» № 6, 1978. А. И. Соболев. Творческий характер марксизма-ленинизма и закономерности его развития; Теоретическое богатство партии; В. Г. Гельбрас. Маоистская концепция «трех миров» — платформа предательства и войны; Ф. Гажо. Социальная и профессиональная мобильность молодежи в ВНР; Проблемы абсолютного ухудшения положения трудящихся при капитализме (круглый стол журнала); К. Г. Холодковский. Политическое положение в Италии и проблемы единства демократических сил; С. М. Хенкин. Некоторые проблемы политики союзов рабочего класса в странах Латинской Америки; Н. В. Вардуль. ФРГ: дилеммы социального партнерства; Е. П. Блинова. Коммунисты в борьбе за массовость женского движения; В. И. Егоров. Роль международных объединений профсоюзов в борьбе против антирабочей политики МНК; Г. В. Хмелевская. Франция: роль профсоюзов в борьбе за единство производственной интеллигенции и рабочего класса; Стивен Дламини. ЮАР: африканский пролетариат и профсоюзы в борьбе за свободу; Н. Б. Ильина. Американские профсоюзы: их роль в борьбе за мир и разрядку международной напряженности; С. А. Королев. Современный троцкизм: новые черты, старая сущность; Д. А. Григорян. Выравнивание уровней экономического и социального развития республик ЧССР за годы социалистического строительства; Иоганна Хунд. Развитие электроники и социальные сдвиги в ФРГ; В. М. Чигарев. Иммигранты и рабочее движение в Швейцарии.

«Вестник древней истории» № 4, 1978. Ю. Н. Завадовский. О дешифровке западноливийских надписей из Марокко; В. Н. Романов. Древнеиндийские представления о царе и царстве; О. Н. Трубачев. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в антич-

ное время; А. И. Павловская. Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н. э.; Ю. С. Крушкол. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района; М. Г. Быстрикова. Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов; Т. Н. Высотская. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период (По данным керамической эпиграфики); Т. А. Гладкова. О некоторых мастерах боспорского рельефа I—II вв. н. э.; Г. А. Тароняи. Об идентификации надписи]иннон сокун[с о. Арада с Плинием Старшим; Э. В. Ртвеладзе. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии; Плутарх, Моралии. Наставления по управлению государством. (Перевод и комментарии Л. А. Ельницкого).

«Советское славяноведение» № 5, 1978. И. Костюшко. Традиции совместной борьбы народов СССР и ПНР за свободу, независимость и социальный прогресс; А. Х. Клеванский. К истории распада Австро-Венгрии и образования чехословацкого буржуазного государства; А. Киршевская. К вопросу о классовом характере конфликта в болгарском обществе в конце XIX — начале XX века; З. С. Ненашева. Софийский съезд неославистов 1910 года; В. Г. Карасев, В. Д. Королюк, Г. Э. Санчук. Академик В. И. Пичета; Ю. А. Львунин. Кампания солидарности трудящихся СССР с польским революционным движением (1922—1923 гг.); К. И. Логачев. Советское славяноведение до середины 1930-х годов.

«Советское славяноведение» № 6, 1978. И. С. Яжборовская. Важная веха на историческом пути польского народа; Ю. В. Бромлей. Этнографическое изучение славянских народов в СССР; З. Исаева. Развитие драматургии Югославии в период народно-освободительной борьбы (1941—1945); Т. И. Сизова. Журнал «Нове виднокренги» — орган польской прогрессивной эмиграции в СССР (1941—1943); Н. П. Мананчикова. Социальная структура морской торговли в XIII — начале XIV в. по данным морского права Дубровника и Задара; В. И. Воронков. ПСЛ-«Вызволене» и польская конституция 1921 г.; В. В. Зеленин, И. И. Костюшко. «Второе издание» крепостного права и европейский рынок; Л. В. Милов. К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции.

«Украинский исторический журнал» № 12, 1978. С. М. Чапуга. Творческое развитие Коммунистической партией Советского Союза марксистско-ленинского учения о пролетарском интернационализме; Н. Ф. Котляр. Несостоятельность современных буржуазно-националистических фальсификаций воссоединения Украины с Россией; В. Г. Иваши, В. И. Мелешко. В созвездии братских республик; С. У. Забилык. Борьба КПП и КПЗУ за интернациональное единство революционных действий трудящихся в 1921—1939 гг. Н. П. Тесленко. Партийное руководство созданием и деятельностью массовых организаций трудящихся в западных областях УССР (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.); О. М. Коломиец. Из опыта интернационального воспитания молодежи СССР и ГДР на строительстве одного из участков газопровода «Союз»; А. Наков. Развитие политических отношений между Болгарией и СССР (1944—1958 гг.); Г. Л. Чайка. К вопросу об идеологическом обеспечении выполнения народнохозяйственных планов в восьмой пятилетке; Н. Ф. Гнатюк. Труды выдающихся деятелей Коммунистической партии о перестройке советского села в 1917—1920 гг.; В. Я. Мосяков. Деятельность Крымской партийной организации по совершенствованию работы местных Советов в годы коллективизации; В. Е. Задорожный. Из истории торговых связей Галиции с Восточной Украиной и Россией в первой половине XIX ст.; Е. М. Кисилевский. Контрольная работа студентов вузов — важная форма заочного изучения истории КПСС; Большевистское подполье на Украине в 1918 г. (подготовили Р. Я. Пирог, Ю. В. Шиловцев); Е. И. Цымбал. На трассах мужества.

«Известия» Академии наук Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства № 3, 1978. Г. Пайчадзе. Грузинское общественное мнение об освобождении Аджарии от османского ига в 70-х гг. XIX в.; Л. Чиковани. Н. Г. Чернышевский (К 150-летию со дня рождения); С. Чхартишвили. Особенности и закономерности развитого социалистического общества; В. Абрамишвили. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. Хизанашвили; Г. Меликишвили. О проблеме в царских списках древней Картли (Иберии); Н. Урушадзе. Религиозно-магические функции изображений на древнебронзовых изделиях; Б. Гамкрелидзе. К вопросу о топониме «соплиони» в свете этнографических материалов; Г. Чачашвили. О грузинской народной прядильной технике; Ж.-Л. Бак Грамон. Османы и Грузия в первой четверти XVI века; И. Шервашидзе, Г. Нурзай. Пуштунская «История, обсыпанная драгоценностями» о Георгии XI и его грузинских воинах; Г. Гамкрелидзе. Новооткрытое раннесредневековое сооружение из Ванского Мтисдзари; М. Хведелидзе. Мемфисский трактат и его место в религии древнего Египта; В. Джорбенадзе. Гончарные печи селения Трани; И. Антелава. Еще раз о характере социально-экономического развития Грузии в XVIII веке; З. Алексидзе. О датировке фресковых надписей Спасской церкви села Чвабиани; З. Ратиани. Сакаргави.

«Известия» Академии наук Таджикской ССР. Общественные науки» № 3, 1978. С. А. Раджабов, Ю. С. Мальцев. Юбилей 100-летия Садриддина Айни; К. Н. Джамалов, В. М. Зайченко. Значение теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в дальнейшем изучении национального вопроса; В. М. Соколовский. О «старых» и «новых» методах реставрации росписей на лёсовой штукатурке; А. Н. Дриккер. Значение коллекти-

визации в коренном изменении классовой структуры при некапиталистическом переходе крестьянской страны к социализму (на примере Таджикистана); Г. Гоибов. К вопросу о хронологии правления бухарских правителей периода арабских завоеваний (VII—VIII вв.); Р. Бабаджанов, Ю. Юсуфбеков. Влияние занятости на улучшение использования трудовых ресурсов.

«Известия» Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 3, 1978. А. Аннакурбанов. Коммунистическая партия Туркменистана — организатор всесторонней помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны; И. И. Шматов. Дружба народов — неотъемлемая черта социалистического образа жизни.

«Общественные науки в Узбекистане» Академии наук Узбекской ССР № 9, 1978. С. К. Зиядуллаев. Развитие производительных сил и проблемы водообеспечения Средней Азии; М. К. Нурмухамедов. Ученый, педагог, организатор науки (К 70-летию со дня рождения И. М. Муминова); С. Мавлянбекова. О подготовке кадров для сельского хозяйства УзССР в 1966—1970 годах; Ж. Турманов. Деятельность клубных учреждений Каракалпакии на современном этапе; Ю. Ф. Буряков. Новые материалы к стратиграфии городища Культа; В. Н. Настич. К изучению бухарских монет мангытской чеканки; Д. А. Алимова. Историография участия женщин в развитии промышленности УзССР (1925—1941).

«Общественные науки в Узбекистане» Академии наук Узбекской ССР № 10, 1978. А. И. Ишанов. Советская Конституция — социалистическая демократия в действии; С. К. Камалов, Р. Т. Тлеуов, С. К. Кабулов. Проблема Аральского моря в свете решений XXV съезда КПСС; Ю. Н. Абдуллаев. Верный помощник, боевой резерв партии (К 60-летию ВЛКСМ); Л. А. Зальцман. К выявлению и изучению памятников трудовой славы советского народа; А. Дехканов. Из истории промышленного производства в дореволюционном Узбекистане; М. Е. Массон. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии; Ф. Х. Касымов. Литература о помощи народов СССР трудящимся Советской Средней Азии в строительстве социализма.

«Общественные науки в Узбекистане» Академии наук Узбекской ССР № 11, 1978. И. И. Искандеров. Новый этап социально-экономического прогресса Страны Советов; А. Б. Курбаниязов. Развитие торговли в Каракалпакской АССР в условиях зрелого социализма; К. А. Акилов. Основные этапы формирования и развития рабочего класса Советского Узбекистана (1917—1937); Г. В. Мачин. Братское содружество ивановских текстильщиков и хлопкоробов Узбекистана; Д. Хамидова. О развитии среднего специального образования в УзССР; Х. У. Нурмухамедов. Из истории индустриального развития Андижана (1941—1958); З. Файзиева. Изделия ремесленников Туркестана на всероссийских и всемирных выставках конца XIX — начала XX века; Х. Хамидов. Памятники письменности XVIII—XIX веков как источник по истории каракалпакского языка; К. Мунировв. Об Амире Хосрове и рукописях его произведений, хранящихся в Ташкенте; А. Аскаров, В. Аминов, У. Рахманов. Новые данные о поселении Кучуктепа.

«Вестник Московского университета» № 6, 1978. Серия VIII. История. Д. А. Авдусин. А. В. Арциховский как археолог; В. Л. Янин. Князья Копорские; Г. А. Федоров-Давыдов. Золотая Орда и Монгольский Иран; Л. Р. Кызласов. Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве (По материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ); И. В. Яценко. Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории; Н. В. Рындина. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи; Ю. Л. Щапова. Происхождение стеклоделия; А. Д. Горский. Три изображения пахоты из русских «лицевых» рукописей XVII в.; С. А. Изюмова. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища.

«Вестник Ленинградского университета» № 20, 1978. История, язык, литература. Вып. 4. С. С. Волк. Революционно-демократическая идеология Н. Г. Чернышевского и научный социализм; М. Н. Кузьмин. Н. Г. Чернышевский о Франции конца XVIII и первой половины XIX в.; В. С. Железняк. Логика классовой борьбы и социалистический идеал (по работам Н. Г. Чернышевского о Французской революции 1848 г.); А. Я. Мироненко. Формирование социально-политических взглядов Н. Г. Чернышевского и Французская революция 1848 г.; К. В. Романов. Концепция исторического прогресса Н. Г. Чернышевского; Н. И. Соколов. Вопросы народности литературы в эстетике и критике Н. Г. Чернышевского; Г. А. Тишкин. Н. Г. Чернышевский и проблема женской эмансипации; М. Фишер. Н. Г. Чернышевский в рабочей печати Германии; А. П. Гусев. В. И. Ленин и охрана транспортных коммуникаций Сибири (1920—1922 гг.); М. С. Кузьмин, В. А. Сергеев. Деятельность КПСС и Советского государства по преодолению националистических тенденций в культурном строительстве СССР (1921—1936 гг.); Л. Б. Назаренко. Революционное движение во флоте в 1905—1907 гг. в советской историографии (1917—1975 гг.).

«Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 2, 1978. А. П. Пронштейн. Материалы о народах Северного Кавказа XVI—XVIII веков в советских архивах; В. Г. Гаджиев. Архив Кизлярского коменданта; В. П. Кохановский. Н. Г. Чернышевский об историзме как принципе познания (К 150-летию со дня рождения); Т. А. Марченко, В. П. Яковлев. Л. Н. Толстой и теория непротивления злу насилием (К 150-летию со дня рождения); Р. Г. Этенко. О роли мелкобуржуаз-

ных партий эсеров и меньшевиков в активизации политического бандитизма на Дону и Кубано-Черноморье в 1920—1922 годах.

«Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 3, 1978. В. П. Крикунов, Х. Х. Рамазанов. Некоторые проблемы источниковедения истории народов Северного Кавказа; Р. М. Магомедов, А. Е. Криштопа. Борьба против монголо-татарских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды; В. Г. Котович. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе; В. И. Зайдинер. Из истории создания крупнейшего зерносовхоза страны (К 50-летию совхоза «Гигант»); С. П. Тумасова. Партийное руководство идейно-политическим воспитанием комсомольцев и молодежи в национальных районах Северного Кавказа (1920—1924 годы); Н. В. Киселева. Борьба партии за совершенствование оплаты труда в колхозах в период второй пятилетки (по материалам Дона, Кубани и Ставрополья); В. П. Корзун. Антирабочая политика горнопромышленной буржуазии Юга в годы первой русской революции.

«Источниковедение истории советского общества». Вып. III, 1978. Институт истории СССР Академии наук СССР. Г. А. Трукан. Современные исследования и проблемы источниковедения истории советского общества; М. Н. Черноморский. Материалы ежемесячных и годичных обследований промышленных предприятий 1925—1929 гг.; Б. Н. Казанцев. Статистические данные архивных документов о восстановлении и развитии черной металлургии СССР в 1946—1950 гг.; И. Л. Корнаковский, Т. И. Славко. Методика разработки учетных карточек рабочих и служащих промышленных предприятий (На примере завода «Серп и молот»); Ю. П. Бокарев. Методика изучения крестьянских бюджетов 20-х годов; С. Л. Макарова. Опросные листы Мособлисполкома и Наркомзема как источник по истории советского строительства на местах (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.); М. Г. Белогуров. Статистические источники о составе сельских Советов в первые годы восстановительного периода (1921—1923 гг.); Т. Ф. Авраменко. Об изучении статистических документов Московского областного отдела народного образования (1966—1970 гг.); Л. С. Сенявский. Переписи населения 1959 и 1970 гг. как источник для изучения социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма; Библиография работ по источниковедению истории 1968—1973 гг.

«Проблемы итальянской истории». Сборник Института всеобщей истории Академии наук СССР. 1978. В. П. Гайдук. Борьба против угрозы справа и позиция христианско-демократической партии (1968—1973 гг.); Г. М. Наринская. Движение «католического несогласия» и эволюция сознания левых католиков в Италии; О. В. Савинова. Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях (1933—1935 гг.); В. П. Любин. Политическая борьба в Италии в начале первой мировой войны; Т. В. Аницкая. Итальянский реформизм в начале XX века; З. П. Яхимович. Итальянский синдикализм: от всеобщей забастовки 1904 г. к «Красной неделе» 1914 г.; О. В. Серова. Отношения между Италией и Россией в конце XIX — начале XX в.; М. И. Ковальская. Итальянская освободительная мысль накануне и во время революционного кризиса 1830—1831 гг.; Г. А. Сибирева. Неаполитанское королевство и Россия в 1777—1791 гг. (становление отношений); Л. М. Баткин. Ренессансное мировосприятие в поэме Ариосто.

«Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы». Сборник Института всеобщей истории Академии наук СССР. 1978. Н. В. Кузнецова. Великая Октябрьская социалистическая революция и Франция (1917—1920 гг.); В. Д. Кульбакин. Великий Октябрь и германское рабочее движение (1917—1920 гг.); М. А. Полтавский. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и Австрия; Н. П. Комолова. Великий Октябрь и революционный процесс в Италии; С. П. Пожарская. Октябрь и Испания; Б. И. Марушкин, В. В. Рогинский. Великий Октябрь и страны Северной Европы; Ю. В. Кудрина. Политика Дании в отношении Советской России (1917—1924 гг.); П. Ю. Рахшмир. Великий Октябрь и эволюция политической стратегии западноевропейской буржуазии в межвоенный период; Р. М. Илюхина. Октябрь, проблемы мира и Лига наций.

«История материальной культуры Узбекистана». Институт археологии Академии наук Узб. ССР. Вып. 14, 1978. М. Р. Касымов. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975 г.; Г. Ф. Тетюхин, Н. Х. Ташкенбаев, Р. Х. Сулейманов. К геоморфологическому положению мустьерского местонахождения Кутурбулак; А. А. Аскаров, Б. Абдуллаев. Раскопки могильника Джаркурган (результаты работ весной 1975 г.); Т. К. Ходжайов, Х. Халилов. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 г.); Х. Дуке. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г.; Р. Х. Сулейманов, М. Туребеков. Этапы развития фортификационной системы Еркургана; С. К. Кабанов. Археологическая разведка в Придаргомской степи; В. Аминов, Ю. Ф. Буряков, Т. К. Ходжайов. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана; Т. К. Ходжайов, В. Н. Ягодин. Опыт палеодемографического изучения населения Миздахкана; М. Саадиев. Новые данные о соборной мечети Афрасиаба; Ю. Ф. Буряков. Раскопки городища Чангтепе в Ташкентском оазисе; Э. В. Ртвеладзе. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Сагани-

ан; Б. Д. Кочнев. Заметки о средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды); Т. С. Ерназарова. Новые монетные клады городища Афрасиаб; Э. Ю. Бурякова. К стратиграфии площади Регистан; И. А. Анбоев. Древний метод борьбы с заболачиванием (Некоторые инженерные приемы в зодчестве Ташкента XIX в.); Б. В. Андрианов, А. Р. Мухамеджанов. К изучению истории орошения Средней Азии.

«Античная древность и средние века». Межвузовский тематический сборник Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 15. 1978. Н. Н. Белова, М. Я. Сюзюмов. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в.; А. С. Козлов. Социальные симпатии и антипатии Зосима; В. П. Степаненко. Из истории армяно-византийских отношений второй половины X—XI вв. (к атрибуции монет Кюрикэ куропалата); Н. Д. Барабанов. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII—XIV вв.; В. А. Сметанин. Эпистолология поздней Византии. Проэлевсис (конкретно-историческая часть); В. В. Кучма. Создание и деятельность органов общей полиции во Франции в период абсолютизма; Н. И. Бармина. Греческая надпись на дне купели в Мангупской базилике; И. П. Никитина. Проксении Херсонеса Таврического.

Хроникальные заметки

◆ В Сухуми в октябре 1978 г. состоялась объединенная научная сессия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГрузССР, Сухумского пединститута им. А. М. Горького и Грузинского института субтропического хозяйства, посвященная 75-летию II съезда РСДРП. Вступительным словом сессию открыл чл.-корр. АН ГрузССР Г. А. Дзидзария. С докладами выступили: «II съезд РСДРП» — Д. Н. Нинуа, «Историческое значение II съезда партии» — А. К. Кварцхава, «Первые социал-демократические организации в Абхазии» — Б. Е. Сагария, «Из истории Сухумской городской партийной организации» — Л. М. Прицкер.

◆ В Вильнюсе 29 ноября 1978 г. состоялась республиканская научная конференция молодых историков, посвященная 60-летию Компартии Литвы, 60-летию провозглашения Советской власти в Литве и 60-летию ВЛКСМ. Ее организаторы — Институт истории АН ЛитССР и ЦК ЛКСМ Литвы. Конференцию открыл директор института Б. Ю. Вайткявичюс. На пленарном заседании были заслушаны доклады о рождении комсомола Литвы и участии литовских комсомольцев в борьбе за Советскую власть, об их вкладе в дело построения коммунизма и роли в воспитании молодежи. Работали секции: «Строительство социализма и коммунизма в Советской Литве», «История Литвы с древнейших времен до 1940 г.».

◆ 60-летию БССР и Компартии Белоруссии была посвящена научно-теоретическая конференция, состоявшаяся в декабре 1978 г. в Минске. Ее организаторы — Минский горком партии, Институт истории партии при ЦК КПБ и Минская высшая партийная школа. Вступительным словом открыл конференцию секретарь ЦК КПБ А. Т. Кузьмин. Были заслушаны доклады: директора Института истории партии при ЦК КПБ акад. АН БССР И. М. Игнатенко — «Компартия Белоруссии — боевой отряд КПСС»; заместителя директора Института истории партии при ЦК КПБ А. А. Филимонова — «Осуществление ленинского кооперативного плана и творческое развитие аграрной политики КПСС на современном этапе»; Н. С. Сташкевича — «Образование БССР — торжество ленинской национальной политики»; В. А. Войцеховского — «Компартия Белоруссии в борьбе за ускорение научно-технического прогресса»; С. А. Лукашева — «Осуществление ленинского учения о культурной революции»; В. И. Лемешонка — «Героический подвиг белорусского народа в годы Великой Отечественной войны»; Н. Н. Акимова — «Возрастание роли партии на этапе коммунистического строительства».

◆ 29 ноября 1978 г. в Минске имела место юбилейная научная сессия Отделения общественных наук АН БССР, посвященная 60-летию БССР и Компартии Белоруссии. Вступительным словом сессию открыл чл.-корр. АН БССР Д. И. Широканов. И. Е. Марченко выступил с докладом «60 лет Белорусской ССР и Компартии Белоруссии». О создании в республике мощного экономического потенциала и ее месте в едином народнохозяйственном комплексе страны рассказал директор Института экономики АН БССР акад. АН БССР Ф. С. Мартинкевич. Главные результаты и тенденции развития культуры белорусского народа осветили директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР С. В. Марцелев и чл.-корр. АН БССР И. Я. Науменко. Проблемам формирования нового типа личности в результате социалистических преобразований было посвящено сообщение чл.-корр. АН БССР Е. М. Бабосова.

◆ «Методологические проблемы исторической науки в свете решений XXV съезда

КПСС» — тема заседания (Всесоюзная школа молодых ученых), состоявшегося в Минске 19—24 декабря 1978 года. Ее организаторы — АН СССР, ЦК ВЛКСМ, Институты истории СССР и всеобщей истории АН СССР, Институт истории АН БССР, Белорусский университет им. В. И. Ленина, Центральное бюро методологических семинаров по общественным наукам при Президиуме АН СССР, Философское общество СССР. Вступительным словом «Актуальные проблемы методологии исторической науки» открыл конференцию акад. А. Л. Нарочницкий. Были заслушаны приветствия: от ЦК ВЛКСМ — Н. С. Слепцов, от ЦК КП Белоруссии — секретарь ЦК КП Белоруссии А. Т. Кузьмин. С докладами выступили: И. Б. Берхин — «Методологическое значение книг Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», Ю. И. Кораблев — «Итоги и задачи изучения проблемы защиты революционных завоеваний в ходе социалистических революций», В. П. Наумов — «Новейшая историография *Великого Октября*», П. А. Селиванов — «Установление Советской власти в Белоруссии (итоги и задачи изучения)», Г. Б. Куликова — «Конституционные основы СССР», В. П. Дмитренко — «Конституция СССР 1977 г. и некоторые методологические проблемы изучения экономической политики зрелого социализма», чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков — «Проблемы комплексного изучения истории социалистического и коммунистического строительства в СССР», А. В. Митрофанова — «Итоги и задачи изучения истории рабочего класса СССР», И. М. Волков — «Изучение истории советского крестьянства: итоги и задачи», С. А. Федюкин — «Методологические проблемы изучения истории формирования советской интеллигенции», Г. А. Трукан — «Источниковедение истории советского общества (методологические и теоретические проблемы)», В. И. Салов — «Кризис современной буржуазной методологии истории», В. Г. Федотова — «Критика буржуазных концепций философии истории», В. В. Трунова — «История советского рабочего класса в современной западногерманской буржуазной *историографии (критический анализ)*», В. Я. Сиполс — «Актуальные методологические вопросы изучения внешней политики СССР и международных отношений», С. О. Шмидт — «Историографические и источниковедческие аспекты исследования истории общественно-политической мысли», Л. Н. Пушкарев — «К определению понятия «общественно-политическая мысль». Был проведен также ряд коллоквиумов.

◆ Вторая научная конференция историков-аграрников Среднего Поволжья прошла в Саранске 21—24 ноября 1978 года. Ее организаторы — Институт истории СССР АН СССР, Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР, Мордовский университет им. Н. П. Огарева, Средне-Волжское проблемное объединение по изучению аграрной истории. На пленарном заседании с докладом «Осуществление современной аграрной политики КПСС и проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства Мордовской АССР» выступил заместитель Председателя Совета Министров республики В. С. Учайкин. З. И. Гильманов (Казань), И. М. Ионенко (Казань), А. В. Клеянкин (Саранск), Ю. И. Смыков (Казань), И. И. Медведев (Куйбышев), А. М. Залялов (Казань), А. С. Патрушев (Йошкар-Ола) представили доклад «Советская историография аграрной истории Среднего Поволжья с древнейших времен до наших дней. Итоги и задачи». «Социальный облик современной деревни» — тема доклада А. И. Сухарева (Саранск). В работе пяти секций приняло участие более 120 исследователей, было заслушано 76 докладов и сообщений. Участники конференции обсудили также проект четырехтомного издания «Истории крестьянства Среднего Поволжья с древнейших времен до наших дней».

◆ 29 ноября 1978 г. в Казанском университете прошла научная конференция, посвященная 100-летию Общества археологии, истории и этнографии и 100-летию образования 1-й татарской учительской школы. В ее работе приняли участие ученые, деятели народного образования и культуры ТатАССР. Участники конференции А. Х. Халиков, Е. П. Бусыгин, М. З. Закиев, Ш. Ф. Мухамедьяров и другие подчеркнули значение деятельности Общества для изучения истории народов Среднего Поволжья и формирования научных кадров.

◆ В связи со 100-летием со дня рождения видного деятеля Коммунистической партии Б. М. Кнунянца 24 ноября 1978 г. в Бакинском филиале Центрального музея В. И. Ленина состоялось заседание. Его открыл секретарь Бакинского горкома партии Э. Б. Керимов. С докладом о жизни и революционной деятельности Б. М. Кнунянца выступил заместитель директора Института истории партии при ЦК Компартии Азербайджана А. А. Гусейнов. О вкладе революционера в борьбу за освобождение народа от царского ига говорили М. М. Дадашев, Э. И. Арсенкина, В. А. Багирян. Воспоминаниями о Б. М. Кнунянце поделился Р. А. Зафарян.

◆ 100-летию со дня рождения С. Г. Шаумяна было посвящено состоявшееся в ноябре 1978 г. в Ереване торжественное заседание, в котором *приняли участие* делегации Грузии и Азербайджана. Вступительным словом заседание открыл Председатель Президиума Верховного Совета АрмССР Б. Е. Саркисов. С докладами выступили: Первый секретарь ЦК Компартии Армении К. С. Демирчян, секре-

тарь ЦК Компартии Грузии В. М. Сирадзе, секретарь ЦК Компартии Азербайджана К. М. Багиров. Воспоминаниями о С. Г. Шаумяне поделился Е. М. Арутюнян.

◆ Этой же дате была посвящена состоявшаяся в Ереване объединенная юбилейная научная сессия институтов истории партии при ЦК компартий Армении, Азербайджана, Грузии и институтов АН Армянской ССР. Вступительным словом сессию открыл секретарь ЦК КП Армении К. Л. Даллакян. «Идейно-теоретическое наследие С. Г. Шаумяна» — тема доклада директора Института истории партии при ЦК КП Армении Г. Р. Симоняна, «С. Г. Шаумян и Бакинская коммуна» — заместителя директора Института истории партии при ЦК КП Азербайджана А. А. Гусейнова, «С. Г. Шаумян и большевистские организации Грузии» — заместителя директора Института истории партии при ЦК КП Грузии В. Н. Мерквиладзе. С сообщениями о С. Г. Шаумяне как большевике-интернационалисте выступили историки, экономисты, литературоведы.

◆ Увидела свет книга «Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 г. — июль 1978 г.)» (М. Политиздат. 1978). Она содержит важнейшие документы по аграрной политике КПСС: решения съездов партии и Пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС, законодательные акты, решения Правительства СССР. Материалы сборника дают всестороннее представление об аграрной политике партии на современном этапе, ее практическом осуществлении, раскрывают направления дальнейшего развития сельского хозяйства СССР и роста его эффективности.

◆ О жизни, революционной, литературной, научной и дипломатической деятельности В. В. Воровского рассказывается в книге Н. Жуковского «Посол нового мира» (М. Политиздат. 1978). Особое внимание автор уделил работе Воровского на посту полномочного представителя Страны Советов в Швеции, Норвегии, Дании и Италии. В книге использованы архивные документы, не публиковавшиеся ранее, и воспоминания ветеранов дипломатической службы.

◆ Монография «В. И. Ленин и «Союз борьбы» выпущена Политиздатом (М. 1978). В ней излагаются теория и практика российского социал-демократического движения 90-х годов прошлого века, исследуется круг вопросов, связанных с наступлением ленинского этапа в развитии марксизма, показывается начавшийся под руководством Ленина процесс соединения социализма с рабочим движением и создания пролетарской партии в России.

◆ В Политиздате вышел в свет совместный труд советских и монгольских ученых «Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП» (М. 1978). На примере развития МНР и МНРП рассматривается объективная необходимость слияния национально-освободительного движения с борьбой международного пролетариата, показано влияние Великого Октября на борьбу монгольского народа за национальное и социальное освобождение, уделено большое внимание деятельности Коминтерна в области национально-освободительного движения, разработке В. И. Лениным стратегии и тактики Коминтерна по национально-колониальному вопросу, становлению коммунистического движения на Востоке, идейно-организационному укреплению МНРП на принципах марксизма-ленинизма.

◆ «Что такое «демократический социализм»?» — так называется книга, опубликованная в Политиздате (М. 1978). В ней показана теоретическая и практическая несостоятельность реформистских, ревизионистских и буржуазно-либеральных идей, объединяемых под флагом доктрины «демократического социализма». Авторы раскрывают псевдосоциалистический характер этой доктрины, призванной замаскировать прокапиталистическую политику социал-реформистов и увести рабочее движение от подлинных путей борьбы за социализм. В книге доказывается, что именно реальное переустройство общества на социалистических основах представляет собой на деле высшую форму развития демократии.

◆ В работе «Идеология и практика международного сионизма. Критический анализ» (М. Политиздат. 1978) авторы показывают сущность идеологии и практики международного сионизма, подвергают критическому разбору его основные концепции, анализируют экспансионистский, шовинистический курс правителей Израиля.

◆ Книга А. Бережного и Э. Дурыгиной «Рабочие-публицисты» (М. «Мысль». 1978) посвящена первым рабочим-публицистам, тем, кто сотрудничал в «Искре», основывал «Правду», организовывал деятельность рабочих корреспондентов после Октября. Авторы отмечают, что по мере развития печати нового типа в нее, помимо профессиональных революционеров, включались десятки и сотни корреспондентов из рабочих, крестьян и солдат. Большевистская печать явилась школой воспитания партийных публицистов, примером для которых была деятельность Ленина.

◆ О видном партийном и государственном деятеле Белоруссии С. О. Притыцком рассказывает книга «Жизнь, отданная народу», подготовленная Институтом истории партии при ЦК КП Белоруссии и вышедшая в издательстве «Беларусь» (Минск. 1978). К ней приложены документы и материалы о деятельности Притыцкого.

◆ К 60-летию Компартии Литвы и 60-летию провозглашения Советской власти в Литве вышла в свет монография П. Виткаускаса «Создание Литовской Советской Республики в 1918—1919 гг.» (Вильнюс. «Мокслас». 1978). Автор освещает роль литовского пролетариата, который в тесном единении с русским рабочим классом боролся за создание литовской советской государственности.

◆ Новой исторической общности людей — советскому народу, успешному пре-

творению в жизнь ленинской национальной политики в судьбах народов Средней Азии посвящена книга Б. Д. Эльбаума «Так закладывались основы великой дружбы» (Ашхабад. «Туркменистан». 1978). Автор приводит ранее неизвестные документы, раскрывающие помощь партии большевиков, ее ЦК коммунистам Туркестана в их борьбе за преобразование края на путях социализма.

◆ Сотрудники Башкирского партийного архива обнаружили дневник уфимского революционера-ленинца П. И. Зенцова, одного из первых депутатов Уфимского Совета. В дни Октябрьской революции он был командиром боевых дружин, руководил Уфимской губчека, затем работал в ВЧК и был председателем Екатеринбургской губчека и Пятигорской окружной ЧК. 26 августа 1920 г. Зенцов погиб от пули белобандитов. Его дневник свидетельствует о большевике, стойко боровшемся за идеалы рабочего класса.

◆ В Центральном государственном историческом архиве Москвы найдены новые документы об известном революционере, одном из основателей социал-демократической организации в Сормове в 1901—1902 гг. и члене Нижегородского комитета РСДРП П. А. Заломове. Они позволяют судить о том, как прокламации Нижегородского комитета РСДРП переходили из рук в руки, как читали их не только в Нижнем, но и в Москве.

◆ В Москве обнаружен полный каталог книг библиотеки В. Н. Татищева. Надпись на титульном листе гласит: «Каталог книг, которые его превосходительство господин тайный советник Татищев отдал в библиотеку города Катариненбурга». В нем перечислено более 600 названий на русском, немецком, латинском и польском языках. Книги были напечатаны в России, Австрии, Англии, Германии, Нидерландах, Польше, Франции, Швейцарии и Швеции. Самая старая из них издана в 1538-м, новейшая — в 1737 году.

◆ Предположения, что металл на территории Литвы выплавляли уже в I тыс. до н. э., подтвердили новейшие находки археологов. Исследуя Наркунайский курган в Утенском районе, ученые обнаружили место плавки бронзы с черпаками, тиглями, отливочными формами и остатками печей.

◆ Были проведены работы объединенной советско-болгарско-венгерской экспедиции, организованной институтами археологии АН СССР и Болгарской АН и Институтом трасологии Венгерской АН для дальнейшего изучения древнеболгарских и древнеугорских памятников на территории Приазовья, Средней Волги и на Дону. Очередной поиск проводился в Маяцком городище на берегу Дона. Обнаружены именная плита с руническими надписями и до 80 плит с рисунками, на одном из которых изображен поединок конного и пешего воинов.

◆ Археологи Ижевска в бассейне р. Чепцы выявили удмуртское городище Индакар. На площади в 1 тыс. кв. м располагались жилые постройки и производственные сооружения. Найдены наконечники орудий пахоты, мотыги, косы, жернова, зерна злаков и осколки глиняных сосудов IX—XIII веков.

◆ Скульптурно-гравированные изображения людей, живших в Сибири около 30 тыс. лет назад, обнаружила в Северной Хакасии объединенная экспедиция Ачинского краеведческого музея и Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Первобытные охотники представлены в момент исполнения ими ритуального танца. Они обряжены в одеяния-балахоны, скроенные так, что человек смотрится как вставший на дыбы бизон или изготовившийся клевать добычу орел.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

КОЛЛОКВИУМ ИСТОРИКОВ СССР И ГДР

28—30 сентября 1978 г. в Зеллине (о-в Рюген, ГДР) состоялся коллоквиум историков СССР и ГДР на тему «Социальная природа бюргерства при феодализме и при переходе от феодализма к капитализму». В нем приняло участие около 30 историков ГДР, преимущественно медиевистов. В состав советской делегации (руководитель А. Н. Чистозвонов) входили сотрудники Института всеобщей истории АН СССР. Проведение коллоквиума предусматривалось планом научного сотрудничества между Институтом всеобщей истории АН СССР и Центральным институтом истории АН ГДР. Выбор темы определялся как ее научной значимостью, так и существованием различных точек зрения на вопрос о месте бюргерства в феодальном обществе. С этой проблемой связаны и другие вопросы: о характере и историческом значении так называемой коммунальной революции XI—XIII вв., экономической природе простого товарного хозяйства при феодализме, существовании континуитета в процессе превращения средневекового бюргерства в раннюю буржуазию, критериях раннекапиталистических форм производства и обмена, истолковании понятийного аппарата и терминологии, связанных с дискутируемой проблемой, и др.

Советская сторона представила шесть докладов: А. Н. Чистозвонов — «Социальная природа нидерландского бюргерства (XIV—XVII вв.)»; Е. В. Гутнова — «Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе»; Т. С. Осипова — «Социально-этническая структура городского населения в Ирландии XII—XV вв.»; Л. А. Котельникова — «Социальный облик итальянских пополанов и их земельные владения в XIV—XV вв. (по материалам Тосканы)»; А. А. Сванидзе — «Город и социальные функции кредитно-долговых отношений (к вопросу об общественной роли шведского бюргерства в XIII—XV вв.)»; Н. В. Савина — «Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в.».

Ученые ГДР представили восемь докладов: В. Кюттлер — «О теоретических и методологических проблемах современного изучения городской истории в ГДР (XI—XIII вв.)»; Б. Бертольд — «Коммунальное движение и внутригородская борьба»; К. Фритце — «Экономическая структура средневековых немецких городов и зарождение наемного труда»; Й. Шильдхауэр — «Социальная структура и социальное движение в немецком средневековом городе с XIII в. до начала XVI в.»; Э. Энгель — «К вопросу о политической роли средневекового немецкого бюргерства»; К. Шок — «Предместья: к вопросу об их возникновении, экономике и социальном развитии в истории средневекового немецкого города»; Э. Уитц — «Общественное положение женщин в средневековом городе»; М. Майер — «К вопросу о роли городских представителей на рейхстагах 1521—1526 гг.».

Дискуссия носила конструктивный, творческий характер. Советские ученые отстаивали господствующую в нашей литературе концепцию, согласно которой средневековое бюргерство представляло собою не особый «попутный» класс феодального общества, а довольно пеструю по своему составу сословную группу, оформившуюся юридически в ходе коммунального движения XI—XIII веков. Роль последнего при всем его несомненно прогрессивном значении не следует преувеличивать. Хотя бюргерство и имело ряд особых социально-экономических черт и сыграло положительную роль в развитии простого товарного хозяйства и обмена, оно являлось органической составной частью феодального общества, собственность его имела сословный характер и состояла в значительной, если не преобла-

дающей, степени из феодальных привилегий разного рода. Опираясь на свой привилегированный статус, средневековые города и бюргерство как внутри городских стен, так и в прилегающей сельской округе всячески подавляли более развитые, свободные или менее затронутые корпоративной регуляцией отрасли ремесла и торговли.

Преобладающая часть историков ГДР придерживается точки зрения, согласно которой бюргерство, хотя и было инкорпорировано в состав феодального общества, олицетворяло тем не менее нефеодальную по своей природе социальную категорию (класс). В процессе дискуссии позиции сторон по многим вопросам сблизились, были уточнены многие понятия и термины. Общее признание получил тезис о неразрывной связи бюргерства с феодальным строем, корпоративно-привилегированными формами собственности и вообще феодальными привилегиями разного рода. Было подчеркнуто, что «революционность» коммунального движения следует понимать главным образом в смысле его насильственного в большинстве случаев характера. В период перехода от феодализма к капитализму лишь часть бюргерства порывает со своим прежним статусом, образуя ядро формирующегося класса молодой буржуазии. Переход части бюргеров в состав последней не носил характера «континуитетной эволюции».

Обе стороны положительно оценили итоги работы коллоквиума, научную плодотворность и перспективность творческих дискуссий, в ходе которых ведется совместный научный поиск. Было решено и впредь проводить такие встречи специалистов по узловым и дискуссионным проблемам истории феодализма и перехода от феодализма к капитализму.

А. Н. Чистозвонов

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И РУМЫНСКИХ ИСТОРИКОВ

1—4 сентября 1978 г. в г. Фрунзе состоялась очередная научная конференция советских и румынских историков, посвященная проблеме «Прогрессивная мысль России и Румынии во второй половине XIX — начале XX в.— важный фактор сближения между двумя народами».

С советской стороны в конференции участвовали: чл.-корр. АН СССР А. М. Самсонов (и. о. председателя советской части Комиссии историков СССР и СРР), В. Н. Виноградов (зам. председателя), Л. Е. Семенова (ученый секретарь), В. Я. Гросул, А. Я. Манусевич, А. К. Мошану, Т. А. Покивайлова, Е. И. Спиваковский, Д. Ф. Поплыко, М. В. Фридман.

В конференции принимали участие киргизские историки: президент АН КиргССР чл.-корр. АН СССР К. К. Каракеев, вице-президент АН КиргССР чл.-корр. АН КиргССР С. Т. Табышалиев, акад. АН КиргССР Б. Д. Джамгерчинов, директор Института истории партии при ЦК КП Киргизии чл.-корр. АН КиргССР К. К. Орозалиев, заместитель директора Института истории АН КиргССР В. М. Плоских, а также Т. Баялиева, С. Данияров, А. Абышкаев.

Румынскую делегацию на конференции возглавлял член ЦК РКП, чл.-корр. Академии СРР, председатель румынской части Комиссии Ш. Штефэнеску. В состав делегации входили: Г. Ионицэ (ученый секретарь), Д. Бериндей, Д. Хурезяну, Д. Мунтян, Л. Слифка. В конференции принимал участие второй секретарь посольства СРР в СССР Л. Пастор.

Стороны представили на конференции по два доклада. Советские историки выступили с коллективным докладом «Прогрессивная общественно-политическая мысль России и Румынии в конце XIX — начале XX века. Проблемы критерия, развития, взаимовлияния» (В. Н. Виноградов, В. Я. Гросул, А. К. Мошану, Т. А. Покивайлова, Е. И. Спиваковский). С докладом «Румынская художественная культура конца XIX в. и русско-румынские культурные связи» выступил М. В. Фридман. Были заслушаны также два сообщения: А. Я. Манусевича по теме «Большевистская печать о развитии рабочего движения и прогрессивной общественной мысли в Румынии в 1903—1917 гг.» и Д. Ф. Поплыко — о развитии прогрессивной мысли в

России и на Балканах в период от революционно-демократического до социал-демократического ее этапов.

С румынской стороны Д. Хурезяну представил доклад «Развитие прогрессивной социальной мысли в Румынии во второй половине XIX — начале XX в. и ее связи с прогрессивной мыслью России». Вопросам румынской художественной культуры того периода был посвящен доклад Д. Мунтяна «Проблемы развития культуры в Румынии и ее связи с русской культурой в конце XIX — начале XX века».

На конференции были заслушаны также доклады киргизских историков. С. Т. Табышалиев выступил с докладом о состоянии исторической науки в Киргизской ССР. Доклад «Прогрессивное значение добровольного вхождения Киргизии в состав России и влияние русской прогрессивной мысли на развитие киргизского общества» представил Б. Д. Джамгерчинов.

Подводя итоги конференции, А. М. Самсонов и Ш. Штефэнеску отметили плодотворность состоявшегося обмена мнениями между советскими и румынскими историками по обсуждавшейся проблеме.

Стороны договорились организовать очередную конференцию советских и румынских историков в Бухаресте в сентябре 1979 г. по теме «Отношения народов России и Румынии в XVIII — начале XIX в. и отражение их в источниках двух стран».

Л. Е. Семенова

ВСТРЕЧА СКАНДИНАВИСТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

26—29 сентября 1978 г. в г. Грейфсвальде (ГДР) состоялась научная конференция на тему «Северная Европа в международной классовой борьбе». Организатором конференции было Отделение Северной Европы при Грейфсвальдском университете, имеющем давние культурные связи со Скандинавией [1]. В конференции приняли участие, кроме специалистов из ГДР, ученые Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии и СССР. В советскую делегацию входили ученые Москвы, Риги и Вильнюса. Возглавлял советскую делегацию акад. АН ЛатССР В. А. Штейнберг — академик-секретарь Отделения общественных наук, директор Института философии и истории этой академии.

Конференция открылась пленарным заседанием с обстоятельным докладом о состоянии и задачах изучения стран Северной Европы в ГДР, с которым выступил Г. Иоахими, возглавляющий Отделение (факультет) Северной Европы. Затем участники конференции разделились на три секции: 1) Экономические, политические, исторические аспекты роли Северной Европы в международной классовой борьбе; 2) Методологические вопросы литературоведения североевропейских литератур и проблемы культурной политики в Северной Европе; 3) Роль диахронии (временных изменений в языке) в научном описании современных североевропейских языков и в их преподавании как иностранных языков.

В первой секции было заслушано 22 доклада. Они группировались вокруг четырех основных тем: 1) европейская безопасность, внешняя и военная политика изучаемых стран, 2) Скандинавия во второй мировой войне — история и историография, 3) современная борьба за демократию и социальный прогресс, проблема социал-реформизма, 4) государственно-монополистический капитализм, процессы экономической интеграции в Северной Европе.

В рамках первой темы Д. Штроп (ГДР) привлек внимание к особенностям современной внешнеполитической позиции Швеции и Финляндии. Дискуссия возникла вокруг его утверждения о наличии в Швеции военно-промышленного комплекса, оспаривалось также чрезмерное сближение докладчиком внеблоковой политики обеих стран. Доклад Г. Путензена (ГДР) был посвящен участию общественности североевропейских стран в достижении военной разрядки, в борьбе за разоружение. О новых чертах в положении Дании как участника НАТО говорил К. Витте (ГДР), обративший внимание на место этой страны в современной стратегии НАТО, на возможные противоречия между внешнеполити-

[1] См. «Скандинавский сборник». XV. Таллин. 1970, стр. 282—287; там же, XXI, 1976, стр. 303—306; «Новая и новейшая история», 1974, № 4, стр. 236—237 и др.

ческими концепциями датской буржуазии и общенатовской стратегией. В этой связи обсуждалась и ценность так называемых базовых оговорок Дании и Норвегии в настоящее время (о недопущении ядерного оружия и длительного пребывания иностранных войск в этих странах в мирное время).

По второй теме наибольший интерес вызвал доклад Я. Петерса (ГДР) об антифашистской разведке в Швеции (группа Вилли Рома). На свежем материале в нем была показана подготовка шведских и немецких антифашистов к ведению партизанской борьбы в Швеции на случай ожидавшегося вторжения гитлеровских войск. К той же теме примыкал доклад А. С. Кана о норвежской историографии по новейшей истории Норвегии, увязанный с идейной борьбой в социалистическом движении этой страны.

Весьма успешно советские участники конференции выступали по ее стержневой, третьей теме. О. К. Тимашкова остановилась на идейно-политической эволюции скандинавской социал-демократии с упором на новые явления в этой области [2]. Она проанализировала причины относительной стабильности скандинавского социал-реформизма и факторы, подрывающие эту устойчивость, возможности и пределы социал-реформистской правительственной политики. А. В. Карлсен подробно охарактеризовал одну из самых правых среди северных социал-демократий — датскую. Он показал, что и здесь обостряется противоречие двух присущих социал-демократам тенденций — охранительной по отношению к капитализму и разрушающей его («антисистемной», по выражению докладчика).

Среди других докладчиков по проблемам рабочего движения с большим вниманием были выслушаны Э. Ветцль и Г. Полит (оба ГДР). Они остановились на особенностях положения и тактики северных компартий, на их усилиях по достижению выдвинутых на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г. целей. В этой связи обсуждалось отличие современной тактики Левой партии — коммунисты Швеции (установка на непосредственное свержение капитализма) от тактики большинства североевропейских компартий, признающих необходимость промежуточного этапа антимонополистической демократии. Возможностям прогрессивной политики средних слоев Скандинавии был посвящен доклад В. Фрича (ГДР) о финской Партии центра.

По четвертой теме с докладом о механизме классового господства буржуазии в условиях углубления общего кризиса капитализма выступила Э. Фельфе (ГДР). Доклад вызвал оживленную дискуссию о степени «дестабилизации» политической жизни современной Скандинавии, о применимости понятия «кризис буржуазной демократии» к этому региону. В докладе Ф. Степанека (ГДР) шла речь о новых чертах государственной аграрной политики в Швеции — от курса на фактическое свертывание сельского хозяйства к его консервации. Л. Г. Ходов остановился на масштабе, задачах и перспективах государственного сектора в странах Северной Европы, противопоставляя в этом плане Данию и Норвегию Швеции и Финляндии.

К конференции был приурочен выпуск (на ротапринте) комплексного учебного пособия по истории стран Северной Европы, подготовленного силами специалистов ГДР и СССР (издание его будет продолжено) [3].

Конференция выявила устойчивый интерес специалистов социалистических стран к изучению североевропейской художественной литературы и духовной культуры в целом. В секции по литературоведению привлек внимание доклад А. Бетке и Ф. Гроте (оба ГДР) «Программы и процессы в культурной политике Северной Европы», в котором была показана борьба прогрессивных сил за выработку марксистско-ленинской концепции культуры и искусства. Доклад Б. Пиотровского (Польша) был посвящен послевоенным культурным связям Польши и Скандинавии.

Встреча скандинавистов в Грейфсвальде прошла вполне успешно. В ходе ее были: а) сопоставлены и согласованы точки зрения специалистов социалистических стран на современную Северную Европу, ее внутреннюю и внешнюю политику, рабочее и демократическое движение; б) укрепились связи между скандинавистами социалистических стран; в) взаимно расширены знания о тематике исследований и об организации скандинавистики в социалистической части Европы.

А. С. Кан

---

[2] См. подробнее: О. К. Тимашкова. Скандинавская социал-демократия на современном этапе. М. 1978.

[3] См. «Nordeuropa-Studien». Sonderheft 2. Greifswald. 1977; Sonderheft 3. Greifswald. 1978.

Обзоры

АНГЛИЙСКИЙ ПУРИТАНИЗМ XVI — НАЧАЛА XVII в. В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В буржуазной историографии пуританизма ясно прослеживаются два направления, две школы. Одна из них, иногда называемая «консервативной», имеет давние традиции, восходящие еще к самим пуританам XVI—XVII вв., и рассматривает пуританизм как сугубо религиозное течение, не имеющее определенного классового источника. В XIX и первой половине XX в. ведущие позиции в англо-американской историографии занимали «неоконсерваторы», всячески превозносившие национальный характер английской реформации, который якобы выразился в ее умеренности и разумной консервативности. В этой связи радикальность пуританизма сводилась к «энтузиазму более последовательных протестантов, которые старались очистить церковь от остатков папизма» [1].

Традиции «неоконсервативной» школы приобрели особую популярность в современной англо-американской историографии. В годы «маккартизма» реакция в сфере политики отразилась на попытках буржуазных идеологов представить духовным источником американской демократической традиции не Просвещение, а пуританскую идеологию. Это стремление свести к минимуму и извратить роль демократических идей и революционных мыслителей является формой борьбы с современным свободомыслием и материализмом, способом дискредитации современной демократической мысли, являющейся наследницей революционного духа 1776 года [2].

Таким стремлением отличается монография профессора Чикагского университета А. Симпсона, в которой пуританизм рассматривается как движение исключительно религиозное. По словам этого историка, главным признаком пуританизма являлось учение «о спасении», обращенное «не к общественным классам, а к человечеству в целом». Человек, опираясь на «религиозный опыт», мог якобы подготовить себя к восприятию «божественной благодати», которая несла с собой сознание своего назначения в мирской жизни. Это-то, по мнению Симпсона, и отличало пуритан от остальной массы людей и «наделяло их привилегиями и обязанностями избранных» [3]. Мысль об «избранности» английских пуритан, наследниками которых Симпсон объявляет первых американских поселенцев и современных баптистов, наилучшим образом укладывается в каноны пресловутой доктрины «американской исключительности». Однако та же мысль в равной мере создает трудности для решения вопроса о времени возникновения пуританизма. Ведь «избранников божьих» можно отыскать в любом поколении. В том, как автор освещает данную проблему, особенно ярко обнаруживается его намерение, весьма характерное для «неоконсервативного» направления в целом, обойти вопрос о классовой природе пуританизма.

Согласно концепции Симпсона, существовало два типа пуритан. Одни — своеобразная «элита», те, которые отвергали всякое внешнее выражение религиозности и усматривали сущность религии в некоем «озарении внутренним светом», который будто бы направляет человека к «нравственному совершенству». В XVI в. проповед-

[1] P. Miller. The Puritens. Chicago. 1937, p. 9.

[2] См. А. М. Каримский. Социальная философия американского пуританизма. «Вопросы научного атеизма». Вып. 14. М. 1973.

[3] A. Simpson. Puritanism in New and Old England. Chicago. 1955, pp. 2, 11.

ническая деятельность этих «святых» якобы привела к появлению у них большого количества последователей, недовольных тем, что правительство, руководствуясь мирскими интересами, вмешалось в дела церкви (королевская реформация.— А. И.), но в то же время не желало отменить те обряды, которые особенно раздражали пуритан. Эти последователи — «ученики», или «масса», второй тип пуритан,— представители из всех слоев общества, вслед за «святыми» наставниками протестовали против нескольких обрядов англиканской церкви, которые мешали им вести успешную войну против греха, «за возрождение всего человечества» [4].

Этот религиозный конфликт, по мнению Симпсона, усугубляла чрезмерная ревность к своим прерогативам английских королей, особенно Якова I Стюарта. Причем гонения на пуритан в период его правления Симпсон старается объяснить католическими симпатиями этого сына Марии Стюарт [5]. Отрицая классовую природу пуританского движения и конфликта пуритан с монархией, «неоконсервативная» историография искажает исторические факты. Известно, что репрессии по отношению к пуританам английский король проводил с целью сохранить англиканскую епископальную церковь — важную опору абсолютизма [6].

В результате преследований одна из общин пуритан, руководимая Дж. Робинсоном, бежала из Ноттингемпшира в Голландию. Из ее состава сформировался отряд переселенцев, который в 1620 г. основал на берегу Массачусетского залива Плимутское поселение. После смерти Робинсона эту общину возглавил новый «избранник божий» У. Бедфорд, который, по словам Симпсона, был якобы «идеалом нравственного совершенства для всего населения колонии». Именно эти «отцы-пилигримы» и явились, по мнению автора, «родоначальниками истинного американизма» [7]. Напомним, что с 1629 г. во главе объединения пуританских общин Нового света стал Дж. Уинтроп — богатый джентри, видный юрист и теолог. Под его руководством в общинах нагнеталась обстановка религиозной нетерпимости, строжайшей регламентации образа жизни и мысли, а в отношении инакомыслящих действовала жестокая «цензура нравов», уже скомпрометировавшая себя в глазах беднейшего населения пуританских общин — «классов» городов Дедгема (графство Эссекс) и Нортгэмптона (графство Нортгэмптоншир) в Англии [8].

Аналогичные воззрения на природу пуританской реформации в Англии XVI в. развивает и другой американский буржуазный историк — Дж. Нью, утверждающий, что «теологические разногласия были единственной причиной и сутью конфликта пуритан с англиканами» [9]. Представители пуританской «элиты», которые, согласно концепции Симпсона, стремились передать свой «опыт» борьбы с грехом массам, считали проповедь «главным средством спасения людей». Англикане же говорили, что есть «много средств спасения, которые оставлены господом на выбор людям» [10]. Вот здесь правительство, как полагает Нью, и усмотрело покушение на свои религиозные прерогативы со стороны пуритан и, вмешавшись в спор, усугубило богословский конфликт, который тем не менее вскоре был исчерпан, и пуританизм «впал в неподвижность» (имеется в виду завершение спора Т. Картрайта и архиепископа Д. Уитгифта о «средствах спасения» (в 1573—1575 годах). Дело бы так и закончилось, считает Нью, но в XVII в. архиепископ Д. Лод проявил излишнюю щепетильность, желая заставить пуритан отказаться от своих религиозных убеждений, и это привело к возрождению старых споров.

В книге Нью, как, впрочем, и в работе Симпсона, использовано большое количество источников, в том числе памфлеты и трактаты многих известных деятелей пуританской реформации. Но сама цель — доказать, что «ни в одном из них ничего не говорилось об изменении государственных учреждений» [11], определила тенденциоз-

[4] Ibid., p. 5.
[5] Ibid., pp. 39—40.
[6] В. В. Штокмар. К истории английского пуританского движения в конце XVI века. «Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма». Горький. 1974.
[7] A. Simpson. Op. cit., p. 11.
[8] См. А. В. Исаенко. К вопросу об этике английских пуритан XVI в. и ее буржуазной сущности. «Проблемы всеобщей истории». М. 1974.
[9] J. New. Anglican and Puritan. The Basis of their Opposition. Stanford. 1964, p. 3.
[10] Ibid., pp. 8, 21; A. Simpson. Op. cit., p. 9.
[11] A. Simpson. Op. cit., p. 11.

ное отношение к источникам. Весь богатейший документальный материал о пуританизме XVI—XVII вв. буржуазные историки тщательно просеивают сквозь сито своей «разумно-консервативной» концепции, сосредоточивая внимание читателя на религиозной шелухе и оставляя в тени рациональные зерна свидетельств, имеющие совершенно определенный социальный смысл. В книге Симпсона не исследуются совсем, а в работе Нью лишь поверхностно затрагиваются вопросы этики и политические взгляды пуритан. Их взгляды на бедность, труд и собственность, в которых особенно ярко проявилась классовая сущность пуританизма, остаются вне поля зрения этих историков. По словам Ф. Энгельса, такие историки продолжают «видеть в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки» [12]. Симпсон, например, совершенно сознательно пишет, что истинная природа пуританизма как сугубо религиозного движения была искажена «современным культом экономической интерпретации», и его усилия направлены на то, чтобы преодолеть влияние этой «химеры марксизма» [13].

Выступая против марксистской теории классовой борьбы, «неоконсерваторы» не случайно выпячивают религиозную форму конфликта пуритан с правительством, абсолютизируя ее и постепенно доводя до полного отрешения от реальной исторической действительности. В работах Симпсона и Нью содержатся рассуждения о «вечности пуританизма» и его «преемственности» и зависимости от идей «избранных сторонников» спасения человечества, которые на протяжении столетий вели спор о «средствах спасения» с людьми менее набожными и только в Америке наконец обрели «обетованную землю» и благодарную аудиторию. Совершенно очевидно сознательное стремление этих историков, используя примитивный метод формального сличения религиозных высказываний представителей еретических сект XIII—XIV вв. и пуритан, снять проблему прогресса в истории английской реформации, новое свести к старому, к эпигонству, к простому повторению уже известных идей и концепций, опровергнуть их классовое происхождение и социальную сущность, сгладить идейную борьбу в Англии XVI в. и показать, что тем более она чужда Америке, где пуританизм развивался, так сказать, в «чистом виде» и не представлял собой даже религиозной оппозиции.

После выхода в свет работ Симпсона и Нью «неоконсервативное» направление сделало еще один шаг в сторону реакции. Дело в том, что оба эти историка в определенном смысле согрешили против принципов «разумного консерватизма». По мнению критиков, они были «не до конца последовательны» в преодолении влияния «экономической интерпретации» пуританизма, уделив «слишком пристальное внимание конфликту пуритан с правительством» [14]. Действительно, одной из немногих положительных сторон книги Нью является то, что он первым из всех зарубежных историков выдвинул правильную мысль, согласно которой догматические разногласия англикан с пуританами возникли одновременно с пуританским движением [15]. Хотя вся его работа посвящена доказательству религиозной природы этих разногласий, само понятие конфликта противоречит основному кредо консервативной историографии и, с точки зрения некоторых оппонентов Симпсона и Нью, сопряжено чуть ли не с признанием марксистской теории классовой борьбы.

К чему же привел более «последовательный» подход «неоконсерваторов» к истории пуританского движения в Англии? В монографии Ч. и К. Джордж, которая пользуется большим авторитетом в современной буржуазной историографии, пуританизм трактуется как «вариант протестантской мысли в английской реформации». Никакого «конфликта» якобы не было, да и не могло быть. Пуритане, по мнению этих авторов, были только «более набожными» по сравнению с другими протестан-

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 359.

[13] Напомним, что попытки «возрождения» религиозной сущности пуританизма уже имели место в «неоконсервативной» историографии США (см. например, P. Miller. Op. cit.; J. Dart. The Old Religion. N. Y. 1946).

[14] См., например, B. Hill. Puritanism. The Problem of Definition. «Studies in Church History». Vol. II. L. 1965, p. 99.

[15] J. New. Op. cit., pp. 3—4; А. Симпсон также утверждал, что англиканская догматика в конце XVI в. представляла собой не что иное, как попытку «реконструкции старой католической позиции» (A. Simpson. Op. cit., p. 10).

тами (то есть англиканами) людьми, а их взгляды сводятся к простому «соревнованию представителей англиканства и католицизма относительно высших ценностей» [16]. Таким образом, в этой работе ясно обозначилась еще одна характерная для «неоконсервативного» направления тенденция: растворять пуританизм в протестантстве и, что особенно примечательно, в англиканстве. Тем самым вопрос о классовой природе пуританского движения ловко обходится авторами, а вместо острейшего англикано-пуританского конфликта на первый план выдвигаются «пустячные неурядицы» по поводу обрядов, происходившие, так сказать, в «семейном кругу», что в общем и целом совершенно не отразилось на верноподданнических чувствах всех «английских протестантов».

Ч. и К. Джордж полностью разделяют утверждение английского буржуазного ученого Дж. У. Аллена, который считает, что политическая мысль XVI в. в Англии представляла собой некий «единый поток», так как все мыслители (в том числе и пуритане) преследовали одну и ту же цель — защитить существующий политический строй, якобы выгодный всем слоям общества [17]. Весьма примечательно также заключение Ч. и К. Джордж по поводу «кризиса протестантизма в Англии»: «протестантизм (то есть пуританизм.— А. И.) не разрешил ни одной проблемы Кромвеля и революционеров, так как он не предложил ни единой церковной политики, ни конституционных рекомендаций, ни позитивной экономической теории» [18]. Между тем хорошо известно, что уже в 1571 г. пуритане выступили в печати с первым «Предостережением парламенту» — памфлетом, в котором был изложен проект проведения в Англии кальвинистской реформации. Окончательное завершение проект единой (национальной) пресвитерианской церкви получил в знаменитой «Книге Дисциплины» (1574 г.) У. Траверса и Т. Картрайта. Появление в 80-е годы XVI в. во многих графствах Англии крупных пресвитерианских общин — «классов» говорит о том, что эти проекты получили реальное воплощение.

Пытаясь доказать, что разногласия пуритан с англиканами не определялись материальными интересами каких-либо «социальных слоев», и растворяя для этого пуританизм в англиканстве, «неоконсерваторы» отрицают и существование различных идейных позиций в протестантизме, а следовательно, и течений, что является грубым искажением исторической истины. В этом и заключается суть новейшего «изобретения» неоконсервативной историографии, пальма первенства в которой перешла со второй половины 60-х годов на некоторое время от американских буржуазных историков к их английским коллегам.

Большой популярностью среди английских специалистов в области реформации пользуется книга профессора Дублинского и Ноттингэмского университетов Д. Вудворта, которая в настоящее время является учебным пособием для студентов высших учебных заведений Великобритании [19]. Проблема возникновения и развития пуританизма, по мнению Вудворта, «очень проста». В Англии с давних времен существовала традиция «народной реформации», которую он неправильно отождествляет с лоллардизмом. В 20-е годы XVI в. на Британских островах стала распространяться «интеллектуальная ересь» М. Лютера, причем почву для ее успеха, согласно утверждению Вудворта, подготовили Эразм Роттердамский, который читал лекции в Кембридже, а также английские гуманисты Дж. Колет и Т. Мор. От них «интеллектуальную ересь» восприняли епископы, тайно «сочувствовавшие» лоллардам: Т. Кранмер, Дж. Ридли, М. Ковердэль, Х. Латимер и Т. Билни. Они-то и стали родоначальниками «английского протестантизма», который, по мысли Вудворта, является «органическим

---

[16] Ch. George and K. George. The Protestant Mind of the English Reformation. 1570—1640. Princeton. 1961 (1964), pp. 16—17.

[17] J. Allen. A History of Political Thought in the Sixteenth Century. L. 1957, pp. 125—133. Современная буржуазная историография пытается изобразить общество эпохи Тюдоров в качестве «золотого века» английской истории, некоего государства «всеобщего благоденствия» (см. Ch. Morris. Political Thought in England. Tyndale to the Oker. Oxford. 1953; L. Stone. Social Change and Revolution in England. 1540—1640. L. 1966; D. Boulay, F. Houssemayne. An Age of Ambition. English Society in the Late Middle Ages. N. Y. 1970).

[18] Ch. George and K. George. Op. cit., pp. 16—17.

[19] G. Woodward. Reformation and Resurgence. England in the 16-th Century. L. 1963. 2nd ed. 1976.

сплавом популярной народной реформации — лоллардизма, интеллектуальной ереси Лютера и гуманизма» [20].

Таким образом, «английский протестантизм» объявляется уже не просто «вариантом», а квинтэссенцией, «высшим достижением» европейской реформации и гуманизма. В этой фальсификации особенно вопиющим представляется то обстоятельство, что Вудворт ставит пуританизм — эту апологию самых отвратительных и корыстных побуждений имущих классов, в которой принцип индивидуализма выродился в «плоскую и лицемерную моральную доктрину» буржуазного собственника и стяжателя [21], — на один уровень с учением Т. Мора, который, последовательно защищая гуманистический идеал всестороннего и полного удовлетворения потребностей человека и развития его способностей, осознал необходимость уничтожить для осуществления этого идеала и частную собственность, и богатство, нажитое нечестным путем, и классовое деление общества и перестроить весь общественный строй на началах общности имуществ и равенства.

Итак, согласно схеме Джордж — Вудворта, пуританизм представляет собой часть «английского протестантизма» — англиканства, а так как он не выработал «единой церковной политики» и ничем другим, кроме более глубокой религиозности, от англиканства не отличается, то фактически не является самостоятельной реформацией или хотя бы религиозным течением. На этом основании другой английский буржуазный историк — Б. Хилл открыто предложил «избегать употребления этого термина» [22].

В связи с этим очень характерны взгляды, развиваемые американским буржуазным историком П. Зивером. Эволюция «неоконсервативной» точки зрения на пуританизм получила в них свое логическое завершение. Он объявил своей задачей изучение того, как в церкви утвердилась проповедь — главный признак английского протестантизма, а не пуританизма. Более того, Зивер считает, что пришло время вообще отказаться от изучения «явления пуританизма», ибо это «плод воображения старых историков», потому что «пуританизм никогда не был монолитной партией какого-нибудь слоя общества, а, наоборот, пронизывал все его сословия снизу доверху». С самого начала пуританизм якобы включал в себя и мирян и духовенство, и многие из них по-разному истолковывали выдвигаемые пуританами взгляды: «Это движение в качестве протеста против некоторых церковных обрядов внутри англиканства не имело центра и лидеров, способных навязать авторитетное мнение» [23].

Отказав, таким образом, пуританизму в праве на существование как «историческому явлению», Зивер предлагает вместо него изучать историю борьбы за установление в Англии «проповеди слова божьего», так как, по его мнению, сторонники такой проповеди — и бедные и богатые — видели в ней «единственный путь к спасению и установлению нового образа жизни». Его ссылки в этой связи на монографии М. Уальзера и П. Коллинсона (о них см. ниже) — историков так называемого «нового» направления в изучении пуританизма — не оставляют сомнений в том, что под «новым образом жизни» Зивер, как и эти авторы, подразумевает буржуазное «демократическое общество» [24]. В данном случае перед нами яркий пример того, как первое направление в буржуазной историографии смыкается со вторым, о котором речь пойдет ниже. Но прежде чем перейти к его характеристике, заметим, что «неоконсерваторы» не выдвигали сколько-нибудь четкой периодизации пуританизма, а также не выделяли каких-либо вопросов, связанных с этим движением, за исключением сугубо религиозных — вопросов догматики или «борьбы за проповедь».

Второе направление в изучении пуританского движения в буржуазной историографии возникло сравнительно недавно, отсюда его название — «новое», и, как явствует из заявлений его ведущих представителей, своими «духовными вождями» они считают М. Вебера и Э. Трёльча — немецких буржуазно-либеральных историков нача-

---

[20] G. Woodward. Op. cit., pp. 90—91, 94.

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 418—419; см. также Ю. М. Сапрыкин. Принцип индивидуализма в английской политической литературе конца XV—XVI вв. «Средние века». Вып. 38. М. 1975, стр. 56.

[22] B. Hill. Op. cit., p. 13.

[23] P. Seaver. The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent. 1560—1662. Stanford (California). 1970, pp. VIII, 7.

[24] Ibid., p. 3.

ла XX века. Взгляды Вебера и Трёльча, пронизанные апологией капиталистического строя, получили широкое распространение в буржуазной историографии Англии и США, в частности среди некоторых авторов, изучающих английский пуританизм. Одним из первых представителей этого «нового» направления является американский буржуазный историк М. Кнаппен. В его монографии «Пуританизм при Тюдорах» это движение трактуется как англосаксонская ветвь континентальной протестантской реформации. Возникновение пуританизма, как и протестантизма вообще, Кнаппен, подобно Веберу и Трёльчу, объясняет не материальными интересами поднимающихся классов, а появлением в XVI в. «большого количества носителей реформационной морали», которая пришлась по душе «влиятельным людям», а главное—крупным купеческим компаниям [25]. В последнем Кнаппен прав, однако он отказывается от критического анализа этой морали («норм хозяйственной этики»). Наоборот, он идеализирует ее, утверждая, что пуритане заслужили расположение влиятельных верующих своим «благочестием», «нравственностью», «милосердием к несчастным», тем, что они выступали за «просвещение неграмотных» и т. д. Кнаппен выделяет специальную главу, посвященную образованию «союза пуритан и юристов», который, по его мнению, возник потому, что юристы увидели в пуританах поборников «справедливости в законах» [26].

Таким образом, уже во взглядах Кнаппена выявились как общие для «неоконсерваторов» и «модернистов» позиции, так и различия, впрочем, как видно, не столь принципиальные, чтобы резко противопоставлять эти два направления в буржуазной историографии одно другому [27]. Нетрудно заметить и то, что в работе Кнаппена довольно четко определен тот круг вопросов, которыми следует заниматься историкам пуританизма «нового» направления. По существу, им была намечена программа идеализации пуританизма, причем именно той его стороны, которая касалась религиозно-нравственного и дисциплинарного воздействия на народные массы, а у самих пуритан называлась системой «приведения народа в должное повиновение» и в которой особенно ярко проявилась буржуазная, эксплуататорская природа пуританизма. Чтобы опровергнуть это, «модернисты» стремятся доказать, что «новый образ жизни», который пропагандировали пуритане, был якобы выгоден всем классам общества, подобно тому как современные буржуазные экономисты стараются доказать «общенародный» характер капитализма.

В этом отношении очень характерны взгляды, развиваемые американским «модернистом» К. Хиллом. Его книга по сей день остается наиболее авторитетной трактовкой пуританизма в буржуазной историографии «нового» направления [28]. Прежде всего К. Хилл отверг какую бы то ни было связь пуритан с кальвинизмом [29]. Именно поэтому в его работе не проводится никаких различий во взглядах радикальных англикан эпохи католической реакции Марии Стюарт и пуритан. Начало движения последних он относит к 20-м годам XVI в., то есть ко времени появления кальвинизма. При этом К. Хилл утверждает, что «реформационный дух», носителями которого выступали пуритане, «присутствовал всегда и везде в христианских странах и время от времени проявлялся в ересях»; в этой связи весьма примечательны его ссылки на работы «неоконсерваторов» Аллена и Ч. и К. Джордж. Однако в отличие от них К. Хилл полагает, что движение пуритан лишь на первом этапе имело сугубо религиозное содержание, а во второй половине XVI и особенно в XVII в. «догматические разногласия» пуритан с англиканами «приняли политическую окраску».

---

[25] M. Knappen. The Tudor Puritanism. Chicago. 1939, p. 5.

[26] Ibid., Ch. XIII.

[27] Это делает Б. Хилл. Он упрекает «модернистов» в отходе от принципов «разумного консерватизма» и на том основании, что они изучают этику пуритан — ее «прагматический дух» (можно с оговоркой назвать это социальными аспектами), объявляет «модернистов» чуть ли не сторонниками марксизма (B. Hill. Op. cit., pp. 16—17).

[28] Ch. Hill. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. N. Y. 1964 (2 nd. ed. 1972).

[29] Единственной работой, в которой указывается на связь пуританства с кальвинизмом, на то, что мораль английских пуритан «определялась кальвинистской догматикой», была монография английского буржуазного историка Ч. Крименса (Ch. Creamens. The Reception of Calvinistic Thought in England. L. 1949). Однако она предана, по вполне понятным причинам, полному забвению как в «неоконсервативной», так и в «модернистской» историографии.

Однако в том, что пуританизм приобрел в XVII в. «политическую окраску», К. Хилл склонен винить государство, вернее, ту «недальновидную», с его точки зрения, политику репрессий, к которой прибегали некоторые англиканские иерархи с целью введения «единообразия» в религии [30]. Таким образом, «политическая окраска», по мысли Хилла, всего лишь оболочка пуританизма, а суть его в другом.

Примерно в одно время с работой К. Хилла в Англии вышла из печати книга другого буржуазного историка, М. Уальзера, под громким названием «Революция святых» [31]. В ней автор развивает идеи, согласно которым пуританами следует считать «грамотных и политически сознательных людей», склонных к «радикальной трансформации английского образа жизни», главным образом в области образования, народного просвещения, быта и законодательства. С этим полностью согласен и К. Хилл, по мнению которого именно в этом «состоит основная миссия» пуританизма. Это не «партия» или «движение», а «дух» преобразований. Этот «дух» проявился и в новом церковном устройстве и в политике, но главным образом в новой «этике». К. Хилл утверждает, что пуританское «учение нашло себе сторонников среди значительной части мирян» из всех слоев общества [32]; тем самым он открывает широкий простор для идеализации отдельных аспектов пуританской этики, намеченных еще в работе Кнаппена.

Почему пуритане предпочитали проповедь в качестве единственного средства «спасения» людей? На этот вопрос К. Хилл отвечает так: пуритане стремились увеличить количество проповедей, чтобы поднять общеобразовательный уровень всех членов общин [33]. Для той же цели они перевели и библию на английский язык, и это, как заявляет К. Хилл, явилось настоящим «переворотом» в народном просвещении [34]. Английский буржуазный историк Л. Стоун также утверждает, что пуритане под влиянием «реформационного духа протестантизма совершили революцию в образовании». Он пытается доказать, что одной из главных задач пуританских общин являлась «организация просвещения» простого народа и обучения его грамоте [35].

Для подтверждения своей концепции К. Хилл и другие «модернисты» ссылаются на свидетельство известного пуританского лидера Т. Ливера, который усматривал причину восстания 1549 г. в том, что «чернь не слышала в то время советов образованных людей» (то есть пуритан.— А. И.), а также на сообщение пуританского проповедника Г. Смита. Последний говорил, что «люди приходят в церковь за новостями. Если проповедник что-нибудь расскажет о положении наших армий за морем или делах тайного совета дома, люди счастливы». На этом основании К. Хилл, например, утверждает, что пуритане осуществляли постоянный «контроль» за образованием народа [36].

Известно, что в публичных проповедях пуритане довольно часто критиковали церковную политику Елизаветы I, нападали на епископат и тем самым серьезно угрожали интересам абсолютизма, но данное обстоятельство совсем не проясняет, как при этом они решали задачу «обучения простого народа грамоте» и каково же было содержание этого «образования». Характерно, что архиепископ М. Паркер боялся, как бы в своем стремлении установить пресвитерианский строй в церкви пуритане не стали опираться на народ, что, по его мнению, могло привести к «уничтожению дворянства». Поэтому и королева рассматривала пуритан как «потенциальных бунтовщиков» [37]. Что касается свидетельства Ливера, то оно показывает, что пуритане опасались привлечь народ к осуществлению своей реформации, для чего проповедовали смирение и стремились удержать народ от антиправительственных

[30] Ch. Hill. Op. cit., pp. 44—46.
[31] M. Walser. The Revolution of the Saints. Cambridge. 1965.
[32] Ch. Hill. Op. cit., p. 28.
[33] Ibid., p. 46.
[34] В данном случае К. Хилл допускает ошибку, поскольку, как уже было показано, не проводит различий между отдельными течениями в английской реформации — в Англии с 1515 г. был распространен тираж библии, переведенной на английский язык лоллардом У. Тиндалем.
[35] L. Stone. The Educational Revolution in England. 1560—1690. «Past and Present». XXIII. L. 1964.
[36] Ch. Hill. Op. cit., pp. 32—33, 51.
[37] См. А. В. Исаенко. О политических взглядах английских пуритан XVI в. «Вестник МГУ», 1975, № 4, стр. 91.

выступлений [38]. А между тем источники содержат немало других фактов. Из них выявляется реальное содержание «образования», которое пуритане предлагали для простого народа. Оно, как явствует из заявления Т. Картрайта, должно быть ограничено «сокращенным изложением катехизиса» (то есть главных положений кальвинистского вероучения.— А. И.) и способствовать основной задаче пуританизма — «приведению народа в должное повиновение» [39]. Тем не менее в книге К. Хилла и статье Стоуна эти факты замалчиваются. Более того, в 1966 г. К. Хилл в соавторстве с Дж. Симоном опубликовал работу, в которой продолжал утверждать, что «пуритане сыграли огромную роль в просвещении народа» [40].

Другим аспектом пуританской этики, которому К. Хилл уделяет большое внимание, является пресловутая пуританская «благотворительность». В этой связи он ссылается на работы профессора Кембриджского университета У. Джордана. Последний подсчитал, что в девяти графствах и двух крупных городах, которые он исследовал, богатые пуритане между 1601 и 1640 гг. пожертвовали на нужды общин 46 250 ф. стерлингов [41]. На этом основании К. Хилл, а также известный английский буржуазный историк П. Коллинсон идеализируют пуританскую «филантропию». К. Хилл, правда, признает, что 37 500 ф. ст. из этой суммы было потрачено на содержание пуританского духовенства [42]. Но Коллинсон уверяет читателей, что и оставшейся суммы было вполне достаточно, чтобы проявить «великодушное милосердие» по отношению к «несчастным» [43].

Однако хорошо известно реальное содержание пуританского альтруизма, которым любят козырять буржуазные историки. Обманом привлекая в общины простой народ, богатые пуританские дельцы и хозяева мануфактур вовсе не думали терпеть убытки, безвозмездно жертвуя на содержание неимущих. За небольшое пособие бедняки оказывались в полной зависимости от хозяев, и те с немалой для себя выгодой использовали их дешевую рабочую силу. Как известно, статут 1571 г. «Об обеспечении нищих, бродяг и немощных» предусматривал передачу выявленных бродяг в полную собственность тех «джентльменов, которые пожелают взять их к себе» [44]. Никто из буржуазных историков не подсчитывает, какой доход имел владелец хотя бы одной мануфактуры от эксплуатации нескольких десятков таких «несчастных». Зато Коллинсон изображает полицейскую функцию пресвитерианской «цензуры» по «розыску, наказанию бродяг и насильственному привлечению их к труду» в качестве искреннего желания пуритан «помочь беднейшим слоям найти свое место в жизни» [45]. К. Хилл утверждает, что пуритане принадлежали к особому «сорту трудолюбивых людей», но их «строгое отношение к безделью» было продиктовано «объективными» причинами: «сокращением национальных ресурсов (рабочей силы.— А. И.) и отсталостью государственной экономической организации» [46].

В рамках «нового» направления продолжают появляться работы, в которых вновь и вновь идеализируются отдельные стороны пуританской реформации XVI—XVII веков. Крупнейший буржуазный специалист по истории английского парламента в XVI в. Дж. Нил склонен преувеличивать роль пуритан в «улучшении» английских государственных порядков. Английский буржуазный историк П. Макграт восхищается «национальным патриотизмом» пуритан в их борьбе «с антиправительственной деятельностью иезуитов» [47]. В американской буржуазной литературе последних лет

---

[38] Одной из самых популярных пуританских идей в XVI в. была проповедь беспрекословного подчинения подданных установленной власти (там же, стр. 94; см. также H. White. Social Criticism in 16-th Century English Literature. N. Y. 1944, p. 102).

[39] Th. Cartwright. The Sacred Book of Discipline. In: D. Neal. The History of the Puritans. Vol. V. L. 1822, Appendix, p. XX.

[40] Ch. Hill, J. Simon. Education and Society in Tudor England. N. Y. 1966, p. 12.

[41] W. Jordan. Philantropy in England. L. 1961, pp. 249—301, 312, 314; «The Charities of London». L. 1963, p. 72.

[42] Ch. Hill. Op. cit., p. 97.

[43] P. Collinson. The Elizabethan Puritan Movement. L. 1967, p. 217.

[44] R. Tawney. The Tudor Economic Documents. N. Y. 1924, pp. 330—333.

[45] P. Collinson. Op. cit., p. 217.

[46] Ch. Hill. Op. cit., p. 127.

[47] J. Neale. Elizabeth I and her Parliaments. 1584—1601. L. 1957, p. 22; P. McGrath. Papist and Puritans under Elizabeth I. L. 1967, p. 77.

весьма популярна идеализация пуританской «демократической» традиции. Упоминавшийся выше М. Уальзер впервые выдвинул положение, согласно которому пуритане «проповедовали разум веры для того, чтобы организовать жизнь английского общества на справедливых демократических началах» [48]. Он идеализировал демократические порядки пуританских общин, явно не желая заметить, что они отвечали прежде всего интересам зажиточной верхушки общин. В США подобные взгляды развивал Р. Браун. Широко известна его книга «Демократия среднего класса и революция в Массачусетсе» [49]. На основе выборочных подсчетов Браун пришел к выводу, что еще до Американской революции избирательным правом пользовалось 95% взрослого мужского населения Массачусетса. И хотя методы Брауна вызвали серьезные сомнения и критику со стороны американских «модернистов» (в США их в отличие от «неоконсерваторов» иногда называют «прогрессистами») [50], все же подавляющее большинство американских буржуазных историков разделяет концепцию «преемственности», согласно которой смысл Американской революции состоял в том, чтобы сохранить беспримерные демократические свободы, которыми якобы уже были наделены к моменту конфликта с метрополией жители Нового света [51]. Как считает известный буржуазный специалист в области ранней американской истории К. Брайденбо, «средний житель Новой Англии, участвуя в городских митингах, слышал бесчисленное множество раз о своих правах и свободах» [52]. По мнению же другого американского буржуазного историка, Р. Тагуэла, в пуританской «церковной цензуре» находился истинный зародыш американской демократии, отличительной чертой которой является «всемерное соблюдение прав человеческой личности» [53].

О том, какие «права» предоставлялись «церковной цензурой» пуританских общин простым мирянам, красноречиво свидетельствует видный идеолог пуританизма XVII в. У. Перкинс. «Бедняки,— писал он,— это почти проклятая часть людей, ведь их ничтожное материальное состояние является только следствием их духовной ущербности. Следовательно, эта часть людей имеет только одно право — спастись тяжелым физическим трудом. Каждому—свое» [54].

Таким образом, буржуазная историография (и «неоконсервативная» и «модернистская»), поднимая на щит такие сомнительные «достижения» пуританизма, как церковная «цензура» и религиозный фанатизм, отрекается от тех прогрессивных черт, которые были присущи буржуазии в эпоху буржуазных революций. Некоторые американские буржуазные историки открыто поддерживают небезызвестного реакционера Б. Голдуотера. В «Энциклопедии американской биографии» говорится, например, что он, «твердо выступая против всякого либерализма, за продолжение политики «холодной войны», борется за возвращение моральных ценностей и традиций пуританской Америки» [55]. Симптоматично, что политическая реакция и буржуазная историография видят в пуританизме «символ здорового консерватизма», а в скомпрометированной уже в XVI в. церковной «цензуре» «гарантию соблюдения прав человека в демократических общинах» [56]. Ни один современный буржуазный историк не признает классовой буржуазной природы пуританизма. С этой точки зрения между представителями двух охарактеризованных выше направлений буржуазной историографии нет никакой принципиальной разницы.

А. В. Исаенко

---

[48] M. Walser. Op. cit., p. 8.

[49] R. Brown. Middle-class Democracy and the Revolution in Massachusetts. 1691—1780. Ithaca. 1955.

[50] См., например: G. Warden. Inequality and Instability in Eighteen Century Boston: A Reappraisal. «The Journal of Interdisciplinary History», 1976, vol. VI, pp. 586—587.

[51] См. А. А. Фурсенко. «Свобода» и «права человека» в Американской революции XVIII века. «Вопросы истории», 1977, № 5, стр. 90.

[52] G. Bridenbaugh. The Spirit 76. The Growth of American Patriotism before Independence. 1607—1776. N. Y. 1975, p. 148.

[53] R. Tugwell. The Shapping of the Constitution for 2000. The Future of the United States Government Toward the Year 2000. N. Y. 1971.

[54] W. Perkins. The Works. Vol. V. L. 1605, p. 213.

[55] «The Encyclopedia of American Biography». Vol. II. Art. 55.

[56] G. Bridenbaugh. Op. cit., p. 153.

Рецензии

P. CLARK and P. SLACK. *English Towns in Transition 1500—1700.* L.— Oxford — N. Y. Oxford University Press. 1976. 176 p.

П. КЛАРК и П. СЛЭК. *Английские города в переходный период 1500—1700 гг.*

Проблема возникновения и развития городов постоянно привлекает внимание как зарубежных, так и советских историков. Принципиальное отличие в подходе к решению данной проблемы заключается в том, что марксистско-ленинская историческая наука видит основу существования города прежде всего в сосредоточении в нем определенных производственных функций, буржуазная же направляет свое внимание на роль города в сфере обращения и других непроизводственных функций (культурной, политической, религиозной). Однако в последнее время заметно возросло внимание западных историков к социально-экономической структуре городов. В этой связи представляет интерес монография преподавателя экономической и социальной истории в университете г. Лестера П. Кларка и научного сотрудника колледжа г. Оксфорда П. Слэка по истории английских городов в переходный от средневековья к новому времени период [1].

Авторы пытаются выявить характерные для того времени черты экономической, социальной и политической структуры городов. Они подчеркивают, что, хотя Англия в рассматриваемую эпоху оставалась аграрной страной, города приобретали все большее значение как центры экономической, политической, религиозной и культурной жизни страны, как резиденции королевского двора, парламента, мировых судей, епископов. В них также располагались университеты, школы, театры. Одним словом, города были «важным винтиком в механизме аграрного общества» (стр. 1). Говоря о самом понятии «город», авторы указывают на многочисленные попытки ученых выявить характерные черты доиндустриального города. Они подвергают критике точку зрения американского историка Л. Уэрта [2], определявшего город как «относительно крупное, компактное и постоянное место расположения социально разнородных личностей» (стр. 2—3). Оспаривают авторы и правомерность характеристики города путем чрезмерного преувеличения значения законодательных институтов, как это делал английский историк Ф. Мэтланд [3], или торговли, как считал бельгийский ученый А. Пиренн [4].

Кларк и Слэк предлагают отличную от большинства буржуазных работ трактовку городов в переходный от феодализма к капитализму период. Они выделяют пять основных признаков городов (необычная концентрация населения, особая экономическая функция, сложная социальная структура, усложненный политический порядок, влияние на население, проживающее за стенами городов). Главным критерием авторы считают производственную, экономическую функцию города (наличие промышленности, развитие торговых отношений и т. д.). Как известно, в XVI—XVII вв. промышленность и торговля, уже приобретшие отчасти капиталистический характер, начинают перерастать рамки средневековых форм хозяйства и городского строя с его цеховыми ограничениями и олигархическим правлением. Сильнее всего развиваются на капиталистической основе в это время города в Нидерландах, Франции и Англии. Однако авторы, выделяя те или иные характерные для доиндустриальных городов черты, обходят молчанием влияние, которое оказали на жизнь страны и городов происходившие в ту эпоху глубокие социальные сдвиги, в частности буржуазная революция, расчистившая пути для более интенсивного развития капиталистических отношений.

По подсчетам авторов, в эпоху Тюдоров

[1] В советской историографии более подробно рассмотрены английские средневековые города (см. А. Я. Левицкий. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.-Л. 1960; А. А. Кириллова. Социальная борьба в английском городе XIV—XV вв. Докт. дисс. М. 1968).

[2] L. Wirth. Community Life and Social Policy. Chicago. 1956.

[3] F. Maitland. The Constitutional History of England. Cambridge. 1926.

[4] А. Пиренн. Средневековые города и возрождение торговли. Горький. 1941.

и Стюартов в Англии было около 700 городов, которые подразделяются на три категории: «провинциальные», «новые», «провинциальные столицы». К первой, самой многочисленной группе (500—600 городов) относятся, по мнению авторов, города наиболее распространенного тогда не только в Англии, но и в Европе типа; это рыночные города (market-towns) с населением до 600 человек и центры графств (county-towns) с 5 тыс. жителей и более. Авторы подчеркивают, что в экономике рыночных городов преобладало сельское хозяйство. Большинство жителей — даже ремесленники и торговцы — занимались земледелием. Отличительной чертой было наличие рынка и экономических служб. Социальная и политическая структура таких городов имела, по мнению авторов, много общего с сельской общиной. Городские дела находились под контролем судей графства, манориального суда. «Крайности социальной структуры» (так в книге именуются социальные противоречия) в этих городах были «более очевидны, чем в сельской местности» (стр. 21). Так, в Кенте половина населения в 1660 г. была настолько бедна, что даже не подлежала обложению каминным налогом. А рядом с бедняками проживали богатые горожане, тратившие значительные средства на строительство домов, приобретение предметов роскоши, получение образования, развлечения. Центры графств, входившие в категорию «провинциальных городов», имели более развитые экономические отношения. Наличие нескольких рынков, специализировавшихся на продаже определенных товаров (в Вустере и Дадли — скот, в Кормаркете—зерно и т. д.), а также ряда ремесленных гильдий — таковы их специфические особенности. Авторы указывают и на более сложную политическую структуру, объединявшую черты средневекового самоуправления гильдий с новой администрацией. В начале XVII в. ремесленные гильдии были уже тесно связаны с гражданской администрацией.

Затем авторы переходят к анализу категории «новых городов», то есть тех, что возникли в связи с новой, капиталистической промышленностью, развитием транспорта. Наряду с промышленными центрами к «новым городам», как считают авторы, относились также города-курорты и судостроительные верфи. К 1700 г. в Англии насчитывалось около 30 новых городов, из них 12 были промышленными центрами. Численность населения промышленного города достигала 7—8 тыс. человек. Говоря об источниках возникновения промышленных центров, авторы подчеркивают, что большинство их выросло из рыночных городов и деревень. Характерной чертой новых городов, по мнению авторов, было «отсутствие эффективного муниципального контроля», обусловленного, как они полагают, малочисленностью администрации (стр. 43).

Самые крупные и богатые города с населением 11—20 тыс. человек составляли малочисленную, но наиболее авторитетную группу. В силу того, что их влияние простиралось на целые области, авторы назвали их «провинциальными столицами». Помимо Лондона, к ним относились: Йорк, Бристоль, Норидж, Экстер, Ньюкасл. Сравнивая «провинциальные столицы» с центрами графств, авторы находят у них как общие, так и отличительные черты. Главные различия они видят в значительном расширении торговли, особенно заморской, в тесной связи «провинциальных столиц» с промышленностью области, в их деятельности в качестве социальных центров. Весьма важным является замечание авторов, что управление этими городами «осуществлялось небольшой группой могущественных, богатых людей. Исключения были редкими» (стр. 55). Особое место в книге занимает Лондон, бывший уже в средние века одним из важнейших английских городов и сохранивший, по мнению авторов, свое влияние на все сферы жизни британского общества и в XVI—XVII веках. В то время население Лондона заметно увеличилось (с 40 до 300 тыс. человек). Для социального состава крупных городов, в особенности столиц, характерно существование населения, обслуживающего привилегированные его слои. В Лондоне, например, число юристов, врачей, писцов, учителей и т. д. также возросло.

Поскольку рост населения городов происходил преимущественно за счет притока извне — главным образом разорявшихся деревенских жителей, приходивших в поисках работы и в надежде «разбогатеть», авторы большое внимание уделяют рассмотрению демографического фактора. Они выделяют три типа миграции. Во-первых, это торговцы, ремесленники, ученики, пытавшиеся улучшить свое социальное и экономическое положение. Такая миграция, как правило, приветствовалась и поощрялась администрацией городов. Во-вторых, передвижение населения в поисках средств существования. Как правило, это были самые бедней-

шие слои, стремившиеся найти в городе какую-нибудь работу. В-третьих, иностранцы, прибывавшие из разных стран либо по причине религиозных гонений, либо для обучения англичан новым ремеслам. Авторы подчеркивают, что в большинстве своем это были также бедняки и они «приносили с собой все проблемы бедности, скученности и социальных конфликтов» (стр. 93). Пополнение городов преимущественно за счет беднейшего деревенского населения, «селившегося в пригородных трущобах», было, по мнению авторов, характерной чертой миграции в период роста капитализма (стр. 54).

Авторы признают наличие социальных контрастов в английских городах XVI—XVII веков. Они неоднократно указывают на то, что, как правило, в центре города располагались купеческие дома и лавки, а беднота ютилась на окраинах. В XVI в. наблюдался процесс, с одной стороны, «концентрации богатства в руках узкой элиты», а с другой — «рост бедности» (стр. 106—107). В середине XVI в. почти $^2/_3$ городского населения проживало на грани бедности (стр. 112). «Бедность сделалась хронической болезнью городов» (стр. 56). Описывая безуспешные попытки борьбы городских властей с этим социальным злом главным образом путем усиления контроля над бродяжничеством и миграцией, авторы считают, что причина этого заключалась в малочисленности, неэффективности управленческого аппарата, а также и в постоянном пополнении рядов городской бедноты за счет разорявшихся крестьян. Однако основная причина, которая в книге не названа, состояла в том, что социальные контрасты, столь ярко проявившиеся в городах Англии в период роста капиталистических отношений, невозможно было разрешить с помощью реформ. Правители городов боролись не столько с бедностью, сколько с бедняками. Кларк и Слэк признают, что «социальная напряженность и народное недовольство были очевидными последствиями экономической и социальной поляризации» (стр. 70), но их книга не содержит анализа классовой борьбы в Англии XVI—XVII веков.

Т. Л. Лабутина

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Századok». Budapest. 1978, № 3.

Ж. Надь. Венгерская либеральная оппозиция в годы мирового экономического кризиса (1928—1932 гг.); И. Молнар. Формирование нового политического курса социал-демократической партии; Т. Франк. Зерффи Густав Дьёрдь как историограф; П. Немниц. К истории Стокгольмской конференции 1917 г.; Т. И. Беренд. О некоторых вопросах реформы образования; О. Сабольч. Состояние исторического образования в Венгрии; III всевенгерская конференция по обучению истории.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1978, № 2.

И. Мицкун. Чьи интересы представляла Места?; Т. И. Беренд, Д. Ранки. Экономическая отсталость и роль внешней торговли в Европе XIX века; М. Бур. Балканские торговцы и венгерский экспорт вина в XVIII веке; Д. Гранастои. Историк и измерение — границы модели; Э. Хобсбаум. Заметки о марксизме и национализме; Д. Кевер. К истории русской общины (обзор советской литературы 70-х гг.); И. Белени. Sacra Regni Corona; И. Этвеш. Записки. 5 августа — 30 ноября 1870 года; Ф. Глатц. Распад исторической Венгрии и венгерская историческая наука.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1978, № 6.

В. Виммер. Основание КПГ — поворотный пункт в истории германского рабочего движения; Г. Хорчански. Ноябрьская революция 1918—1919 гг. в Германии — первая великая классовая битва против германского империализма и милитаризма; Г. Бензер. «Не допустить повторения ошибок 1918 года!». Как КПГ и СЕПГ в борьбе за власть рабочих и крестьян использовали уроки Ноябрьской революции; У. Пленер. Рабочий класс и де-

мократия. К 60-летию ленинского труда «Пролетарская революция и ренегат Каутский»; Документы и материалы. Письмо Клары Цеткин Юлиану Мархлевскому (Д. Гётцке); Документы о пролетарской классовой борьбе против империализма накануне Ноябрьской революции (А. Фойгтлендер); В. Пик в Париже в 1936 г. (Д. Ауе, Г. Ницше); Воспоминания. Р. Бюхнер. О судьбе почетного знамени, переданного казанскими комсомольцами комсомольцам Германии в 1923 г.; Э. Коэнен. В изгнании в Англии. Жизнь и борьба в женском лагере; Л. Рейсберг. К 60-летию Коммунистической партии Австрии; Х. Пичман. Коммунистический Союз молодежи Германии и восстановление тельмановского ЦК КПГ; Ю. А. Львунин. Из истории братских связей заводских организаций ленинской партии и КПГ (1924—1928 гг.).

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig». Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1978, № 1.

Предисловие; Прогрессивные традиции и общественный прогресс в истории Лейпцигского университета (с 1409 по 1945 г.); Университет и антифашистские демократические преобразования (1945—1949 гг.); Университет им. Карла Маркса в период создания основ социализма (1945—1961 гг.); Университет им. Карла Маркса и строительство развитого социалистического общества (1961-62—1972 гг.); Библиография по истории университета им. Карла Маркса.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1978, № 11.

В. Руге. Фридрих Эберт 10 ноября 1918 года; К. Киннер. Возникновение КПГ и историческое самосознание немецких коммунистов в период Веймарской республики; Ф. Штауде. Клара Цеткин и распространение опыта большевиков и Великого Октября в международном рабочем движении; В. Фритч. Об отношении немецких непролетарских демократических сил к Октябрьской революции и к Советской России в 1917—1923 гг.

«Roczniki Historyczne». Warszawa — Poznań. 1977, XLIII.

Б. Новацкий. Юридическая символика в церемониале встреч польских монархов у германских суверенов (X — середина XII века); Е. Лойко. Конфедерация Мацея Борковича; К. Янковяк. Позиция США по вопросу о послевоенном устройстве мира в период нейтралитета (1914—1917 гг.), ч. I; Т. Ендрущак. Антигитлеровское движение Сопротивления в Польше (1939—1945 гг.), ч. I; Г. Лангер. Немецко-польские культурные контакты в XVII веке.

«Roczniki Historyczne». 1978, XLIV.

В. Зажицкий. Организация польской дипломатической службы во время восстания 1830—1831 гг.; К. Янковяк. Позиция США по вопросу о послевоенном устройстве мира в период нейтралитета (1914—1917 гг.), ч. II; Т. Ендрущак. Антигитлеровское движение Сопротивления в Польше (1939—1945 гг.), ч. II; Е. Лойко. Из истории института великопольских генеральных старост.

«Przegląd historyczny». Warszawa. 1978, № 1.

А. Янечек. Польская поселенческая экспансия в Львовской земле в XIV—XVI вв.; К. Л. Скупеньский. Система польских хлебных мер в XVI в.; К. Хлаповский. Отчуждение королевских владений в Польше в 1578—1668 гг.; В. Чаплиньский, А. Филипчак-Коцур. Участие сенаторов в работе сейма при Сигизмунде III и Владиславе IV; Материалы. Г. Визнер. Досеймовый сеймик Новогродского воеводства в 1607—1648 гг.; Заметки. Г. Руцинский. Социальные структуры словацкой деревни в XVI—XVIII вв. Общество мельников над Вагом.

«Przegląd Zachodni». Poznań. 1978, № 3.

Я. Вонсицкий. К 40-летию научной деятельности А. Клафковского; «Экономические и политические проблемы стран ЕЭС» (материалы научной конференции, организованной Лейпцигским институтом международных исследований и познанским Западным институтом 15—16 ноября 1977 г.). З. Новак. Состояние и перспективы интеграционных процессов в «Общем рынке»; Г. Мюллер. Цели и результаты 20-летней аграрной политики ЕЭС; В. Радкевич. Некоторые аспекты аграрной политики в странах ЕЭС; К. Благут, В. Благут. Процесс интеграции и технический прогресс в странах ЕЭС; М. Премслер. Социально-политические проблемы Западной Европы; Дискуссия: З. Клепацкий, М. Лутко, В. Малаховский, Л. Ольшевский, В. Грабска, З. Писиковский, Г. Лаперт, Г. Дмоховска, З. Пушлецкий, Е. Рымарчук, Р. Нойман, Е. Савчук, Р. Ставарска, Е. Напирала, П. Калка, Н. Ромишевска, Г. Ансбах, Б. Гёльцер; Ж. Шушкевич. Институт Западной Европы в период Веймарской республики.

«Studia historica Slavo-Germanica». Poznań. 1977. T. VI.

Е. Жак. Славянская миграция на Запад в V—VII вв.; К. Чернак (ФРГ). Пруссия как проблема восточноевропейской истории; М. Косман. Из истории польского протестантизма (до 1939 г.); Т. Григорьянц (СССР). Германская политика на польских землях в 70—90-х гг. XIX в.; Е. Кульчицкий (США). Со-

циальные изменения в составе польского национального движения в Пруссии накануне первой мировой войны; Е. Пайевский. Две западные точки зрения на концепцию границ Польского государства (1917, 1919 гг.); Ж. Грот. Анджей Войтковски и его труды.

«Z pola walki». Warszawa. 1978, № 3.

Х. Цымек. Концепции КПП относительно рабоче-крестьянского союза в 1918—1929 гг.; Ю. Лавник. Политические репрессии против коммунистического движения в Польше в 1918—1939 гг.; М. Слива. Взгляды М. Недзяловского на социалистическое общество и государство; Материалы симпозиума, созванного по поводу 20-летия «Z pola walki» на тему: «Рабочее движение в исторической периодике народной Польши» (В. Заставны, Ж. Корманова, Ч. Мадайчик, А. П. Косульников, Б. Лесьнодорский, В. Кисслинг, Ф. Циммерман, С Калябиньский, В. Найдус, Л. Шипош, М. Ожеховский, З. Козик, П. Боев, А. Жарновска, Е. Томашевский, И. Малина, Л. Грот, И. Кремпа, Е. Мыслиньский, С. И. Мокшин, Н. Коломейчик, Я. В. Голембёвский); Н. Н. Маслов. О методологических проблемах исследований по истории рабочего движения и марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий; Л. Уминьска. Политическая деятельность Тадеуша Цвика; Документы и материалы. И. Кобердова. Материалы II съезда Польской лиги в Уарвиле в 1889 г.; А. Хвальба. Тематика и виды призывов СДКПиЛ (1893—1903 гг.); Ф. Светликова. Из истории деятельности КПП в армии в 1929—1939 гг.; Статистика «Z pola walki»; Е. Мыслиньский. О деятельности социально-революционной партии «Пролетариат» в Литве; С. Поремба. Школьные годы Тадеуша Дембала в свете новых архивных материалов; С. Ницея. Побег Ю. Лешиньского-Леньского из здания окружного суда в Варшаве.

«Československý časopis historický». Praha. 1978, № 6.

К Лацина. Роль армии в современной политической жизни Африки; В. Лацина. О месте Чехословакии в европейской и мировой экономике в 1918—1938 гг.; Р. Фишер. Международные торговые контакты города Левочи в XVII в.; Я. Печиркова. История Ассирии в современной историографии.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Бандарчык В. М. Гісторыя беларускай савецкай этнографіі. Мінск. 1972. 165 стр. Рец.: Schöne B.— «Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte». Bd. 19. Berlin. 1977, S. 225—227.

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М. 1976. 223 стр. Рец.: P. K.— Československý časopis historický». Praha. 1978, č. 4, s. 607.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М. 1977. 263 стр. Рец.: Culdon Z.— «Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1978, № 3, s. 713—715.

Гапелин Р. Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л. 1975. 203 стр. Рец.: Saul N. E.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26, H. 1, S. 133—135.

Грицкиевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. (Соц.-экон. исследование истории городов). Минск. 1975. 248 стр. Рец.: Sielicki F.— «Acta universitatis vratislaviensis». 1977, № 381. Slavica vratislaviensis, № 12, s. 162—164.

Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада 1917—1941 гг. М. 1974. 375 стр. Рец.: Hecker H.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26, H. 1, S. 126—129.

Знаменский О. Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и полит. крушения. Л. 1976. 364 стр. Рец.: Z. D.— «Československý časopis historický». Praha. 1978, č. 4, s. 613.

Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М. 1973. 288 стр. Рец.: Rybecký V.— «Historie a vojenství». Praha. 1977, № 4, s. 178—183.

Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван. 1977. 314 стр. Рец.: Todorov N.— «Études balkaniques». Sofia. 1977, № 3, pp. 139—140.

«История второй мировой войны 1939—1945 гг.». В 12-ти тт. (гл. ред. комис.: А. А. Гречко (пред.) и др.). М. Т. 3. 1974. 503 стр. Т. 4. 1975. 535 стр. Рец.: Cieślak T.— «Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1978, № 3, s. 749—754.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в октябре 1978 года.

«История Германской Демократической Республики. 1949—1973». (Ред. коллегия: В. Д. Кульбакин (отв. ред.) и др.). М. 1975. 487 стр. Рец.: Fiszer J.— «Biuletyn informacyjny» (Instytutu krajów socjalistycznych PAN). Warszawa. 1977, № 3, s. 60—63.

«История Таллина. С начала 60-х гг. XIX века до 1970 г.». Сост. Р. Пуллат. (Ред. коллегия: И. Ундуск (пред.) и др.). Таллин. 1972. 466 стр. Рец.: Hartmann S.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26, H. 1, S. 141—143.

Итенберг Б. С. Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М. 1974. 271 стр. Рец.: Binner R.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26, H. 1, S. 120—124.

Кобляков И. К. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность (1938—1941 гг.). М. 1974. 64 стр. Рец.: Hennicke O.— «Militärgeschichte». Berlin. 1978, № 5, S. 621—622.

Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX— начало XX века. Л. 1975. 442 стр. Рец.: Binner R.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26. H. 1, S. 118—120.

Лейберов И. П. Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М. 1976. 224 стр. Рец.: Kimball A.— «American Historical Review». Washington. 1978, vol. 83, № 3, pp. 770—771.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М. 1976. 368 стр. Рец.: Fodor I.— «Acta archaeologica Academia sciencie hungarian». Budapest. 1978, t. 30, fasc. 1—2, 275—276. old.

Миронов Б. Н., Степанов З. В. Историк и математик. (Мат. методы в ист. исследовании). Л. 1975. 184 стр. Рец.: Lewis R. D.— «American Historical Review». Washington. 1978, vol. 83, № 3, p. 688.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725—1939 гг. М. 1976. 320 стр. Рец.: — «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26. H. 1, S. 114—116.

Неупокоев В. И. Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX века. М. 1976. 309 стр. Рец.: Scheibert P.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26. H. 1, S. 143—144.

Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организаций, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М. 1976. 355 с. Рец.: Soják V.— «Mezinárodní vzstahy». Praha 1978, № 3, s. 66—69.

«Письма и бумаги императора Петра Великого (январь — июнь 1712 г.)». М. 1975. Т. 12. Вып. 1. 589 стр. Рец.: Mediger W.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». München. 1978. Bd. 26. H. 1, S. 111—113.

Поглубко К. А. Из истории болгаро-российских культурных связей 40—70-х годов XIX в. Кишинев. 1976. 179 стр. Рец.: Радкова Р.— «Исторически преглед». София. 1978, кн. 3, с. 126—128.

«Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы». Сб. статей. (Отв. ред. Праслов Н. Д.). Л. 1977. 221 стр. Рец.: К. V.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1978, № 4, s. 452—454.

Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М. 1977. 253 стр. Рец.: J. T.— «Historický časopis». Bratislava. 1978, č. 3, s. 459—460.

Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976. 316 стр. Рец. К. Н.— «Československý časopis historický». Praha. 1978, č. 4, s. 612.

Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. Справочник. М. 1976. 325 стр. Рец.: Stein.— «Ethnografisch-archäologische Zeitschrift». Berlin. 1978, H. 2, S. 365—366.

Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М. 1976. 231 стр. Рец.: Suwarc A.— «Przegląd historyczny». Warszawa. 1978, t. 69, z. 1, s. 147—150.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ В ГДР в связи с ее предстоящим 30-летием издана «История Социалистической Единой Партии Германии». Она создана коллективом авторов Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ и охватывает время от возникновения марксизма до наших дней. В ней повествуется об образовании социал-демократической партии Германии, ее истории до конца первой мировой войны, образовании Компартии Германии и ее истории до 1946 г., слиянии в Восточной Германии КПГ и СДПГ в СЕПГ, ее деятельности по руководству социалистическим строительством в ГДР. Последние разделы книги посвящены борьбе партии за создание развитого социалистического общества («Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands Abriss». Von einem Autorenkollektiv des IML beim ZK der SED. Berlin. Dietz. 1978. 677 S.).

◆ Материалы конференции партийных работников и ученых социалистических стран на тему «Теоретические и практические проблемы общественного развития в документах партийных съездов братских партий» (София, декабрь 1976 г.) составили

содержание книги «Актуальные проблемы общественного развития в социалистических странах». В ней рассмотрены вопросы формирования социалистического образа жизни, развертывания социалистической демократии, внешней политики, мирового коммунистического и рабочего движения, помещены статистические сведения об экономическом и социальном развитии социалистических стран («Aktuelle Probleme der gesellschaftlichen Entwicklung in den sozialistischen Ländern». Berlin. Dietz. 1977. 195 S.).

◆ «Ежегодник международной политики и экономики. 1978 г.» (т.6)—это совместный труд ученых ГДР и СССР с анализом политических событий в мире за прошедший год. В книге освещены вопросы международных отношений, развития социалистической мировой системы, мировой капиталистической экономики, деятельности НАТО, работы ООН. Специальный очерк посвящен новой Конституции СССР. Изложены также данные об отдельных капиталистических государствах, освободившихся странах, национально-освободительном движении («Jahrbuch der Internationalen Politik und Wirtschaft 1978». Autorenkollektiv. Berlin. Staatsverlag der DDR. 1978. 555 S.).

◆ «Фиаско антисоветской агрессии»— так называется сборник статей авторов ГДР о войне фашистской Германии против Советского Союза. В нем отражены результаты последних исследований по важнейшим периодам второй мировой войны и о разгроме сил вермахта на советско-германском фронте («Das Fiasko der antisowjetischen Aggression. Studien zur Kriegsführung des deutschen Imperialismus gegen die UdSSR (1941 bis 1945)». Berlin. Militärverlag. 1978. 362 S.).

◆ Увидели свет на немецком языке труды Г. Димитрова, касающиеся дела о поджоге рейхстага (документы, письма, заметки). Они дают наглядное представление о борьбе, которую вел этот видный деятель международного коммунистического движения против фашизма. Среди малоизвестных документов — некоторые письма Димитрова к адвокатам, следственным властям и в Верховный суд Германии, к родным и друзьям (G. Dimitroff. Reichstagsbrandprozess. Dokumente, Briefe und Aufzeichnungen. Berlin. Dietz. 1978. 248 S.).

◆ «По стране ацтеков. Сообщения немецких путешественников XIX в. из Мексики и Гватемалы» — т. 13 серии, посвященной трудам путешественников XVII—XIX веков. Ранее вышли следующие тома: «Открытия на четырех континентах» (1959 г.) — к 100-летию со дня смерти А. Гумбольдта; «Путешествия по Востоку» (1961 г.); «По ту сторону каменных ворот» (1963 г.) — о странствиях по Сибири; в четыре следующих тома вошли материалы о Латинской Америке, еще в два — об Африке, в два других — об открытиях в бывших античных странах, а т. 12 содержит описание «Плаваний по морям Южного полушария». Только что вышедший том касается известий А. Гумбольдта о Новой Испании, Э. фон Гессе-Вартегга, Ц. Зелер-Закс и К. Заппера — о стране ацтеков («Durch das Land der Azteken. Berichte deutscher Reisender des 19. Jahrhunderts aus Mexiko und Guatemala». Hrsg. von H. Scurla. Berlin. Verlag der Nation. 1978. 528 S.).

◆ Вальтер Рубен (ГДР) в «Истории индийской культуры» излагает ее развитие с III в. до н. э. до 1947 г., включая эволюцию производительных сил и производственных отношений на отдельных этапах истории и на этой основе — отдельных сфер общественной надстройки. Герберт и Ингеборг Плешке (ГДР) посвятили свой труд индуистскому искусству в средние века (W. Ruben. Kulturgeschichte Indiens. Ein Versuch der Darstellung ihrer Entwicklung. Berlin. Akademie-Verlag. 1978. 390 S.; H. und I. Plaeschke. Hinduistische Kunst. Das indische Mittelalter. Leipzig. Koehler und Amelang. 1978. 178 S.).

◆ В книге Яна Пташека (ПНР) «Польша — Советский Союз. Сотрудничество — интеграция» анализируется польско-советское экономическое и научно-техническое сотрудничество в 1945—1975 гг., характеризуются его принципы, значение и перспективы развития (J. Ptaszek. Polska — Związek Radziecki. Współpraca — integracja. Warszawa. PWE. 1978. 292 str.).

◆ Витольд Армон (Польша) в монографии «Польские исследования культуры якутов» рассказывает о новейших достижениях науки и знакомит с работами польских этнографов в этой сфере (W. Armon. Polscy badacze kultury Jakutów. Wrocław. Ossolineum. 1977. 180 str.).

◆ Материалы XI съезда польских историков (Торунь, 1974 г.) составили содержание книги «Общество Польской Народной Республики». Статьи-доклады касаются следующих тем: становление социалистического общества в Польше, состояние исследований по истории ПНР, миграции в народной Польше, развитие ее системы просвещения («Społeczeństwo Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej». Warszawa. KiW. 1977. 287 str.).

◆ Работа Кшиштофа Дунин-Вонсовича «Движение Сопротивления в гитлеровских концентрационных лагерях (1933—1945 гг.)», бывшего узника одного из них, описывает формы сопротивления заключенных. Она написана на польских и зарубежных материалах (K. Dunin-Wąsowicz. Ruch oporu w hitlerowskich obozach koncentracyjnych (1933—1945). Warszawa. PWN. 1978. 500 str.).

◆ Книга Леопольда Маршака (Польша) «Сразу после войны» представляет собой воспоминания 1944—1945 гг.— о деятельности Польского агентства печати, польской прессы, военной миссии ПНР в Берлине, о Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников (L. Marschak. Zaraz po wojnie. Warszawa. Czytelnik. 1978. 436 str.).

◆ Монография Януша Паевского (Польша) «Восстановление Польского государства» (о событиях 1918 г. на польских землях) основана на широком фактическом материале источников и специальной литера-

туры (J. Pajewski. Odbudowa państwa polskiego. Warszawa. PWN. 1978. 400 str.).

◆ «Нация — государство в польской исторической мысли межвоенного двадцатилетия» — книга польского историка Анджея Вежбицкого, использующего исторические, социологические, экономические, политические и иные публикации об общественной мысли Польши в 1918—1939 гг. (A. Wierzbicki. Naród — państwo w polskiej mysli historycznej dwudziestolecia międzywojennego. Wrocław. Ossolineum. 1978. 220 str.).

◆ «Отдаляющийся континент»—очерки Стефана Братковского (ПНР) о культуре США, особенно тех ее элементах, которые созданы не англосаксонскими переселенцами, а поляками, итальянцами, греками, скандинавами и др. (S. Bratkowski. Oddalający się kontynent. Warszawa. PIW. 1978. 271 str.).

◆ Сборник статей об изменениях в социальной структуре народной Польши включает материалы о рабочем классе, крестьянстве, интеллигенции, их развитии в 1945—1947 годах. Авторы сопоставляют положение различных слоев населения межвоенной и народной Польши («Kształt struktury społecznej». Wrocław. Ossolineum. 1978. 323 str.).

◆ Ежи Топольский (Польша) выступил с новой работой методологического характера. В ней затрагиваются проблемы метода и теории изучения истории, а также умственных процессов исследователя (J. Topolski. Rozumienie historii. Warszawa. PIW. 1978. 227 str.).

◆ Панораму экономического развития Польши от ее разделов в XVIII в. до 1970-х годов дают в своей книге (3-е изд.) Ирена Костровицкая, Збигнев Ландау и Ежи Томашевский, в хронологическом порядке излагающие материал по экономической истории Польши (I. Kostrowicka, Z. Landau, J. Tomaszewski. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa. KiW. 1978. 589 str.).

◆ Многотомный университетский курс истории Польши, принадлежащий перу профессоров Ягеллонского университета (Краков), охватывает период с древнейших времен до 1940 года. Т. 1, написанный Ежи Вырозумским, посвящен древности и средним векам. Т. 2 (в двух книгах), автор которого — Юзеф Геровский, охватывает 1505—1864 годы. Т. 3, подготовленный Юзефом Бушко, характеризует события 1864—1948 годов («Historia Polski». Vol. 1—3. Warszawa. PWN. 1978. 318, 432, 455, 550 str.).

◆ Первая книга воспоминаний Анны Скарбек-Соколовской охватывает время с 1882 по 1914 г. и отражает события того времени на польских землях (A. Skarbek-Sokołowska. Czas udręki i czas radości. Wrocław. Ossolineum. 1978. 286 str.).

◆ Книга воспоминаний Халины Островской-Грабской охватывает главным образом период межвоенной Польши и отражает жизнь ее интеллигенции. Автор, дочь поэтессы и скульптора, общалась с писателями, композиторами, художниками, политическими деятелями той поры (H. Ostrowska-Grabska. Bric-à-brac. Warszawa. PIW. 1978. 563 str.).

◆ Мемуары Юлиуша Жулавского, деятеля польской культуры, включают не только его воспоминания о Польше межвоенного периода, но и письма его отца — поэта и драматурга, а также С. И. Виткевича, В. Реймонта и других видных представителей польской интеллигенции (J. Żuławski. Z domu. Warszawa. PIW. 1978. 503 str.).

◆ Специалист по истории Силезии Зыгмунт Борас (Польша) воссоздает портреты крупнейших силезских князей из династии Пястов и через биографии своих персонажей показывает тесные связи Силезии с остальными польскими землями на протяжении ряда веков (Z. Boras. Książęta piastowscy Śląska. Katowice. Śląsk. 1978. 471 str.).

◆ Польский историк Данута Вуйцик-Гуральская написала исследование о военном и политическом деятеле XVI в. Яне Замойском, который начал карьеру как секретарь короля Сигизмунда II Августа, а закончил ее на вершине государственного аппарата Речи Посполитой (D. Wójcik-Góralska. W służbie czterech monarchów. Warszawa. LSW. 1978. 255 str.).

◆ Монография Гжегожа Яшуньского (Польша) характеризует основные черты новейшей истории Англии. В книге подробно освещены проблемы Олстера, Шотландии, Уэльса и цветного населения в Англии (G. Jaszuński. Królestwo bez imperium. Warszawa. KiW. 1978. 360 str.).

◆ Девятая книга заново опубликованной «Хроники» Яна Длугоша (XV в.) охватывает 1300—1370 годы. Она включает сведения по истории Польши, Тевтонского ордена, Бранденбурга и Литвы. Латинский текст снабжен комментариями («Joannis Dlugoscii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae liber IX». Warszawa. PWN. 1978. 511 str.).

◆ Польский античник Мария Ячиновская характеризует в своем исследовании роль и деятельность ассоциаций римской молодежи в I—III веках. Работа основана на письменных и эпиграфических источниках, приведенных в работе полностью, с комментариями автора (M. Jaczynowska. Les associations de la jeunesse romaine sous le Haut-Empire. Wrocław. Ossolineum. 1978. 123 str.).

◆ Ласло Варади (Венгрия) известен как автор книг «Милитаризм позднего Рима и его социальные основы» (1961 г.) и «Последнее столетие Паннонии, 376—476 гг.» (1969 г.). Сейчас увидела свет новая его работа — «Разгадка древности. Очерки относительно переоценки древней истории». В ней рассматриваются такие проблемы, как дискуссии вокруг социально-экономической сущности античного мира, способы реализации рабского труда, периодизация переходных этапов от древности к средневековью, концепции причин падения Западной Римской империи и упадка античной культуры, источниковедческие аспекты разделения Римской империи в 395 г. и преемственная связь с ним событий 476 года (L. Vára-

d y. Die Auflösung des Altertums. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1978. 148 S.).

◆ Опубликовано третье издание работы Дж. Прайса (Оксфордский университет, Англия) по истории государственно-политических учреждений стран Западной Африки в XX в., дополненное данными за 1960-е—1970-е годы. В книге освещены структура, деятельность и развитие государственных органов Нигерии с 1900 г., Сьерра-Леоне с 1919 г., Гамбии с 1919 г., Ганы с 1919 г. и Либерии с 1945 г. (J. H. Price. Political Institutions of West Africa. London. Hutchinson. 1977. 297 p.).

◆ Рабочее и крестьянское движение, классовая и политическая борьба в Сицилии — тематика работы «Сицилийские союзы 1892—1894 гг.» — новой книги Франческо Ренды, преподавателя Палермского университета в Италии, ранее написавшего монографии «Бернардо Тануччи и иезуиты на острове Сицилия» (1964 г.), «Сицилия в 1812 г.» (1964 г.), «Рисорджименто и трудящиеся классы Сицилии в 1820—1821 гг.» (1968 г.), «Крестьянское движение в Сицилии» (1976 г.) (F. Renda. I fasci siciliani 1892—94. Torino. Giulio Einaudi editore. 1977. 382 p.).

◆ Посмертно, с предисловием Джорджо Амендолы увидел свет научно-популярный очерк скончавшегося в 1974 г. видного итальянского историка Луиджи Сальваторелли. Автором охарактеризованы происхождение фашизма, его мировоззрение, поход Муссолини на Рим, итальянский фашизм у власти, его связи с общеевропейской реакцией (L. Salvatorelli. Nazionalfascismo. Torino. Giulio Einaudi editore. 1977. 125 p.).

◆ Бернский университет (Швейцария) издает серию «Политическая Гельвеция». Ее т. V составило исследование преподавателя Базельского университета Юрга Дюблина о деятельности швейцарского парламента во время и после революционных событий 1848—1849 годов: дискуссия о двухпалатной системе, взаимоотношения Национального совета и Сословного совета, борьба централизаторских и федерационных группировок, партийные фракции в парламенте, борьба вокруг выборов. Автором использованы архивы Сен-Галлена, Берна, Базеля и Женевы (J. Dübli n. Die Anfänge der Schweizerischen Bundesversammlung. Bern. Francke Verlag. 1978. 212 S.).

◆ Эли Кедури, профессор Лондонского университета, известен как автор книг «Национализм в Азии и Африке» (1969 г.), «В англо-арабском лабиринте: переписка Макмагона и Хусейна и ее истолкование» (1976 г.) и как издатель сборников «Средневосточные исследования». Выпущенная вторым изданием его монография «Англия и Средний Восток» касается судьбы арабских владений Турции в 1914—1921 годах. Она открывается очерком британской политики на Среднем Востоке с 1830 г., а затем в ней рассматриваются такие вопросы, как возникновение англо-французского соглашения 1916 г. о разделе сфер влияния в арабских странах, деятельность британского дипломата М. Сайкса и полковника Лоуренса, провал договоренности Сайкс — Пико, события в Сирии 1918—1920 гг. и в Иране 1918—1921 гг., ослабление там турецкого влияния накануне кемалистской революции (E. Kedourie. England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire 1914—1921. Hassocks. The Harvester Press. 1978. 236 p.).

◆ «Между двумя культурами»—так назван сборник статей английских, канадских и американских авторов о современной истории иммигрантов из бывших британских колоний и национальных меньшинств в Англии. В нем освещено положение иммигрантских общин сикхов, пакистанцев, монтсерратцев, ямайкцев, западноафриканцев, китайцев, а также поляков, итальянцев, греческих и турецких киприотов («Between two Cultures». Ed. by J. L. Watson. Oxford. Basil Blackwell. 1977. 338 p.).

◆ В Англии выпускаются сериями подробные хронологические указатели по истории отдельных провинций страны. Одно из последних изданий такого рода — составленный преподавателем Оксфордского политехнического института Джеффри Стивенсоном справочник по Оксфордширу (Черуэлл, Западный Оксэн, Южный Оксэн и Оксфорд), в котором приведены в хронологическом порядке все важнейшие сведения об этой провинции с III тыс. до н. э. и по 1977 г., библиография специальных работ по ее истории, увидевших свет после 1662 г. (999 названий), и различные справочные материалы (G. Stevenson. Oxfordshire. Chesham. Barracuda Books Limited. 1977. 124 + 67 p.).

◆ История ирландской столицы с XVII в. до наших дней рассмотрена секретарем Королевского Дублинского общества Десмондом Кларком в его новой книге. Среди предыдущих его работ наиболее известны биографии британских общественных деятелей XVIII в. А. Доббса и Т. Прайора (D. Clarke. Dublin. London. Batsford Ltd. 1977. 182 p.).

◆ Различные стороны истории, жизни и быта аборигенов Австралии в 1960-е — 1970-е годы — тема сборника статей австралийских, новозеландских и американских авторов. Статьи написаны на основе докладов, сделанных в 1974 г. на научном симпозиуме, организованном Австралийским институтом по исследованию аборигенов в Канберре. Сборник является вып. 11-м в серии «Социальная антропология» того же института («Aborigenes and Change: Australia in the'70s». Ed. by R. M. Berndt. Sydney. AIAS. 1977. 424 p.).

◆ Сузан Прёзель (Рурская высшая педагогическая школа, ФРГ) написала работу о теориях функционирования развитых товаропроизводящих обществ и социологических аспектах роли торговли в них с древнегреческих времен до наших дней. Ею использована обширная литература, включая марксистские труды (S. Prösel. Über Werte und Normen. Grundlegungen für eine Theorie des Handelns und der Ge-

sellschaft. Kritik der «Soziologie» als Metaphysik. Dortmund. PHR. 1978. 260 S.).

◆ Том 10-й многотомной «Истории Норвегии» под общей редакцией Кнута Микланда, написанный Фрэнсисом Сейерстедом (Норвегия), охватывает 1814—1851 годы. В нем рассмотрены все стороны жизни страны, включая ее культуру («Norges historie». Bd. 10: F. Sejersted. Den vanskelige frihet. Oslo. J. W. Cappelens forlag. 1978. 431 s.).

◆ Проблемы истории Бразилии и современное состояние страны в отношениях экономическом, социальном, демографическом, национальном, культурном, научно-техническом и государственно-политическом трактуются в книге Энхольраса Хосе де Кастро Камарго, профессора Кампинасского университета в Бразилии. Специальный раздел посвящен бразильским «революционным войнам» в связи с ходом международных событий после Великого Октября (E. J. de Castro Camargo. Estudo de problemas brasileiros. São Paulo. Editora Atlas. 1978. 375 p.).

◆ Первый том «Бразильской истории», написанный Антонио Мендесом Хуниором, Луисом Ронкари и Рикардо Маранханом (Бразилия), включает сведения о событиях 1381—1777 годов: доколониальная страна, португальская колония, под габсбургским владычеством, новоколониальный режим, век Просвещения. В томе рассмотрено также развитие бразильской культуры («Brasil história». Vol. 1. São Paulo. Editora brasiliense. 1977. 300 p.).

◆ В июне 1977 г. в Уппсальском университете (Швеция) состоялся научный симпозиум относительно новейших данных по истории викингов. Сейчас материалы симпозиума увидели свет. В сборник вошли доклады и сообщения о последних находках норманнских кораблей, о соответствующих топонимических изысканиях на территориях бывших норманнских владений и о развитии самого скандинавского общества в эпоху викингских завоеваний («The Vikings». Ed. by Th. Andersson and K. I. Sandred. Stockholm. Almqvist and Wiksell. 1978. 176 p.).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

«РАБОЧИЙ ПУТЬ» О ФАБЗАВКОМАХ ПЕТРОГРАДА

Среди основных политических лозунгов, провозглашенных большевистской партией в период между февралем и октябрем 1917 г., был и «Рабочий контроль над производством и потреблением!». Осуществление такого контроля взяли на себя фабрично-заводские комитеты (ФЗК). В. И. Ленин придавал серьезное значение созданию и деятельности фабзавкомов [1]. Одним из первых актов Советской власти был декрет от 14(27) ноября о рабочем контроле.

ФЗК возникли в февральские дни 1917 г. как органы по управлению и налаживанию производства на предприятиях, в первую очередь казенных, брошенных царской администрацией. Это была специфическая форма низовых организаций пролетариата, наиболее близко стоявшая к рабочей массе (они имели различные наименования: Совет старост, Совет старост рабочих, Совет заводских уполномоченных и пр.). ФЗК объединяли всех рабочих на предприятии. Они стремились к ограничению власти предпринимателей на фабриках и заводах. Во главе ФЗК сразу встали большевики и превратили их в свои форпосты на заводах и фабриках [2].

В сентябре—октябре 1917 г. деятельность ФЗК определялась задачами, которые наметила большевистская партия и которые вытекали из обострения общенационального кризиса во всех сферах жизни страны. Реакция усилила тогда экономическую «корниловщину», содействуя развалу хозяйства, финансов, транспорта. В ответ на это пролетариат перешел в наступление по всему фронту, большевизируя Советы, формируя заводскую милицию и Красную гвардию и продолжая вводить свой контроль на предприятиях. Антагонизм между пролетариатом и буржуазией достиг апогея.

Газета «Правда», издаваемая тогда под названием «Рабочий путь» [3], отводила немало места корреспонденциям, освещавшим ход борьбы за пролетарский контроль (почти 200 заметок). В подавляющем большинстве они были написаны рабочими Петрограда или его окрестностей [4]. Эти сообщения с мест — ценный источник по истории ФЗК. Они передают дух эпохи, воспевают героев-рабочих, зовут к оружию.

Предчувствуя конец своей власти, владельцы предприятий начали прятать сырье, топливо, тайно вывозить заводское имущество и оборудование. Корреспонденты «Рабочего пути» информировали читателей о борьбе ФЗК с дезорганизацией производства путем установления контроля над вывозом материалов и готовой продукции. Рабкор типографии Сойкина сообщал: «Уже давно заводской комитет стал замечать, что в типографии творится что-то неладное»; представленную фабзавкомом смету

---

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 37—39, 74—76, 292—294; т. 34, стр. 151—199, 289; т. 35, стр. 4.

[2] Из работ последних лет об этом см.: А. Г. Егорова. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М. 1970; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М. 1970; его же. Решающая сила Великого Октября. М. 1977; М. Л. Иткин. Центры фабрично-заводских комитетов России в 1917 г. «Вопросы истории», 1974, № 2; Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М. 1975.

[3] «Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 — октябрь 1917)». Библиографический указатель. М. 1964, стр. 187—188.

[4] Наиболее крупные из предприятий (с числом рабочих свыше 1 тыс.), о которых писала газета,— «Айваз», Адмиралтейский судостроительный, Балтийский судостроительный, «Старый Барановский», Военно-строительный, Военно-подковный, «Вулкан», Государственная типография, «Динамо», «Новый Лесснер» и «Старый Лесснер», Невский судостроительный и механический, Охтенский пороховой, Парвиайнена, Патронный, Путиловский, Розенкранц, Русско-Балтийский, «Русский Рено», «Сименс и Гальске», «Сименс — Шуккерт», «Треугольник», Трубочный, Франко-Русский, «Феникс», Экспедиция заготовления государственных бумаг и др.

на необходимые улучшения технического производства администрация игнорировала; в связи с продажей оборудования спекулянтам автор призывал «немедленно приступить к реквизиции типографий и конфискации всех закрываемых и саботируемых типографских предприятий»[5]. В заметке о саботаже на фабрике Невской механической обуви рассказывалось о том, как хозяева начали демонтаж станков якобы для эвакуации, несмотря на имевшийся запас сырья и топлива. Рабочие прибегли к решительным мерам: «Поставили у ворот охрану из милиционеров и отдали распоряжение без пропуска заводского комитета со двора ничего не пропускать». Здесь рабкор отмечал, что, хотя фабрикант и отказался платить милиции, «рабочие настаивают на невозможности оставить днем фабрику без охраны»[6]. Корреспонденция с Невского стеаринового завода обличала заводоуправление, которое «кричит, что рабочие не хотят работать и т. д.», в то время как отделы простаивают из-за дезорганизации производства. «Заводской комитет энергично борется за установление нормальной жизни на заводе»[7],— писал автор заметки.

«Рабочий путь» систематически помещал материалы о борьбе ФЗК против готовившейся в тайне от рабочих эвакуации предприятий в глубь страны. Еще в дни корниловщины Временное правительство приняло постановление о «разгрузке Петрограда» якобы из-за военной угрозы городу и голода, невзирая на то, что эвакуация без должной подготовки мест для столичных предприятий, развал на транспорте и т. п. лишь способствовали бы обострению экономической разрухи[8]. Трудящиеся справедливо расценивали этот преступный план как контрреволюционный замысел распыления кадров питерского пролетариата и ликвидации очагов революции в столице[9]. «Рабочий путь» в № 28 дал сводку фактов, обличавших саботаж предпринимателей и буржуазного правительства[10]. В корреспонденции с завода «Русский Рено» говорилось о том, как в ответ на призывы директора к рабочим эвакуироваться в Рыбинск завком послал в волжский город «специальных ходоков» выяснить на месте обстановку, а затем общее собрание поручило «заводскому комитету... принять все необходимые меры для оставления завода в Петрограде»[11]. Рабочие Путиловского завода заявляли: буржуазия пытается «разгрузить Питер, этот центр революции, от революционного пролетариата... Совершиться этой эвакуации мы не дадим, не допустим»[12].

Одними из главнейших видов контроля над организацией бесперебойной работы предприятий были выявление запасов сырья и топлива и их рациональный расход. Газета публиковала заметки, отражавшие борьбу ФЗК с предпринимателями, намеренно не обеспечивавшими производство материалами, сырьем и топливом; члены фабзавкома отыскивали запасы не используемого в других местах сырья, заготовляли и доставляли их на заводы и фабрики, посылая с этой целью своих представителей в другие города. Рабкоры заводов Парвиайнена неоднократно писали в «Рабочий путь» о недостатке топлива, угрожавшем расчетом 1630 рабочих. Завком смог изыскать возможности сокращения расхода топлива на 30% и тем самым предотвратить увольнение, а затем уверенно вмешался в производство: «Теперь... вырабатывает инструкции.., чтобы целесообразными правилами топки машин устранить излишний и вредный расход топлива»[13].

Корреспонденции в «Рабочем пути» отражают и такой вид вмешательства ФЗК в производство, как поиск и получение заказов, контроль за их выполнением, выявление причин отказа предпринимателей от них. О борьбе фабзавкомов с владельцами предприятий, старавшимися выполнить заказы вне Петрограда, писали рабкоры машиностроительного завода «Феникс». Они разоблачали лживые заверения администрации, аннулировавшей заказы, «ссылаясь на близость фронта»[14]. Рабкор завода А. Коппеля писал о выявленной завкомом возможности постройки и ремонта на этом предприятии железнодорожных вагонов, но заводоуправление отвергло этот заказ. В заметке говорилось о неоднократном получении взаимообразно, по ходатайствам завкома, с других заводов топлива и материалов, в том числе автомобильных клапанов. Ав-

[5] «Рабочий путь», 7(20).IX.1917.
[6] «Рабочий путь», 10(23).IX.1917.
[7] «Рабочий путь», 4(17).X.1917.
[8] «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». Документы и материалы. М. 1961, стр. 560.
[9] «Рабочий путь», 13(26).IX.1917.
[10] Там же.
[11] «Рабочий путь», 20.IX(3.X).1917.
[12] «Рабочий путь», 12(25).IX.1917.
[13] «Рабочий путь», 8(21).IX.1917.
[14] «Рабочий путь», 30.IX(13.X).1917.

тор требовал расследовать причину сокращения заказов [15]. Характерно письмо членов завкома завода «Новый Лесснер» о конфликте с администрацией: «У нас на заводе ведется определенная политика вызывать рабочих на эксцессы... Вот уже более месяца, как мы хлопочем о продолжении заказов на 3-дюймовые снаряды», в результате «долгих хождений по комиссиям» получен заказ «по 16 р. 60 к. за штуку, а заводоуправление требовало 20 р. 75 к. ...Отказ администрации угрожал расчетом 1600 рабочих; завком, передав свои требования в заводское совещание, надеется на возможность избежать расчета» [16]. Так в ходе борьбы и нарастания экономической катастрофы ФЗК переходили от ознакомления с состоянием производства к более решительному контролю по всем вопросам жизни предприятия.

«Рабочий путь» поместил несколько заметок об обеспечении фабзавкомами сохранности фабрик и заводов ввиду участившихся осенью 1917 г. диверсионных актов. Фабриканты и заводчики, надеясь на страховки, жгли предприятия и ценное сырье, портили оборудование, а в результате тысячи петроградских пролетариев оказывались на улице. Вопрос охраны был одним из самых спорных между ФЗК и администрацией. Рабкор с завода «Айваз» писал, что охрана завода от поджогов была организована еще во времена корниловщины, а «теперь заводоуправление заявило, что оно не признает рабочей охраны»; вследствие указания завкома «на отвратительное в пожарном отношении состояние заводов» дирекция все же признала охрану, но отказалась платить ей. Завком «решил твердо стоять на своем» и подал заявление в комитет по борьбе с контрреволюцией [17]. Активная роль ФЗК по защите предприятий обеспечивала сохранность промышленного потенциала столицы.

В газете освещалась и одна из сложнейших форм рабочего контроля — участие ФЗК в решении вопросов найма и увольнения рабочих. Предприниматели пытались сохранить за собой это право и лишить инициативы наиболее сознательных рабочих — членов РСДРП(б), входивших в состав фабзавкомов и Советов. Право найма и увольнения рабочих фабзавкомами с самого начала революции получило политическую окраску. В информации с завода Рейхель подчеркивалось: «Для выяснения причин расчета избрана заводским совещанием комиссия, которой поручено установить.., являются ли рассчитанные рабочие политическими руководителями рабочих на заводе» [18]. Вопрос приобрел особый драматизм осенью 1917 года. Буржуазия предприняла попытку организации локаутов, массового закрытия предприятий или частичного сокращения производства, чтобы искусственно ускорить крах экономики и тем самым превратить революционных рабочих в многомиллионную армию безработных [19]. В Петрограде число безработных достигло 50 тыс. человек, было закрыто около 50 заводов [20].

«Рабочий путь» систематически освещал ход борьбы с локаутами. Подавляющее большинство корреспонденций обличало подготовку увольнения трудящихся владельцами предприятий без согласия ФЗК и показывало, как рабочие отражают эти попытки. Например, трудящиеся кабельного завода Петичева отказались увольняться, и администрация вынуждена была пойти на совместную с завкомом выработку условий расчета [21]. О приемлемых условиях расчета, выработанных ФЗК совместно с администрацией, свидетельствовали информации с завода Нобеля [22]. Рабочий завода «Старый Барановский» писал о конфликте из-за расчета 1050 рабочих: «Министерство труда Скобелева, куда обращались за справедливостью и защитой, более склонно защищать интересы заводчиков и фабрикантов, нежели революционных рабочих и работниц»; тем не менее ФЗК смог «вырвать из пасти предпринимателей» расчет за один месяц вперед [23]. В ряде заметок по поводу предполагаемого увольнения рабочих содержались угрозы ФЗК использовать силу, если администрация воспротивится и не удовлетворит требований рабочих. Так, в сообщении о расчете на Металлическом заводе говорилось: «Комитет работает в контакте со служащими.., приступлено к обучению Красной гвардии» [24]. И на заводе «Айваз» Красная гвардия «регулярно ведет занятия

[15] «Рабочий путь», 15(28).IX.1917.
[16] «Рабочий путь», 18 (31).X.1917.
[17] «Рабочий путь», 7(20).IX.1917.
[18] «Рабочий путь», 14(27).X.1917.
[19] Л. С. Гапоненко. Решающая сила Великого Октября, стр. 207—208.
[20] И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2. М. 1968, стр. 780.
[21] «Рабочий путь», 6(19).X.1917.
[22] «Рабочий путь», 30.IX(13.X); 3(16).X; 14(27).X.1917.
[23] «Рабочий путь», 23.IX(6.X).1917.
[24] «Рабочий путь», 17(30).X.1917.

с инструкторами»[25]. В канун Октября ФЗК сыграли значительную роль в формировании красногвардейских отрядов и снабжении их оружием[26].

Фабзавкомы контролировали не только производство, но и распределение продуктов и товаров широкого потребления на предприятиях. Заводовладельцы срывали снабжение продуктами рабочих столовых, и в связи с надвигавшимся голодом ФЗК взяли это дело в свои руки. В одном из номеров «Рабочий путь» писал о собрании на заводе «Треугольник» представителей заводских столовых по поводу «разрешения проблемы голода Продовольственной управой путем введения разменных столовых купонов. Собрание приняло резолюцию: вводимая система неприемлема»; «кто хоть немного знаком с ведением дел в столовых,— писал рабкор,— тот сам скажет.., какой кавардак произойдет в столовых, превращенных... в какую-то не то лавочку, не то толкучку»[27]. На ту же тему была заметка «Из современных настроений рабочей массы» — о собрании на заводе «Старый Лесснер». Здесь члену управы заявили, что упорядочение продовольственного положения нужно начинать не с пролетарских столовых, а с аристократических ресторанов. Автор приводит яркое выступление рабочего: «Нужно не резолюции выносить, а действовать, и если нам не дадут продуктов, то мы голодными работать не будем, мы тогда по заводам устроим собрания и направимся и в Центральную продовольственную управу, и в Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов. Мы потребуем реквизиции товаров у спекулянтов, наконец, сами за ними поедем»; «оратор,— указывал рабкор,— не большевик, но к его мнению прислушалось собрание, которое единодушно присоединилось к сказанному»[28].

На многочисленных митингах трудящиеся отстаивали права фабзавкомов, защищая членов комитетов от репрессий. В заметке с завода «Треугольник» сообщалось об угрозе заводоуправления отправить на фронт членов ФЗК[29]. Готовность выступить «самым решительным образом» в защиту своих выборных товарищей отражала информация с фабрики Невской механической обуви[30]. Рабочие ряда заводов информировали о борьбе предпринимателей с фабзавкомами[31]. В газете дважды публиковались резолюции общего собрания рабочих Обуховского сталелитейного завода. В одной из них говорилось: «Принимая во внимание, что заводские комитеты в настоящее тяжелое для родины и революции время так же дороги, как были дороги армейские комитеты в дни корниловского восстания, а упразднение их является явным походом на рабочие организации для блага буржуазии, мы считаем существование фабзавкомов вопросом жизни и смерти для рабочего класса... Мы будем всеми средствами и силами вплоть до всеобщей забастовки бороться за существование наших фабзавкомов»[32]. Под напором протеста против правительственных циркуляров от 22 и 28 августа, ограничивавших права ФЗК (с запретом им вмешиваться в вопросы найма и увольнения рабочих), происки реакции потерпели поражение, а авторитет ФЗК значительно возрос.

Важными вехами в истории фабзавкомов были, как известно, петроградские общегородские конференции. Третья из них была посвящена вопросу защиты комитетов от правительственных репрессий. «Рабочий путь» широко освещал ее деятельность. К. Н. Самойлова в статье «Поход предпринимателей против заводских комитетов» писала: «В то время, как рабочие строили окопы и заграждения, чтобы защитить всю страну от заговора контрреволюции, предприниматели в союзе с Министерством труда готовили другой заговор, чтобы нанести предательский удар в спину российского пролетариата... И представители заводских комитетов на своей 3-й конференции постановили дать этому новому заговору самый решительный отпор, защищая всеми силами свои рабочие организации от посягательства на них со стороны всех врагов революции»[33]. Газета поместила материалы конференции, ее решения.

В предоктябрьские дни в Петрограде открылась Всероссийская конференция фабзавкомов. Опубликованная в «Рабочем пути» резолюция ее от 19 октября гласила: «Спасение революции и достижение целей, поставленных трудящимися массами,— в

[25] Там же.
[26] Подробнее см. В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917—апрель 1918). М.-Л. 1965.
[27] «Рабочий путь», 26.IX(9.X).1917.
[28] «Рабочий путь», 12(25).X.1917.
[29] «Рабочий путь», 6(19).IX.1917.
[30] «Рабочий путь», 10(23).IX.1917.
[31] «Рабочий путь», 8(21).X.1917.
[32] «Рабочий путь», 19.IX(2.X); 30.IX (13.X).1917.
[33] «Рабочий путь», 14(27).IX.1917.

переходе власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советская власть должна немедленно передать землю в руки крестьянских земельных комитетов и ввести рабочий контроль над производством и распределением продуктов в общегосударственном масштабе»[34]. Так требование пролетарского контроля в канун вооруженного восстания тесно переплелось с лозунгом «Вся власть Советам!».

Фактически не было ни одной области деятельности ФЗК, о которой не писали бы в большевистскую газету «Рабочий путь» рабкоры питерских заводов и фабрик. В меру своих сил, грамотности и способностей они освещали и пропагандировали одно из главных требований РСДРП(б) в период подготовки и проведения социалистической революции — рабочий контроль над производством и потреблением.

С. Ф. Корнеева

[34] «Рабочий путь», 22.X(4.XI).1917.

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ОПОЛЧЕНСКАЯ МЕДАЛЬ 1812 ГОДА?

Отечественная война 1812 г. вызвала к жизни народное ополчение. Для решения общих вопросов, которые касались всех формировавшихся в стране ополчений, Александр I указом от 31 июля 1812 г. создал Особый комитет. В него вошли председатель департамента военных дел Государственного совета А. А. Аракчеев, министр полиции А. Д. Балашов и государственный секретарь А. С. Шишков. Но еще до этого будущие члены комитета вместе с московским главнокомандующим Ф. В. Ростопчиным разработали положение о Московском ополчении, получившее название «Состав военной Московской силы» и ставшее руководящим документом при создании ополчений не только в Московской, но и в других губерниях. Там, где разрабатывались собственные положения, оно явилось основой, определявшей те общие начала, установленные центральной властью, в рамках которых возможно было проявление местной инициативы. К числу таких «общих начал» относилась и система награждений в создаваемых ополчениях. Для штаб- и обер-офицеров «Состав военной Московской силы», а затем и положения об ополчениях других губерний предусматривали за храбрость и мужество награды «точно такие же, какие определены в армиях действующих»[1]. Положением о Московском ополчении был решен вопрос и о награждении нижних чинов: «Все урядники, казаки и егери получают за храбрость медаль, для сего случая от государя императора установляемую. Получивший же таковую медаль получает по смерть в пенсию жалованье, им получаемое во время временной его службы». В положениях об ополчениях других губерний, утверждаемых царем, эта установка повторялась и конкретизировалась. Так, в «Положении о составе Тверской военной силы» медаль «установляемая» превратилась уже в «установленную», а в положении о Петербургском ополчении говорилось еще и о том, кто будет выплачивать награжденным пенсии: «Получившим же таковые медали предоставляется дворянству впредь назначить пенсию»[2].

Тезис об ополченской медали вошел в советскую научно-историческую литературу, иногда даже в излишне вольной интерпретации. Например, В. И. Бабкин фразу о награждении нижних чинов в положении о Петербургском ополчении истолковал в том смысле, что «для унтер-офицерского и рядового состава устанавливалась медаль «За храбрость», образец которой по предложению М. И. Кутузова был утвержден правительством»[3]. Так установленная за личную храбрость медаль по воле автора превратилась в медаль «За храбрость»[4], якобы утвержденную правительством, тогда как наградные и даже памятные медали

[1] «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сборник документов. М. 1962, стр. 49, 202, 276.

[2] Там же, стр. 49, 203, 277.

[3] В. Бабкин. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. 1962, стр. 56.

[4] Медаль с надписью «За храбрость» в 1812 г. действительно существовала. Но это была царская награда без определенного статута, она существовала и до Отечественной войны и ничего общего с медалью, предусмотренной положениями об ополчениях, не имела.

могли появиться только с санкции императора, а инициатива этого утверждения без всяких оснований оказалась связанной с именем М. И. Кутузова. В менее произвольной трактовке факт существования ополченской медали получил среди советских историков достаточно широкое признание. Показательно в этом отношении, что во введении к фундаментальному сборнику документов об ополчении 1812 г. указывается: «Царское правительство обмануло их (ополченцев.— В. Б.) ожидания и мечты о воле, ограничившись выпуском медали, послужившей единственной наградой ополченцам» [5].

Что же представляла собой эта ополченская медаль? Существовала ли она на самом деле? В нумизматической литературе по традиции, восходящей к 40-м годам прошлого столетия и продержавшейся до наших дней, наградой для ополченцев 1812 г. принято считать серебряную медаль, известную по содержащейся на ней надписи как медаль «За любовь к отечеству» [6]. Однако обнаруженные недавно архивные документы не оставляют сомнений, что медаль эта имела другое предназначение и с награждением ополченцев не связана [7].

Но, быть может, была какая-то другая медаль для ополченцев и именно о ней шла речь в положениях об ополчениях? Такое предположение следует отвергнуть по следующим причинам. Отражая классовую структуру армии, система русских воинских наград во время Отечественной войны 1812 г. строго разграничивала награды, которые могли получить за личное боевое отличие представители генералитета и офицерского корпуса, с одной стороны, и нижние чины — с другой [8]. Первые поощрялись орденами, золотым оружием, внеочередным производством в следующий чин и некоторыми другими видами пожалований. Основной же наградой нижних чинов являлся знак отличия Военного ордена [9], который по статуту мог даваться за самые разнообразные подвиги и носил как бы универсальный характер. При формировании ополчений, естественно, возник вопрос, следует ли распространить на ополченцев общую систему воинских наград. Относительно офицерского состава было решено, как уже отмечалось, давать награды «точно такие же, какие определены в армиях действующих». Что же касается нижних чинов, то решение было принципиально иным: установление для ополченцев особой медали означало, что солдатской наградой, то есть знаком отличия Военного ордена, они награждаться не будут.

Это было вызвано скорее всего двумя мотивами. Во-первых, тем самым, по-видимому, еще раз подчеркивалось, что ополченцы не являются солдатами (правительство, опасаясь волнений и стремясь обеспечить возможно более широкий приток в ополчения добровольцев, разнообразными приемами старалось в начале войны заверить ополченцев, что 25-летняя служба им не угрожает; заверения эти особенно необходимы были в связи с тем, что у многих сохранилось в памяти, как в 1807 г. 177 тыс. ополченцев вопреки первоначальным обещаниям после окончания войны обратили в

---

[5] «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», стр. 7.

[6] «Собрание русских медалей». СПБ. 1840—1846, № 294; «Описание русских медалей». Составил... В. П. Смирнов. СПБ. 1908, № 368; И. М. Холодковский, Н. Н. Годлевский. Нумизматические памятники Отечественной войны. СПБ. 1912, стр. 47; В. А. Ашик. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПБ. 1913, стр. 151; А. Н. Лупполл. Нумизматические памятники Отечественной войны в собрании Государственного исторического музея. «1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны». М. 1962, стр. 298.

[7] История медали «За любовь к отечеству» изложена автором этой заметки в статье «Из истории награждения крестьянских партизан 1812 года», которая публикуется в т. 103 «Исторических записок».

[8] Существовали также медали, учрежденные в память отдельных кампаний или сражений, которые в некоторых случаях давались участникам их без различия чинов. Так, серебряная медаль в память Отечественной войны 1812 г. полагалась всем чинам армии и ополчений, участвовавшим в боях до 1 января 1813 года. Эта медаль не давала каких-либо прав или преимуществ, но ценилась как награда, указывающая на непосредственное участие в Отечественной войне. Многие ополченцы (в том числе воины всех формирований третьего ополченского округа) ее не получили на том основании, что включены были в боевые действия после 1 января 1813 года.

[9] Наградной серебряный крест для нижних чинов, учрежденный в 1807 г., первоначально был без степеней. Орденом он никогда не являлся, но числился при ордене св. Георгия, формой креста и изображениями напоминал этот орден и носился на георгиевской ленте (отсюда неофициальные названия: Георгиевский крест, солдатский Георгий, Георгий 5-й степени, знак св. Георгия и др.). В 1856 г. были установлены четыре степени этой награды; в 1913 г. она официально названа Георгиевским крестом.

рекрутов). Во-вторых, этим хотели, очевидно, продемонстрировать особую заботу об отличившихся ополченцах, поскольку было объявлено, что награжденные медалью имеют право на пожизненную пенсию в размере жалованья, которое они получали в период службы, в то время как получившим знак отличия Военного ордена выплачивалась пенсия в размере лишь одной трети жалованья.

Решение об учреждении особой медали было, таким образом, альтернативным по отношению к другому возможному решению — награждать нижних чинов ополчений так же, как нижних чинов армии. Известно, однако, что в ходе Отечественной войны 1812 г. и последующих военных действий за рубежом особо отличившихся ополченцев награждали все же знаком отличия Военного ордена [10]. Факты таких награждений указывают на то, что от решения учредить особую ополченскую медаль молчаливо отказались. Это подтверждается и тем, что за прошедшее после Отечественной войны время не было установлено ни одного случая награждения обещанной медалью. Если бы награждения ею имели место, то они не могли бы остаться совершенно неизвестными, поскольку неизбежно сопровождались бы официальной перепиской, касавшейся как самой процедуры награждений, так и выплаты награжденным пенсий, а такая переписка, учитывая, что архивы большинства ополчений 1812 г. сохранились и хорошо изучены, давно была бы обнаружена. Следовательно, десятки тысяч ополченцев, проявлявших героизм в жесточайшей борьбе с наполеоновским нашествием, были обмануты официальным обещанием учредить для наиболее отличившихся из них особую награду, дававшую право на некоторое материальное пособие. В чем же причины этого?

Положения об ополчениях создавались в первый период Отечественной войны, когда русские войска отступали. И правительство, и владельцы крепостных душ, многие из которых считали Наполеона «конным Робеспьером», который чего доброго даст свободу крестьянам, опасаясь, что неприятельское вторжение вызовет крестьянскую войну, готовы были раздавать народу самые щедрые обещания. Примером того, насколько перепуганы были помещики и на какие посулы ополченцам они шли, может служить разосланное в июле 1812 г. дворянам Царскосельского уезда Петербургской губернии обращение их уездного предводителя Ф. Ф. Беля, в котором он взывал: «Долгом поставляю просить г.г. помещиков, чтобы они не оставили внушить и вразумить крестьянам, что при нынешнем общем ополчении святейший долг каждого крестьянина... быть готову для сохранения веры и для защиты отечества и тем старались бы, чтобы назначенное число людей пошли в ополчение добровольно, и потом объявить им, что, во все время их служения, поля их будут обработаны, и во всех хозяйственных частях помещики приемлют на себя не токмо ничего не опущать и вящше их поддержать и платить за все следующие с них обязанности и, наконец, назначенным на временное ополчение не угодно ли будет положить в награждение, по возвращении их в жилища и по представлении о хорошем служении свидетельств, освобождение навсегда от господских работ или оброков (и казенных повинностей) и чтобы всех сих людей, которые служили во временном ополчении, исключать навсегда от рекрутского набора» [11].

Так было в начале войны. Но по мере того как становилось очевидным, что крестьянство без всяких помешичьих «внушений и вразумлений» не только шло в ополчения, но и повсеместно поднималось на партизанскую войну с захватчиками, по мере того как происходил перелом в ходе войны и русская армия одерживала одну победу за другой, выданные народу обещания стали предавать забвению. В ряду «забытых» обещаний оказалась и ополченская медаль. Суть вопроса здесь составляла, конечно, не сама медаль, а то, что награжденным ею крестьянам дворяне должны были выплачивать пенсии, что никак не укладывалось в рамки крепостнической идеологии и практических взаимоотношений душевладельцев с крепостными. Большинство помещиков разрешение своим крестьянам вступить в ополчение (а без такого разрешения ни один из них не мог стать воином ополчения) рассматривало как свой патриотический подвиг, свое личное добровольное по-

[10] «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», стр. 99, 240, 256, 324; «Материалы для истории дворянства С.-Петербургской губернии». Т. II, вып. 1. СПБ. 1912, стр. 179, 243, 257, 270 и др.; В. Р. Апухтин. Народная военная сила. Т. I, ч. 2. М. 1912, стр. 48, и др.

[11] «Материалы для истории дворянства С.-Петербургской губернии». Т. II, вып. 1, стр. 34.

жертвование, точно такое же, как пожертвование любого другого вида имущества. Не случайно ратников ополчений часто называли в то время «жертвенниками», имея в виду, что они пожертвованы их господами. «Всякий малодушный дворянин,— с сарказмом писал в декабре 1812 г. Александру I Ф. В. Ростопчин,— всякий бежавший из столицы купец и беглый поп считает себя, не шутя, Пожарским, Мининым и Палицыным, потому что один из них дал несколько крестьян, а другой несколько грошей, чтобы спасти этим все свое имущество» [12].

Рассчитывать на то, что такие дворяне после победоносного окончания войны станут выплачивать крепостным какие-то пенсии, было бы нереальным. Вместе с тем в правительственных верхах могли прийти к мысли, что в условиях охватившего народ патриотического подъема медаль как указание на отличие ополченцев от солдат серьезной роли не играет, ибо для этого достаточными оказались обычные, более наглядные меры — сохранение крестьянской одежды, разрешение носить бороды и др. В этом, надо полагать, и заключались причины того, что проявивших выдающийся героизм ополченцев в редких случаях награждали не обещанной медалью, а знаком отличия Военного ордена. Статут этой награды тоже давал право на пенсию, но на две трети меньше обещанной и уже не от дворянства, а от государства. Для рядового ратника такая пенсия составляла 4 руб. в год, для урядника — 4 руб. 66 копеек. Характерно, что правительство долгое время колебалось, следует ли делать и эти выплаты: только в мае 1815 г. в «Правилах о распределении изувеченных людей, бывших в ополчении» было объявлено, что бывшим ополченцам, награжденным знаком отличия Военного ордена, «в ознаменование их храбрости, оказанной на временной службе», предоставляются те права, которыми пользуются имеющие эту награду нижние чины армии и флота. В этих же «Правилах» разъяснялось, что «для сохранения общего спокойствия и тишины» тех награжденных, которые своим поведением будут приносить помещикам «беспокойство», разрешается, как и прочих бывших ополченцев, оказавшихся «непослушными и беспокойными», сдавать в солдаты в счет будущих рекрутских наборов. Кроме того, «людей, находившихся в ополчении, кои в сражениях быв изувечены или от многотрудных и продолжительных походов впав в неизлечимые болезни, сделались неспособными ни к каким работам», предлагалось «для облегчения помещиков и обществ» сдавать командирам гарнизонных батальонов на казенное содержание в качестве «неслужащих инвалидов» [13]. Таким образом, помещики были освобождены от обязанности не только выплачивать какие-либо пенсии, но и делать затраты на содержание инвалидов войны, а от бывших ополченцев, которые проникнулись духом неповиновения и бунтарства, получили возможность избавляться.

Так были «вознаграждены» ополченцы. Невольно в этой связи вспоминается, что А. С. Грибоедов, обдумывая план драмы об Отечественной войне 1812 г., главным действующим лицом которой должен был стать крепостной-ополченец, пришел к выводу, что уделом его героя, после того как он по окончании войны «отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию» и «возвращается под палку господина», не остается ничего, кроме отчаяния [14].

В. В. Бартошевич

[12] «Русская старина», 1893, т. 77, стр. 187.

[13] «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», стр. 40—43.

[14] А. С. Грибоедов. Сочинения. М. 1953, стр. 320—322.

СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ВЫСТАВКА

История народнохозяйственных выставок — составная часть истории материального производства, развития орудий труда, распространения накопленного опыта и знаний, экономической политики правительства. В этой связи представляют определенный интерес выставки, организованные в России во второй трети XIX в.—

в период кризиса крепостного строя [1]. Такие выставки «принадлежали к новым явлениям, объективно связанным с развитием капиталистического производства»; рост выставочного дела «содействовал развитию нового в общественном производстве страны» [2]. Но выставки того времени, особенно губернские, изучены недостаточно. Это относится, в частности, к истории губернской выставки в Смоленске 1834—1837 годов. Одна из причин того — отсутствие документальных материалов. Долгое время единственным источником сведений о Смоленской выставке оставалась для специалистов заметка, опубликованная в «Северной пчеле» [3] и появившаяся почти через три года после открытия выставки. Ныне в Государственном архиве Смоленской области (в фонде канцелярии смоленского губернатора) обнаружены архивные дела, содержащие об этой выставке определенные сведения [4].

Особый интерес представляют реестры выставки. Их три: два отпечатаны типографским способом, третий переписан от руки и имеет помету «Подан 10-го мая 1847 г.». Атрибуция рукописного реестра не вызывает затруднений: это опись предметов бывшей выставки, хранившихся у купца В. Кульбацкого (в его доме в свое время функционировала выставка) и переданных другому лицу, члену местного мануфактурного комитета купцу Я. Щёкотову [5]. Опись и была составлена по случаю передачи. Реестр, отпечатанный типографским способом, сохранился в архивном деле 1836 г. [6], другой — в деле вместе с рукописным реестром [7]. Они значительно отличаются друг от друга по составу экспонатов: в «реестре 1852 г.» (назовем его условно так), имеющем рукописную помету «Открыта 23 января 1836 г.» (к ней мы еще вернемся),— 73 наименования, причем почти исключительно промышленных изделий; в «реестре 1836 г.» — 169 наименований, которые разбиты на три группы: «Произведения природы самородные, собственно губернии принадлежащие»; «Произведения природы, усвояемые и частью усвоенные в губернии»; «Предметы искусства и ремесла». Первоначально Смоленская выставка была преимущественно мануфактурной, а затем значительно пополнилась как «произведениями природы самородными», так и образцами сельскохозяйственного производства. Поэтому рубрики второго реестра соответствовали указаниям министерства внутренних дел, данным в 1836 г., о структуре открываемых в губернских городах выставок. Перед нами, таким образом, реестры как первоначальной выставки, так и обновленной.

Выставка была организована Смоленским мануфактурным комитетом, начавшим действовать 24 марта 1830 г. под председательством губернатора, довольно инициативного деятеля, поэта и драматурга Н. И. Хмельницкого. Он был организатором и выставки и ряда других полезных начинаний в жизни Смоленска (открытие публичной библиотеки, городского сада «Блонье») [8]. Смоленская губерния еще в первой половине XIX в. была средоточием дворянского предпринимательства [9] и вместе с тем очагом дворянского либерализма, а также одним из мест, откуда вышел ряд участни-

---

[1] См. об этом: С. С. Дмитриев. Народнохозяйственные выставки в Ярославской губернии до 1861 г. (к истории сельскохозяйственной пропаганды в России). «Краеведческие записки» Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вып. IV. Ярославль. 1960; его же. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М. 1961; А. И. Михайловская. Из истории промышленных выставок в России первой половины XIX в. (первые всероссийские промышленные выставки). «Очерки истории музейного дела в России». М. 1961; Н. С. Киняпина. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.) М. 1968, и др.

[2] С. С. Дмитриев. Народнохозяйственные выставки в Ярославской губернии до 1861 г., стр. 213—214.

[3] «Северная пчела», № 250, 31.X.1836.

[4] Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 1, Канцелярия смоленского губернатора, оп. 1, 1833 г., д. 37; оп. 7, 1836 г., д. 9; оп. 2, 1852 г., д. 471; оп. 4, 1858 г., д. 50.

[5] Там же, ф. 1, оп. 2, 1852 г., д. 471, лл. 4—6, 9—10.

[6] Там же, оп. 7, 1836 г., д. 9. Данный реестр был известен С. С. Дмитриеву (С. С. Дмитриев. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России, стр. 178). Позже этот реестр был опубликован в «Материалах по изучению Смоленской области». Вып. VI. М. 1967, стр. 299—304.

[7] ГАСО, ф. 1, оп. 2, 1852 г., д. 471, лл. 7—8.

[8] Н. А. Добротворский. Николай Иванович Хмельницкий. «Исторический вестник», 1889, декабрь.

[9] Г. Т. Рябков. Крестьянское хозяйство Смоленской губернии в конце XVIII—первой половине XIX в. Докт. дисс. М. 1970.

ков декабристского движения [10]. Определенную роль в этом играло и расположение губернии на западе России, вследствие чего здесь быстрее распространялись известия об освободительном движении в Западной Европе, а в период восстания в Польше 1830—1831 гг. Смоленщина оказалась в непосредственной близости от основного театра событий. Позднее, в 1848 г., смоленское дворянство представило Николаю I записку, в которой доказывалась целесообразность освобождения помещичьих крестьян [11]. Губернская выставка отвечала интересам прежде всего передовой части дворян, соответствовала их стремлениям накопить, обобщить и распространить опыт ведения рационального хозяйства, идти в этом деле в ногу с Западной Европой. Заинтересованность в выставке проявляли также владельцы купеческих и крестьянских мануфактур.

Как известно, первая промышленная выставка в Петербурге была открыта 15 мая 1829 г., первая Московская действовала с 17 мая до 6 июня 1831 года [12]. Примерно в то же время зародились сельскохозяйственные выставки (сначала в виде конских состязаний) [13]. Приступая к организации выставки в Смоленске, Хмельницкий, несомненно, опирался на опыт выставочного дела в России и за рубежом. Тому содействовали его широкая образованность и определенная причастность к проблемам развития народного хозяйства (он был горным инженером).

Первые шаги к организации выставки были предприняты не позднее конца 1832 года. Было найдено помещение (сначала в доме «градского общества», потом в доме купца В. Кульбацкого). Губернский архитектор получил задание составить чертежи и смету на устройство выставки, которые он и представил в январе 1833 года [14]. В конце января — начале февраля Хмельницкий разослал предписания уездным властям и письма владельцам промышленных заведений, преимущественно дворянам, о сборе экспонатов. С середины февраля стали поступать донесения из уездов с сообщениями, что̀ именно будет доставлено на выставку. Опираясь на эти ответы, означавшие поддержку и готовность участвовать в выставке, 21 марта 1833 г. Смоленский мануфактурный комитет принял решение об организации выставки, рассматривая ее «как действительную меру к достижению своей цели — распространению мануфактурной промышленности». Было предложено на устройство выставки производить трехпроцентные отчисления из ссужаемых денег [15].

К лету накопилось значительное количество предметов, присланных на выставку. 29 августа и вторично 27 октября губернский архитектор доложил о выполнении им поручения Хмельницкого «распорядиться изготовлением» всего необходимого оборудования [16]. Все было готово к открытию выставки. Время ее открытия до сих пор оставалось специалистам неизвестным. Было лишь ясно, что в 1836 г. она уже действовала. Теперь мы можем назвать точную дату начала ее функционирования. Сохранился черновик отношения Хмельницкого в министерство внутренних дел и министерство финансов, посланного 1 февраля 1834 г., в котором сообщалось, что «выставка в присутствии господина генерал-губернатора князя Хованского и прочих приглашенных особ открыта 23 сего января» [17]. В тот же день был составлен протокол мануфактурного комитета об открытии выставки.

А как же быть с пометой на «реестре 1852 г.», называющей днем открытия выставки 23 января 1836 года? Обратим внимание читателя прежде всего на то обстоятельство, что в этой помете последняя цифра в обозначении года исправлена. История исправления, судя по составу архивного дела, представляется таким образом: через полтора десятилетия после закрытия выставки перед губернатором оказались на столе номер «Северной пчелы» от 31 октября 1836 г. с заметкой о выставке и реестр

[10] В. С. Орлов, В. Г. Вержбицкий. Декабристы-смоляне. Смоленск. 1951.

[11] Г. Т. Рябков. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Смоленск. 1957, стр. 73.

[12] Н. С. Киняпина. Указ. соч., стр. 252, 263.

[13] С. С. Дмитриев. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России, стр. 173.

[14] ГАСО, ф. 1, оп. 1, 1833 г., д. 37, *лл.* 77—80.

[15] Там же, оп. 4, 1858 г., д. 50, л. 3. По ходатайству Хмельницкого, Николай I предоставил Смоленской губ. на восстановление хозяйства, пострадавшего в Отечественной войне 1812 г., некоторые льготы. Более 100 тыс. руб. получили и купцы Смоленска (П. Никитин. История города Смоленска. М. 1848, стр. 296). С этой ссуды и были произведены отчисления.

[16] ГАСО, ф. 1, оп. 1, 1833 г., д. 37, лл. 82, 84.

[17] Там же, 1834 г., д. 33.

выставки 1834 г., отпечатанный типографским способом (не датированный, но с надписью чиновника), датой открытия которой чиновник поставил — 23 января 1834 года. Однако цифра 4 в этой записи была принята за описку и решительно исправлена на 6; по мнению делавшего исправление, для этого были «все основания»: заметка-то в «Северной пчеле» относится к 1836 году.

В 1836 же году Смоленская губернская выставка приобрела всероссийскую известность. В августе того года в связи с предстоявшим путешествием наследника престола последовало «высочайшее повеление» учредить во всех губернских городах выставки «образцов фабричной, заводской, ремесленной и всякого другого рода местной промышленности» по примеру организованной в Смоленске. Министерство внутренних дел 25 и 29 августа, затем 8 сентября разослало циркуляры по данному вопросу, а потом и «Общий план губернских выставок». Был рекомендован тип выставок, близких к музею. В Смоленском архиве хранятся письма и отношения губернских начальствующих лиц из Риги, Киева, Казани, Нижнего Новгорода, Твери, Лифляндской, Гродненской, Таврической губерний и других мест, которые просили смоленских коллег, имевших уже некоторый опыт, дать советы об устройстве выставок [18]. Тогда-то и появилась в «Северной пчеле» заметка о Смоленской выставке.

Последние месяцы 1836 г. были вторым периодом активных хлопот смоленского губернского начальства, связанных на этот раз с пополнением и реорганизацией выставки. Помимо соображений престижа, оно руководствовалось еще и необходимостью привести выставку в соответствие с требованиями министерства внутренних дел. Первоначально Смоленская выставка была преимущественно промышленной, а министерские циркуляры рекомендовали в первом отделении выставить «предметы царства ископаемых», во втором — «предметы царства растительного», в третьем — «из царства животных», а четвертое — «едва ли не самое разнообразное и любопытное» — должно было «обнимать все предметы заводской, мануфактурной, фабричной и домашней промышленности».

Осенью 1836 г. Хмельницкий вновь разослал предписания о доставке новых экспонатов. Если в 1833 г. губернские власти интересовались промышленными изделиями, то теперь и произведениями сельского хозяйства, земледельческими орудиями, полезными ископаемыми. Были обновлены и промышленные изделия. Из помещичьих оранжерей доставили редкостные растения. Когда состоялось вторичное открытие выставки, на этот раз расширенной и пополненной (впрочем, было ли вообще второе открытие?), не установлено. Известно лишь, что к моменту посещения выставки наследником престола (середина июля 1837 г.) она находилась «в самом цветущем состоянии» [19].

«Реестр 1836 г.» дает возможность судить об экспонатах выставки. В первом отделении были представлены «при особой агрономической карте Смоленской губернии лучшие, средние и худшие почвы в каждом уезде и также составные их части». Экспонировались и полезные ископаемые: доставленные из Рославльского уезда черная и красная, из Бельского — белая глина; «находимый в Рославльском и Духовщинском уездах» мергель; «известь отличного свойства, называемая Гжельскою», привезенная из Вяземского уезда; куски пиритов, поташ. В первом отделении экспонировались 44 образца земледельческих орудий и машин, из них 15 моделей поступили от министерства финансов. Вероятно, это были орудия, еще не получившие широкого распространения в губернии. 10 образцов были доставлены помещиком Смоленского уезда Миклашевским, 8 — Вонлярлярским (тот же уезд). Экспонировались две «косы с граблями» — из имений Абашева и Муравьева. Итак, по меньшей мере 20 экспонатов свидетельствовали о прогрессивном развитии сельскохозяйственной техники и применении ее в имениях смоленских помещиков. Среди земледельческих орудий, демонстрировавшихся на выставке, наибольшее число орудий было по обработке почв — 26 образцов (11 плугов различных типов, 4 распашника, 5 типов борон, корнерез, кочкорез, «машина для вырывания пней», каток, пропашник для картофеля, ровнялка). Были представлены «сеяльные машины» (4 образца), молотилки, веялки, трещотка для очищения льняного семени, соломорезка, тележка для навоза. Имелись также два пресса, прялка, 2 маслобойки.

«Заводские машины» (12 образцов) были представлены лишь приспособлениями, употреблявшимися при производстве веревок и канатов. Значительный круг машин, улучшенных орудий и инструментов, применяв-

[18] Там же, оп. 7, 1836 г., д. 9.

[19] Там же, оп. 4, 1858 г., д. 50, л. 13.

шихся в сельском хозяйстве и в мануфактурном производстве губернии и представленных на выставке, бесспорно свидетельствовал об определенных успехах в развитии производительных сил страны в первой половине XIX в., об упрочении капиталистического уклада.

Во втором отделении экспонировались «произрастания» (10 наименований), доставленные из имений помещиков-рационализаторов: рожь кустовая, ассирийская и «арнаутка», английский тяжеловесный овес, гималайский ячмень, китайская пшеница, озимая пшеница, клевер, тимофеевка, кормовой горошек. Довольно многочисленным по количеству экспонатов и разнообразным по их составу было третье отделение. Ельнинские помещики Д. Н. Болговский и И. А. Глинка представили на выставку сукна разных сортов, барон А. П. Черкасов — салопные материи, шерсть и пряжу мериносовую, которые вырабатывались на его шерстопрядильной «фабрике». Гжатские помещики князья Голицыны экспонировали полубархат, образцы плиса, коленкор, кисею, князь Долгоруков — миткаль и сукно. На выставке демонстрировались парусина с «фабрики» Щепочкина (Юхновский уезд), «фламское полотно» и ревендук с «фабрики» князя Вяземского (Юхновский уезд), пряжа с бумагопрядильной «фабрики» Лопухина (Вяземский уезд), тонкая льняная пряжа, «обделанная по фландрскому способу» в имении помещицы Смоленского уезда Миклашевской, изделия рославльских стекольных заводов. Были выставлены: бумага разных сортов с мануфактур Барышникова, Квашнина-Самарина, Лесли, Вонлярлярского и Паншиной, полотно, скатерти, салфетки, холст, кружева и другая продукция дворянских мануфактур. В большом количестве экспонировались изделия купцов и мещан: свечи сальные и восковые, мыло, кирпич, разнообразные сорта кож и изделий из кожи, кузнечные изделия и т. д.

«Реестр 1836 г.» содержит многочисленные сведения о размерах производства и ценах. В нем, например, приведены данные об изготовлении бумаги в губернии (до 25 тыс. стоп), ее цене (от 2 руб. 25 коп. до 11 руб. за стопу) и общей выручке от продажи (более 100 тыс. руб. в год); об изготовлении кож (на 200 тыс. руб. в год), восковых и сальных свечей (на 160 тыс. руб. в год). Князья Голицыны выбрасывали на рынок до 3 тыс. пуд. сыра ценою 20 руб. за пуд. Завод Паншиной ежегодно вырабатывал хрустальной посуды на 200 тыс. рублей. До 500 пуд. сахара производилось на заводе Бородавицына, а о сахаре ельнинской помещицы Савиной записано, что цена его — 40 руб. за пуд. Анализ реестра выставки дает возможность говорить и о социальной структуре промышленного производства в Смоленской губернии. На выставке экспонировались изделия из поместий более 30 дворян и почти такого же числа купцов и мещан. Первым принадлежали преимущественно предприятия суконные, стекольные и хрустальные, бумагопрядильные и сыроваренные, вторым — кожевенные, кирпичные, по изготовлению свеч и другие предприятия [20].

Крепостные и даже государственные крестьяне к участию в выставке допущены не были. Это резко ограничивало народнохозяйственный характер выставки, которая свелась к показу производственного прогресса в хозяйствах помещиков и купцов и совершенно игнорировала трудовую деятельность и производственный опыт основных производителей материальных благ — крестьян. В этом отношении Смоленская выставка 1834—1837 гг. существенно отличалась от последующих местных выставок в России, на которых в той или иной мере была представлена также продукция крестьян. Ограниченность Смоленской выставки явно была связана с господством крепостнических отношений.

Показательна дальнейшая ее судьба. После отстранения Н. И. Хмельницкого от должности смоленского губернатора, прогрессивная деятельность и независимость взглядов которого пришли в столкновение с консерватизмом правительственного аппарата и большинства дворян внутри губернии, губернские власти потеряли к выставке всякий интерес. В ноябре 1837 г. о ней говорилось как о закончившейся. Часть экспонатов была возвращена владельцам, а часть сохранена для «губернского музеума» [21]. Однако музеем заинтересовались лишь в 1858 г. в связи с открытием Смоленского общества сельского хозяйства. Сохранившиеся в кладовой городской думы экспонаты выставки 1834—1837 гг. были перемещены во второй этаж здания Дворянского собрания. Уездным предводителям дворянства было предложено оказать со-

---

[20] Подробнее см. Д. И. Будаев. Особенности складывания кадров пролетариата в Смоленской губернии. «Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран». Смоленск. 1974, стр. 103—104.

[21] ГАСО. ф. 1, оп. 7, 1836 г., д. 9.

действие в сборе новых экспонатов с тем, чтобы к официальному открытию Смоленского общества сельского хозяйства, назначенному на 30 августа, «иметь музеум в должном виде и порядке»[22]. На этот раз дело закончилось тем, что в 1859 г. в Смоленске была организована сельскохозяйственная выставка 6 губерний: Смоленской, Могилевской, Калужской, Витебской, Минской и Гродненской, на которой было представлено 668 экспонатов от 126 экспонентов[23].

В истории Смоленской выставки отразились общие противоречия экономического развития тогдашней России. Появившаяся под воздействием развития капиталистического уклада выставка стала заметным событием, определенной вехой в истории развития других промышленных и сельскохозяйственных выставок. Кроме того, Петербургская, Московская, Смоленская губернская и прочие выставки позволили накопить какой-то опыт выставочного дела. Вместе с тем возникшая еще в условиях крепостного строя выставка оказалась полезной лишь для решения ограниченных задач, ибо для успешного разрешения главных задач, поставленных всем ходом социально-экономического развития страны, нужно было прежде всего ликвидировать крепостное право.

Д. И. Будаев

[22] Там же, оп. 4, 1858 г., д. 50, лл. 15, 17, 19.

[23] В. И. Иванов. Краткий очерк деятельности Смоленского общества сельского хозяйства за 1858—1912 гг. Смоленск, 1912, стр. 6.

ДЕДАЛ, МИНОС И КОКАЛ

(ЛЕГЕНДЫ И АРХЕОЛОГИЯ)

С древней Сицилией связано несколько циклов легенд, сохранивших отзвук древнейших контактов с Восточным Средиземноморьем: бегство в Сицилию с Крита Дедала и преследование его Миносом; путь Геракла с коровами Гериона; высадка на крайнем западном берегу Сицилии беглецов из Трои, одна часть которых, смешавшись с местными жителями — сиканами, положила начало народу элимов, другая же во главе с Энеем, продвинувшись через Сицилию, осела в Италии; плавание Одиссея в граничащих с Сицилией морях и его приключения в стране лестригонов и на островах Циклопов, Кирки, Калипсо и Эола[1].

Первая из этих легенд, единственная, связывающая с Сицилией Крит, стоит несколько особняком в том круге мифов, которые греческая фантазия создала вокруг Крита. Ведь в большинстве из них мы находим отсвет самой блестящей поры древнейшей жизни острова, ставшего затем одним из малопримечательных островов эллинского мира. То была пора бурной строительной деятельности, расцвета искусства и «талассократии» (господства на море) Крита. Она настолько неразрывно слилась в памяти греков с мифической историей богов и героев, что превратилась в легенду. И из области легенд в сферу реальной истории начала возвращаться лишь более трех тысячелетий спустя — с XX в., когда археология раскрыла древнейшее прошлое Крита. Вписавшись в общую картину крито-микенской эпохи, мифы, связанные с этим островом, явились прекрасным дополнением к тому археологическому материалу, который позволил в этих мифах увидеть своеобразный, трудный для интерпретации, но все же сугубо исторический источник.

И лишь один миф из всего критского цикла долгое время не находил никаких археологических параллелей, которые позволили бы выделить в нем под слоем преданий историческое зерно: миф о бегстве с Крита на Сицилию Дедала, который создает открывающие ему путь к свободе крылья, и о сицилийском походе Миноса, решившего во что бы то ни стало вернуть непокорного художника, погибающего в неприступном Камике, выстроенном Дедалом для местного царька Кокала. Впервые мы встречаем это предание у «отца истории» Геродота в неожиданной связи с Саламинским сражением 480 г. до нашей эры.

[1] О последних см. Л. С. Ильинская. Острова Эола. «Вопросы истории», 1978, № 5.

Когда афиняне незадолго до этой морской битвы обратились к критянам с призывом принять участие в общеэллинской борьбе с персами, те, прежде чем принять решение, направили послов в дельфийский оракул Аполлона, чтобы вопросить бога, стоит ли им помогать материковой Элладе или лучше остаться в стороне. И пифия, как повествует Геродот, напомнила жителям острова о том, что эллины не помогли им в свое время отомстить за смерть их царя Миноса в Сицилии. Приведя слова дельфийского оракула, Геродот раскрывает содержащийся в них намек, передавая предание о Миносе в Сицилии [2].

Отсутствующие у Геродота подробности о бегстве Дедала и длительных его поисках Миносом мы узнаем из сочинения мифографа II в. до н. э. Аполлодора, собравшего и систематизировавшего несколько циклов греческих мифов [3]. Затем в I в. н. э. к тому же сюжету обращается в посвященных Сицилии главах своего обширного сочинения сицилийский историк Диодор [4]. Тогда же его частично затрагивает Овидий в связи с поэтическим изложением гибели сына Дедала Икара [5] во время его бегства от Миноса. Наконец, во II в. н. э. отдельных деталей легенды касается Павсаний по ходу описания достопримечательностей Эллады [6].

Согласно передаваемым этими авторами преданиям, Дедал, благополучно завершив перелет (во время которого, рванувшись к солнцу, погиб Икар), прибывает в Сицилию, называвшуюся тогда еще Сиканией по имени населявшего ее народа сиканов. Их царь Кокал оставляет у себя прославленного художника, и тот долгое время живет в стране сиканов, непревзойденный в своем удивительном искусстве. Он строит для оказавшего ему гостеприимство царя неприступную столицу Камик. Вход в этот город, расположенный на высокой горе, был столь узок и извилист, что его легко могли защищать три-четыре воина. Поэтому и сделал Кокал новый город своей столицей и свез в возведенный в нем дворец все богатства, которые оказались здесь в полной безопасности. Показывает свое искусство Дедал и во многом другом. Особенно удивительной считали сделанную им в горе пещеру, куда собирались пары, идущие, как думали, от подземного огня. В этой своеобразной парильне, имевшей лечебное назначение, можно было находиться довольно долго, не страдая от жары, а напротив, испытывая наслаждение от нежащей теплоты.

Тем временем Минос, безраздельно владевший морем, приходит в ярость, узнав, что Дедал, которого он привык считать своей собственностью, бежал, использовав единственную неподвластную царю стихию — воздух, и отправляется на поиски непокорного. Разыскивая его по всем землям, царь Крита возит с собой закрученную спиралью раковину, обещая большую награду тому, кто сумеет продеть через эту раковину нить. Такой хитростью он рассчитывает разыскать местопребывание искусного изобретателя Дедала. И действительно, когда, оказавшись после долгих странствий в Сицилии, он показывает эту раковину Кокалу, то царь сиканов, взяв ее у Миноса, поручает решение загадки Дедалу, и тот, привязав нить к муравью, пропускает насекомое через раковину. Увидев нить продетой, Минос понимает, что это работа Дедала, и требует от Кокала его выдачи. Кокал обещает, но медлит, задерживая критского царя у себя во дворце. Дочери же Кокала, не желая расставаться с искусным художником, обливают Миноса кипящей водой во время купания в ванне.

Между тем, как повествует Геродот, через некоторое время после появления Миноса в Сицилии и по внушению божества все критяне, кроме полихнитов и пресиев, «выступают в Сицилию великим походом» и оказываются на острове как раз к моменту гибели царя (Диодор, впрочем, считает, что они прибыли туда на многочисленных кораблях еще вместе с Миносом). Как бы там ни было, Кокал, испугавшись расправы, объявляет, что Минос, поскользнувшись, сам упал в кипяток, и с почетом хоронит его, поручив Дедалу создать пышную гробницу. Гробница эта (по словам Диодора, просуществовавшая до VI в. до н. э. и разрушенная лишь при расширении Агригента Тироном) представляла собой сочетание погребения и возвышавшегося над ним храма Афродиты.

Критские воины не были удовлетворены версией о случайности, погубившей Миноса, и осадили неприступный Камик. Но взять город в течение пяти лет так и не смогли и вынуждены были отплыть обратно, не отомстив за смерть своего царя. Однако вернуться на Крит им не было сужде-

---

[2] Her., VII, 169—170.
[3] Apollod., I, 13.
[4] Diod., IV, 77—79.
[5] Ovid., Met.
[6] Paus., I, 21, 4; VII, 4, 6; IX, 11, 4—5.

но. В пути, у берегов Япигии, критян застигла страшная буря. Она выбросила корабли на берег, разбив их о скалы. Лишенные возможности вернуться на Крит, воины остались в Сицилии и основали там город. Геродот называет его Гирией, Диодор — Миной (что точнее отражает связь названия с воспоминаниями об оставленной критянами родине). На новой земле они утратили не только прежний образ жизни, но и прежнее имя, став япигскими (по названию местности, куда буря выбросила их корабли) мессапиями (по имени возглавившего поход Месапа, сына Дедала от критской женщины).

А на опустевший Крит (передает Геродот предание, услышанное им от потомков тех самых пресиев, которые не приняли участия в сицилийском походе) переселились другие народы, главным образом эллины. Использованное Геродотом предание относит эти события за три поколения до Троянской войны, то есть, следуя геродотовой хронологии Троянской войны (1280—1270 гг. до н. э.), примерно к 1400 г. (поскольку одно поколение древние исчисляли 40 годами). Таким образом, восходящее к доэллинскому населению Крита предание о заселении Крита эллинами дает ту же хронологию, что и археологический материал, добытый уже в первой половине XX в. и фиксирующий ахейское проникновение на Крит с XIV в. до нашей эры[7]. Сходную хронологию дают фактически и все остальные предания, в той или иной мере затрагивающие конец критской «талассократии», единодушно связываемой с закатом жизни Миноса. Геракл нанес поражение сыновьям Миноса, правившим одним из соседних с Критом островов, уже тогда, когда у владыки Крита были взрослые внуки. Аргонавты убили охранявшего остров великана Талоса еще позднее. Тесей освободил Афины от позорной дани, выплачиваемой Криту, незадолго до того, то есть также к концу жизни Миноса. Но, несмотря на отдельные неудачи в правление Миноса, как явствует из мифов, его держава не утратила еще своей мощи. Недаром доступным Дедалу оставался лишь воздух. События эти, если внимательно проанализировать соотношение их с Троянской войной, отстоят от нее все на те же три поколения: они заполняют собой промежуток времени между Троянской войной и победой Геракла над сыновьями Миноса (Приам и Нестор, юноши во время этой победы,— уже глубокие старцы во времена Троянской войны); современники же старости Миноса — отцы или деды участников войны, в которой сражались внук самого Миноса Идоменей, внук Геракла Еврипил и сын Тесея Акамант.

Тот факт, что разные мифы дают примерно одну и ту же хронологию, позволяющую установить конец критской «талассократии» за три поколения до Троянской войны, то есть в начале XIV в. до н. э., свидетельствует о том, что миф сохранял не только основу имевшего место и мифологизированного затем события, но и его хронологию. Сицилийское продолжение критского цикла подтверждает эту хронологию: легенда не знает еще тех сикулов, которые, заполнив страну сиканов, дали ей новое имя — Сицилия; легенде известны только сиканы. Значит, она отражает события, предшествовавшие XIII в., к которому античные авторы относят вторжение в Сицилию апеннинского племени сикулов. Таким образом, и ранее можно было предположить наличие исторической основы мифа о Миносе и Сицилии, вполне вписывающегося хронологически в общую канву «минойского» круга мифов. Но никакого археологического подтверждения этому вплоть до 1950-х годов не было найдено.

На Крите среди множества иноземных предметов исследователи встречали вещи из Египта, Двуречья, Ханаана; но ни одной вещи западного происхождения[8]. Что касается Сицилии, то находки отдельных фрагментов микенских сосудов, которые с 1897 г. стал обнаруживать на территории вокруг Сиракуз известный итальянский археолог П. Орси, были настолько единичны и разрозненны, что у самого открывшего их ученого вызвали сомнения относительно пути, каким попали они на этот западный остров. Одно время Орси думал даже, что их перенесли финикийцы (хотя финикийские плавания на запад в критомикенское время никогда зафиксированы не были)[9].

Чтобы как-то осмыслить происхождение мифа, явно выбивавшегося из остального круга критских мифов, уже вписавшихся в

[7] В настоящее время доказано, что датировка самых ранних текстов линейного письма «В», связанного с ахейским вторжением на Крит, XV веком до н. э. была ошибочной и что первые следы ахейцев на острове относятся лишь к XIV в. (N. Platon. Crète. P. 1968, pp. 51—74).

[8] Дж. Пендлбери. Археология Крита. М. 1950, стр. 200—255.

[9] P. Orsi. Contributi all' Archeologia preelenica Sicula. «Bolletino di paletnologia italiana». 1889. t. XV, p. 197.

древнейшую историю Средиземноморья благодаря археологическим параллелям, ученые прибегли к такому хитроумному построению: миф о Кокале и гибели Миноса в Сицилии предложили рассматривать как позднюю попытку крито-родосского населения греческой колонии Гелы (выведенной в VII в. до н. э.) объяснить отношения, сложившиеся у ее жителей с сиканами, населявшими юг Сицилии [10]. Но это искусственное построение сразу же вызвало ряд возражений. Прежде всего было непонятно, зачем населявшие Гелу выходцы с Крита стали создавать столь непатриотический рассказ, приписывая своим предкам позорное поражение и неотомщенную гибель царя [11].

И только серия находок Л. Бернабо-Бреа в 1950-е годы на Эолийских островах неожиданно показала реальность микенского присутствия в западных землях. Это позволило вновь, уже на иной основе, вернуться к легенде о критянах на западе. С середины 1950-х годов в Сицилии начинается исследование мест, к которым ведут следы легенды, прежде всего поиск столицы Кокала — неприступного Камика. К северо-западу от Агригента, в долине Платани, обратили внимание на скалу Сан-Анджело-Муксаро. Извилистые и узкие «дедаловы» дороги, ведущие на вершину скалы, тесный вход, вполне допускающий защиту силами нескольких воинов,— все это отвечало образу древнего Камика [12]. Тогда вспомнили, что еще в начале века П. Орси открыл неподалеку, в верхней части одной из гор, несколько могил бронзового века, не построенных, как это делалось обычно в Сицилии того времени, а выбитых в скале [13]. Эти могилы и по своей круглой форме, и по грандиозным размерам вполне сопоставимы с аналогичными могилами, найденными когда-то Г. Шлиманом в Микенах, то есть с микенскими, а не с критскими. Но ведь и Дедал, занесенный волею случая на Крит, не был его уроженцем. Миф делает его родиной Афины. Значит, если в основе его лежит какое-то историческое зерно, то и та строительная деятельность, которая приписывается Дедалу сначала на Крите, а затем при дворе сиканского царя в Сицилии, должна носить печать не критской, а микенской специфики.

Одновременно с переосмыслением результатов прежних раскопок в Сан-Анджело-Муксаро, археологическое исследование окрестностей Агригента дало новые материалы. Из вещей, которые могут пролить свет на проблему микенских связей этого района, особенно интересна находка в гроте горы Крона (Монте-Кронио), получившем название «паровые печи» [14]. В почти недосягаемой пропасти, насыщенной водяными парами, была открыта большая группа сосудов позднего бронзового века. Видимо, культовый склад был сделан в каких-то других геологических условиях. Открытие косвенно подтвердило историческую основу легенды о пребывании Дедала в царстве сиканов: ведь среди проявлений строительной деятельности легенда приписывает ему и создание в этой горе «паровых печей» с лечебными целями. Некоторые исследователи стали на основании этого открытия предполагать местоположение Камика именно здесь, несколько западнее Агригента [15]. Вместе с тем в конце 1950-х годов была сделана находка, подтверждающая микенское проникновение в ту самую долину Платани, на которой расположен Сан-Анджело-Муксаро: обнаружен фрагмент микенского сосуда [16].

Но, независимо от того, следует ли искать Камик на горе Сан-Анджело-Муксаро или на горе Крона, в обоих случаях речь идет о районе Агригента — о том единственном из западных районов Сицилии, который легенда связывает с именами Кокала, Дедала и Миноса, тогда как в остальных районах Западной Сицилии, даже на территории соседней Гелы, несмотря на самое тщательное археологическое исследование ее окрестностей, никаких микенских следов не обнаружено. Кроме Агригента, микенские следы концентрируются вокруг Сиракуз и восточного побережья Сицилии, то есть опять-таки в тех местах, к которым ведет легендарная традиция, но уже связанная с фигурой Геракла.

---

[10] E. Manni. Minosse ed Eracle nella Sicilia nell'età di bronzo. «Kokalos», 1962, p. 7.

[11] E. Manni. Sicilia pagana. Palermo. 1963, p. 72.

[12] P. Griffo. Sull'identificazione di Camico con l'odierna S. Angelo Muxaro a nordo-vest di Agrigento. «Archeologia storica per la Sicilia orientale», 1954, fasc. I—III, pp. 89—103.

[13] Ibid., p. 96.

[14] «Fasti archeologici», 1957, t. XII, № 2960.

[15] E. Manni. Alla ricerca della reggia di Cocalo. «Sicilia», 1958, fasc. 20, p. 62.

[16] G. Pugliese-Carratelli. Prime fase della colonizzazione greca in Italia. «Atti del I Convegno di Taranto». Napoli. 1962, p. 142.

Конечно, немногих находок, сделанных до настоящего времени, еще недостаточно, чтобы представить себе зримо землю, куда легенда привела Дедала, и след, который он оставил на этой земле. Однако их достаточно для того, чтобы обрести уверенность в том, что контакты крито-микенского мира и Сицилии не ограничивались торговыми связями, и даже наметить хронологию появления на острове критского населения. Это можно увидеть и в традиции. Все критяне, кроме двух племен, как говорит Геродот, двинулись в Сицилию. А когда они не вернулись, на их место пришли другие, в основном эллины. Оставшееся население, те пресии, на которых ссылается Геродот как на источник информации, хорошо знали прошлое Крита и отразили лишь одну сторону событий: им известно, кто заселил опустевший остров. Об ушедших покинутая ими земля редко хранит память. И подобно тому, как лидийцы ничего не знали об оставивших Малую Азию этрусках-тирренах [17], так и пресиям могли быть не известны исторические судьбы тех, кто покинул Крит.

Другая сторона тех же событий продолжена Сицилией, то есть традицией той территории, на которой оказались пришельцы. Сначала рассказ Геродота рассматривался только как легенда: придя сюда по велению божества на помощь попавшему в беду царю и не сумев отомстить за него, критяне поплыли в свою землю и вернулись бы, если бы не буря, разметавшая их корабли. Но археология заставила заметить в легенде историческое зерно, и стало возможным прочитать ее до конца и раскрыть между строк легендарной новеллы вкрапленные в нее крупицы истории. И тогда выяснилось то, чего не договорил Геродот. Неужели выброшенные бурей на берег критяне не смогли восстановить разбитые корабли, но смогли зато построить город? Здесь явное противоречие в рассказе Геродота. Легенда отталкивалась от того факта, что критяне остались в Сицилии, но осмысление этого факта оказалось наивным. Обращает на себя внимание и другое место в рассказе Геродота: эпитет «опустевший» не мог быть отнесен к Криту, на который не вернулись ушедшие в поход воины. Ведь обычное соотношение мужчин-воинов и остального населения — один к трем или даже к четырем. Это заставляет думать, что с насиженных мест снялось вообще все население, кроме пресиев и полихнитов, и направилось не в военный поход, а с намерением захватить новые земли и уже не возвращаться.

Геродот знает со слов пресиев два факта: уход с Крита значительной части старого населения и приход на него нового. Но последовательность этих событий не должна была интересовать пресиев, поскольку для них главным был лишь факт появления пришельцев, с которыми пришлось делить обжитые места. Логика же диктует обратную последовательность: вытесненное с Крита население, использовав свой самый сильный на Средиземноморье флот, навсегда покинуло остров в надежде обрести лучшие земли. Однако расчет на колонизацию сицилийских земель и подчинение населения Сицилии (Сикании) провалился, и пришельцам пришлось обосноваться не в роли владык, а в качестве скромных поселенцев несколько севернее тех земель, которые они тщетно пытались захватить. Тот небольшой участок Сицилии, который заселили пришельцы, дав ему имя своего царя Миноса, действительно, как зафиксировано источниками, пользовался критскими законами уже в историческое время, когда на его месте возникла греческая колония Гераклея, получившая эпитет Минойской. Это позволяет думать о реальности существования древней критской колонии в Сицилии, хотя археологических ее следов под слоями греческого города пока не выявлено.

Итак, Сицилия дала в XIV в. до н. э. приют осколку того, что осталось от критского могущества. Крит же вступил в новую фазу своего существования, ахейскую, и новое критское население вместе с остальными ахейцами три поколения спустя участвовало в грандиозном по тем временам совместном предприятии греков — Троянской войне, которую певцы-аэды украсили столькими подробностями. После же Троянской войны легенды вновь ведут нас на Сицилию, вслед за покинувшими горящую Трою троянцами и греческими героями, возвращавшимися долгими и трудными путями к себе на родину.

Л. С. Ильинская

[17] А. И. Немировский. Этруски в греческой литературе и историографии. «Вестник древней истории», 1976, № 3, стр. 77—78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Владимир Иванович — доктор исторических наук, автор работ по аграрной политике СССР, в том числе монографий «Целина — земля трудового подвига» и «Исторический опыт освоения целинных земель».

Филитов Алексей Митрофанович — кандидат исторических наук, ученый секретарь по координации Отделения истории АН СССР, специализируется в области зарубежной историографии международных отношений и внешней политики СССР, автор статей по этой проблеме.

Иванова Раиса Петровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории УССР Киевского университета имени Т. Г. Шевченко. Специализируется по проблемам общественно-политического движения на Украине 60—70-х годов XIX века. Автор работ по этой проблематике.

Гуревич Борис Павлович — доктор исторических наук, руководитель группы Института востоковедения АН СССР. Специализируется по истории международных отношений в Центральной Азии, русско-китайских и советско-китайских отношений, а также национального вопроса в Китае. Автор работ по этим проблемам.

Моисеев Владимир Анисимович — кандидат исторических наук, преподаватель Исторического факультета Казахского пединститута имени Абая, специализируется по истории внешней политики Китая и международных отношений в Центральной Азии в XVII—XVIII веках. Автор статей по этой проблематике.

Нежинский Леонид Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор книг, статей по истории стран Восточной Европы и международных отношений новейшего времени.

Тумковский Ростислав Георгиевич — старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР, специалист в области военной политики США, автор ряда монографий и статей.

Помазанов Степан Иванович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР. Специалист по истории экономики социалистических стран. Автор монографий «Комплексное развитие народного хозяйства стран социализма», «Промышленность Румынской Народной Республики и ее размещение», глав в коллективных трудах, статей.

Халфин Нафтула Аронович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института востоковедения АН СССР. Специалист по истории стран Среднего Востока и международным отношениям нового времени. Автор многих монографий, брошюр, публикаций и статей по данной тематике.

SUMMARIES OF ARTICLES

V. I. KULIKOV. Putting Virgin and Long-Fallow Land to the Plough and Its Role in Increasing the Production of Grain

Making a comprehensive analysis of extensive factual material, the author vividly shows how in the years of Soviet power the problem of increasing the output of grain by drawing the available reserves of arable land into the economic sphere was tackled at the different stages of the country's socialist development. The attention in the article is focussed on the mass movement launched in the mid-1950's to bring virgin and long-fallow land under cultivation. The author convincingly shows that the expenses involved in opening up virgin land during that period have been fully recompensed. All in all, 42 million hectares of new land were brought under cultivation. They account for 27 per cent, and the virgin-land areas as a whole for more than 50 per cent, of the total amount of grain purchased by the state. The article also outlines the prospects of the continued development of virgin and disused land through reclamation.

A. M. FILITOV. Present-Day Bourgeois Historiography of Soviet Foreign Policy

Analyzing the most widespread present-day conceptions of the history of Soviet foreign policy propounded in American, British and West-German literature, the author notes the contradictory and complex character of the changes taking place in the approach of bourgeois historians to the treatment of these problems. In definite circles of Western scientists there is now a clearly expressed tendency to depart from primitive anti-communist patterns; now and again they are compelled to recognize in their works the peaceable character of the foreign policy line followed by the Soviet state. Simultaneously with this the article exposes the methods resorted to by those Sovietologists who are dead set against détente (assailing the theoretical foundations of socialism's foreign policy, the principles of peaceful co-existence and socialist internationalism; attempts to galvanize the "theory of continuity" of the foreign policy of tsarist Russia and of the Soviet state; preaching the possibility of exerting pressure on the U.S.S.R. by resorting to "strength" policies; seeking to use the "super-powers" theory for anti-Soviet purposes), bringing out the patently eclectic and unscientific nature of their argumentation.

R. P. IVANOVA. The Ukrainian-Polish Revolutionary Ties at the Close of the 1850's and the Beginning of the 1860's

The article highlights the process of rapprochement between the democratic forces of the Polish and Ukrainian peoples, which began to develop with particular intensity in the sixties of the last century, when the leaders of the liberation movement in Russia, Poland and the Ukraine sought to realize in practice the idea of mutual assistance and mutual support in the struggle against the autocracy, for democratic transformations in the country.

B. P. GUREVICH, V. A. MOISEYEV. The Relations of Imperial China and Russia with the Dzungarian Khanate in the 17th-18th Centuries and Present-Day Chinese Historiography

The relations of China (under the Chin dynasty) and Russia with the Dzungarian Khanate in the 17th-18th centuries have latterly become the object of special attention on the part of Chinese historians. Drawing on factual data furnished by little-known Russian and Chinese sources, the authors of this article refute the pseudo-scientific contentions of present-day Chinese historians concerning the political status of the Oirat state and its relations with China (in the period of the Chin dynasty) and Russia.

L. N. NEZHINSKY. **The Revolution of 1919 in Hungary**

The article examines the prerequisites of the socialist revolution of 1919 in Hungary, tracing its progress and results. Particular attention is devoted by the author to Lenin's appraisal of these events. Highlighting the historic significance of the Hungarian Soviet Republic proclaimed in 1919, the author points out some of the object lessons that can be drawn from its experience.

R. G. TUMKOVSKY. **Soviet-American Talks on the Limitation of Strategic Arms**

The author examines the most important aspect of the present stage in Soviet-American relations — the talks aimed at drafting the second agreement on the limitation of strategic offensive arms (SALT-2). The article shows the Soviet Union's tireless and consistent efforts to achieve a just solution of this problem on the basis of the principle of equality and equal security, which precludes the possibility of gaining unilateral military advantages.

A. D. KOLPAKOV. **Ireland After the Civil War**

The article is written by a prominent Soviet specialist in the modern and contemporary history of Ireland, who died recently. It closely examines the basic trends of Ireland's economic and political development from 1921 to 1938 — a period keynoted by the struggle between two groups of the national bourgeoisie. It was in those years that the foundations of Irish national industry were laid and definite steps taken to deliver the country from the grip of colonialism. The 1930's also marked a boundary in the development of the national bourgeoisie which dreaded the spread of the mass liberation movement.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 3, 1979

Articles: **V. I. Kulikov.** Putting Virgin and Long-Fallow Land to the Plough and Its Role in Increasing the Production of Grain; **A. M. Filitov.** Present-Day Bourgeois Historiography of Soviet Foreign Policy; **R. P. Ivanova.** The Ukrainian-Polish Revolutionary Ties at the Close of the 1850's and the Beginning of the 1860's; **B. P. Gurevich, V. A. Moiseyev.** The Relations of Imperial China and Russia with the Dzungarian Khanate in the 17th-18th Centuries and Present-Day Chinese Historiography; **L. N. Nezhinsky.** The Revolution of 1919 in Hungary; **R. G. Tumkovsky.** Soviet-American Talks on the Limitation of Strategic Arms; **A. D. Kolpakov.** Ireland After the Civil War. Historical Essays: **I. S. Pomazanov.** The U.S.S.R. and the Creation of Heavy Industry in the Countries of the Socialist Community; **N. A. Halfin.** The Second Anglo-Afghan War (1878-1880). Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. **Surveys: V. I. Buganov.** Russian Documents Dating from the End of the 15th to the 18th Centuries in the Paris Depositories; **A. V. Isayenko.** English Puritanism in the 16th and the Beginning of the 17th Centuries as Reflected in Anglo-American Bourgeois Historiography. **Book Reviews:** "Public Opinion and the Problems of War and Peace"; S. S. Khromov, V. L. Kalashnikov, N. I. Shishov. Internationalism and Patriotism: History and Contemporaneity; E. A. Dudzinskaya. International Scientific Contacts of Soviet Historians; I. V. Mikhutina. Soviet-Polish Relations, 1931-1935; K. E. Kirova. Western Europe in 1917. The February Revolution in Russia and the Crisis of the Bourgeois Methods of Governing the Popular Masses in Britain, France and Italy; R. Ivanov. Black Stepchildren of America; "Present-Day Bourgeois Theories of International Relations (a critical analysis)"; P. Clark, P. Slack. English Towns in Transition 1500-1700 (London — Oxford — New York), etc. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», n° 3, 1979

Articles: **V. I. Koulikov.** La place et le rôle du défrichement des terres vierges dans l'augmentation de la production du blé; **A. M. Filitov.** L'historiographie bourgeoise contemporaine de la politique étrangère soviétique; **R. P. Ivanova.** Les liens révolutionnaires ukraino-polonais à la fin des années 50— début des années 60 du XIXe siècle; **B. P. Gourévitch, V. A. Moïsséev.** Les relations de la Chine des Ts'in et de la Russie avec la Dzoungarie aux XVIIe-XVIIIe siècles et l'historiographie chinoise contemporaine; **L. N. Nejinski.** La révolution de 1919 en Hongrie; **R. G. Toumkovski.** Les pourparlers soviéto-américains sur la limitation des armements stratégiques; **A. D. Kolpakov.** L'Irlande après la guerre civile. Aperçus historiques: **I. S. Pomazanov.** L'U.R.S.S. et la création de l'industrie lourde dans les pays de la communauté socialiste; **N. A. Khalfine.** La deuxième guerre anglo-afghane (1878-1880). La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revues: V. I. Bouganov.** Les documents russes de la fin du XVe-XVIIIe siècle dans les dépôts de Paris; **A. V. Issaenko.** Le puritanisme anglais du XVIe — début du XVIIe siècle vu par l'historiographie bourgeoise anglo-américaine. **Comptes rendus des livres:** «L'opinion publique et les problèmes de la guerre et de la paix»; S. S. Khromov, V. L. Kalachnikov, N. I. Chichov. L'internationalisme et le patriotisme: l'histoire et l'époque contemporaine; E. A. Doudzinskaïa. Les liens scientifiques internationaux des historiens soviétiques; I. V. Mikhoutina. Les relations soviéto-polonaises. 1931-1935; K. E. Kirova. L'Europe occidentale. 1917. La révolution de février en Russie et la crise des méthodes bourgeoises de la direction des masses populaires en Grande-Bretagne, France, Italie; R. Ivanov. Les parias noirs de l'Amérique; «Les théories bourgeoises contemporaines des relations internationales (analyse critique)»; P. Clark, P. Slack. Les villes anglaises dans la période de transition. 1500-1700 (Londre — Oxford — New York) et autres; Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» N° 3. 1979.

Artículos: **V. I. Kulikov.** Lugar y papel de la roturación de las tierras vírgenes en el aumento de la producción del trigo; **A. M. Filitov.** *Moderna historiografía burguesa* de la política exterior soviética; **R. P. Ivanova.** Lazos revolucionarios ucraniano-polacos a fines de los años 50 — principios de los 60 del siglo XIX; **B. P. Gurevich, V. A. Moiseev.** Relaciones de China de la dinastía de Zin y de Rusia con el janato de Jungar en los siglos XVII—XVIII y *la historiografía moderna* de China; **L. N. Nezhinskiy.** Revolución de 1919 en Hungría; **R. G. Tumkovskiy.** Negociaciones soviético-norteamericanas en materia de la limitación de los armamentos estratégicos; **A. D. Kolpakov.** *Irlanda* después de la guerra civil. Ensayos históricos: **I. S. Pomazanov.** URSS y creación de la industria pesada en los países de la comunidad socialista; **N. A. Jalfin.** Segunda guerra anglo-afgana (1878—1880). La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas: V. I. Buganov.** Documentos rusos de fines del siglo XV—XVIII depositados en París; **A. V. Isaenko.** Puritanismo inglés del siglo XVI — principios del XVII visto por la historiografía burguesa anglo-norteamericana. **Reseñas de libros:** «Opinión pública y problemas de la guerra y de la paz»: S. S. Jromov, V. L. Kalashnikov, N. Y. Shishov. Internacionalismo y patriotismo: historia y actualidad; E. A. Dudzinskaya. Lazos científicos internacionales de los historiadores soviéticos; I. V. Mijutina. Relaciones soviético-polacas. 1931—1935; K. E. Kirova. Europa Occidental. Año 1917. Revolución de febrero en Rusia y crisis de los métodos burgueses de dirección de las masas populares en Inglaterra, Francia e Italia; R. Ivanov. *Hijastros negros de Norteamérica*; «*Teorías* burguesas actuales de las relaciones internacionales (análisis crítico)»: P. Clark, P. Slack. English Towns in Transition. 1500—1700 (London — Oxford — New York) etc. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781. Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 01.02.79. Подписано к печати 05.03.79 А 01027. Формат 70×108 1/16. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22.29. Тираж 23 000 экз. Изд. № 780. Заказ № 144.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ГРЪБЧЕВА М. **До последния си дъх.** София. Воен. изд-во. 1978. 170 с.

ДРАГОЙЧЕВА Ц. **Всеотдайност на социализма, мира и българо-съветската дружба.** Избрани произведения. Съст. Елена Савова. Ред. Петър Цанев. София. Партиздат. 1978. 814 с.

ЖИВКОВ Т. **Дружба от векове за векове.** Речи, статии, изказвания за българо-съветската дружба, Великата Октомврийска социалистическа революция. Т. 1. 541 с.; Т. 2. 553 с.; Т. 3. 541 с. София. Партиздат. 1977.

КОНСТАНТИНОВ Г. **Не е легенда, а жива история.** Очерци. 2-о изд. София. Отечество. 1978. 287 с.

ПАПАВЕЕВ Ч. **Ядрена политика и стратегия в света на капитала.** София. Партиздат. 1978. 106 с.

СЕСТРИМСКИ В. **Новата роля на развиващите се страни в международните отношения.** София. Партиздат. 1978. 151 с.

СТОЙКОВ А., КОЖУХАРОВА С. **Болгария, 1878—1978.** 100 лет со дня освобождения от османского ига. Под ред. Бориса Чолпанова. София Софияпресс 1978. 224 с.

A Nagy Októberi Szocialista Forradalom 60. évfordulója. Tudományos ülészak. Budapest. 1977. okt. 26—27. Szerk. Vass Henrik és. m. Budapest. Akad. kiadó. 1977. 284. old.

RÉTI R. L. **A Rimamurány — Salgótarjáni Vasmű Részvénytarsaság története, 1881—1919.** Budapest. Akad. kiadó. 1977. 194. old.

SZABÓ R. **Szabó Ervin levelezése. I. 1893—1904.** Budapest. Kossuth. 1977. 694. old.

Afrika im antiimperialistischen Kampf. Probleme eines Kontinents. Autorenkollektiv unter Leitung von Hans Kramer. Berlin. Akademie-Verl. 1978. X, 362 S.

BEBEL A. **Aus meinem Leben.** 5. durchges. Aufl. Berlin. Dietz. 1978. 704 S.

Die KPD im Kampf gegen Faschismus und Krieg (1933—1945). Berlin. Parteihochschule «Karl Marx» beim ZK der SED. 1978. 250 S.

Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Abriss. Ernst Diehl. Gerhard Rossmann (Leiter), Wolfgang Arlt e. a. Berlin. Dietz. 1978. 676 S.

GOTTSCHLING E. **Demokratie im Zerrspiegel.** Zur Kritik bürgerlicher Demokratietheorien. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1978. 171 S.

KÖLLER H. **Frankreich zwischen Faschismus und Demokratie (1932—1934).** Berlin. Akademie-Verl. 1978. IV, 486 S.

Исторический очерк Кореи (до августа 1945 г.). Пхеньян. Изд-во лит. на иностр. яз. 1978. 167 с.

WITKER A. **Los trabajos y los dias de Recabarren.** La Habana. 1977. 201 p.

Аугаа их октябрь орчин үеийн ертонц. Аугаа их октябрийн социалист хувьсгалын 60 жилийн ойд зориулсан олон улсын. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1977. 301 с.

CZĘSCIK L. **Sejm warszawski w 1649/50 roku.** Wrocław etc. Zakł. nar. im. Ossolińskich. Wyd-wo PAN. 1978. 171 s.

CZUBIŃSKI A. **Wybrane problemy z dziejów polskiego i międzynarodowego ruchu robotniczego.** Warszawa. KiW. 1977. 328 s.

CYGAŃSKI M. **SS w ruchu narodowo-socjalistycznym i w III Rzeszy, 1925—1945.** Poznań. Studium niemcoznawcze Inst. Zachodniego. 1978. 446 s.

KRASICKI I. **Evita, Isabelita i caudillo.** Warszawa. KiW. 1977. 260 s.

MODZELEWSKI W. **Naród i postęp.** Problematyka narodowa w ideologii i myśli społecznej pozytywistów warszawskich. Warszawa. PWN. 1977. 240 s.

ROSTWOROWSKI E. **Historia powszechna wiek XVIII.** Warszawa. PWN. 1977. 1102 s.

Współpraca Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej i Niemieckiej Socjalistycznej Partii Jedności w latach 1971—1976. Dokumenty i materiały. Warszawa. KiW. Berlin. Dietz. 1977. 220 s.

Dokumenty moderni doby. Odp. red., Irena Pražáková. Praha. Svoboda. 1978. 656 s.

FIALA Z. **Předhusitské Čechy, 1310—1419.** Český stát pod vládou Lucemburků, 1310—1419. Vyd. 2. (dopl.). Praha. Svoboda. 1978. 421 s.

K 30. výroči vítězného února. Materiály z celostátního semináře ÚV KSČ ve dnech 14. a 15. pros. 1977 v Praze. Praha. Odd. propagandy a agitace ÚV KSČ. 1978. 135 s.

Revolučné odborové hnutie a február 1948. Zborník dokumentov. Bratislava. Práca. 1978. 147 s.

Za sovětské Rusko. Vzpomínky československých rudoarmejců. Shromáždili, vybr. a uspoř. Josef Pospíšil a Otakar Franék. Brno. Blok. 1978. 304 s.

РАДОСАВОВИЋ И. **Иван Милутинович.** Београд. Глас. 1977. 156 с.

BIRCH A. H. **Political Integration and Desintegration in the British Isles.** London, etc. Allen and Unwin. 1977. 183 p.

FOSTER J. **Class Struggle and the Industrial Revolution.** Early Industrial Capitalism in three English Towns. With a Forew. by E. J. Hobsbawm. London. Methuen. 1977. (9), 346 p.

НОВЫЕ КНИГИ

HAY J. R. **The Development of the British Welfare State, 1880—1975.** London. Arnold. 1978. VIII, 116 p.

Trends in British Politics since 1945. Ed. by Chris Cook and John Ramsden. London. Basingstoke. Macmillan. 1978. XV, 197 p.

ERIKSEN H. **Partiet De Uafhaengige, 1953—1960.** Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences. 1978. 194 s.

SUNDBØL P. **Dansk Islandspolitik, 1913—1918.** Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences. 1978. 154 s.

FLAQUER MONTEQUI R. **La clase obrera madrileña y la I-a Internacional, 1868—1874** (Un análisis de prensa). Pról. de Miguel Artola. Madrid. Edicusa. 1977. 275 p.

TURULL A. **Cuba, hoy.** Una revolución en marcha. Barcelona. Aymá. 1977, 277 p.

VII coloquio de Pau. De la crisis del antiguo régimen al franquismo. Crisis del antiguo régimen e industrialización en la España del siglo XIX. Manuel Tuñón de Lara, Alberto Gil Novales, Juan-René Aymes et al. Coordinación: Juan Falces. Madrid. Edicusa. 1977. 276 p.

LEONARDI S. **L'Europa e il movimento socialista.** Considerazioni sui processi comuntari. Cee e Comecon. Milano. Adelphi. 1977. 246 p.

MESCATI S. **Segreti del passato.** Alla scoperta del mondo sepolto. Milano. Mondadori. 1978. 311 p.

WHITAKER R. **The Government Party: Organizing and Financing the Liberal Party of Canada, 1930—58.** Toronto. Buffalo. Univ. of Toronto Press. 1977. XXIV, 507 p.

CAMELO F. A. **Historia socioeconómica de Colombia, 1492—1825.** Bogotá. Armadillo. Suramérica. 1978. 153 p.

CABRAL M. V. **O desenvolvimento do capitalismo em Portugal no século XIX.** 2-a ed. rev. e acrescentada. Lisboa. A Regra do jogo. História. 1977. 361 p.

GANNON E. J. **Sub-Saharan Africa.** An Introduction. Washington. Council on American Affairs. Cop. 1978. 185 p.

JOHNSON C., MCLAUGHLIN M. **Civil War Battles.** New York. Crown. 1977. 160 p.

SILBEY J. H. **A Respectable Minority** The Democratic Party in The Civil War Era. 1860—1868. New York. The Norton Essays in Amer. History. 1977. XVIII 267 p.

WIECEK W. M. **The Sources of Antislavery Constitutionalism in America, 1760—1845.** Ithaca — London. Cornell Univ Press. 1977. 306 p.

SKYTTÄ K. **Oisko maata araampaa eli Suomalainen minä.** Porvoo etc. Söderström. 1977. 236 s.

KOCKA J. **Sozialgeschichte.** Begriff — Entwicklung — Probleme. Göttingen. Vandenhoeck und Ruprecht. 1977. 173 S.

MIECK I. **Europäische Geschichte der Frühen Neuzeit.** Eine Einführung. 2. verb Aufl. Stuttgart etc. Kohlhammer. 1977. 320 S.

SCHMITT J. **Untersuchungen zu den Liberi Homines der Karolingerzeit.** Frankfurt/M. P. Lang; Bern. H. Lang. 1977. (6). 473 S.

MENDÈS F. P. **Liberté, liberté chérie (1940—1942).** Suivi de Roissy-en-France Récit d'un vol du Groupe Lorraine (3 oct. 1943). Paris. Fayard. 1977. 428 p.

PELLISSIER P. **Un certain Raymond Barre.** Paris. Hachette. 1977. 220 p.

TROYAT H. **Catherine la Grande.** Paris. Flammarion. 1978. 544 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласованию с редакцией, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах,—3—5 стр. Все материалы представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала) на обычной бумаге. Вставки (после доработки материала), а также тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем, могут быть возвращены без рассмотрения.

Цена 70 коп. Индекс 70145

СОЮЗКНИГА ПРЕДЛАГАЕТ ИЗДАНИЯ:

Советская демократия в период развитого социализма. Акад. общ. наук при ЦК КПСС.— М.: Мысль, 1976.— 279 с.— 1 р. 15 к.

В коллективной монографии всесторонне рассматриваются проблемы социалистической демократии. Освещаются принципы политической организации советского общества, формы участия трудящихся в управлении государством, демократические основы деятельности КПСС и др.

В книге раскрыта антинародная сущность буржуазных учений о демократии.

Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. — Изд. 2-е.— М.: Мысль, 1974.— 268 с.— 1 р. 43 к.

В книге опубликованы статьи о ведущей роли рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинских партий в социалистическом строительстве в Советском Союзе, Польше, ГДР, Чехословакии.

Авторы — ученые социалистических стран — убедительно разоблачают антикоммунизм, различные проявления ревизионизма.

Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. АН СССР. Ин-т философии.— М.: Мысль, 1973.— 438 с.— 1 р. 57 к.

Книга раскрывает научные основы и принципы управления социальными процессами при социализме. Освещаются проблемы планирования социального развития регионов и производственных коллективов.

Погудин В. И. **Путь советского крестьянства к социализму.** Историограф. очерк.— М.: Мысль, 1975.— 276 с.— 1 р. 16 к.

В монографии анализируется обширная литература, освещающая процесс социалистического преобразования деревни в нашей стране. Автор характеризует проблематику работ по аграрной истории советского общества, показывает основные направления научных исследований в этой области.

Книги рассчитаны на преподавателей общественных наук, студентов, пропагандистов и лекторов, слушателей системы партийной учебы.

Уважаемый читатель! Эти издания Вы можете приобрести в местных книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу, или заказать по адресу: 197022. Ленинград, Кировский просп., 40, магазин № 100 «Политическая книга». Заказанные издания будут высланы наложенным платежом.

СОЮЗКНИГА

Вопросы истории, 1979, № 3, 1—224.